РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го февраля 1893 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О прекращеніи выдачи пособій изъ спеціальныхъ средствъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.

Въ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 9 марта 1887 года за № 3.314, напечатанномъ въ № 6 циркуляра по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ за тотъ-же годъ, было обращено вниманіе начальствъ учебныхъ округовъ на необходимость ограничить выдачу пособій директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ изъ спеціальныхъ средствъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Между тѣмъ, ходатайства о назначеніи таковыхъ пособій съ того времени, по сообщенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, не только не уменьшились, но значительно возрасли какъ въ числѣ, такъ и въ размѣрѣ испрашиваемыхъ пособій, такъ что внушаютъ опасеніе за возможность истощенія и безъ того скудныхъ спеціальныхъ средствъ означенныхъ учебныхъ заведеній.

Въ виду сего, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія находитъ необходимымъ прекратить совершенно выдачу пособій изъ указаннаго источника.

Принимая, однако-же, во вниманіе, что могутъ быть обстоятельства, когда назначеніе пособій будетъ вызываться крайне затруднительнымъ и даже безвыходнымъ положеніемъ служащихъ, обусловливаемымъ тяжкою болѣзнью, потерею имущества отъ пожара и т. п., его сіятельство признавалъ-бы возможнымъ лишь въ такихъ исключительныхъ случаяхъ испрашивать установленнымъ порядкомъ, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, отпускъ потребныхъ на сіе суммъ изъ остатковъ по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, однако, чтобы общая цыфра такихъ пособій по всѣмъ округамъ не превышала 10 тысячъ руб. въ годъ.

Въ виду вышеизложеннаго, статсъ-секретарь графъ И. Д. Деляновъ, въ предложеніи отъ 23 сентября 1892 г. за № 16.317, проситъ могущія быть по ввѣренному мнѣ С.-Петербургскому учебному округу ходатайства о назначеніи пособій директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, въ возмѣщеніе расходовъ и потерь, вызываемыхъ исключительными

случаями, если таковыя признаны будутъ мною особенно уважительными, представлять Министерству къ концу каждаго года.

О таковомъ распоряженіи имѣю честь сообщить гг. директорамъ народныхъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа для руководства и исполненія на случай возбужденія предъ управленіемъ округа объясненныхъ выше ходатайствъ по ввѣреннымъ имъ дирекціямъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу № 1-ый 1893 г.).

О введеніи въ евангелическо-лютеранскихъ школахъ преподаванія молитвы за Государя Императора на русскомъ языкѣ.

По докладу его сіятельству Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія отношенія моего касательно введенія въ евангелическо - лютеранскихъ школахъ преподаванія молитвы за Государя Императора на русскомъ языкѣ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ нужнымъ просить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о сообщеніи русскаго текста означенной молитвы, одобреннаго евангелическо-лютеранскою генеральною консисторіею для названныхъ школъ.

Нынѣ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ статсъ-секретаря Делянова, что, по мнѣнію генеральной консисторіи, въ лютеранскихъ школахъ надлежало-бы ввести молитву за Государя Императора, помѣщенную въ изданномъ для евангелическо-лютеранскихъ приходовъ въ Имперіи краткомъ служебникѣ (агендѣ) и произносимую во время воскреснаго богослуженія во всѣхъ лютеранскихъ церквахъ. Къ сему статсъ-секретарь Дурново присовокупилъ, что генеральною консисторіею предписано уже всѣмъ подчиненнымъ ей консисторіямъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ утренняя молитва совершается по обряду евангелическо-лютеранской церкви, въ молитву, читаемую лицомъ, завѣдывающимъ богослуженіемъ, включаема была также и молитва за Государя Императора въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ агендѣ, отъ словъ: «Возвеличи милость» до словъ «благочестіи и чистотѣ».

Объ этомъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ меня предложеніемъ отъ 3 декабря 1892 г. за № 20.470, съ препровожденіемъ копіи съ русскаго текста упомянутой молитвы. (ib).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Cours élémentaire de langue Française par *I. H. Hildebrand* (Элементарный курсъ французскаго языка. Составилъ *И. В. Гильдебрандъ*). Спб. 1890—1892. Часть I, стр. 70. Цѣна 30 коп.—Часть II, стр. 176. Цѣна 70 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства

по французскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*С. И. Шохоръ-Троцкій*. Учебникъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ дополнительныхъ статей Изданіе 2-е, значительно исправленное и заново обработанное. Спб. 1892, стр. 199. Цѣна 65 коп.» — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «*С. И. Шохоръ-Троцкій*. Методика ариѳметики, съ приложеніемъ методическаго сборника задачъ для учащихъ въ начальныхъ школахъ. Изданіе 5-е, значительно исправленное и заново обработанное. Спб. 1892, стр. VI+204. Цѣна 1 руб. 20 коп.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, женскихъ гимназій и начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: «Краткая нѣмецкая грамматика для русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Этимологія.—Часть II. Синтаксисъ. Составилъ *Э. Арронетъ*. Спб. 1892, стр. 80+96»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*P. E. Lessing*. Minna von Barnhelm oder das Soldatenglück, Ein Lustspiel in fünf Aufzugen. (Минна фонъ-Барнгельмъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *К. Ѳ. Ганъ*, преподаватель 6-й Тифлисской гимназіи. Изданіе С. А. Манштейна. Царское Село. 1892. Въ 16-ю д. л., стр. 135. Цѣна со словаремъ 40 коп.»—допустить къ употребленію какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книги: «Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ: 1) Минна фонъ-Барнгельмъ, или солдатское счастье, *Лессинга*. Спб. 1892, стр. 151. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп. и 2) Вильгельмъ Телль, *Шиллера*. Съ приложеніемъ карты. Спб. 1892, стр. 200. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*Г. И. Тернера*. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ до прибытія врача. Курсъ лекцій, читаемыхъ въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ. Изданіе 2-е. Спб. 1891, стр. 94. Цѣна 75 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣлъ общій. Основные виды предложеній древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицкосербскаго, чешскаго, славянскаго, сербскаго и болгарскаго. Составилъ *Ѳ. В. Ржига*. Москва. 1890, стр. XVI+144. Цѣна 1 р.» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

— Книгу: «Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка. Составилъ *К. Ѳ. Петровъ*. Изданіе 5-е, исправленное и дополненное. Часть I. Спб. 1892, стр. 242. Цѣна 40 коп.»—допустить для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для уѣздныхъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: «Латинская грамматика. По *Штегману* составилъ *В. Никифоровъ*, инспектирующій преподаватель Московской 5-й гимназіи. Изданіе 3-е. Москва. 1892, стр. VIII+291. Цѣна 1 р.» — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Краткая грамматика латинскаго языка. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Составилъ *П. Сидоровъ*, директоръ Житомірской гимназіи, и *Э. Кесслеръ*, преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института и 3-й С.-Петербургской гимназіи. Спб. 1892, стр. 180. Цѣна 1 р. 25 коп.»—рекомендовать какъ руководство по латинскому языку для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ программамъ 1892 года. Составилъ *Н. Санчурскій*, наставникъ-руководитель при гимназіи Императорскаго историко-филологическаго института. Часть II. Синтаксисъ. Спб. 1892, стр. IV+130. Цѣна 70 коп.»—одобрить какъ руководство по латинскому языку для гимназій и прогимназій Министерства.

— Книгу: «Начальная латинская хрестоматія для трехъ классовъ гимназій. Выпускъ II. Составилъ *И. Сигъ*. М. 1892, стр. 129. Цѣна 50 коп.» — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книжку: «Введеніе къ чтенію Гомера. Составилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1892, стр. VI-+85. Цѣна 35 коп.» — одобрить какъ весьма полезное пособіе для употребленія въ старшихъ классахъ гимназій.

— Книгу: «*Р. Джеббъ*, ординарный профессоръ Кембриджскаго университета. Гомеръ. Введеніе въ Иліадѣ и Одиссеѣ (Homer. An introduction to the Iliad and the Odussey). Съ англійскаго перевелъ, съ согласія автора, *А. Ѳ. Семеновъ*. Спб. 1892, стр. 227. Цѣна 1 руб. 50 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій Министерства.

— Изданіе: «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга первая. Спб. 1890, стр. XXIV+387.—Книга вторая. Спб. 1891, стр. XXVIII+451.—Книга третья. Спб. 1892, стр. XIX+XIII»—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Народы Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки *Л. Л. Бѣлянкина*. Текстъ подъ редакціей профессора *Н. Ю. Зографа*. Часть первая. Европейская Россія. Выпуски 1 и 2. Москва» — одобрить для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Лѣто въ Царскомъ Селѣ. Для дѣтей младшаго возраста. *Н. А. Полѣновой*. Изданіе 4-е, дополненное. Съ десятью картинками работы *В. Д. Полѣнова*, *Е. Д. Полѣнова* и *А. Я. Головина*, и съ приложеніемъ нотъ для пѣсни: «Ленъ мой, ленъ», Спб. 1892, стр. X+186. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ, для младшаго возраста, библіотекъ учебныхъ заведеній.

— Книгу «Коммерческая ариѳметика въ связи съ коммерческою эко-

номіею. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія *Н. П. Васильевъ-Яковлевъ*. Второе совершенно передѣланное изданіе. Кіевъ. 1892, стр. 296. Цѣна 1 р. 40 к.»— допустить для употребленія въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: «Краткое наставленіе къ разведенію пчелъ въ рамочномъ ульѣ. Составила *М. Р.* 1892. Оренбургъ»—допустить въ учительскія библіотеки сельскихъ училищъ.

— Журналъ: «Вѣстникъ рыбопромышленности» за шесть лѣтъ съ 1886—1892 г., издаваемый Россійскимъ обществомъ рыбоводства и рыболовства, подъ редакціею доктора зоологіи *О. А. Гримма*, — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Технологія строительныхъ матеріаловъ. Составилъ преподаватель Императорской академіи художествъ инженеръ-технологъ *И. Владовскій*. Спб. 1885» — одобрить для библіотекъ техническихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Нотныя книги *А. Архангельскаго*: 1) «Пѣніе всенощнаго бдѣнія, по церковному обиходу, издано Святѣйшимъ Синодомъ, и по обычнымъ церковнымъ напѣвамъ. Для четырехголоснаго хора. Изд. 2-е. Спб. 1891». 2) «Пѣніе церковныхъ службъ въ дни Св. Великаго поста, Св. Пасхи и двунадесятыхъ праздниковъ, по изданнымъ Св. Синодомъ богослужебнымъ книгамъ нотнаго пѣнія для четырехголоснаго хора. Выпускъ I. Св. Великій постъ. Спб. 1892. Партитура—1 р., голоса—1 р. 50 коп.— Выпускъ II. Входъ Господень во Іерусалимъ и Страстная седмица. Спб. 1892. Партитура 1 р. 75 коп., голоса — 2 р. 50 коп. — Выпускъ VI. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, Рождество Христово, Богоявленіе Господне, Срѣтеніе Господне, Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы. Спб. 1892. Партитура 1 р. 50 коп., голоса—2 р. 50 коп.» — одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Составленныя *М. Вольперомъ* книги: 1) «Русская рѣчь. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Въ трехъ выпускахъ, въ 8-ю д. л., съ 600 рисунками въ текстѣ. I. Букварь. Изд. 8-е. Спб. 1891, стр. 64. Цѣна 20 коп. — II. Первая послѣ букваря книжка для чтенія. Изд. 9-е. Спб. 1892, стр. 96. Цѣна 30 коп.— III. Книга для чтенія. Изд. 7-е. Спб. 1892, стр. 158. Цѣна 50 коп.»— и 2) «Руководящія замѣтки (для учителей) о преподаваніи русскаго языка по руководствамъ «Русская рѣчь» и «Практическая русская грамматика». Изд. 3-е. Спб. 1892. Въ 8-ю д. л., 63 стр. Цѣна 30 коп.» — рекомендовать къ употребленію въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски.

— Книгу: «Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Составилъ *А. Ф. Комаровъ*. Воронежъ. 1892. Въ 8-ю д. л., 153 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Составленныя *П. Полевымъ* книги: 1) «Учебникъ по русской исторіи въ очеркахъ и біографіяхъ, съ картинами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Спб. 1892. Въ 8-ю д. л., 120 стр. Цѣна 40 коп.» и 2) «Иллюстрированные разсказы изъ отечественной исторіи, съ портретами и картинами въ текстѣ, для начальныхъ школъ. Спб. 1892. Въ 8-ю д. л., 168 стр. Цѣна 45 коп.»—одобрить первую изъ нихъ къ употребленію въ городскихъ училищахъ, а вторую допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы къ этому-же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ важнѣйшихъ неточностей.

— Книгу: «*П. Ершовъ*. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изд. 14-е. Спб. 1893. Въ 12-ю д. л., 128 стр.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Замокъ Зора. (Поручикъ Моллерштейнъ). Историческая повѣсть. Сочиненіе *Н. Аксакова*. Петроградъ. 1892.» Въ 8-ю д. л., 89 стр. Цѣна не обозначена—одобрить для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

М. Ф.
БЕНДИНСКОЕ VII КЛАССНОЕ
Коммерческое Училище

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(Продолженіе).

II.

Графу Уварову, болѣе чѣмъ кому-либо другому, можно было, казалось, поручить разработку вопроса объ образованіи евреевъ. Въ качествѣ Министра Народнаго Просвѣщенія онъ стоялъ у самаго источника свѣдѣній о томъ, на сколько и какъ откликнулись евреи на рельефно выразившіяся въ Положеніи 1835 года заботы правительства объ ихъ образованіи. По своей несомнѣнной симпатіи къ евреямъ *), по глубокому убѣжденію въ необходимости усилить образовательныя для нихъ средства, онъ не только не упускалъ ни одного случая, представлявшагося ему, побесѣдовать съ образованными евреями какъ русскими, такъ и иностранными, но и самъ, можно сказать, искалъ такихъ случаевъ **). Изъ первыхъ рукъ онъ получалъ такимъ образомъ всѣ

*) Сотрудникъ Уварова по составленію проекта устава еврейскихъ училищъ въ первой его редакціи, Лиліенталь такъ отзывается объ Уваровѣ: «Съ искреннимъ прискорбіемъ рисовалъ ему министръ бѣдственное и унизительное положеніе русскихъ евреевъ и въ каждой мысли обнаруживалъ глубокое знаніе и изученіе характера этой націи; въ увлекательной рѣчи министръ отдавалъ честь великой мысли своего Монарха и съ свойственнымъ ему жаромъ говорилъ о благотворныхъ послѣдствіяхъ ея осуществленія; искреннею радостью сверкало лицо его, когда онъ раскрывалъ предъ нимъ, Лиліенталемъ, планъ преобразованія быта евреевъ посредствомъ учрежденія еврейскихъ школъ». Вопросы еврейской жизни. Собраніе статей Моргулиса. Спб. 1889, стр. 16.

**) Такъ, отправляясь въ 1838 году за границу, графъ Уваровъ нарочно остановился въ Вилькомірѣ для свиданія съ вызванными изъ Вильны представителями еврейской интеллигенціи: Ниссономъ Розенталемъ, Гиршемъ Каценеленбогеномъ и Израилемъ Гордономъ. Всѣ три означенныя лица явились къ Уварову въ своей обычной еврейской одеждѣ, съ штреймелями и пейсами на головѣ. Послѣ обмѣна привѣтствій, министръ спросилъ ихъ, почему они, счита-

нужныя ему свѣдѣнія о современномъ положеніи евреевъ и о томъ, какого рода училища могли-бы быть наиболѣе пригодны для евреевъ. Внимательно слѣдившій за ходомъ учебнаго дѣла въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи, графъ Уваровъ былъ поставленъ въ возможность познакомиться съ исторіей возникновенія тамъ училищъ для образованія евреевъ и съ постановкой въ нихъ учебнаго дѣла. Наконецъ, и совершенно незнакомые лично Уварову евреи, до которыхъ стоустая молва донесла вѣсть о томъ, какъ горячо Министръ Народнаго Просвѣщенія сочувствуетъ дѣлу образованія евреевъ, считали своею обязанностью сообщать свои планы организаціи училищъ для евреевъ, напр., упомянутый нами выше Залкиндъ. При такомъ разнообразіи и полнотѣ источниковъ, изъ которыхъ графъ Уваровъ могъ имѣть подъ руками всѣ свѣдѣнія по вопросу объ образованіи евреевъ, и при томъ интересѣ, какой имѣлъ для него еврейскій вопросъ, ему, очевидно, было сравнительно легко исполнить данное порученіе и въ непродолжительномъ времени представить Комитету если не подробное изложеніе мѣръ къ преобразованію евреевъ посредствомъ образованія, то, по крайней мѣрѣ, изложеніе руководящихъ соображеній по этому вопросу.

И дѣйствительно, соображенія графа Уварова не заставили себя ждать. Уже въ январѣ онъ представилъ Комитету двѣ записки по вопросу объ образованіи евреевъ.

Основныя положенія, которыми, по мнѣнію графа Уварова, слѣдовало руководиться при организаціи труднаго дѣла образованія евреевъ, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія и мы изложимъ ихъ обстоятельно.

Вотъ эти соображенія:

1. Не лишая евреевъ предоставленныхъ имъ правъ — отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія и устраивать частныя училища, правительство должно принять на себя заботу объ устрой-

---

ясь людями образованными, носятъ такой странный костюмъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они и въ этомъ отношеніи не хотятъ отличаться отъ своихъ единовѣрцевъ, которые въ противномъ случаѣ считали-бы ихъ нарушителями старины. Послѣ продолжительнаго разговора объ устройствѣ еврейскихъ училищъ, въ концѣ свиданія министръ просилъ оказать ему содѣйствіе въ дѣлѣ образованія евреевъ, обѣщаясь съ своей стороны положить на него всѣ усилія, и выразился такъ: дайте намъ палецъ, а мы протянемъ вамъ всю руку. Истор. свѣд. о Виленск. равв. учил. Вильна. 1873 года, стр. 35. См. также начало всеподд. доклада 17 марта 1841 г., помѣщ. въ дополн. къ Сборн. пост. по М. Н. П., стр. 696.

ствѣ особыхъ училищъ для образованія евреевъ во всѣхъ мѣстахъ ихъ жительства *).

Мысль объ учрежденіи особыхъ для образованія евреевъ училищъ подсказывалась Уварову уже современной ему дѣйствительностью. Число евреевъ, обучавшихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, и послѣ изданія Положенія 1835 года было очень невелико; если изданіе Положенія и сопровождалось увеличеніемъ количества учащихся, то въ частныхъ заведеніяхъ. Было ясно отсюда, что евреи во всякомъ случаѣ предпочитаютъ обучать своихъ дѣтей въ особыхъ, спеціально для нихъ устроенныхъ, учебныхъ заведеніяхъ. Но такъ какъ учрежденіе такихъ частныхъ училищъ не было обязательно для всѣхъ евреевъ, то частныя училища могли возникать лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еврейство было менѣе фанатизировано и болѣе состоятельно, гдѣ, кромѣ того, находились евреи, которые могли взять на себя устройство такихъ училищъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ распространеніе образованія должно было идти медленно. Вотъ эту-то медленность, по мнѣнію графа Уварова, и надобно было устранить. Уваровъ находилъ, что русскіе евреи стоятъ на послѣдней степени моральнаго униженія, и причину этого явленія онъ видѣлъ въ томъ вліяніи, какое имѣло на нихъ изученіе талмуда. Лучшіе изъ евреевъ, говорилъ Уваровъ, чувствуютъ, что одна изъ главныхъ причинъ ихъ униженія лежитъ въ превратномъ толкованіи ихъ религіозныхъ преданій; они знаютъ, что, въ совокупности со многими другими источниками зла, талмудъ развращалъ и развращаетъ ихъ соотечественниковъ. Нигдѣ вліяніе талмуда не столь сильно, сколько у насъ и въ Царствѣ Польскомъ, ибо нигдѣ не господствуетъ въ евреяхъ такое невѣжество. Но чтобы ослабить это вліяніе талмуда на евреевъ, чтобы дать имъ возможность высвободиться отъ того гнета, какой оказываетъ на нихъ талмудъ, есть только одно дѣйствительное средство. Средство это — учрежденіе для евреевъ школъ. И такъ какъ въ школахъ этихъ нуждаются *всѣ* евреи, то и слѣдуетъ учредить ихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреямъ дозволено будетъ пребываніе, и учредить ихъ безъ замедленія. Повсемѣстное-же учрежденіе школъ можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если само правительство возьмется за это дѣло.

Къ этой мысли объ устройствѣ особыхъ для евреевъ училищъ графу Уварову тѣмъ легче было придти, что она была не только высказана, но (въ Австріи) и осуществлена гораздо раньше 1840 г.

---

*) См. дополн. къ Сборн. пост. по М. Н. П., стр. 760—772.

Уже въ Положеніи объ евреяхъ 1804 г. было сказано: «если евреи не захотятъ отдавать своихъ дѣтей въ общія народныя училища, тогда установить на ихъ счетъ особыя школы, гдѣ-бы дѣти ихъ были обучаемы, опредѣливъ на сіе, по разсмотрѣнію правительства, нужную подать. Между предметами ихъ ученія необходимо долженъ быть одинъ изъ языковъ русскій, польскій или нѣмецкій». Но въ Россіи эта идея не была осуществлена до 1844 г. Въ Австріи идея устройства особыхъ для евреевъ училищъ была осуществлена уже въ 1781 г. 18 октября означеннаго года императоръ Іосифъ II издалъ указъ объ учрежденіи элементарныхъ и среднихъ (нормальныхъ) учебныхъ заведеній, при чемъ—не излишне отмѣтить эту частность — было объявлено, что впредь только такіе акты будутъ имѣть силу, которые будутъ писаны на нѣмецкомъ языкѣ *).

Изложенный пунктъ мнѣнія графа Уварова справедливо можетъ быть признанъ самымъ важнымъ пунктомъ его мнѣнія. Въ немъ именно и излагается та самая существенная поправка къ закону 1835 года, какую онъ находилъ нужнымъ сдѣлать.

2. Особыя училища для евреевъ должны быть устроены такъ, чтобы они дѣйствительно помогли учащимся въ нихъ освободиться изъ подъ вліянія талмуда. Въ этихъ видахъ они должны быть прежде всего общеобразовательными школами. Общее образованіе, развивая силы и способности учащихся, надѣялся графъ Уваровъ, само по себѣ въ состояніи обезсилить и уничтожить въ скоромъ времени силу талмудическихъ преданій. Затѣмъ, въ этихъ училищахъ надобно хорошо поставить преподаваніе еврейскаго языка. Графъ Уваровъ сильно настаивалъ на этомъ положеніи. Талмудъ, читаемъ въ одной его запискѣ, имѣетъ свое основаніе въ ветхомъ завѣтѣ и утверждается посылками на оный; большая часть сихъ посылокъ искажаетъ смыслъ пятокнижія; другія прямо приводятъ мѣста небывалыя въономъ; но эту провѣрку не могутъ производить теперь евреи, незнакомые съ языкомъ Библіи; посему весьма вѣроятно, что, обративъ вниманіе на сей предметъ и получивъ возможность сличать талмудъ съ подлинникомъ пятокнижія, евреи безпринужденно убѣдились-бы въ нелѣпомъ толкованіи раввиновъ и въ ложномъ толкованіи. Несомнѣнно, что это сличеніе, самими евреями совершенное, будетъ сильнѣйшій ударъ, нанесенный талмуду и его послѣдователямъ, отклонившимъ довольно удачно вниманіе соотчичей отъ пятокнижія и едва-ли не замѣнивъ оное для большинства мечтательными выводами раввиновъ.

---

*) Ист. евр. Гретца, стр. 66.

Наконецъ, для ознакомленія евреевъ съ основами ихъ вѣры Уваровъ считалъ необходимымъ введеніе въ програму катихизиса. Что касается талмуда, то чтеніе нѣкоторой части его можно допустить лишь на первое время, чтобы успокоить подозрительность евреевъ. Онъ считалъ-бы лучшимъ и совершенно изгнать талмудъ изъ учебной программы, но такъ какъ и въ числѣ благомыслящихъ и просвѣщенныхъ евреевъ, которые готовы были взять на себя обязанности учителей въ новыхъ училищахъ и готовы были противодѣйствовать талмудистамъ, не нашлось ни одного, который-бы хотѣлъ провозгласить себя противникомъ талмудистовъ, то поневолѣ приходилось оставить для преподаванія нѣкоторую часть талмуда, какъ это сдѣлано было въ училищахъ Одесскомъ, Кишиневскомъ и Шлокскомъ, и вести это преподаваніе въ томъ духѣ, какъ вели его въ Виленскомъ училищѣ Клячко.

Особыя училища для евреевъ должны быть двухъ разрядовъ: высшія — въ губернскихъ городахъ черты осѣдлости евреевъ, низшія — въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и по возможности въ селахъ.

Высшія еврейскія училища должны состоять изъ 4, или 5 классовъ, равняющихся вообще съ 4 и 5 классами гимназій, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ предметахъ обученія, приноровленныхъ ближе къ быту еврейскаго племени.

Предметы ученія могли-бы быть слѣдующіе: 1) языкъ еврейскій съ преподаваніемъ Закона Божія по Св. Писанію; 2) языкъ русскій; 3) языкъ нѣмецкій; 4) исторія и географія; 5) ариѳметика и геометрія; 6) рисованіе, черченіе и чистописаніе.

Для распространенія реальныхъ знаній между евреями, что будетъ, безъ сомнѣнія, весьма полезно, необходимо, на основаніи общаго устава, вводить постепенно при сихъ училищахъ дополнительные реальные курсы, гдѣ это окажется возможнымъ, на подобіе курсовъ, учрежденныхъ при уѣздныхъ училищахъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Равномѣрно тамъ, гдѣ будетъ замѣчено особое стремленіе еврейскаго юношества къ высшему образованію, слѣдуетъ, при нѣкоторомъ расширеніи учебныхъ предметовъ, доставить оному средство приготовляться къ вступленію въ среднія и высшія заведенія.

Въ низшихъ училищахъ предметы ученія могутъ быть еще болѣе упрощены. Тамъ достаточно ввести: 1) Законъ Божій по Св. Писанію; 2) чтеніе и письмо по еврейски; 3) чтеніе и письмо по русски; 4) чтеніе и письмо по нѣмецки и 5) первыя начала ариѳметики.

Это дѣленіе школъ на низшія и высшія напоминаетъ таковое-же

дѣленіе ихъ въ Австріи; что касается учебныхъ плановъ, то въ низшихъ училищахъ учебный планъ одинаковъ въ сущности съ учебнымъ планомъ приходскихъ училищъ, учебный-же планъ высшихъ училищъ цѣликомъ взятъ изъ проекта устава уѣзднаго для евреевъ училища въ Вильнѣ.

Учительскія мѣста въ проектированныхъ училищахъ предположено было замѣщать, по крайней мѣрѣ на первое время, исключительно евреями и—за недостаткомъ среди русскихъ евреевъ кандидатовъ, подготовленныхъ къ исполненію учительскихъ обязанностей, преимущественно заграничными.

Положеніе 1835 года не знаетъ сейчасъ изложеннаго воззрѣнія. По этому Положенію учители наукъ и искусствъ въ частныхъ еврейскихъ училищахъ должны быть избираемы безъ различія вѣры—изъ христіанъ и изъ евреевъ. Въ проектѣ устава уѣзднаго для евреевъ училища въ Вильнѣ прямо было указано, что учителями могутъ быть и христіане, и евреи. Евреи Шлоккскаго общества въ Ригѣ, ходатайствуя въ 1838 году объ открытіи въ ихъ общинѣ частнаго училища, настоятельно просили, чтобы преподавателемъ русскаго языка въ ихъ училищѣ былъ русскій, имѣющій законное право на преподаваніе этого предмета. И отступить отъ этихъ воззрѣній не представлялось, повидимому, никакихъ основаній. Въ 1841 г. прошло уже 36 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ евреи получили право обучать своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правомъ этимъ они пользовались мало; тѣмъ не менѣе фактъ, что нѣкоторыя изъ еврейскихъ дѣтей обучались у учителей-христіанъ, былъ у нихъ въ теченіе этихъ 36 лѣтъ постоянно предъ глазами, и, конечно, онъ все болѣе и болѣе пріучалъ евреевъ къ мысли, что учителемъ еврейскихъ дѣтей по общимъ предметамъ можетъ быть и христіанинъ.

Самъ Уваровъ отлично понималъ, что нѣкоторыя изъ учительскихъ мѣстъ въ еврейскихъ училищахъ съ величайшей пользой для дѣла могутъ быть предоставлены христіанамъ. Тѣмъ не менѣе онъ проектировалъ давать учительскія мѣста въ новыхъ училищахъ только евреямъ. На это онъ имѣлъ свои основанія. Съ одной стороны, исключеніемъ христіанъ изъ учительскаго персонала онъ хотѣлъ подкупить евреевъ въ пользу новыхъ училищъ, хотѣлъ возбудить ихъ симпатіи къ этимъ училищамъ. Съ другой стороны, тайная цѣль учрежденія школъ—ослабленіе вліянія на учащихся талмуда тѣмъ скорѣе, казалось, могло быть достигнуто, чѣмъ однороднѣе будетъ составъ учителей и чѣмъ единодушнѣе они, эти тайные противники талмуда, будутъ дѣйствовать на учащихся въ указанномъ имъ направленіи.

Учителя изъ иностранцевъ-евреевъ, конечно, не могли быть знакомы съ русскимъ языкомъ и не могли вести на немъ преподаванія. Но Уваровъ этимъ не смущался и допускалъ преподаваніе въ новыхъ училищахъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Составленіе и выборъ учебныхъ книгъ для проектируемыхъ училищъ графъ Уваровъ считалъ нужнымъ предоставить Министерству.

Учрежденіе новыхъ училищъ для евреевъ по всему пространству еврейской черты осѣдлости давало евреямъ возможность воспитывать ихъ дѣтей въ духѣ указаній правительства. Старыя, существовавшія у евреевъ, школы дѣлались излишними. А потому графъ Уваровъ полагалъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ училищъ, закрывать существующія у евреевъ частныя школы.

По открытіи достаточнаго количества учебныхъ заведеній для мальчиковъ, гр. Уваровъ проектировалъ приступить къ устройству особыхъ женскихъ училищъ.

Графъ Уваровъ не упустилъ изъ виду и частнаго домашняго обученія у евреевъ. Онъ полагалъ возможнымъ примѣнить къ быту евреевъ главныя начала, лежавшія въ основаніи существовавшаго въ то время въ Россіи устава о домашнихъ наставникахъ.

Таковы главныя соображенія, высказанныя графомъ Уваровымъ по вопросу объ образованіи евреевъ. Такова пресловутая «система» графа Уварова въ первоначальномъ ея видѣ.

Съ логической точки зрѣнія, эта система представляется безспорно стройной, хорошо продуманной системой. Она представляетъ собой цѣлое, законченное; всѣ частности ея сводятся къ одной общей мысли, которую онѣ развиваютъ. Иное дѣло, если взглянуть на нее со стороны практической, съ точки зрѣнія соотвѣтствія ея нуждамъ и требованіямъ мѣста и времени, въ которыхъ должно было послѣдовать ея осуществленіе, съ точки зрѣнія соотвѣтствія ея русскимъ интересамъ.

1) Авторъ разсматриваемаго проекта разсчитывалъ дать евреямъ возможность облагородить себя посредствомъ образованія и воспринять «моральное направленіе, согласное съ общими учрежденіями государства». Но для достиженія этой цѣли недостаточно было устроить училища. Нужно было еще, чтобы эти училища были посѣщаемы евреями, и притомъ всѣми евреями школьнаго возраста. Что-же могло ручаться, что евреи не откажутся отъ посѣщенія новыхъ училищъ и не будутъ обучать своихъ дѣтей издавна установившимся у евреевъ порядкомъ?

Выше было уже сказано, что назадъ тому 50 лѣтъ громаднѣйшее большинство русскихъ евреевъ цѣнило лишь одинъ видъ образованія—

образованіе религіозное. И этого рода образованіе, въ той или другой мѣрѣ, получалъ всякій мальчикъ еврей: не умѣющій читать по еврейски представлялъ собой явленіе чрезвычайно рѣдкое. Богаты-ли, бѣдны-ли были родители, ихъ дѣти мужескаго пола должны были браться за книжку, коль скоро они достигали пяти лѣтъ. До 8-и лѣтъ ихъ образованіе должно было имѣть исключительно религіозный характеръ: кто вздумалъ-бы давать своимъ дѣтямъ въ этомъ возрастѣ общее образованіе, или вводить въ курсъ обученія какіе-либо общеобразовательные предметы, тотъ весьма легко могъ подвергнуться самымъ чувствительнымъ непріятностямъ со стороны своихъ единовѣрцевъ, какъ отступникъ отъ отеческихъ преданій. Въ кругъ учебныхъ занятій на самой низшей ступени (отъ 5 до 8 лѣтъ) образованія входили: а) начальное обученіе еврейскому чтенію и б) изученіе молитвъ. Для нѣкоторыхъ наиболѣе бѣдныхъ образованіе этимъ и кончалось; но такихъ евреевъ было мало. Громадное большинство продолжало обученіе и на второй ступени приступало къ чтенію пятикнижія на еврейскомъ языкѣ съ комментаріями на жаргонѣ. Къ этимъ занятіямъ примыкало и обученіе еврейскому письму. На высшей ступени первоначальнаго образованія учащіеся читали пророковъ и нѣкоторые отдѣлы талмуда, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ изучали и грамматику еврейскаго языка. Время отъ 8 до 13 лѣтъ посвящалось изученію наиболѣе важныхъ въ глазахъ еврея отдѣловъ талмуда. Въ числѣ этихъ отдѣловъ, кажется, всегда находилъ себѣ мѣсто и трактатъ о порядкѣ женитьбы и объ обязанностяхъ супружескихъ*). Но въ это время допускалось и сообщеніе учащимся нѣкоторыхъ общеполезныхъ свѣдѣній и обученіе ихъ предметамъ общаго образованія, хотя, впрочемъ, надобно сказать, что такое расширеніе круга образованія имѣло вообще мѣсто лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Въ 13 лѣтъ обученіе для большинства оканчивалось. Продолжали обученіе лишь тѣ, которые хотѣли изучить талмудъ во всемъ его объемѣ, во всѣхъ его тонкостяхъ. Это было уже высшее образованіе, подготовлявшее кандидатовъ для занятія мѣстъ раввинскихъ. Въ этотъ періодъ учащіеся всецѣло отдавались изученію талмуда; занятія предметами, не имѣющими ближайшаго отношенія къ талмуду, рѣшительно запрещались.

---

*) Человѣку, не знакомому съ талмудомъ, чрезвычайно трудно представить себѣ, какого рода вещи учащіеся обязательно должны читать въ школѣ по вопросамъ о бракѣ. Семилѣтніе мальчики читаютъ въ школѣ о такихъ явленіяхъ супружеской жизни, о которыхъ въ христіанскомъ обществѣ мужъ съ женой говорятъ лишь съ глазу на глазъ (см. брошюру П. И. Небольсина «Очерки частнаго быта евреевъ». П. Спб. 1872 г.).

Люди богатые обыкновенно давали своимъ дѣтямъ домашнее воспитаніе. Мало состоятельнымъ такая роскошь была не по средствамъ, и чтобы дать своимъ дѣтямъ желаемое образованіе, нѣсколько такого рода семействъ нанимали одного учителя, который и собиралъ ихъ дѣтей или въ своей квартирѣ, или въ квартирѣ котораго-нибудь изъ нанявшихъ его родителей. Такія школки назывались хедерами. Дѣти-сироты, а равно и дѣти наиболѣе бѣдныхъ евреевъ призрѣвались и обучались на общественный счетъ въ такъ-называемыхъ талмудъ-торахъ.

Высшими учебными школами были ешиботы.

Обученіемъ дѣтей до 13-лѣтняго возраста занимались учителя, извѣстные подъ именемъ меламдовъ. Меламедъ—это своеобразный цвѣтокъ, выросшій на почвѣ еврейства. Это оригинальнѣйшее явленіе, о которомъ слѣдуетъ сказать хоть нѣсколько словъ.

Въ рѣдкомъ, какъ извѣстно, еврейскомъ семействѣ можно встрѣтить лишь двухъ-трехъ дѣтей; въ большинствѣ случаевъ ихъ бываетъ гораздо болѣе. За дѣтьми нуженъ надзоръ, а отецъ и мать, въ громадномъ количествѣ семействъ, рѣшительно не имѣютъ времени принять на себя обязанности по надзору за дѣтьми: имъ цѣлый день нужно хлопотать о томъ, чтобы какъ-нибудь прокормить семью. Для надзора, понятно, нужна нянька, а на наемъ няньки недостаетъ средствъ. Сверхъ того, по требованіямъ вѣры, каждый отецъ долженъ непремѣнно позаботиться и о томъ, чтобы дѣтямъ мужскаго пола сообщена была извѣстная сумма религіозныхъ свѣдѣній. Самому отцу заниматься этимъ дѣломъ некогда, нужно поручить обученіе дѣтей учителю, а на наемъ учителя опять нужны деньги, которыя тѣмъ труднѣе достать, чѣмъ больше ихъ нужно уплатить учителю. Какъ быть въ такихъ обстоятельствахъ? Еврейская жизнь отвѣтила на этотъ вопросъ созданіемъ пресловутыхъ меламдовъ. Меламедъ есть прежде всего не учитель, а нянька, собирающая въ одно помѣщеніе дѣтей и надзирающая за ними непремѣнно въ теченіе цѣлаго дня. И тѣмъ болѣе цѣнная нянька-меламедъ, что родителямъ нѣтъ необходимости ни отводить своихъ дѣтей къ меламеду, ни приводить ихъ изъ школы домой: все это сдѣлаетъ самъ меламедъ при помощи своихъ помощниковъ. А такъ какъ эти общественныя, такъ сказать, няньки принимаютъ еще на себя обязанность обучать дѣтей Закону Божію и еврейскому языку, и притомъ за ничтожную плату, то цѣнность меламеда еще болѣе увеличивается въ глазахъ родителей.

Заработки меламеда, имѣющаго дѣло съ родителями-бѣдняками, конечно, крайне ничтожны и едва могутъ дать ему дневное пропитаніе, а потому эта профессія, за ничтожными исключеніями, совсѣмъ

не привлекательна для сколько-нибудь смышленаго еврея. Ее и избирали, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, евреи, доказавшие уже свою бездарность и оказавшіеся уже никуда негодными *).

Едва-ли нужно говорить о томъ, могли-ли меламды вести сколько-нибудь цѣлесообразно дѣло обученія и воспитанія. Совершенно невѣжественный, озлобленный прежними жизненными неудачами, принужденный за гроши день и ночь нести тяжелыя обязанности наблюденія за массой дѣтей—какое доброе сѣмя могъ внести меламедъ въ юныя души своихъ учениковъ, какой могъ внести порядокъ и строй въ свое преподаваніе—частное и школьное?

И тѣмъ не менѣе меламедъ дорогъ былъ евреямъ: совмѣщая въ своемъ лицѣ няньку и учителя и исполняя эти обязанности за ничтожную плату, онъ былъ незамѣнимъ для евреевъ.

Стать меламдомъ могъ всякій, когда угодно. Чтобы принять это званіе, не представлялось нужды испрашивать чье-либо разрѣшеніе. Стоило заявить о себѣ, какъ о меламдѣ, въ обществѣ, стоило заручиться добрыми отзывами о своей дѣятельности со стороны нѣкоторой части родителей—и репутація меламда создавалась.

Меламды никогда никѣмъ не были регистрируемы; во всякомъ случаѣ число ихъ было громадное. Въ одной Вильнѣ ихъ было до 400 человѣкъ.

Таковы были воззрѣнія русскаго еврейства на образованіе, такова была у нихъ организація обученія въ то время, когда Уваровъ проектировалъ главныя основанія устройства новыхъ школъ.

Отъ этихъ, вѣками сложившихся и считавшихся доселѣ непреложными, воззрѣній евреи никакъ не могли отступить вдругъ, не могли они съ легкимъ сердцемъ привѣтствовать и появленіе новой школы, совершенно непохожей на прежнюю, существовавшую сотни лѣтъ. Прекрасно могли они видѣть, что эта новая школа давала лишь такое образованіе,

*) Въ еврейскомъ мірѣ существуетъ слѣдующій характерный анекдотъ: Какого-то корчмаря Богъ наказалъ сыномъ, ужъ очень неудачнымъ. Куда онъ его ни сунетъ, вездѣ бѣда. Пробовалъ онъ его въ кабакѣ держать—бѣда: лишь только заслышитъ парень балалайку на улицѣ—убѣжитъ съ краномъ отъ бочки въ рукахъ, а водочка иди себѣ на волюшку. Попробовалъ отецъ послать его въ городъ учиться—бѣда: ломалъ парень три года свою бѣдную голову надъ книжной мудростью и до «гимель» не дошелъ. Маялся, маялся съ нимъ отецъ, и когда почувствовалъ, что пора ему отправиться въ «путь всего земнаго», что роковая минута близка, онъ подзываетъ къ себѣ сына и держитъ къ нему такую рѣчь: «ты, мой сынъ, въ корчмари не годишься, въ чтеніи и письмѣ не гораздъ, для торговли глупъ, для ремеслъ неуклюжъ: стало быть, единственное, что тебѣ осталось—отправься въ городъ и будь меламедомъ» («Рус. Евр.» 1884 г. № 40, стр. 8).

которое они считали второстепеннымъ, не существенно важнымъ, и вовсе не могла дать имъ того образованія, которое признавалось существенно необходимымъ. Какую-же цѣну могла имѣть эта новая школа въ глазахъ евреевъ?

Еще, можетъ быть, важнѣе было то, что при господствовавшей у евреевъ системѣ образованія для каждаго отца-еврея была обезпечена возможность заниматься въ теченіе цѣлаго дня своими житейскими дѣлами, не озабочиваясь надзоромъ за дѣтьми: въ теченіе цѣлаго дня наблюдалъ за ними за ничтожную плату меламедъ. Съ устройствомъ училищъ по системѣ Уварова положеніе дѣлъ существенно мѣнялось: дѣти должны были оставаться въ школахъ лишь нѣсколько часовъ въ теченіе дня, остальное-же время они должны были проводить дома. Но кому-же здѣсь наблюдать за дѣтьми?

Наемъ меламдовъ, конечно, связанъ былъ съ расходами; но развѣ эти ничтожные расходы могли идти въ сравненіе съ тѣми суммами, какихъ потребуетъ отъ евреевъ устройство училищъ по новой системѣ? А эта перспектива усиленія налоговъ, и налоговъ на предметъ крайне несимпатичный, можетъ быть, болѣе всего способна была возбудить евреевъ противъ новыхъ школъ.

Армія меламдовъ, которымъ открытіе новыхъ школъ грозило лишеніемъ куска хлѣба, не могла съ своей стороны не постараться вооружать родителей противъ новыхъ школъ.

Такимъ образомъ, религіозный фанатизмъ, который боится, что всякое свѣжее вѣяніе можетъ разрушить все зданіе религіи, и корыстолюбіе, для котораго общее невѣжество и извращенный методъ обученія составляли источникъ земныхъ благъ, устройствомъ новыхъ школъ прямо вызывались на то, чтобы вступить въ союзъ и начать борьбу противъ этихъ школъ, которыя тѣмъ легче было сдѣлать ненавистными въ глазахъ толпы, что открытіе этихъ школъ грозило новыми податями, новыми денежными расходами.

Наши русскіе евреи назадъ тому 50 лѣтъ стояли не на болѣе высокомъ уровнѣ развитія сравнительно съ евреями австрійскими, въ эпоху изданія извѣстнаго указа Іосифа II относительно учрежденія еврейскихъ школъ. А между тѣмъ этотъ указъ крайне возбудилъ противъ себя евреевъ. И когда Вессели попытался въ своемъ «Словѣ мира и правды» дать своимъ единовѣрцамъ совѣтъ привѣтствовать этотъ законъ, какъ благодѣяніе, принять его съ радостью и немедленно воспользоваться имъ, то противъ Вессели поднялась настоящая буря. Дѣло кончилось тѣмъ, что его посланіе было осуждено и самъ онъ былъ отлученъ отъ синагоги.

*

Конечно, подобныхъ явленій надобно было ожидать и у насъ. И мы скоро увидимъ, что самъ графъ Уваровъ не долго обольщался мыслью о возможности провести въ жизнь свои мечты объ устройствѣ еврейской школы въ томъ видѣ, какъ онъ проектировалъ ее въ своей запискѣ.

Графъ Уваровъ крѣпко разсчитывалъ на то, что вызываемые изъ Германіи евреи примирятъ своихъ русскихъ единовѣрцевъ съ новыми школами, что они съумѣютъ подкупить евреевъ въ пользу новыхъ школъ. Но эти разсчеты не имѣли подъ собой прочнаго основанія. Въ германскомъ еврейскомъ обществѣ во времена графа Уварова уже установился на русскихъ евреевъ взглядъ, какъ на людей невѣжественныхъ. Германскій еврей относился къ русскому свысока, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Въ глазахъ-же русскихъ евреевъ-фанатиковъ германскіе евреи-реформаторы были презрѣнными измѣнниками вѣрѣ отцовъ, достойными отлученія отъ синагоги. Что добраго для Россіи могли сдѣлать эти образованные германскіе евреи при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ русскимъ евреямъ? Могли-ли они—эти руководители новой школы—расположить русскихъ евреевъ къ завѣдываемымъ ими училищамъ, когда все въ этихъ учителяхъ—все, начиная съ внѣшности—должно было возбуждать антипатію въ русскихъ евреяхъ, приверженцахъ старины?

Да и можно-ли было правительству рѣшительно положиться на этихъ новыхъ учителей? Положимъ, сотрудники графа Уварова, изъ евреевъ, ручались предъ нимъ за благонамѣренность всѣхъ заграничныхъ евреевъ, которыхъ предполагалось вызвать для замѣщенія учительскихъ мѣстъ, но все-таки едва-ли можно было тѣшить себя надеждой, что всѣ они будутъ люди въ высшей степени сдержанные, умные, совершенно преданные своему дѣлу, что они войдутъ въ виды правительства и, сохраняя за школой внѣшній видъ служенія еврейскимъ интересамъ, съумѣютъ повести дѣло такъ, чтобы ученики вышли изъ школы съ новымъ взглядомъ на талмудъ. Такъ легко было въ ихъ положеніи нарушить то равновѣсіе, въ которомъ они постоянно должны находиться. Такъ легко въ одномъ случаѣ обнаружить противодѣйствіе талмудизму въ большей степени, чѣмъ сколько это нужно; а въ другомъ—въ угоду мѣстному обществу и въ личныхъ интересахъ повести преподаваніе талмуда въ духѣ совершенно не правительственномъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ школа оказалась-бы не въ состояніи исполнить возложенную на нее задачу.

А. Бѣлецкій.

(Продолженіе будетъ.)

МАЛЕНЬКІЕ МОРЯКИ.

(Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ).

(Продолженіе).

IV.

Наканунѣ шестидесятыхъ годовъ, когда начиналась кипучая дѣятельность обновленія, морское вѣдомство, имѣя во главѣ великаго князя Константина Николаевича, первое вступило на путь реформъ, давая, такъ сказать, тонъ другимъ вѣдомствамъ, и «Морской Сборникъ» былъ въ то время едва-ли не единственнымъ журналомъ, въ которомъ допускалась сколько-нибудь свободная критика существовавшихъ порядковъ, поднимались вопросы, касавшіеся не одного только флота, и печатались, между прочимъ, знаменитыя статьи о воспитаніи Пирогова.

Несмотря на это, морской корпусъ продолжалъ еще жить по старому, сохраняя прежнія традиціи николаевскаго времени. Большая часть воспитателей и преподавателей оставалась на своихъ мѣстахъ, и патріархальная грубость нравовъ еще сохранялась.

Тѣмъ не менѣе, новыя вѣянія уже чувствовались. Нещадная порка, служившая едва-ли не главнымъ элементомъ воспитанія будущихъ моряковъ, которые, по выходѣ въ офицеры, въ свою очередь дрессировали матросовъ поркой и зуботычинами, прекратилась еще при мнѣ въ старшихъ ротахъ, а въ младшихъ ротахъ практиковалась далеко не съ прежней расточительностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія директора, тогда какъ прежде тѣлесныя наказанія составляли неотъемлемое право ротныхъ командировъ, пользовавшихся имъ довольно широко. Самые грубые изъ корпусныхъ офицеровъ нѣсколько понизили тонъ, и даже самъ баталіонный командиръ, завѣдывавшій строевымъ обученіемъ кадетъ, завзятый фронтовикъ, quasi-морякъ, всю

жизнь проведшій на сухомъ пути, крикунъ и ругатель, и тотъ на ученіяхъ старался сдерживаться.

Это былъ свѣжій, крѣпкій и молодцоватый человѣкъ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, съ лицомъ, манерами и окриками заправскаго до-реформеннаго фельдфебеля, готоваго перервать горло за скверную стойку. Всегда подтянутый, точно готовый во всякую минуту къ смотру, съ выпученной колесомъ грудью, съ зачесанными впередъ на виски рыжими прядками волосъ, позвякивавшій шпорами, которыя онъ носилъ въ качествѣ баталіоннаго командира, замиравшій отъ восторга при однообразномъ и отрывистомъ щелканіи ружей во время продѣлыванія ружейныхъ пріемовъ или при красивомъ учебномъ шагѣ, бѣсновавшійся и называвшій бабой и дрянью всякаго кадета, слабаго по фронту, и нерѣдко заканчивавшій ученье приказаніемъ «перепороть» нѣсколькихъ кадетъ,—и онъ, этотъ представитель шагистики у моряковъ и нелюбимый кадетами, случалось, вдругъ на половинѣ обрывалъ свою ругательную импровизацію, какъ-то отчаянно крякалъ и безнадежно взмахивалъ рукой, словно предчувствуя, что пѣсня его близка къ концу и что вся эта муштра, вовсе и ненужная будущимъ морякамъ, отойдетъ въ область воспоминаній, и самъ онъ, ни на что болѣе не нужный, удалится изъ корпуса на покой, чтобы скорбѣть о прошлыхъ временахъ.

Достойно замѣчанія, что подобные «моряки» вырабатывались исключительно въ балтійскомъ флотѣ, вблизи отъ Петербурга. Въ черноморскомъ флотѣ такихъ не было. Не смотря на суровое время, въ Черномъ морѣ не обращали большого вниманія на шагистику и «идеальное» равненіе, и даже — о ужасъ! — моряки тамъ носили «лиселя», т.-е. воротнички, не смотря на то, что тогдашняя форма запрещала такое «свободомысліе»... И самъ Нахимовъ ходилъ съ «лиселями», что, впрочемъ, не мѣшало ему быть превосходнымъ адмираломъ.

Какъ я уже упоминалъ, преподаваніе общеобразовательныхъ наукъ и наканунѣ шестидесятыхъ годовъ стояло на очень низкомъ уровнѣ. Моряки выходили изъ заведенія съ весьма небольшимъ общимъ развитіемъ и съ самымъ малымъ знакомствомъ не только съ всеобщей исторіей, но даже и съ русской, а о литературѣ и правѣ выносили и совсѣмъ смутныя понятія, вѣрнѣе даже—никакихъ, такъ что пополнять громадные пробѣлы своего образованія приходилось, если тому помогали обстоятельства, уже самимъ молодымъ офицерамъ за стѣнами корпуса. Дальнія плаванія, знакомство съ порядками чужихъ странъ, разумѣется, способствовали этому, расширяя умственный кругозоръ моря-

ковъ. Нечего и говорить, что просвѣтительное движеніе шестидесятыхъ годовъ много помогло тогдашнему поколѣнію моряковъ, заставивши ихъ встрепенуться, обратиться къ книжкѣ и гуманнѣе относиться къ матросамъ.

Беззаботность на счетъ литературы и родного языка была въ морскомъ корпусѣ, по истинѣ, поражающая, и извѣстный анекдотъ объ одномъ почтенномъ адмиралѣ, который въ началѣ пятидесятыхъ годовъ любезно разрѣшилъ представившемуся ему Нестору Кукольнику давать представленія въ городѣ, принявъ писателя за фокусника съ куклами,—не представлялъ собою ничего исключительнаго. Я въ шестидесятыхъ годахъ знавалъ моряковъ, которые не знали Гоголя, Тургенева и Достоевскаго.

Хотя въ мое время кадетамъ и извѣстны были имена Ломоносова, Державина, Крылова, Карамзина и Пушкина, но знакомство съ названными писателями было, такъ сказать, шапочное и ограничивалось образцами въ весьма умѣренныхъ дозахъ. Нашъ старый Василій Ивановичъ, учитель русскаго языка и словесности, безсмѣнно въ теченіи сорока лѣтъ преподававшій въ морскомъ корпусѣ и заставившій нѣсколько поколѣній моряковъ испытывать величайшія затрудненія въ орѳографіи,—послѣ Пушкина, кажется, литературы не признавалъ, да и вообще былъ педагогъ-рутинеръ, который велъ свое дѣло, спустя рукава, отбывая лишь повинность для заработка. Къ Гоголю онъ относился неодобрительно, называлъ его каррикатуристомъ и предостерегалъ въ старшихъ классахъ отъ чтенія «Мертвыхъ душъ», утверждая, что оно только развращаетъ молодого читателя и не даетъ пищи ни для ума, ни для сердца. Чтеніе должно возвышать и просвѣтлять, а не низводить насъ до низменныхъ явленій жизни!..—говорилъ обыкновенно учитель, когда кто-нибудь задавалъ вопросъ о Гоголѣ, и при этомъ декламировалъ оду «Богъ».

А когда однажды кто-то въ нашемъ классѣ освѣдомился: хороши-ли стихотворенія Некрасова (тогда только-что вышелъ томикъ его стихотвореній), то на старчески-румяномъ, морщинистомъ лицѣ Василія Ивановича выразилось глубочайшее презрѣніе, тонкія его губы вытянулись въ пренебрежительную улыбку, и онъ со своей обычной усмѣшечкой замѣтилъ:

— Некрасовъ?.. Я что-то читалъ г. Некрасова. Читать не рекомендую-съ. Пошлость дурного тона и неблагонамѣренное направленіе... Они называютъ свои писанія натуральной школой... Вотъ какая это школа...

И старикъ съ ироническои миной декламировалъ:

Возлѣ лѣса рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ.
На мосту овечка,
У овечки хвостъ!

— Нравится?—продолжалъ Василій Ивановичъ.—Въ этакомъ родѣ и пишутъ новѣйшіе поэты и прозаики. Это—образецъ натуральной школы... Развѣ тутъ есть поэзія?.. Какое кому дѣло, что на мосту овечка, и кому неизвѣстно, что у овечки хвостъ, а?..

Въ классѣ раздался веселый гоготъ тридцати юныхъ «саврасовъ», скорѣе, казалось, одобрявшій, чѣмъ порицавшій это четверостишіе. Но Василій Ивановичъ принималъ этотъ гоготъ, какъ невольную дань его остроумію и съ важнымъ видомъ побѣдителя смотрѣлъ на классъ, оправляя свои сѣденькіе височки, и затѣмъ, въ видѣ сентенціи, обыкновенно прибавлялъ:

— Читать надо, господа, съ большимъ разборомъ и только то, что разрѣшаютъ наставники и родители... Лучше поменьше читать, чѣмъ читать вредныя книги!

И при этомъ Василій Ивановичъ бросалъ значительный взглядъ на своего сына, который обыкновенно подъ этимъ взглядомъ въ страхѣ опускалъ глаза.

Послѣ подобнаго назиданія, съ прибавленіемъ подчасъ краткихъ предикъ о повиновеніи, Василій Ивановичъ продолжалъ читать своимъ тихимъ, слащавымъ, слегка скрипучимъ, старческимъ голоскомъ какой-нибудь отрывокъ изъ Карамзина, при чемъ, въ мѣстахъ чувствительныхъ или патріотически - возвышенныхъ, его маленькіе сѣрые, зоркіе глазки, далеко не отличавшіеся добродушіемъ, слегка увлажались слезой, которую онъ утиралъ грязнымъ, испачканнымъ нюхательнымъ табакомъ, шелковымъ платкомъ. А не то Василій Ивановичъ объяснялъ или, вѣрнѣе, повторялъ по учебнику, слово въ слово, опредѣленіе хорея или ямба.

Обыкновенно во время этихъ уроковъ въ классѣ царила удручающая скука. Никто, исключая сына Василія Ивановича да двухъ, трехъ учениковъ «изъ первыхъ», не слушалъ ни чтенія, ни объясненій старика. На заднихъ скамейкахъ дремали или готовили уроки изъ другихъ предметовъ, а такъ называемые «битки» (послѣдніе по классу ученики), сидѣвшіе на переднихъ скамейкахъ, немилосердно зѣвали, безсмысленно выпяливъ глаза на учителя, и радостно оживлялись, когда онъ прерывалъ на время свои объясненія, чтобъ зарядить обѣ ноздри своего небольшого носа табакомъ.

— Це-р-в-а-я, п-л-и!—шепталъ про себя оживившійся «битокъ»

послѣ того, какъ носъ былъ заряженъ, и если тотчасъ-же послѣ команды Василій Ивановичъ чихалъ, «битокъ» былъ очень доволенъ.

Повидимому, и самъ Василій Ивановичъ весьма равнодушно относился къ успѣхамъ своихъ учениковъ и не былъ особенно требователенъ къ устнымъ отвѣтамъ и къ сочиненіямъ, заботясь, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы въ классѣ у него была благоговѣйная тишина и ему самому оказывали почтительное уваженіе и никогда не возражали. Подобнымъ образомъ дѣйствій самые плохіе ученики покупали себѣ удовлетворительныя отмѣтки.

И у Василія Ивановича въ классѣ дѣйствительно вели себя смирно, да и къ тому-же побаивались этого медоточиваго, благообразнаго и добраго на видъ старичка. Всѣ знали, что онъ далеко не добрый, что онъ злопамятенъ, очень ревнивъ въ охраненіи собственнаго достоинства и къ тому-же никакой шалости не проститъ. Въ случаѣ какой-нибудь кадетской «штуки», и особенно если Василію Ивановичу кто-нибудь отвѣтитъ дерзко или насмѣшливо,—онъ ничего не скажетъ, только пристально взглянетъ на виноватаго, плотнѣе сожметъ свои тонкія губы и покачаетъ своей сѣденькой остроконечной головой съ видомъ сожалѣнія. А затѣмъ, когда окончится урокъ, онъ побѣжитъ къ инспектору и наговоритъ ему съ три короба и непремѣнно раздуетъ исторію. И если-бы не доброта и не тактъ А. И. Зеленаго, который умѣлъ понимать кадетскія шалости, жалобы этого медоточиваго старика вызывали-бы болѣе суровыя наказанія, чѣмъ добродушно-ворчливые выговоры добряка-инспектора и въ крайнемъ случаѣ наказаніе не ходить въ субботу «за корпусъ», т.-е. въ отпускъ.

Нечего и прибавлять, что кадеты, чувствуя лицемѣріе Василія Ивановича, не довѣряли его обманчивому доброжелательству, о которомъ онъ любилъ распространяться, и не терпѣли учителя. Вдобавокъ, ни для кого не было секретомъ, какъ этотъ благообразный и съ виду добренькій старичокъ былъ жестокъ съ своимъ сыномъ. Онъ его звѣрски колотилъ и безпощадно сѣкъ у себя дома изъ-за всякаго малѣйшаго проступка. И бѣдный мальчикъ трепеталъ отъ одного взгляда своего отца и грустный уходилъ по субботамъ въ отчій домъ. Эта жестокость принесла свои плоды: мальчикъ выросталъ образцовымъ тихоней, скромнымъ, прилежнымъ, вѣчно зубрившимъ уроки благонравнымъ кадетомъ, никогда не шалившимъ, но въ то-же время скрытнымъ, лукавымъ и озлобленнымъ.

Этотъ высокій и худой старикъ Иванъ Захаровичъ, фигурой и лицомъ напоминавшій цаплю, длинноногій, съ близорукими, разсѣян-

ными глазами и длиннымъ краснымъ носомъ, рисуется въ моей памяти не иначе, какъ сидящимъ съ высоко поднятой головой на каѳедрѣ и съ нѣкоторымъ торжественнымъ пафосомъ восхваляющимъ Солона и Ликурга или Готфрида Бульонскаго. На среднихъ вѣкахъ, и то не окончивши ихъ, мы, сколько помнится, разстались съ учителемъ исторіи и болѣе уже ее не слыхали въ морскомъ корпусѣ, сохранивъ и о Солонѣ, и о Ликургѣ добрую память, не раздѣльную съ памятью объ Иванѣ Захаровичѣ. Достаточно вспомнить мудраго Солона, чтобы вспомнить немедленно и этого добраго человѣка, не смотря на то, что онъ не особенно заботился о нашихъ историческихъ знаніяхъ и не особенно сердился, когда мы безбожно путали хронологію. Этого добряка Ивана Захаровича кадеты нисколько не боялись, и потому во время его уроковъ занимались всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не исторіей, довольствуясь приготовленіемъ заданнаго по учебнику. Только нѣсколько любителей слушали восторженные отзывы Ивана Захаровича о мудромъ законодателѣ, къ которому учитель, повидимому, питалъ особое пристрастіе, такъ какъ возвращался къ нему не разъ... Римскую исторію Иванъ Захаровичъ, кажется, меньше любилъ и, вѣроятно, поэтому предоставлялъ намъ знакомиться съ ней самимъ и, слушая наши отвѣты, одобрительно покачивалъ головой, хотя подчасъ ученикъ и немилосердно перевиралъ факты. Какъ кажется, Иванъ Захаровичъ, за старостью лѣтъ, и самъ забывалъ факты, не имѣя передъ глазами книги—да проститъ ему Богъ! Несмотря на возможность дѣлать въ классѣ все, что угодно, кадеты «берегли» Ивана Захаровича, то-есть, вели себя на столько прилично и тихо, насколько было необходимо, чтобъ не накликать прихода начальства.

Иванъ Захаровичъ былъ общительный человѣкъ и, случалось, вмѣсто того, чтобъ вызывать и спрашивать, онъ «лясничалъ» о предметахъ, вовсе не относящихся къ древней исторіи, и тогда его слушали съ бо́льшимъ интересомъ и всѣ оживлялись, узнавая, какъ онъ провелъ лѣто въ деревнѣ и какихъ вылавливалъ окуней въ озерѣ. Онъ былъ завзятый рыболовъ и о ловлѣ окуней разсказывалъ съ увлеченіемъ, едва-ли не бо́льшимъ, чѣмъ о Готфридѣ Бульонскомъ, который, надо думать, порядочно-таки надоѣлъ и ему самому.

Если во время такихъ разговоровъ неожиданно появлялся въ классѣ инспекторъ, Иванъ Захаровичъ, подмигивая лукаво глазомъ классу, какъ ни въ чемъ не бывало, начиналъ:

— Итакъ, господа, мы только-что узнали, какой мудрый законодатель былъ Солонъ... Теперь посмотримъ...

Классъ былъ въ восторгѣ отъ находчивости старика и, разумѣется, никогда не выдавалъ его, и инспекторъ уходилъ, не подозрѣвая, что Иванъ Захаровичъ большую часть урока посвятилъ бесѣдѣ о ловлѣ окуней.

Иногда Ивана Захарыча, несмотря на самыя дружескія къ нему отношенія, травили. Обыкновенно травля состояла въ томъ, что какой-нибудь кадетъ съ самымъ невиннымъ видомъ обращался къ Ивану Захарычу:

— Иванъ Захарычъ! Позвольте васъ спросить объ одной вещи...

— Спрашивай, братецъ, спрашивай,—добродушно отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, не подозрѣвавшій никакой каверзы.

— Отчего это у васъ, Иванъ Захарычъ, носъ такой красный?

— А тебѣ какое дѣло до моего носа? Какое тебѣ дѣло?—съ сердцемъ замѣчалъ Иванъ Захаровичъ. — Видно, хочешь, изъ класса, вонъ, а?..

— Я такъ, Иванъ Захарычъ, право, такъ, больше изъ любознательности. Я слышалъ, что красные носы бываютъ у тѣхъ, кто пьетъ одну воду. Правда это, Иванъ Захарычъ?

— Дуракъ ты, и злой дуракъ—вотъ что правда! Ступай вонъ изъ класса!

— За что-же, Иванъ Захарычъ?

— За то, что ты свинтусъ и говоришь дерзости...

— И не думалъ, Иванъ Захарычъ... Развѣ красный носъ...

— Вонъ!—кричалъ окончательно осердившійся старикъ и, выпрямившись во весь свой ростъ, трагическимъ жестомъ руки указывалъ на двери.

— Иванъ Захарычъ, милый, голубчикъ, простите, — начиналъ искусственно жалобнымъ тономъ молить кадетъ.

— Не стоишь... Ступай вонъ!

— Я, право, не хотѣлъ оскорбить васъ, Иванъ Захарычъ, ей-Богу не хотѣлъ... Мы всѣ такъ васъ любимъ...

— Любимъ, любимъ!—подхватилъ весь классъ.—Простите Егорова!

— Иванъ Захарычъ! Позвольте остаться въ классѣ... позвольте... Вѣдь меня не пустятъ за корпусъ, а у меня мать больна... Каково ей будетъ?..

— Мать больна?.. И ты не врешь?..

— Право, не вру,—не моргнувши глазомъ, вралъ школяръ.

Добрякъ Иванъ Захаровичъ, быстро отходившій, какъ всѣ вспыльчивые люди, успокоивался, обыкновенно прощалъ и при этомъ говорилъ:

— Красные носы бываютъ у пьяницъ... Ты это хотѣлъ знать?..

При такой постановкѣ вопроса повеселѣвшій-было кадетъ смущенно молчалъ.

— А у меня, братецъ, красный носъ отъ природы, коли тебя смущаетъ мой носъ. И я не пьяница, и тебѣ не совѣтую быть пьяницей... Но все-же лучше быть пьяницей, чѣмъ злымъ человѣкомъ... Ну, садись на мѣсто, и не будь никогда злюкой... А что захочешь спросить—спрашивай прямо, безъ хитростей... Бери примѣръ съ мудраго Солона.

— Добрый, славный вы, Иванъ Захарычъ!—кричалъ классъ.—А мы Егорова вздуемъ!

— Не надо, не дуйте!—заступался Иванъ Захарычъ.

И, снова сдѣлавшись добродушнымъ, Иванъ Захарычъ продолжалъ урокъ.

Иногда по недѣлямъ онъ не являлся—«болѣлъ», тщательно скрывая отъ кадетъ свою болѣзнь. Послѣ ужъ мы узнали, что этотъ старикъ, одинокій какъ перстъ, запивалъ.

V.

Яркимъ и блестящимъ метеоромъ промелькнулъ передъ нами, оставивъ по себѣ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній, учитель русскаго языка и словесности Дозе. Къ сожалѣнію, онъ преподавалъ очень короткое время и такъ-же неожиданно исчезъ, какъ и появился однажды у насъ въ классѣ вмѣсто стараго Василія Ивановича.

Словно вешняя душистая струя свѣжаго воздуха ворвалась въ классъ и чѣмъ-то новымъ, хорошимъ, возбуждающимъ пахнуло на огрубѣлыхъ кадетъ, благодаря этому учителю, приглашенному начальствомъ, вѣроятно, для оживленія учительскаго персонала. Съ перваго-же своего появленія онъ поразилъ насъ. Ничто, рѣшительно ничто не напоминало въ этомъ невысокомъ красивомъ молодомъ брюнетѣ съ большими мягкими и вдумчивыми черными глазами и необыкновенно интеллигентнымъ лицомъ тѣхъ одеревенѣлыхъ и грубыхъ поденщиковъ-учителей, которыхъ мы привыкли видѣть. И его нѣсколько застѣнчивыя манеры, изящная вѣжливость и серьезность отношенія къ кадетамъ, и самый его штатскій черный сюртукъ вмѣсто засаленнаго форменнаго сюртука корпусныхъ преподавателей—все это производило впечатлѣніе чего-то невиданнаго, диковиннаго и обаятельнаго...

На первомъ-же урокѣ его хотѣли «испытать». И когда молодой учитель обратился къ классу съ вопросомъ, что мы проходили и что

мы читали, одинъ изъ «битковъ» нарочно сталъ громко разговаривать съ сосѣдомъ, а другой свиснулъ.

Дозе на минуту смолкъ и съ мягкой улыбкой обратился къ шумѣвшимъ:

— Надѣюсь, господа, вы не долго будете намъ мѣшать и позволите мнѣ продолжать? Я вѣдь, кажется, буду преподавать юношамъ, а не маленькимъ дѣтямъ, которыхъ надо останавливать? Не правда-ли?

Эти вѣжливыя слова, эта милая улыбка, вмѣсто обычныхъ учительскихъ окриковъ и высылокъ изъ класса, заставили опѣшить шумѣвшихъ кадетъ, и они тотчасъ-же смолкли. И на весь классъ эта маленькая рѣчь оказала сильное дѣйствіе. Всѣ точно выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ, и всѣмъ было словно стыдно передъ этимъ «штафиркой». Въ самомъ дѣлѣ, не маленькія-же они дѣти!

Въ первый-же урокъ учитель познакомилъ насъ съ Гоголемъ, прочитавши «Шинель». Читалъ онъ мастерски, и большая часть класса замерла въ восторженномъ вниманіи, слушая произведеніе великаго писателя. И какимъ смѣшнымъ показался Василій Ивановичъ, отзывавшійся неодобрительно о Гоголѣ! Только три человѣка изъ самыхъ «отчаянныхъ», совсѣмъ отупѣвшихъ кадетъ оставались равнодушными. Послѣ чтенія, молодой учитель кое-что разсказалъ о Гоголѣ и назвалъ «Ревизора» и «Мертвыя души», отзываясь о нихъ восторженно. Въ слѣдующій урокъ онъ обѣщалъ объяснить намъ значеніе прочитанной повѣсти.

Уроки Дозе стали для насъ какими-то праздниками. Благодаря ему, кадеты впервые услыхали горячее, живое слово объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о возвышающемъ значеніи литературы, объ ея задачахъ и идеалахъ, о громадной важности подготовлявшагося освобожденія крестьянъ, на которое многіе изъ насъ смотрѣли, какъ на обиду помѣщикамъ. Онъ читалъ намъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, познакомилъ съ «Записками охотника» Тургенева и съ «Бѣдными людьми» Достоевскаго. И все это объяснялъ, комментировалъ... Въ слѣдующемъ году онъ имѣлъ намѣреніе прочитать намъ хотя краткій курсъ исторіи литературы и, удивляясь нашему невѣжеству по части русскаго языка, видимо желалъ пріохотить насъ къ его изученію. Ученическія сочиненія, дѣтски-наивныя и большей частью безграмотныя, онъ поправлялъ съ любовнымъ самоотверженіемъ и объяснялъ, какъ важно умѣть излагать на бумагѣ свои мысли... Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ пробудилъ юношей, заставивъ работать дремавшій мозгъ, заронилъ добрыя зерна и старался развить литературный вкусъ, пріохачивая къ хорошему чтенію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, ужъ близки были экзамены, какъ въ одно весеннее утро вмѣсто нашего милаго, любимаго Дозе въ классъ пришелъ опять Василій Ивановичъ и занялъ мѣсто на каѳедрѣ, предварительно зарядивъ, по обыкновенію, обѣ свои ноздри табакомъ.

Вѣроятно, на нашихъ лицахъ слишкомъ ярко отразилось непріятное изумленіе при его появленіи. И хотя на лицѣ Василія Ивановича и блуждала его обычная сладенькая улыбочка, но онъ видимо былъ раздраженъ нашимъ безмолвнымъ изумленіемъ, хотя и старался скрыть это.

— Вотъ, я опять со своими старыми друзьями,—заговорилъ онъ.— Я очень радъ, а вы, господа, какъ будто не особенно довольны, что возвратился вашъ старый учитель, а?..

Классъ угрюмо и напряженно молчалъ.

Кто-то освѣдомился о молодомъ учителѣ и съ разныхъ сторонъ спрашивали:

— Онъ развѣ заболѣлъ?

— Онъ развѣ не придетъ?

— Не придетъ... Онъ больше не будетъ преподавать!—отвѣтилъ Василій Ивановичъ, и недобрая, злорадная усмѣшка перекосила его губы.

— Онъ ушелъ изъ корпуса?..

— Да-съ, ушелъ...

— Отчего онъ ушелъ?—раздались голоса.

— Этого я вамъ объяснять не стану,—какъ-то загадочно усмѣхаясь, промолвилъ Василій Ивановичъ. — Могу только сказать, что этотъ господинъ, который вамъ такъ понравился, больше не будетъ читать разныхъ Некрасовыхъ, Тургеневыхъ и Достоевскихъ и набивать ваши головы вредными бреднями... Довольно-съ!

Въ этомъ тихомъ, скрипучемъ старческомъ голосѣ звучала злобная нотка.

— По вашему, вѣдь, и Гоголь не великій писатель, а каррикатуристъ, и тоже вредный?—съ нескрываемой насмѣшкой обратился къ старику одинъ изъ неофитовъ—яростный поклонникъ Гоголя и преданный ученикъ Дозе.

— По моему, Васильевъ, ты долженъ молчать, если тебя не спрашиваютъ! Вотъ, что по моему!—со злостью проскрипѣлъ старикъ и имѣлъ неосторожность прибавить:—это господинъ Дозе тебя такъ просвѣтилъ?

Фамиліарно-грубое «ты», обращенное къ пятнадцатилѣтнему юношѣ, ученику младшаго гардемаринскаго класса, послѣ изысканно-вѣжливаго обращенія Дозе показалось слишкомъ оскорбительнымъ, а злоб-

ные намеки на Дозе—гнусной клеветой. И юноша вдругъ сталъ бѣлѣе рубашки и крикнулъ старику:

— Прошу не говорить мнѣ «ты»... Слышите?

Василій Ивановичъ побагровѣлъ, но не сказалъ ни слова. Онъ только плотнѣе сжалъ свои тонкія губы и, кинувъ злобный взглядъ на протестанта, развернулъ исторію Карамзина.

— Вѣдь вотъ, хорошіе учителя уходятъ, а такіе остаются!—проговорилъ кто-то вполголоса, однако довольно громко для того, чтобъ Василій Ивановичъ могъ услышать.

Весь классъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Василія Ивановича, но онъ, какъ будто, ничего не слыхалъ и началъ читать. Только голосъ его слегка дрогнулъ и по лицу пробѣжала судорога.

— Отецъ все слышалъ!—чуть слышно пролепеталъ его сынъ.

Послѣ класса Василій Ивановичъ пошелъ къ инспектору. Объ этомъ тотчасъ-же узнали и съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ разыграется вся эта исторія. Но никакой «исторіи», благодаря А. И. Зеленому, не вышло. Онъ только призвалъ къ себѣ на квартиру Васильева и просилъ разсказать, какъ было дѣло. О кадетѣ, дурно отозвавшемся о преподавателяхъ, Василій Ивановичъ, какъ оказалось, не счелъ нужнымъ докладывать инспектору, тѣмъ болѣе, что и не могъ указать виновнаго. Васильевъ разсказалъ, какъ было дѣло, и не получилъ выговора. Только, отпуская его, Александръ Ильичъ замѣтилъ:

— Вы-бы могли сдержаннѣе отвѣтить... А то: кричать на учителя!.. Не хорошо-съ! Вотъ онъ вамъ теперь единицы будетъ ставить!—усмѣхнулся Александръ Ильичъ и прибавилъ:—ужъ вы не раздражайте старика... смотрите .. А я его, съ своей стороны, попрошу, чтобы онъ... того... не говорилъ вамъ, господа, ты...

Кажется, этотъ инцидентъ послужилъ поводомъ къ общему распоряженію обращаться къ воспитанникамъ старшихъ классовъ съ мѣстоименіемъ «вы». По крайней мѣрѣ, съ этого времени Василій Ивановичъ не говорилъ уже больше никому «ты» и вообще сталъ гораздо любезнѣе и даже начиналъ заискивать популярности и уже не называлъ Гоголя каррикатуристомъ... Старикъ, какъ будто, чувствовалъ близость конца своего педагогическаго поприща и, жадный до уроковъ, готовъ былъ идти на компромиссы...

И это лицемѣріе возбуждало въ кадетахъ еще большее отвращеніе. Его ужъ даже и не боялись и начинали третировать его...

Отстали отъ прежней привычки говорить на «ты» и остальные учителя и ротные командиры, и даже самъ директоръ корпуса, престарѣлый и болѣзненный адмиралъ, какъ кажется, мало занимавшійся

дѣлами корпуса, и тотъ продолжалъ говорить «ты» только маленькимъ кадетамъ неранжированной роты. Между кадетами ходилъ слухъ, будто о болѣе вѣжливомъ обращеніи съ кадетами и о крайне осторожномъ употребленіи тѣлесныхъ наказаній директору было приказано высшимъ начальствомъ.

Исчезновеніе любимаго учителя, разумѣется, интриговало насъ всѣхъ. Неужели его выгнали за то, что онъ намъ читалъ Гоголя и Тургенева? Подобное предположеніе падало само собой уже потому, что приглашенный вслѣдъ за уходомъ Дозе профессоръ М. И. Сухомлиновъ, преподававшій въ старшемъ классѣ, тоже пользовался большимъ уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ и не отрицалъ Гоголя.

VI.

Преподаватели многочисленныхъ предметовъ, относящихся къ морскому дѣлу, были по преимуществу ротные командиры и корпусные офицеры. По совѣсти, нельзя сказать, чтобы и преподаваніе спеціальныхъ предметовъ стояло на надлежащей высотѣ и чтобы большинство господъ наставниковъ отличались большимъ педагогическимъ умѣньемъ и любовью къ своему дѣлу. Они были почти «несмѣняемы» и всѣ почти изъ одной и той-же маленькой «привиллегированной» среды корпусныхъ офицеровъ. Занятые и воспитаніемъ, и обученіемъ въ одно и то-же время, они обыкновенно дальше книжекъ, заученныхъ въ молодыхъ годахъ, не шли и преподавали до старости съ ремесленной аккуратностью и рутиной, безъ всякаго «духа живаго». Учительскій персоналъ рѣдко обновлялся. Нужна была чья-нибудь смерть или какое-нибудь перемѣщеніе, чтобы открылась вакансія и свѣжія молодыя силы могли получить доступъ въ этотъ храмъ, гдѣ всѣ мѣста были заняты своими авгурами. Извѣстные профессора того времени, какъ Остроградскій, Савичъ, Буняковскій, Сомовъ, читали только въ офицерскихъ классахъ. Ихъ и вообще болѣе или менѣе извѣстныхъ преподавателей-спеціалистовъ со стороны не приглашали въ морской корпусъ, довольствуясь для кадетъ, такъ сказать, доморощенными преподавателями изъ корпусныхъ офицеровъ, которые такимъ образомъ получали дополнительный заработокъ къ своему жалованью и были гораздо обезпеченнѣе настоящихъ, плававшихъ моряковъ. Сами-же они были моряками только по названію да по мундиру. Морской духъ, благодаря которому были Лазаревы и Корниловы, пріобрѣтался на кораблѣ, а не въ корпусѣ. Корпусъ, напротивъ, ничего не давалъ въ этомъ смыслѣ.

Такой постановкой учебнаго дѣла,—постановкой давно заведенной рутины, винить за которую нельзя было инспектора классовъ А. И. Зеленаго,—и объяснялся тотъ фактъ, что окончившіе курсъ многочисленныхъ наукъ въ морскомъ корпусѣ его питомцы до того основательно позабывали науки, что, сдѣлавшись потомъ капитанами и умѣя отлично управлять судномъ, въ то-же время бывали въ рукахъ своихъ штурмановъ и механиковъ и безъ первыхъ многіе не съумѣли-бы астрономически опредѣлить своего мѣста и сдѣлать вычисленій, а безъ вторыхъ знать и понимать машину своего судна.

Не обновился учительскій персоналъ и не улучшилось преподаваніе и послѣ того, какъ А. И. Зеленой оставилъ мѣсто инспектора классовъ по случаю назначенія директоромъ штурманскаго училища въ Кронштадтѣ. Это было на третій годъ моего пребыванія въ корпусѣ, и я помню, какое общее и непритворное сожалѣніе вызвалъ въ кадетахъ уходъ этого добраго и гуманнаго человѣка. Вѣроятно, какія-нибудь іерархическія соображенія помѣшали назначить его директоромъ морскаго корпуса послѣ смерти старика-адмирала В. К. Давыдова. На этомъ мѣстѣ такой образованный и умный человѣкъ, какъ А. И. Зеленой, при новыхъ вѣяніяхъ въ морскомъ вѣдомствѣ, вѣроятно, многое-бы измѣнилъ въ порядкахъ морского корпуса и добился-бы значительнаго поднятія учебной части. Но мѣсто В. К. Давыдова заступилъ его помощникъ, контръ-адмиралъ С. С. Нахимовъ, братъ извѣстнаго героя, почти всю свою жизнь проведшій въ стѣнахъ корпуса на неотвѣтственныхъ и незначительныхъ должностяхъ, человѣкъ очень мягкій и добрый, но, кажется, и самъ никогда не мечтавшій о такомъ постѣ, требующемъ большихъ и особенныхъ способностей, не говоря уже о знаніяхъ.

С. С. Нахимовъ пробылъ, впрочемъ, не долго и въ годъ нашего выпуска директоромъ корпуса былъ назначенъ Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, составившій, кажется, записку о преобразованіи этого заведенія.

Это былъ человѣкъ не изъ корпусныхъ заматорѣлыхъ «крысъ», а настоящій, много плававшій морякъ, превосходный капитанъ и потомъ адмиралъ, образованный, съ широкими взглядами, человѣкъ необычайно правдивый и прямой, проникнутый истинно морскимъ духомъ и не зараженный плесенью предразсудковъ и рутины присяжныхъ корпусныхъ педагоговъ. Онъ горячо и круто принялся за «очистку» корпуса: обновилъ персоналъ учителей и корпусныхъ офицеровъ, призвалъ свѣжія силы, отмѣнилъ всякія тѣлесныя наказанія и вообще наказанія, унижающія человѣческую натуру, внесъ здоровый, живой

духъ въ дѣло воспитанія и не побоялся дать кадетамъ извѣстныя права на самостоятельность, завелъ кадетскія артели съ выборными артельщиками, которые дежурили на кухнѣ, однимъ словомъ, не побоялся развивать въ будущихъ офицерахъ самодѣятельность и духъ инициативы, то-есть, именно тѣ качества, развитія которыхъ и требовала морская служба. Самъ безупречный рыцарь чести и долга, гнушавшійся компромиссовъ, не боявшійся, «страха ради іудейска», защищать свои взгляды, такой-же неустрашимый на «скользкомъ» сухомъ пути, какимъ неустрашимымъ былъ въ морѣ, онъ неизмѣнно училъ кадетъ не бояться правды, не криводушничать, не заискивать въ начальствѣ, служить дѣлу, а не лицамъ и не поступаться убѣжденіями, хотя-бы изъ-за нихъ пришлось потерпѣть. При немъ ни маменькины сынки, ни адмиральскія дѣти не могли разсчитывать на протекцію. Справедливость была во всемъ и всегда, оказывая благотворное вліяніе на кадетъ. Онъ былъ строгъ при всемъ этомъ, но кадеты его обожали, и бывшіе въ его время въ корпусѣ съ особеннымъ чувствомъ вспоминаютъ о Воинѣ Андреевичѣ. Всегда доступный, онъ не изображалъ изъ себя «бонзы», какъ изображали многіе педагоги, и кадеты всегда могли приходить къ нему съ объясненіями и со всякими заявленіями. Высокій, сухощавый, нѣсколько суровый съ виду, онъ серьезно и внимательно выслушивалъ кадета и сообщалъ свое рѣшеніе ясно, точно и коротко.

При В. А. Римскомъ-Корсаковѣ морской корпусъ, какъ кажется, переживалъ самое лучшее время своего существованія послѣ никоколаевскаго времени. Преобразовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ нашло въ этомъ доблестномъ морякѣ лучшаго выразителя и лучшаго воспитателя будущихъ моряковъ. Но, къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность В. А. Римскаго-Корсакова была не долга. Еще далеко не все задуманное имъ было совершено и «очистка» корпуса далеко еще не была окончена, какъ смерть сразила этого человѣка, а вмѣстѣ съ человѣкомъ,— какъ это часто бываетъ,—и тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ дѣлѣ воспитанія.

Мѣсто его было занято однимъ изъ старыхъ корпусныхъ педагоговъ, едва-ли раздѣлявшимъ взгляды покойнаго директора.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ).

По поводу реформъ средняго образованія въ Баваріи съ медицинской точки зрѣнія.

Когда въ Баваріи шло дѣло о пересмотрѣ устава среднихъ учебныхъ заведеній, то въ высшій правительственный школьный Совѣтъ былъ приглашенъ совѣщательнымъ членомъ также одинъ изъ врачей, а именно тайный совѣтникъ д-ръ Ф. Кершенштейнеръ. Приглашеніе это знаменательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, во-первыхъ, признаніе баварскимъ правительствомъ необходимости участія врача въ дѣлѣ обсужденія педагогическихъ вопросовъ, а во-вторыхъ, желаніе выслушать мнѣніе именно Кершенштейнера, какъ ученаго, обстоятельно знакомаго, если и не съ медико-санитарной частью учебныхъ заведеній и съ организмомъ учащихся, то, во всякомъ случаѣ, съ дѣломъ общественной гигіены.

Къ этому надо замѣтить, что въ теченіе того времени, какъ собирался упомянутый школьный Совѣтъ, появилась въ Мюнхенѣ брошюра, написанная по поводу предполагаемыхъ реформъ д-ромъ Леопольдомъ Лёвенфельдомъ, почтеннымъ спеціалистомъ по нервнымъ болѣзнямъ, и особенно по нейрастеніи (нервной слабости).

Лёвенфельдъ видалъ не мало больныхъ, одержимыхъ всевозможными нервными недугами, а въ числѣ ихъ и больныхъ учащихся, страдавшихъ отъ мозгового переутомленія. Благодаря личному опыту, а также теоретическому знакомству съ отношеніями школы и ученія къ здоровью дѣтей, Лёвенфельдъ имѣлъ возможность уяснить себѣ вопросъ о вліяніи современной школьной обстановки на учащихся, и потому, когда стало извѣстнымъ о томъ, что предстоятъ реформы въ средней школѣ, онъ рѣшился высказать свое мнѣніе относительно облегченія на будущее время учащихся отъ разныхъ золъ дѣйствующей педагогіи. Брошюра эта явилась очень кстати. Кершенштейнеръ, не смотря на всю свою консервативность, не могъ пройти молчаніемъ либеральныхъ разсужденій почтеннаго согражданина и

*

сотоварища по профессіи и долженъ былъ волей-неволей высказаться pro или contra по нѣкоторымъ положеніямъ автора.

Такъ какъ брошюра Лёвенфельда содержитъ много весьма обстоятельныхъ и поучительныхъ замѣтокъ касательно даннаго вопроса, и такъ какъ Кершенштейнеръ посвятилъ именно ей часть своей рѣчи въ Совѣтѣ, то мы находимъ вполнѣ умѣстнымъ остановиться на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся пунктахъ брошюры.

Лёвенфельдъ пишетъ, что когда въ Совѣтѣ зашла рѣчь о переутомленіи учащихся, то противъ существованія таковаго приведены были статистическія данныя слѣдующаго рода: въ мюнхенскомъ окружномъ домѣ для умалишенныхъ, по словамъ проф. Грасгея (Grashey), впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ лечилось чрезвычайно мало учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, да и у тѣхъ болѣзнь не имѣла никакой связи со школою. Кромѣ того, Грасгей не могъ, новидимому, и у взрослыхъ помѣшанныхъ указать на отношеніе заболѣванія къ умственному переутомленію во время бытности ихъ въ школѣ. Далѣе, проф. К. Фойтъ доказывалъ, что у одногодовыхъ вольноопредѣляющихся изъ студентовъ, выключая близорукость, ни одна болѣзнь не встрѣчалась чаще, чѣмъ у лицъ другихъ профессій, и что процентное отношеніе годныхъ къ службѣ студентовъ оказывалось весьма благопріятнымъ.

По поводу всего этого Лёвенфельдъ говоритъ слѣдующее: дѣйствующая система средняго образованія въ Баваріи не отвѣчаетъ гигіеническимъ требованіямъ; доказательствомъ служитъ мнѣніе множества врачей, писавшихъ о здоровьѣ учащихся. Проф. Россбахъ (Вюрцбургъ) прямо говоритъ: «если взять нашихъ бѣдныхъ юношей, лучшіе годы которыхъ пропадаютъ такимъ непростительнымъ образомъ, и сравнить ихъ съ юношами англійскими, радостно и энергично упражняющимися послѣ занятій на площадяхъ городовъ, то просто сердце разрывается отъ жалости. Если-бы воинская служба не искупала отчасти вреда, наносимаго школьными педантами, то образованное сословіе германскаго народа должно было-бы погибнуть, не смотря на унаслѣдованную имъ тѣлесную силу». Проф. Цимссенъ, этотъ ярый защитникъ классической системы, и онъ въ своей вступительной ректорской рѣчи, говоря объ обремененіи учащихся, не могъ не согласиться, что «развитіемъ тѣлесной силы и ловкости въ школѣ рѣшительно пренебрегаютъ въ угоду методическому развитію умственныхъ способностей». Между спеціалистами по нервнымъ болѣзнямъ едва-ли найдутся теперь такіе, которые возражали-бы противъ утвержденія, что современная система образованія находится

въ связи съ увеличеніемъ нервныхъ страданій у лицъ образованныхъ. Вообще, германскій императоръ не даромъ сказалъ: «такъ идти далѣе не можетъ!». Ссылками на отсутствіе среди учащихся случаевъ умопомѣшательства и на то, что годность къ воинской службѣ особенно не нарушается отъ гимназическихъ требованій, отнюдь не доказывается безвредность образовательной системы въ санитарномъ отношеніи. Совокупность пагубныхъ для здоровья условій въ школѣ обнаруживаетъ вліяніе свое медленно, незамѣтно, или-же только пріуготовляетъ почву для болѣе легкаго воспріятія недуговъ въ продолженіе послѣдующей внѣ-школьной жизни. Таковы, напр., условія, лежащія въ образѣ жизни учащихся, и въ особенности умственное переутомленіе. Тутъ дѣйствіе оказывается двоякое: прямое и посредственное. Прямое будетъ въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе чрезмѣрной умственной дѣятельности, поражается вообще нервная система и въ частности мозгъ, поскольку лишается онъ при этомъ возможности полнаго отдыха, т.-е. полнаго возстановленія потраченныхъ нервныхъ силъ. Равнымъ образомъ, прямое дѣйствіе оказываютъ на организмъ уменьшеніе аппетита, нарушеніе пищеваренія и сна. Посредственно вліяетъ учебная система тѣмъ, что препятствуетъ правильному санитарному уходу за тѣломъ, и въ силу этого вызываетъ разстройства, отражающіяся, въ свою очередь, на нервахъ. Чаще всего слѣдствіемъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія оказывается именно нервность или нейрастенія. И наблюдается она не только у студентовъ университета на послѣднихъ семестрахъ, подъ тяжестью подготовленія къ выпускному экзамену, но и въ первыхъ курсахъ, когда даже нѣтъ еще особенно усиленныхъ занятій, такъ что, очевидно, зародыши этого разстройства значительною долею должны корениться въ гимназіи. Конечно, причиною нервности можетъ быть не одно переутомленіе. Случается наслѣдственное предрасположеніе, бываютъ грѣхи юности, однако суть все-таки заключается въ ненормальныхъ условіяхъ школы и ученія. Большинство случаевъ нервности ускользаетъ обыкновенно отъ вниманія учителей, потому что она не нарушаетъ ученія и не обнаруживается явными признаками, а между тѣмъ, разстройства эти отражаются часто на долгіе годы, если не на всю жизнь. Помимо нервности, школа, благодаря продолжительности сидячаго образа жизни, производитъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ припадковъ и страданій, нарушающихъ строеніе или отправленіе различныхъ частей и органовъ тѣла учащихся. Далѣе Лёвенфельдъ подробно опровергаетъ успокоительныя утвержденія проф. Фойта касательно здоровья поступающихъ въ военную службу изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ

заведеній. Но мы считаемъ излишнимъ говорить объ этомъ на томъ основаніи, что возраженія Лёвенфельда нашли на послѣдней Берлинской школьной конференціи въ декабрѣ 1890 г. *) на столько блистательное подтвержденіе, что послѣ него оказывается просто празднымъ дѣломъ спорить противъ факта неудовлетворительности санитарнаго состоянія вольноопредѣляющихся изъ гимназій и университетовъ. Кстати, надо прибавить, что проф. Фойтъ говоритъ о вольноопредѣляющихся только одного полка, гдѣ принимаются люди исключительно отборные по тѣлесному здоровью.

Проф. Цимссенъ утверждалъ, что вина плохого тѣлеснаго развитія учащихся лежитъ лишь малою долею на школѣ, что главнымъ образомъ ее надо искать внѣ школы, и потому считалъ достаточнымъ указать школьной администраціи на необходимость обратить больше вниманія на гимнастику, на ограниченіе внѣклассныхъ занятій и на пользу движенія на чистомъ воздухѣ.

Баварскій высшій школьный совѣтъ предлагаетъ для первыхъ четырехъ классовъ, при пяти часахъ классныхъ занятій, не болѣе трехъ часовъ домашнихъ занятій. А гдѣ, спрашиваетъ Лёвенфельдъ, часы для необязательныхъ занятій, а гдѣ добавочные часы для слабыхъ и менѣе одаренныхъ по способностямъ учениковъ? А гдѣ часы для чтенія? На дѣлѣ-то и выйдетъ, что потребно не 8, а по крайней мѣрѣ 10 часовъ занятій въ день, изъ коихъ девять придутся на самую напряженную умственную работу. Вообще, Совѣтъ не только не уменьшилъ, но, напротивъ, повысилъ число часовъ занятій,—повысилъ даже по сравненію съ требованіями прусскаго правительства въ средней школѣ (по циркуляру министра Госслера).

Говорятъ, что юношей надо пріучать къ серьезной умственной работѣ. Это вѣрно. Но пріучать къ такой работѣ можно и при меньшемъ числѣ часовъ домашнихъ занятій. Слишкомъ продолжительное умственное напряженіе должно имѣть слѣдствіемъ ослабленіе работы, пониженіе уровня мышленія. Что-же касается количества учебнаго матеріала, то, конечно, и при ограниченіи времени внѣклассныхъ занятій онъ долженъ быть уменьшенъ. Но развѣ тотъ plus знаній, который нынѣ пріобрѣтается отъ избытка домашнихъ занятій вознаграждаетъ вредъ для здоровья?

Лёвенфельдъ высказываетъ увѣренность, что ограниченіе количества занятій въ гимназіяхъ должно имѣть слѣдствіемъ не только улучшеніе тѣлеснаго развитія, но и лучшую подготовку къ будущей дѣя-

---

*) См. статью А. Виреніуса, въ газетѣ «Врачъ». 1892 г., №№ 26, 28 и 29.

тельности. Затѣмъ, замѣчаетъ онъ, — и, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедливо,—что вопросъ касательно количества времени умственныхъ занятій учащихся въ школѣ и внѣ школы долженъ быть рѣшенъ при участіи врачей, а не однихъ только педагоговъ. Наконецъ, относительно желанія педагоговъ свалить заботу о тѣлесномъ уходѣ за дѣтьми на родителей Лёвенфельдъ говоритъ: все это было-бы хорошо, еслибы школа давала на это потребное время, да къ тому-же и мѣсто, такъ какъ для правильнаго примѣненія гимнастическихъ требованій въ современной школѣ не имѣется собственно никакой возможности, а тѣмъ паче въ домахъ родителей, въ домахъ частныхъ лицъ.

Изложивъ сущность воззрѣній д-ра Лёвенфельда, которыя, прибавимъ, находятъ себѣ въ настоящее время сочувствіе у большинства современныхъ врачей, да отчасти и педагоговъ, мы обратимся къ тому, что высказано было въ высшемъ баварскомъ школьномъ Совѣтѣ г. тайнымъ совѣтникомъ д-ромъ Кершенштейнеромъ.

Онъ начинаетъ свою рѣчь, во-первыхъ, выраженіемъ благодарности за честь, оказанную медицинскому сословію приглашеніемъ его, врача, въ высшій школьный Совѣтъ, а во-вторыхъ, краткимъ изложеніемъ школьно-гигіеническихъ мѣръ въ учебныхъ заведеніяхъ,— мѣръ, имѣющихъ за собою давность уже не менѣе трехъ столѣтій. Уже съ половины XVI вѣка видны въ школахъ попытки реформъ въ пользу тѣлеснаго здоровья дѣтей. Въ 1573 году, въ уставѣ первой семинаріи при іезуитской школѣ въ Мюнхенѣ говорится слѣдующее: «Такъ какъ человѣкъ не можетъ мыслить и учиться непрерывно, ибо природа его требуетъ отдыха, покоя, движенія и даже скромнаго развлеченія, то, согласно этому, какъ суточные, такъ и недѣльные часы должны быть точно распредѣляемы, а кстати должно быть обращаемо вниманіе на попеченіе о здоровьѣ и о крѣпкомъ тѣлосложеніи учащихся дѣтей». Изрѣдка, дѣйствительно, какъ-бы проявлялась забота о здоровьѣ и развитіи дѣтей, и являлась надежда на болѣе дѣятельное участіе врача въ вопросахъ, касающихся тѣлеснаго, по крайней мѣрѣ, воспитанія, однако по существу дѣло гигіены болѣе красовалось на бумагѣ, нежели въ убѣжденіи педагоговъ и въ жизни школы. Вообще, пока гигіена не пріобрѣла значенія науки, вліяніе врачей въ школьномъ дѣлѣ было самое ничтожное. Такимъ образомъ, можно сказать, впервые въ 1867 году были регламентированы положенія относительно гигіены школы,—тѣ положенія, которыя и до сегодня примѣняются въ народныхъ школахъ Баваріи. Въ 1874 году изданы были общія положенія касательно учрежденія общественныхъ и частныхъ учеб-

ныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, причемъ обращено было особенное вниманіе и на школьную гигіену, — и вотъ съ той поры наука эта стала играть болѣе или менѣе видную роль, по крайней мѣрѣ, въ заведеніяхъ большихъ городовъ.

Кершенштейнеръ счелъ цѣлесообразнымъ остановиться на тѣхъ пунктахъ подлежащаго реформамъ школьнаго устава, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ гигіенѣ. Такъ, первый вопросъ, обращающій на себя вниманіе врача, касается числа учащихся, допустимаго въ классѣ. Какъ врачъ долженъ быть внимателенъ въ уходѣ за каждымъ отдѣльнымъ больнымъ, такъ и учитель обязанъ знать каждаго ученика, поэтому наименьшее число учащихся въ классѣ желательно какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ. Въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній не слѣдовало-бы допускать, по мнѣнію Кершенштейнера, болѣе 50-ти, а въ старшихъ болѣе 35 учениковъ. Эти цыфры значатся и въ проектѣ новаго устава; слѣдовательно, Кершенштейнеръ подтвержденіемъ проектированнаго педагогами оказалъ не великую услугу учащимся и ученію, если не сказать: услугу медвѣжью. Докажемъ это. Длина класса болѣе 7 метр. быть не должна, а ширина болѣе 6 метр. Площадь, слѣдовательно, равна 42 кв. метр. При вышинѣ въ 4 метра классъ будетъ объемомъ въ 168 куб. метр. Если допустить на маленькаго ученика всего только 5 куб. метровъ, то выходитъ, что въ такомъ классѣ можетъ помѣститься не болѣе 34 человѣкъ (безъ учителя). Взрослыхъ учениковъ (считая на ученика $7^1/_2$ куб. метр.) въ такомъ-же помѣщеніи не слѣдовало-бы допускать болѣе 22-хъ. Положимъ, педагоги всего этого не признаютъ, но дѣло врача все-таки высказать свое мнѣніе, а будутъ-ли совѣту его слѣдовать или нѣтъ—это уже вопросъ другой. Слѣдовательно, и Кершенштейнеръ долженъ-бы былъ ограничиться высказываніемъ научнаго своего мнѣнія, а не прислушиваться къ нормамъ несвѣдущихъ въ гигіенѣ людей.

Справедливѣе разсужденія автора, касающіяся времени и характера умственныхъ занятій учащагося. 26 недѣльныхъ часовъ занятій нельзя считать отяготительными для ученика,—конечно, если распредѣленіе учебныхъ предметовъ, самихъ часовъ ученія и рекреацій будетъ сдѣлано правильно. И такое число еженедѣльныхъ уроковъ должно быть соблюдаемо, хотя-бы вводимы были въ программу тѣ или другіе новые предметы преподаванія.

По мнѣнію автора, относительно занятій слѣдуетъ руководствоваться правиломъ, чтобы учебные предметы и ходъ ученія сообразовались съ состояніемъ роста и развитія мозга у дѣтей.

Въ начальной школѣ упражняются память и чувства ученика путемъ правильно регулируемаго нагляднаго обученія. Въ средней школѣ, при помощи достаточнаго матеріала для памяти и отчетливыхъ представленій, благодаря наглядному наблюденію, пріуготовляется почва, на которой уже съ успѣхомъ можетъ развиваться процессъ, обозначаемый педагогами «самостоятельнымъ мышленіемъ». Вотъ въ этомъ именно отношеніи и происходятъ у педагоговъ подчасъ нежелательныя погрѣшности. Учитель, напримѣръ, хочетъ, чтобы ученику не только было извѣстно правило или исключеніе въ грамматикѣ и быстрое его примѣненіе, но чтобы онъ ясно понималъ и внутренній его смыслъ. Между тѣмъ, нерѣдко бываетъ, что ребенку это совсѣмъ не подъ силу, вслѣдствіе чего и оказывается, что при такихъ условіяхъ мыслительная способность нарушается или даже прямо задерживается. Авторъ встрѣчалъ на практикѣ случаи, и притомъ на мальчикахъ способныхъ, что вслѣдствіе ошибочнаго, хронологически невѣрнаго метода учащіеся испытывали такой страхъ предъ грамматикой, что доходили до нервнаго состоянія.

Соотвѣтствующій матеріалъ для запоминанія чрезвычайно важенъ для развитія: его впослѣдствіи не наверстаешь, если не запасешься имъ въ юности. Но, какъ мы уже сказали, должно относиться къ надѣленію имъ ученика съ великою осторожностью. Учителя не рѣдко злоупотребляютъ, такъ-называемымъ, «зубрильнымъ хламомъ» (Gedächtnisskram). Благоразумный преподаватель долженъ избирать для закрѣпленія въ памяти учащихся на будущее время лишь самое лучшее; прежде нежели развивать силы сужденія, онъ долженъ заботиться объ усовершенствованіи памяти и чувства, иначе онъ впадетъ въ крупную физіологическую ошибку, вредную по своимъ послѣдствіямъ.

Врачи и педагоги значительно расходятся въ мнѣніяхъ относительно числа часовъ занятій. Такъ, проф. Кольманъ (Базель) настаиваетъ на увеличеніи числа часовъ сна, на сокращеніи числа часовъ классныхъ и домашнихъ занятій и на употребленіи доли послѣднихъ на отдыхъ и на тѣлесныя упражненія. Въ виду этого онъ совѣтуетъ упразднить 4-й утренній урокъ и сократить время сидѣнья. Докторъ Лёвенфельдъ стоитъ главнымъ образомъ за уменьшеніе внѣклассной работы. Кершенштейнеръ говоритъ, что въ принципѣ нельзя съ этимъ не согласиться, равно какъ и съ постановленіемъ министра отъ 28-го января 1891 года, въ силу котораго увеличивается продолжительность рекреацій, а именно: послѣ перваго урока полагается пауза въ 10 минутъ, а послѣ втораго и третьяго—по четверти часа. Вначалѣ жаловались, что подобные перерывы нарушаютъ, будто-бы, правильность

преподаванія и школьную дисциплину, но мѣсяца черезъ три къ этому нововведенію привыкли и жалобы прекратились. Кстати, слѣдуетъ замѣтить, что болѣе продолжительныя рекреаціи даютъ возможность выпускать дѣтей на дворъ, а классы въ это время болѣе энергично провѣтривать.

Министерское постановленіе указывало на то, что центръ тяжести ученія долженъ лежать въ самой школѣ. Работу на домъ впредь можно давать по родному языку—въ старшихъ классахъ лишь одинъ разъ въ двѣ недѣли, а въ младшихъ только однажды въ мѣсяцъ. Что касается ежедневныхъ внѣклассныхъ занятій, то при нихъ строжайше слѣдуетъ избѣгать переутомленія и нанесенія вреда здоровью, почему учителя одного и того-же класса должны постоянно согласоваться и опредѣлять количество работы сообразно затрачиваемому на нее учениками времени. Такъ, не считая воскресенья, максимумомъ вечернихъ занятій должно считать для самаго младшаго класса 1 часъ, для слѣдующихъ четырехъ классовъ 2 часа и для старшихъ 3 часа.

Вотъ на эти-то три часа и напалъ въ печати д-ръ Лёвенфельдъ. Кершенштейнеръ обходитъ сначала этотъ вопросъ и останавливается главнымъ образомъ на томъ, что между переутомленіемъ въ школѣ и умопомѣшательствомъ не открывается прямой связи по статистическимъ даннымъ заведеній для душевныхъ больныхъ. Далѣе, онъ говоритъ, что находимая врачами у студентовъ нервность встрѣчается у всевозможныхъ представителей современнаго общества. На этомъ авторъ и успокоивается,—и конечно, совершенно несправедливо, потому что, снимая со школы извѣстную долю отвѣтственности за нервность, онъ тѣмъ самымъ отнюдь не устраняетъ причинъ нервности, лежащихъ въ самой только школѣ, во многихъ деталяхъ ея обстановки,—причинъ, которыя признаются даже педагогами и которыя ими-же по мѣрѣ возможности предупреждаются или искореняются.

По отношенію къ тремъ часамъ вечернихъ занятій авторъ замѣчаетъ, что въ такомъ числѣ часовъ бо́льшая часть учениковъ не нуждается, что домашняя работа въ сущности состоитъ лишь въ повтореніи пройденнаго въ классѣ или въ приготовленіи къ будущему уроку. Работа эта зависитъ вполнѣ отъ индивидуальныхъ способностей учащихся и обыкновенно не выполняется имъ сразу.

Намъ кажется, что всѣмъ этимъ отнюдь не опровергается сказанное Лёвенфельдомъ. Равнымъ образомъ авторъ не правъ, намекая на то, что Лёвенфельдъ ставилъ въ прямую связь 3-часовое время вечернихъ занятій съ общею тѣлесною слабостью учащихся, вслѣдствіе которой молодые люди оказывались негодными къ военной службѣ.

Касательно значительности числа этихъ послѣднихъ Кершенштейнеръ сомнѣвается и говоритъ, что въ Баваріи точной статистики по этому вопросу пока еще нѣтъ, но что она ожидается въ скоромъ будущемъ. Вопросъ, слѣдовательно, оставляется д-ромъ Кершенштейнеромъ открытымъ, не смотря на то, что ему не трудно было-бы припомнить, что въ декабрѣ 1890 г. онъ, по отношенію по крайней мѣрѣ къ нѣмецкимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ мы уже упомянули выше, былъ рѣшенъ, можно сказать окончательно на Берлинской школьной конференціи въ смыслѣ утвердительномъ для доктора Лёвенфельда.

Д-ръ Кершенштейнеръ старается доказать, что 3 часа занятій вечеромъ можно распредѣлить такъ, что они не будутъ обременительны, что занятія эти служатъ великимъ и цѣннымъ подспорьемъ для занятій классныхъ, что отъ домашнихъ занятій часто зависитъ будущее счастье человѣка, что знаменитые люди бо̀льшею частью своего превосходства надъ окружающими нерѣдко бываютъ обязаны ни чему иному, какъ именно своимъ внѣклассным занятіямъ въ годы дѣтства и юношества. Разумѣется, прибавляетъ авторъ, занятія эти должны заключаться въ самостоятельной умственной переработкѣ пройденнаго въ классѣ, въ осмысленной подготовкѣ къ слѣдующему уроку, въ доброкачественномъ чтеніи, въ пробужденіи критическаго мышленія, въ удержаніи въ памяти наилучшаго изъ всего учебнаго матеріала, въ бесѣдѣ о томъ или другомъ предметѣ съ образованными членами семьи, въ свободномъ, смотря по склонности и желанію, изученіи естественныхъ наукъ, рисованія, музыки, иностранныхъ языковъ, родной литературы. Да и съ санитарной точки зрѣнія авторъ не допускаетъ, чтобы замѣна трехчасовыхъ вечернихъ занятій занятіями, по Лёвенфельду, двухчасовыми могла быть оправдываема достаточнымъ образомъ.

Но всѣ эти разсужденія оказываются или не имѣющими прямой связи съ разсматриваемымъ вопросомъ, или бьющими мимо цѣли. Лёвенфельдъ доказываетъ, что три часа представляютъ число фиктивное, что за нимъ скрывается 4, 5 и болѣе часовъ вечернихъ занятій, такъ какъ, помимо занятій обязательныхъ, у каждаго учащагося на каждомъ шагу являются занятія необязательныя. Видимо, Кершенштейнеръ старается не возражать противнику, а уклониться отъ прямого отвѣта, и потому въ концѣ-концовъ не рѣшаетъ дѣла, оставляя его въ состояніи полной неопредѣленности. Конечно, не этого слѣдовало-бы ожидать отъ знающаго, опытнаго, да, пожалуй, и честнаго врача-гигіениста, и притомъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ защита здоровья учащихся!

Кершенштейнеръ говоритъ, что въ проектѣ новаго устава были сдѣланы кое-какія измѣненія къ лучшему относительно обученія по всѣмъ учебнымъ предметамъ, но такъ какъ измѣненія эти чисто-дидактическаго характера, то онъ не считаетъ нужнымъ, какъ врачъ, входить въ ихъ разсмотрѣніе. Онъ касается только преподаванія естественныхъ наукъ, въ пользу котораго и приводитъ извѣстные доводы. Разумѣется, такой взглядъ слишкомъ узокъ въ настоящее время! Онъ полагаетъ, что занятія естественными науками (всего одинъ разъ въ недѣлю въ младшихъ классахъ!), конечно, не должны служить средствомъ для подготовленія къ изученію медицины, но принадлежать къ основнымъ предметомъ курса и общаго образованія, и потому никоимъ образомъ не должны отсутствовать въ гуманистической гимназіи. Занятія эти цѣлесообразнѣе всего примыкаютъ къ практиковавшемуся уже въ народной школѣ наглядному преподаванію. По мнѣнію автора, обученіе естествознанію должно быть ведено слѣдующимъ образомъ: въ зимній семестръ въ первомъ латинскомъ классѣ слѣдуетъ начинать съ ботаники, и именно съ морфологіи, или по хорошимъ рисункамъ, или по имѣющимся, напримѣръ, въ комнатѣ растеніямъ, такъ чтобы пройденное можно было потомъ въ лѣтнее время провѣрять на практикѣ, на экскурсіяхъ. Въ дѣлѣ преподаванія необходимо самому учителю предоставить и методъ, и способъ его приложенія. Весьма ошибаются иные критики, совѣтующіе не допускать обученія по свѣжимъ весеннимъ растеніямъ, а предлагающіе объяснять скучнѣйшимъ образомъ по схематическимъ изображеніямъ. Каждый толковый учитель согласится, что для подходящаго ознакомленія ребенка съ природой (а въ этомъ вѣдь и заключается, конечно, цѣль обученія естествознанію) необходимо знаніе составныхъ частей растенія, его произрастанія, расположенія и пр. Равнымъ образомъ ложно, если не совѣтуютъ демонстрировать ученикамъ въ лѣтній семестръ деревья, кустарники и хлѣбныя растенія, которыя, какъ оказывается, часто не умѣютъ отличать учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само собой разумѣется, что при этомъ вполнѣ умѣстно знакомить дѣтей съ тѣмъ именно, что цвѣтетъ въ данное время.

То-же можно сказать и относительно зоологіи.

Положимъ, учителю предоставляется избирать методъ по его усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе, въ предметѣ нововводимомъ не мѣшаетъ руководствоваться опредѣленной напередъ нормой, въ виду единообразія преподаванія въ различныхъ школахъ и въ виду вообще цѣлесообразности экскурсій. Тутъ, во-первыхъ, какъ и во всѣхъ предметахъ, требуется подчиненіе извѣстному порядку. Въ руководство по вопросу о школьныхъ экскурсіяхъ можно было-бы вполнѣ рекомендовать со-

чиненіе Г. Вендта «Ueber Schulexcursionen mit besonderer Rücksicht auf grössere Städte. Berlin. 1885». Многіе думаютъ, что экскурсіи годятся только для ботанизированія. Это взглядъ слишкомъ узкій. Настоящій учитель съумѣетъ увлекательнымъ образомъ ознакомить не только съ естественными явленіями во всѣхъ областяхъ, но и съ историческими подробностями встрѣчаемыхъ по пути церквей и замковъ, мѣстностей, съ языкомъ, нравами и обычаями жителей и т. д. Конечно, къ такимъ экскурсіямъ учителю приходится подготовляться, подобно тому какъ и ко всякому классному уроку; но это неизбѣжно: экскурсія составляетъ интегральную часть ученія и воспитанія. Кстати, надо замѣтить, что въ Баваріи за послѣднее время образовалось нѣчто въ родѣ добровольныхъ занятій естественной исторіей. Ведутся они автодидактами, безъ всякой регламентаціи, однако чрезвычайно увлекательно и весьма успѣшно. И такія занятія ведутся уже въ двадцати школахъ.

Переходя къ гимнастикѣ, Кершенштейнеръ относитъ оцѣнку этической на нее точки зрѣнія къ области педагога, а самъ рѣшается судить только о тѣлесной, гигіенической сторонѣ предмета, и главное—о значеніи тѣлеснаго развитія въ гармоніи съ умственнымъ. Тутъ авторъ высказываетъ обычные старые взгляды относительно необходимости подходящаго мѣста и времени для преподаванія гимнастики и совѣтуетъ по возможности часто производить упражненія на чистомъ воздухѣ, замѣнять гимнастику частью плаваніемъ (лѣтомъ), катаньемъ на конькахъ (зимой), экскурсіями естественно-научнаго характера. Къ этому онъ допускаетъ методическую домашнюю гимнастику съ простѣйшими ручными снарядами, ларжіадеровскими грудорасширителями, кольцами, трапеціей и пр.

Цѣлью при обученіи рисованію въ гимназіи, по мнѣнію автора, должно служить то, чтобы учащійся въ состояніи былъ правильно видѣнное имъ правильно-же изображать на бумагѣ—такой результатъ обученія особенно оказывается цѣннымъ для будущихъ натуралистовъ и медиковъ.

Музыку авторъ считаетъ важнымъ образовательнымъ средствомъ, годнымъ для высшаго и тончайшаго развитія органовъ чувствъ, но полагаетъ, что для занятій ею необходимо особенное дарованіе и любовь у учащагося, и потому заниматься ею слѣдовало бы предоставить лишь тѣмъ, кто лично имѣетъ къ ней склонность.

Весьма существеннымъ для тѣлеснаго и душевнаго состоянія ученика представляется вопросъ объ экзаменахъ,—вопросъ слишкомъ сложный, а нерѣдко трактовавшійся только съ одной формальной стороны. Экзамены отнюдь не должны требовать недѣль и мѣсяцевъ

страха и возбужденія. Упрощеніе экзаменовъ, особенно выпускныхъ, было-бы весьма желательно. Равнымъ образомъ и переэкзаменовки, коихъ значеніе весьма сомнительно, должны-бы были подпасть упраздненію. Они омрачаютъ каникулярное радостное настроеніе не только дѣтей, но и всей семьи, и способны отнять всѣ гигіеническія выгоды, представляемыя каникулами. Это, къ счастью, сознавалось и правительствомъ; и вотъ, съ 28-го января 1891 г. въ Баваріи переэкзаменовки оказываются упраздненными, а равно и экзаменъ выпускной для тѣхъ учениковъ, которые на письменномъ испытаніи и ни въ одномъ предметѣ въ году не получили «неудовлетворительной» отмѣтки; отчасти и отъ устныхъ испытаній ученики могутъ быть освобождаемы по рѣшенію педагогическаго Совѣта. Все это, говоритъ Кершенштейнеръ, отвѣтило-бы и желаніямъ Лёвенфельда, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ предохранительную мѣру противъ нервности.

Въ извѣстной связи съ вопросомъ объ экзаменахъ состоитъ и вопросъ о каникулахъ, которыя падали отчасти на самое жаркое, и потому невыносимое для занятій время. Теперь рѣшено оканчивать ученіе 14-го іюля, а начинать ученіе 10-го сентября. Реформа относительно экзаменовъ и каникулъ съ гигіенической точки зрѣнія, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Медицинской оцѣнкѣ подлежатъ и рѣшенія, касающіяся взысканій по нарушенію школьной дисциплины. Это—неизбѣжная часть воспитанія. Отъ разумнаго, справедливаго веденія ея зависитъ развитіе чувства чести и справедливости у весьма многихъ учащихся. Противъ выговора за проступокъ ученику возражать нечего, но слѣдующее за тѣмъ взысканіе, а именно: «сажаніе за особый столъ въ классѣ» уже вызываетъ возраженія. Оно не достигаетъ цѣли, такъ какъ скорѣе оскорбляетъ чувство собственнаго достоинства ученика, нежели служитъ къ вызову и подъему сознанія собственной вины, на что, очевидно, разсчитано. Предметомъ болѣе обстоятельнаго обсужденія оказался вопросъ о полудневномъ и дневномъ домашнемъ арестѣ. Въ цѣляхъ школьнаго воспитанія наказаніе это, по мнѣнію автора, совершенно неподходяще: оно одинаково тягостно и для ученика, и для родителей. Дѣйствуетъ-ли оно исправляющимъ образомъ на ученика—въ этомъ позволительно усомниться. Наблюдательные родители хорошо знаютъ, что чѣмъ дѣльнѣе учитель, тѣмъ рѣже примѣняются имъ наказанія. Извѣстно вообще, что по мѣрѣ умноженія взысканій учитель теряетъ свое вліяніе. Наиболѣе цѣлесообразнымъ наказаніемъ все-таки слѣдуетъ признать то, когда ученикъ отсижи-

ваетъ извѣстный срокъ за работой подъ надзоромъ. Съ таковымъ мнѣніемъ согласуется и рѣшеніе школьной администраціи.

Наконецъ, предметомъ для обсужденія конференціи послужилъ медицинскій надзоръ въ школахъ, именно надзоръ въ видахъ правильнаго выполненія санитарныхъ предписаній. Кершенштейнеръ замѣтилъ, что указаніями и совѣтами врачей по вопросамъ школьной гигіены пользуются весьма рѣдко, даже вопреки желанію самого правительства, въ ущербъ дѣлу школы и ученія. А между тѣмъ, при возрастающемъ значеніи школьной гигіены, необходимо въ подходящихъ случаяхъ привлекать къ участію врача. Поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ правительственному рѣшенію, по которому «завѣдывающія учебными заведеніями лица обязаны на будущее время обращаться по всѣмъ санитарнымъ и гигіеническимъ вопросамъ за совѣтомъ къ состоящимъ для этой цѣли правительственнымъ врачамъ». Такимъ образомъ, врачамъ этимъ открывается широкое поле дѣятельности, которою, вѣроятно, они и будутъ пользоваться весьма часто на пользу школьнаго дѣла.

Сопоставленіе мнѣній двухъ такихъ врачей, какъ Лёвенфельдъ и Кершенштейнеръ, любопытно потому, что показываетъ наглядно, какъ относятся къ школьно-гигіеническимъ вопросамъ, съ одной стороны, врачи, разсматривающіе эти вопросы съ строго научной точки зрѣнія, а съ другой—врачи, примѣшивающіе къ научнымъ соображенія чисто практическія, бюрократическаго характера.

Все высказанное Лёвенфельдомъ основывается на строго-объективныхъ данныхъ или на мнѣніяхъ врачей, знакомыхъ съ санитарными и гигіеническими отношеніями учащихся дѣтей, между тѣмъ какъ говоренное Кершенштейнеромъ держится на неполныхъ или неточныхъ свѣдѣніяхъ (такъ сказать: подтасованныхъ), представляется въ формѣ какихъ-то компромиссовъ, а главное—отличается полнымъ почти отсутствіемъ не только новизны, но и поучительности; Лёвенфельдъ пишетъ такъ, какъ учитъ его медицинское знаніе и клиническій опытъ, и пишетъ, ничего не утаивая и не оставляя недосказаннымъ; Кершенштейнеръ-же, прежде чѣмъ высказать мнѣніе о какомъ-либо вопросѣ, прислушивается сначала, что́ сказано было въ томъ или другомъ параграфѣ министерскаго рѣшенія по вопросу, и затѣмъ уже, часто въ унисонъ съ готовымъ оффиціальнымъ мнѣніемъ, торжественно докладываетъ свое собственное. Лёвенфельдъ, никѣмъ не званный, не прошенный, но побуждаемый важностью и серьёзностью предстоящей реформы, выступаетъ въ печати на защиту уча-

щихся, которымъ реформа грозитъ, по его мнѣнію, извѣстными опасностями; Кершентштейнеръ-же, оффиціально приглашенный высказать свое мнѣніе, не находитъ сказать на пользу учащихся ничего сверхъ того, что уже рѣшено въ проектѣ школьной администраціей, и разыгрываетъ роль чиновника, призваннаго чуть-ли не для того лишь, чтобъ подписать протоколъ засѣданія, на которомъ онъ спокойно спалъ. Выходитъ такъ, что еслибы высшій школьный Совѣтъ въ Баваріи не вошелъ въ положеніе учащихся и не сдѣлалъ уступокъ въ ихъ пользу въ санитарномъ отношеніи, то Кершенштейнеръ не нашелъ-бы о чемъ говорить. Понятно, что при пособіи такихъ спеціалистовъ по школьной гигіенѣ, какъ Кершенштейнеръ, правительства едва-ли въ состояніи будутъ улучшить гигіеническую обстановку школъ и учащихся. При такихъ врачахъ вся надежда на санитарныя реформы должна быть возлагаема только на педагоговъ, а между тѣмъ педагоги, частью по недостаточному знакомству съ гигіеной и физіологіей, частью-же руководясь своими педагогическими соображеніями, идущими нерѣдко въ разрѣзъ съ медицинскими, легко могутъ погрѣшать противъ здоровья учащихся, хотя-бы въ сущности того и не желали.

Каждый спеціалистъ, равно и гигіенистъ, долженъ быть вѣренъ своему призванію, долженъ прямо и открыто высказывать мнѣніе по предлагаемому вопросу; если-же онъ не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, то въ немъ нѣтъ никакой нужды: дѣло будетъ рѣшаемо и безъ него. По отношенію къ школьной гигіенѣ такъ дѣйствительно и стояло дѣло въ учебныхъ заведеніяхъ. Педагоги сами, безъ помощи врачей-гигіенистовъ, обсуждали и рѣшали санитарные и школьно-гигіенические вопросы: сами съ подрядчиками строили зданія учебныхъ заведеній, сами заказывали (часто по размѣрамъ частей собственнаго тѣла) школьную мебель для учащихся, сами намѣчали правила письма и шрифты руководствъ, сами распредѣляли часы занятій, отдыха и сна, сами назначали пищевой режимъ дѣтей, сами созидали системы гимнастики и проч. и проч. Результатомъ такого рода порядковъ оказывались невѣроятныя несообразности и безобразія въ гигіеническомъ отношеніи, и учащіеся молчали и выносили на тѣлѣ своемъ и духѣ всѣ печальныя послѣдствія этого ненормальнаго, неразумнаго хода дѣлъ.

Въ послѣдніе десятки лѣтъ совершается, однако, на глазахъ у всѣхъ необычайный прогрессъ въ наукѣ—школьной гигіенѣ, и школьная администрація не только прислушивается къ ея совѣтамъ и указаніямъ, но начинаетъ обращаться сама за ея помощью, не рѣшаясь

дѣйствовать единолично въ вопросахъ, въ которыхъ считаетъ себя не компетентной. Къ сожалѣнію, начинанія эти еще робки и нерѣшительны. Школьная администрація, вмѣсто того, чтобы обращаться къ врачамъ, близко стоящимъ къ школѣ и учащимся дѣтямъ, къ врачамъ, живущимъ съ этими дѣтьми и наблюдающимъ всѣ подробности отношеній школы и ученія къ ихъ здоровью, обращается къ врачамъ, непремѣнно стоящимъ на высотѣ чиновной іерархіи, правда, патентованнымъ представителямъ науки, но только не спеціалистамъ по школьной гигіенѣ... Такъ, въ Германіи, напр., при изслѣдованіи вопроса о школьномъ переутомленіи правительство обратилось къ профессору патологической анатоміи Вирхову и психіатру Вестфалю, но не къ Багинскому, не къ Прейеру, не къ Уффельману, т.-е. не къ тѣмъ именно врачамъ, которые знакомы не только съ организмомъ учащихся, но и съ ихъ отношеніями къ школѣ, съ ихъ школьною жизнью. Такъ случилось и въ Баваріи: обратились по школьно-гигіеническимъ вопросамъ къ тайному совѣтнику Кершенштейнеру, никогда не занимавшемуся и ничего не писавшему по вопросамъ школы, вмѣсто того, чтобы искать совѣта у врачей, имѣющихъ прямыя отношенія къ учащимся дѣтямъ...

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ жалобамъ на школы со стороны родителей учащихся—и прибавимъ: вполнѣ справедливымъ—не будетъ предвидѣться конца и дѣло школьной гигіены и физіологическаго воспитанія долго еще можетъ оставаться въ томъ-же печальномъ положеніи, въ какомъ оно находилось еще и тогда, когда не имѣлось и подозрѣнія о существованіи этихъ отраслей знаній.

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что печальныя эти предзнаменованія относятся, наравнѣ съ Баваріею, и ко всѣмъ прочимъ странамъ Европы. Отнюдь нѣтъ. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается сильнѣйшее возбужденіе касательно вопросовъ тѣлеснаго воспитанія и обнаруживается самая живая забота о предупрежденіи всякихъ золъ, угрожающихъ здоровью учащихся дѣтей. Бельгія, Швеція, Франція, Швейцарія рѣшительно поражаютъ своимъ сочувствіемъ дѣлу раціональнаго воспитанія и энергичностью мѣръ къ улучшенію санитарнаго состоянія школъ и учащихся, и потому отъ нихъ останется только ждать болѣе или менѣе блистательныхъ плодовъ ихъ благихъ начинаній. Прочимъ-же странамъ, конечно, слѣдуетъ подражать имъ и поучаться у нихъ—на пользу собственныхъ учащихся дѣтей и ко благу родного просвѣщенія.

А. Виреніусъ.

ПЕДАГОГИ И ВЗАИМОПОМОЩЬ.

I.

Въ воскресенье, 17-го января, въ залѣ Петровскаго училища происходило первое учредительное собраніе возникшаго въ столицѣ «С.-Петербургскаго педагогическаго общества взаимной помощи». Въ собраніи присутствовало болѣе трехсотъ членовъ, въ числѣ которыхъ находились представители, можно сказать, всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ, городскихъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Съ этого дня, долгое время смутно бродившая среди столичныхъ педагоговъ идея о необходимости единенія для взаимной помощи, наконецъ, стала осуществившимся, реальнымъ фактомъ, выражавшимся и этимъ многолюдствомъ собранія, и тѣмъ воодушевленіемъ, какое оно проявляло во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и замѣчательнымъ единодушіемъ этихъ дѣйствій, не смотря на разнородность элементовъ, изъ которыхъ состояло собраніе.

Такое явленіе въ жизни столичнаго педагогическаго міра должно быть названо въ высшей степени знаменательнымъ и отраднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время области примѣненія взаимопомощи, понимая подъ нею добровольное оказаніе поддержки другъ другу частными лицами, приблизительно находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ жизни и дѣятельности, сдѣлались столь широкими, что отсутствіе такой взаимопомощи въ извѣстныхъ корпораціяхъ, при наличности указанныхъ условій, является какимъ-то анахронизмомъ, какимъ-то страннымъ, скажемъ болѣе—печальнымъ исключеніемъ. И такое печальное исключеніе до послѣднихъ дней представлялъ собою столичный педагогическій міръ, являющій крупную общественную силу не только благодаря своей многочисленности (въ Петербургѣ насчитывается болѣе трехъ тысячъ педагоговъ разныхъ разрядовъ учебныхъ заведеній), но и въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ...

Справедливость, однако, требуетъ признать, что сознаніе необходимости единенія и взаимопомощи было не чуждо столичнымъ педагогамъ и раньше и выражалось даже въ попыткахъ организаціи подобнаго рода. Такъ, въ 1872 году подобная мысль возникла среди небольшого кружка столичныхъ педагоговъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный въ свое время земскій дѣятель по народному образованію баронъ Косинскій и редакторъ-издатель журнала «Народная Школа» Мѣдниковъ и др. Вотъ какимъ образомъ послѣдній тогда объяснялъ въ своемъ журналѣ зарожденіе этой идеи:

«Педагогическое сословіе, какъ цѣлая особая корпорація, всегда отличалось у насъ крайнею разрозненностью. Въ особенности это замѣтно въ столицахъ и тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ, при значительномъ числѣ разнородныхъ учебныхъ заведеній, сословіе это составляется изъ сотенъ, нерѣдко цѣлыхъ тысячъ душъ. Чтобы яснѣе видѣть, до какой степени существуетъ эта разрозненность, стоитъ припомнить тотъ фактъ, что наши, напримѣръ, профессора университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній никогда не сходятся съ учителями среднихъ учебныхъ заведеній, учителя среднихъ учебныхъ заведеній — съ учителями народныхъ школъ, учителя гимназій — съ учителями духовныхъ учебныхъ заведеній и т. д. Такая разрозненность весьма значительнаго числа лицъ, солидарныхъ въ своихъ занятіяхъ и преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ, не мало вредитъ и самому дѣлу воспитанія и обученія, такъ какъ въ каждомъ отдѣльно замкнутомъ кружкѣ составляются свои воззрѣнія и идеалы, весьма часто діаметрально противуположныя воззрѣніямъ другихъ кружковъ. Она-же порождала и неправильность взаимныхъ отношеній и лишала тѣхъ теплыхъ связей, при которыхъ только и возможна общая поддержка, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Мудрено-ли, что при такомъ положеніи до сихъ поръ, даже въ Петербургѣ, не могла составиться учительская касса вспомоществованія? Существующее въ Петербургѣ *Педагогическое Общество* имѣло, безъ всякаго сомнѣнія, весьма значительное вліяніе на сближеніе педагоговъ между собою; но и оно, какъ Общество, преслѣдующее исключительно цѣли научныя, не могло вполнѣ удовлетворить этому насущному въ наше время требованію каждой корпораціи».

«Съ другой стороны, при особыхъ условіяхъ нашей жизни, педагоги наши не могли примкнуть ни къ одному изъ существующихъ въ Петербургѣ разнородныхъ клубовъ или собраній, изъ которыхъ каждый отличается своимъ особымъ сословнымъ характеромъ. По

своей дороговизнѣ и роскоши, они были притомъ чужды условіямъ скромной и небогатой жизни педагоговъ».

«Все это навело на мысль образовать здѣсь, въ Петербургѣ,—говоритъ въ заключеніе г. Мѣдниковъ,—особое педагогическое собраніе».

Въ теченіи осени и начала зимы 1872—1873 учебнаго года инипіаторы неоднократно собирались для обмѣна мыслей въ помѣщеніи «Общества вспомоществованія нѣмецкимъ ремесленникамъ *Пальма*». Плодомъ этихъ совѣщаній былъ проектъ устава педагогическаго собранія, напечатанный Мѣдниковымъ въ одномъ изъ весеннихъ нумеровъ его журнала за 1873 годъ. Это было сдѣлано съ цѣлью вызвать возраженія, мнѣнія и желанія наибольшей части педагоговъ.

Какія-же цѣли и задачи ставило для себя вновь возникавшее общество.

II.

Изъ параграфа перваго проекта устава мы видимъ, что цѣль педагогическаго собранія заключалась «въ сближеніи и содѣйствіи благосостоянію лицъ, занимающихся и интересующихся воспитаніемъ и обученіемъ». Въ видахъ достиженія своей цѣли собраніе, во-первыхъ, «открываетъ для своихъ членовъ особое помѣщеніе, которое они могутъ посѣщать для препровожденія времени, встрѣчи съ лицами, спеціально занимающимися различными отраслями педагогики, пріобрѣтенія и сообщенія свѣдѣній, полученія совѣтовъ, относящихся до педагогической дѣятельности, пріисканія и доставленія занятій, оказанія взаимныхъ вспомоществованій и т. п.; во-вторыхъ, учреждаетъ засѣданія для обсужденія вопросовъ педагогическихъ и относящихся до интересовъ самого собранія».

Таковы были цѣли новаго Общества и средства, которыми оно предполагало ихъ достигнуть. Теперь обратимся къ составу педагогическаго собранія.

Педагогическое собраніе предполагалось составить изъ членовъ: почетныхъ, благотворителей и дѣйствительныхъ. Положеніе первыхъ двухъ группъ не представляло никакихъ особенностей сравнительно съ положеніемъ этой категоріи членовъ въ другихъ обществахъ, замѣтимъ развѣ только, что въ почетные члены допускались и лица «иностраннаго происхожденія, ознаменовавшія себя особыми педагогическими заслугами». Что-же касается до главнаго контингента собранія, дѣйствительныхъ членовъ, то въ число таковыхъ могло быть избрано всякое «достигшее совершеннолѣтія лицо, трудящееся на

поприщѣ воспитанія и обученія или интересующееся ими». Кромѣ того, въ собраніе допускались и гости по рекомендаціи членовъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ.

Веденіе дѣлъ собранія проектомъ устава возлагалось на «общія засѣданія», которыя дѣлились на обыкновенныя, собиравшіяся не менѣе трехъ разъ въ годъ, и чрезвычайныя. Эти собранія должны были ежегодно избирать изъ своей среды двѣ постоянныя коммиссіи: педагогическую и вспомоществованія; имъ-же избиралась ревизіонная коммиссія и спеціальная коммиссія для какихъ-либо особыхъ цѣлей. Сверхъ того тоже «общее засѣданіе» выбирало изъ своей среды на одинъ годъ правленіе, состоящее изъ предсѣдателя, его товарища и десяти старшинъ; послѣдніе по взаимному соглашенію выбирали изъ своей среды секретаря, казначея, библіотекаря и другихъ должностныхъ лицъ, о которыхъ скажемъ ниже.

На обязанности правленія лежала административно-хозяйственная сторона педагогическаго собранія. Оно входило отъ его имени въ сношеніе со всѣми учрежденіями и частными лицами и заключало, въ предѣлахъ смѣты, контракты и договоры по расходамъ собранія на сумму не свыше одной тысячи рублей серебромъ. Казначей завѣдывалъ кассой, библіотекарь—библіотекой и читальной залой собранія; остальные члены дѣлили прочія занятія и исполняли порученія собранія, а также должны были дежурить въ собраніи по очереди для наблюденія за порядкомъ. Сверхъ того, существовали еще обязанности эконома и бухгалтера, которые, по выбору правленія въ должность, утверждались общимъ собраніемъ, и съ ними заключались особые письменные договоры и контракты. Педагогическая коммиссія избиралась общимъ годовымъ собраніемъ въ составѣ семи членовъ. Ея занятія состояли въ обсужденіи программъ публичныхъ педагогическихъ чтеній, въ утвержденіи предмета и руководствѣ педагогическихъ бесѣдъ, въ разсмотрѣніи цѣлыхъ учебныхъ курсовъ, назначаемыхъ для публичнаго изложенія, и въ обсужденіи всѣхъ тѣхъ мѣръ, проектовъ и заявленій педагогическаго характера, выполненіе которыхъ было желательно для общей пользы членовъ собранія. Сверхъ того, педагогическая коммиссія рекомендовала воспитателей и воспитательницъ и другихъ лицъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ. Она-же завѣдывала всѣми педагогическими учрежденіями при собраніи и въ томъ числѣ школою, которую предполагалось открыть при немъ и на его средства.

Коммиссія вспоможенія избиралась также въ годовомъ общемъ засѣданіи и также состояла изъ семи членовъ. На эту коммиссію воз-

лагалась обязанность оказывать лицамъ педагогическаго сословія, состоящимъ въ числѣ членовъ собранія, различнаго рода вспомоществованія посредствомъ прісканія занятій, выдачи пособій и тому подобное.

Далѣе въ проектѣ устава шла подробная регламентація правъ, обязанностей и занятій членовъ собранія, изъ которыхъ мы приведемъ только наиболѣе важныя положенія.

Члены и гости получали отъ правленія именные билеты, безъ которыхъ никто въ собраніе не допускался. Для развлеченія членовъ въ собраніи устраивались: чтенія, бесѣды, спектакли, музыка, пѣніе, танцы, гимнастика и различныя игры; сверхъ того устраивалась библіотека изъ газетъ, журналовъ и книгъ, преимущественно педагогическаго содержанія, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; помѣщеніе собранія предполагалось открывать съ 10 ч. утра до 1 часу ночи.

Теперь обратимся къ уясненію средствъ педагогическаго собранія. Они слагались изъ постоянныхъ доходовъ и случайныхъ поступленій. Къ первой категоріи относились: плата членовъ и гостей за посѣщеніе собраній, арендная плата за буфетъ и плата за игры. Къ случайнымъ поступленіямъ относятся всѣ другіе доходы, какъ, напримѣръ, особые взносы членовъ, получающихъ чрезъ посредство собранія занятія, плата со стороны требователей за рекомендацію имъ лицъ и т. д. Дѣйствительные члены при поступленіи должны были вносить единовременно 10 р. и ежегодно по 20 р.; деньги ни въ какомъ случаѣ не возвращались.

Всѣ суммы Общества раздѣлялись на три капитала: 1) капиталъ вспоможенія, образуемый изъ двухъ третей взносовъ членовъ-благотворителей и жертвовавшихся на вспоможеніе; 2) запасный, составлявшійся изъ ежегодныхъ отчисленій, по постановленію годового общаго засѣданія, и 3) оборотный капиталъ, составлявшійся изъ всѣхъ прочихъ постоянныхъ и случайныхъ поступленій. Капиталъ вспоможенія передавался въ распоряженіе, въ предѣлахъ смѣты, коммиссіи вспоможенія, оборотный, въ предѣлахъ смѣты—правленію.

Тогдашній оберъ-полиціймейстеръ Ѳ. Ѳ. Треповъ относился къ проекту этого устава весьма сочувственно, но уставъ не былъ утвержденъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, во главѣ котораго тогда стоялъ графъ Д. А. Толстой. Есть основанія думать, что онъ провидѣлъ во вновь возникавшемъ Обществѣ новаго антагониста тогда только что введенной у насъ строго классической системѣ образованія. Дѣйствительно, для такихъ предположеній проектъ устава подавалъ нѣкоторые поводы, потому что въ число задачъ учреждаемаго Общества входило обсужденіе вопросовъ педагогическихъ. Мы имѣемъ,

однако, возможность здѣсь засвидѣтельствовать, на основаніи словъ одного изъ инициаторовъ этого дѣла, что въ программу дѣятельности педагогическаго собранія вовсе не входила критика классической системы образованія, и очень жаль, что недоразумѣніе тогда не было разъяснено и доброе дѣло осталось въ области предположенія.

III.

Эта первая неудача надолго охладила рвеніе столичныхъ педагоговъ, но идея необходимости единенія для взаимопомощи не замерла и смутно бродила, дожидая благопріятнаго случая для новаго возрожденія. Эти ожиданія, какъ увидитъ читатель, продолжались цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. За этотъ долгій для человѣческаго вѣка промежутокъ времени многое въ жизни измѣнилось, и настоящее въ значительной степени отличается отъ того отдаленнаго прошлаго, при которомъ возникла эта первоначальная попытка дѣла единенія и взаимопомощи педагоговъ. Это различіе въ условіяхъ разныхъ эпохъ неизбѣжно отразилось на задачахъ и цѣляхъ новыхъ попытокъ въ указанной области, начавшихся въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и завершившихся учрежденіемъ «Петербургскаго педагогическаго общества взаимной помощи».

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ мотивамъ учрежденія педагогическаго собранія, мы видимъ, что тутъ на первомъ планѣ стояли общественныя задачи. Собраніе имѣло цѣлью «сближеніе лицъ какъ занимающихся воспитаніемъ», т.-е. педагоговъ ex professio, такъ и тѣхъ, которые только «интересуются воспитаніемъ»; слѣдовательно, имѣлось въ виду сближеніе педагоговъ между собою и съ обществомъ, хотя-бы въ лицѣ родителей учащихся, какъ лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ вопросахъ воспитанія.

Это была, безспорно, прекрасная и высокая задача. Въ самомъ дѣлѣ, педагоги занимаются воспитаніемъ; подъ именемъ-же воспитанія слѣдуетъ разумѣть возможно полное развитіе всѣхъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ способностей человѣка, согласно съ высшимъ его назначеніемъ и примѣненное къ народу и государству, среди котораго ему предстоитъ жить и дѣйствовать. Достиженіе этой высокой цѣли возможно только при самой неразрывной связи общества и школы, воспитанія семейнаго съ государственнымъ. А это, въ свою очередь, возможно только при самомъ тѣсномъ общеніи всѣхъ элементовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ этомъ воспитаніи. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому

вопросу мнѣніе профессора Шевырева. Уясняя отношеніе между семейнымъ и государственнымъ воспитаніемъ, онъ говоритъ:

«Но да не подумаютъ родители, чтобы успѣхи публичнаго воспитанія освобождали ихъ почти вовсе отъ священной обязанности править воспитаніемъ семейнымъ; да не подумаютъ они, что сіе послѣднее можетъ совершенно перейти въ общественное, и улелѣянные этою ложною мыслью, да не вздремлютъ надъ своимъ великимъ дѣломъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь они должны прилагать внутреннюю силу свою къ той внѣшней образующей силѣ, которую предлагаетъ имъ государство. Есть та глубокая тайная святыня, тотъ заповѣдный разсадникъ, то живое училище, куда не проникаетъ никакая государственная власть, какъ-бы ни была она бдительна и проницательна, гдѣ можетъ она только ограждать излишнее иногда довѣріе родителей отъ злоупотребленій внѣшнихъ. Эта святыня внутренняя есть семейство, и, между тѣмъ, какъ государство въ своихъ заведеніяхъ образуетъ человѣка общественнаго, внѣшняго,—здѣсь, въ невидимомъ лонѣ семьи, родится, растетъ и зрѣетъ человѣкъ внутренній, цѣльный, дающій основу и цѣнность внѣшнему. А эта святыня въ вашихъ рукахъ, родители; здѣсь, въ этой важнѣйшей области воспитанія, владѣніе ваше безспорно и неприкосновенно; здѣсь вы—полные властелины, распорядители и отвѣтчики. Скажу болѣе: самыя государственныя усилія въ успѣхѣ своемъ зависятъ отъ вашихъ, какъ внѣшній человѣкъ зависитъ отъ внутренняго; добро общественнаго воспитанія выростаетъ и утверждается только на той почвѣ, какую вы заготовите; сѣмена ученія, заботливо посѣянныя нами въ вашихъ дѣтяхъ, принесутъ полезный или вредный плодъ, смотря по тому, каковъ въ каждомъ изъ нихъ тотъ невидимый внутренній человѣкъ, котораго развитіе принадлежитъ не намъ, а вамъ, родители. Да, наше дѣло зависитъ гораздо болѣе отъ вашего, чѣмъ обратно. Не полагайтесь во всемъ на насъ: мы полезны только при вашей помощи, при вашемъ бдительномъ и неусыпномъ окѣ. Изъ университета выходитъ студентъ или кандидатъ; изъ вашихъ-же рукъ выходитъ человѣкъ—званіе, важнѣйшее всѣхъ другихъ званій. Да, только въ самой тѣсной, въ самой неразрывной связи семейнаго воспитанія съ государственнымъ заключается идеалъ воспитанія совершеннаго, вездѣ, но особенно въ настоящую минуту, въ нашемъ отечествѣ» *).

---

*) «Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному». Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, 18 іюня 1842 г.

Вотъ почему еще разъ нельзя отъ души не пожалѣть о томъ, что попытка начала семидесятыхъ годовъ содѣйствовать взаимному единенію міра педагоговъ и общества не увѣнчалась успѣхомъ, и дѣло правильнаго воспитанія молодого поколѣнія лишилось, можетъ быть, значительной силы, которую могло явить педагогическое собраніе.

Другая задача, которую ставило для себя возникавшее Общество, заключалась въ содѣйствіи благосостоянію лицъ педагогическаго званія; она должна была выражаться доставленіемъ занятій, оказаніемъ взаимнаго вспомоществованія и т. п. Здѣсь, такимъ образомъ, имѣлась въ виду матеріальная сторона жизни столичныхъ педагоговъ. Слѣдовательно, уже и тогда незавидное экономическое положеніе ихъ давало себя чувствовать, побуждало предпринимать все возможное къ улучшенію этого положенія. Тѣмъ не менѣе, однако, эта вторая задача педагогическаго собранія, очевидно, занимала въ его дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, второстепенное мѣсто. Наоборотъ, только-что учрежденное «Петербургское педагогическое общество взаимопомощи», какъ мы увидимъ ниже, ставитъ главной задачей своей дѣятельности матеріальную сторону жизни педагоговъ, слѣдовательно, новое предпріятіе въ области педагогической взаимопомощи имѣетъ чисто экономическій характеръ.

Невольно возникаетъ вопросъ, отчего такая существенная разница въ задачахъ и цѣляхъ этихъ двухъ попытокъ педагогической взаимопомощи? Не вдаваясь въ широкую область догадокъ и предположеній нравственнаго и общественнаго характера, мы укажемъ на тѣ осязательныя экономическія условія жизни современнаго педагога, которыя, очевидно, были причиною послѣднихъ явленій въ области педагогической взаимопомощи.

IV.

Всѣмъ извѣстно, что за послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ жизненные продукты первой необходимости вздорожали въ сильной степени. Людямъ, которые зарабатываютъ свои средства къ жизни торговлею или промыслами, это измѣненіе въ цѣнахъ товаровъ не такъ чувствительно, потому что они имѣютъ возможность увеличивать свои доходы путемъ возвышенія цѣнъ на продукты своей торговли или собственнаго производства. Совершенно въ иномъ положеніи находятся педагоги, которые, въ качествѣ людей, живущихъ на жалованьи, т.-е. получающихъ за свой трудъ опредѣленное, неизмѣнное и, какъ уви-

димъ ниже, ограниченное содержаніе. Для нихъ каждое вздорожаніе предметовъ потребленія неизбѣжно побуждаетъ ихъ сокращать свои потребности до необходимости нерѣдко отказывать себѣ даже въ самомъ насущномъ.

Дѣйствительно, экономическое положеніе педагоговъ, особенно столичныхъ, далеко не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Возьмемъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, какъ группу педагоговъ, наиболѣе многочисленную и по самому своему положенію занимающую срединное, типичное мѣсто въ многолюдномъ столичномъ педагогическомъ мірѣ.

Въ настоящее время вознагражденіе преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, являющееся вообще нормальнымъ и для общественныхъ и частныхъ учрежденій этого разряда, производится на основаніи штатовъ и окладовъ, дѣйствующихъ съ 1872 года для гимназій и съ 1888 года для реальныхъ училищъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ наибольшаго вознагражденія преподавателя среднихъ учебныхъ заведеній, обратимся къ дѣйствующему уставу гимназій и прогимназій.

Всѣ преподаватели гимназій раздѣлены на четыре, а прогимназій на три разряда по окладамъ получаемаго ими жалованья. Первую степень составляютъ преподаватели, начинающіе педагогическую дѣятельность; они получаютъ за 12 штатныхъ уроковъ 750 рублей, т.-е. по шестидесяти рублей за годовой урокъ; такихъ преподавателей полагается на полную гимназію, въ которой должно быть 11 преподавателей—четыре. Вторую степень составляютъ преподаватели, жалованье которыхъ за 12 штатныхъ уроковъ равняется 900 рублямъ. Ихъ полагается на гимназію *пять*. Третью и четвертую ступени составляютъ заслуженные преподаватели, ихъ двое, — одному назначается 1.250 руб., другому 1.500 руб., также за 12 штатныхъ уроковъ; въ прогимназіяхъ-же только одинъ преподаватель получаетъ 1.250 руб. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ цыфръ мы получаемъ, что средній заработокъ преподавателей гимназіи равняется 911 рублямъ. Прибавляя сюда вознагражденіе за дополнительные 89 уроковъ (113 безъ 24, предоставляемыхъ уставомъ директору и инспектору), оплачиваемыхъ по 60 руб. каждый, получимъ еще на каждаго преподавателя 489 руб. сер. Въ итогѣ окажется, что средній заработокъ каждаго преподавателя за уроки долженъ равняться почти 1.400 руб. сер. Прибавимъ сюда еще нормальный размѣръ вознагражденій шести учителей за исправленіе ученическихъ упражненій по русскому и древнимъ

языкамъ, по 100 руб. каждому, вознагражденіе за исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ по 160 руб. въ годъ и, наконецъ, вознагражденіе за трудъ секретаря и библіотекаря также по 160 руб.—мы получимъ общій средній заработокъ преподавателя въ 1.500 руб. сер.

Само собою разумѣется, что сдѣланный нами идеальный разсчетъ на практикѣ мало оправдывается. На основаніи данныхъ извѣстнаго календаря г. Гельбке (г. Гельбке состоитъ окружнымъ инспекторомъ Петербургскаго учебнаго округа, членомъ Ученаго и предсѣдателемъ Испытательнаго комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), мы видимъ, что на каждаго преподавателя приходится въ среднемъ числѣ только *четырнадцать* уроковъ въ недѣлю, а это даетъ всего только 1.030 руб. ежегоднаго заработка.

Нужно-ли говорить о томъ, что этихъ средствъ далеко недостаточно для жизни, особенно въ столицѣ, одинокому педагогу, не говоря уже о семейномъ, или такомъ, на попеченіи котораго находится мать, отецъ, малолѣтніе братья и сестры и т. п. Тяжесть существованія при такихъ матеріальныхъ условіяхъ стала особенно чувствительна за послѣдніе годы, въ виду значительнаго вздорожанія предметовъ первой необходимости для жизни. А сверхъ того, педагогъ, по своему общественному положенію, обязанъ къ извѣстному представительству. Онъ долженъ по необходимости производить расходы на дѣло дальнѣйшаго самообразованія, слѣдить за движеніемъ науки, хотя-бы въ области избраннаго предмета. Времена, когда для педагога достаточно было знать два-три общепринятыхъ учебника и умѣть передать ихъ своими словами,—отошли въ область, можетъ быть, и пріятныхъ, но далекихъ воспоминаній. Требованія научныхъ знаній отъ современнаго педагога значительно возрасли и расширились, какъ вслѣдствіе общаго подъема образованности нашего общества, такъ и вслѣдствіе требованія со стороны подлежащихъ властей, желающихъ поставить государственную и общественную школу на высоту, которая отвѣчала-бы современному положенію науки и просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи достаточно припомнить недавній циркуляръ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустина, по поводу преподаванія географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ циркулярѣ совершенно справедливо вмѣняется въ обязанность преподавателямъ названнаго предмета знакомиться съ успѣхами географическихъ знаній хотя-бы по «Запискамъ Императорскаго Географическаго Общества».

Если-же мы примемъ еще во вниманіе, что трудъ педагога—дѣло весьма не легкое, требуетъ значительной затраты и физическихъ, и

душевныхъ, и умственныхъ силъ, то само собою станетъ понятнымъ, что для лицъ этой профессіи необходимъ въ большей степени, чѣмъ для кого-бы то ни было, отдыхъ для возстановленія потраченныхъ силъ и развлеченіе, какъ одно изъ могучихъ средствъ возстановленія нервной энергіи и физическаго и душевнаго равновѣсія.

V.

Желаніе заручиться средствами къ существованію вынуждаетъ педагоговъ прежде всего стремиться получить возможно большее количество уроковъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ,—въ двухъ, въ трехъ и болѣе. Мы знаемъ примѣры путешествій преподавателей на уроки въ одинъ и тотъ-же день въ такіе отдаленные концы Петербурга, какъ Васильевскій островъ, Коломна и Пустой рынокъ. Но и этихъ счастливцевъ, имѣющихъ по двадцати и болѣе уроковъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Происходитъ это отъ того, что всѣ мѣста давно уже заняты, а новыхъ учебныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ у насъ въ столицѣ, не открывалось уже около десяти лѣтъ; между тѣмъ, контингентъ лицъ педагогическихъ профессій, благодаря естественному приросту въ видѣ выпусковъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ каждымъ годомъ увеличивается.

Другимъ источникомъ пополненія скудныхъ доходовъ педагоговъ являются *частные уроки*, на которые тратится обыкновенно все послѣобѣденное время отъ 4 до 8 и 10 часовъ вечера. Еще въ недавнее время здѣсь, въ столицѣ, этотъ источникъ доходовъ являлся весьма существенной поддержкой въ бюджетѣ столичнаго педагога. Многія аристократическія и вообще состоятельныя семейства, опредѣливъ своихъ дѣтей въ то или другое среднее учебное заведеніе, на самомъ дѣлѣ не посылали ихъ посѣщать классы, а приглашали преподавателей даннаго заведенія и класса, въ которомъ числился ученикъ, къ себѣ на домъ и платили преподавателямъ за этотъ трудъ отъ 3 до 5 руб. сер. за часъ. Въ послѣдніе два-три года изсякъ и этотъ источникъ доходовъ, потому что громадное большинство учениковъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ или аристократическимъ семействамъ, стали на самомъ дѣлѣ посѣщать учебныя заведенія, особенно частныя, представляющія извѣстныя неоспоримыя и очевидныя преимущества къ прохожденію не легкаго курса. Конечно, съ точки зрѣнія альтруизма, общественной нивеллировки и успѣховъ единства въ сословныхъ группахъ такому явленію слѣдуетъ радоваться, тѣмъ

не менѣе такая перемѣна отозвалась весьма неблагопріятно на бюджетѣ и положеніи столичныхъ педагоговъ.

Обращаются наши педагоги и къ содержанію пансіонеровъ, какъ къ одному изъ источниковъ пополненія своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ. Но содержаніе пансіонеровъ въ прежнее время широкаго тароватаго барства, эпохи крѣпостнаго права, или даже періода проживанія выкупныхъ свидѣтельствъ и желѣзнодорожныхъ концессій не даютъ и отдаленнаго понятія о томъ скудномъ вознагражденіи, какое предлагается за пансіонеровъ педагогамъ, содержателямъ ученическихъ общежитій въ настоящее время. А между тѣмъ именно теперь содержаніе пансіонеровъ стало дѣломъ гораздо болѣе отвѣтственнымъ и связаннымъ съ разнаго рода стѣснительными формальностями; сверхъ того, теперь это дѣло связывается съ такими матеріальными расходами и нравственными тревогами, которыя мало помогаютъ дѣлу улучшенія благосостоянія педагоговъ.

Есть еще одинъ источникъ пополненія бюджета педагога, это — изданіе учебниковъ и разнообразныхъ пособій. Написать хорошій учебникъ по тому или другому предмету, какъ это признано, есть дѣло въ высшей степени трудное; неоднократно свидѣтельствовалось, что гораздо легче написать ученое разсужденіе. Но написать учебникъ посредственный не представляетъ особеннаго труда. Для этого достаточно взять нѣсколько обширныхъ и популярныхъ руководствъ, особенно иностранныхъ, и изложить ихъ своими словами; такія компиляціи ежегодно въ значительномъ количествѣ представляются на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Конечно, рѣдкіе изъ нихъ заслуживаютъ его *одобренія* или тѣмъ болѣе *рекомендаціи*, но многіе изъ нихъ *допускаются* къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ. А этого преподавателю, автору учебника, совершенно достаточно. Съ согласія ближайшаго своего начальника онъ вводитъ свой учебникъ въ употребленіе, какъ руководство, и такимъ образомъ обезпечиваетъ для себя ежегодно доходъ въ сотню или двѣ рублей серебромъ. И замѣчательно, что, не смотря на весьма относительное достоинство этихъ учебниковъ, учащіеся ими довольны и хвалятъ ихъ. Происходитъ это, конечно, отъ того, что по этому учебнику преподаетъ самъ авторъ, который придерживается почти буквально его изложенія. Съ перемѣною преподавателя обыкновенно происходитъ и смѣна учебника.

VI.

Перечисленные нами источники подспорья въ бюджетѣ педагоговъ имѣютъ все-таки болѣе или менѣе прямое отношеніе къ главному дѣлу, которому они служатъ. Но такъ какъ этихъ источниковъ все-таки недостаточно, то, напр., столичные педагоги изыскиваютъ разные другіе средства и способы къ пополненію своихъ матеріальныхъ рессурсовъ. Въ послѣдніе годы, съ сокращеніемъ прямыхъ заработковъ, столичные педагоги обратились къ такого рода занятіямъ, которыя не имѣютъ уже никакого отношенія къ педагогической дѣятельности; назовемъ нѣкоторые, извѣстные и намъ и болѣе широкой публикѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, педагоговъ-редакторовъ не только ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изданій, но даже ежедневныхъ газетъ; мы знаемъ педагоговъ очень дѣятельныхъ сотрудниковъ журналовъ и газетъ; мы знаемъ педагоговъ, служащихъ по частному найму въ коммерческихъ обществахъ и работающихъ тамъ въ теченіи трехъ или четырехъ вечернихъ часовъ и т. п.

Само собою разумѣется, что эти добавочныя занятія поглощаютъ у педагога все время, свободное отъ его прямыхъ обязанностей. Положимъ, что такимъ путемъ иногда онъ вноситъ весьма чувствительную поправку въ свой бюджетъ, но вѣдь въ громадномъ большинствѣ случаевъ это дѣлается, такъ сказать, на счетъ самой элементарной справедливости по отношенію къ природѣ, въ явный ущербъ своему здоровью, физическимъ и умственнымъ силамъ. Такой педагогъ о правильномъ отдыхѣ вовсе не имѣетъ понятія; онъ тянетъ лямку, какъ заведенная машина, и тянетъ ее, пока онъ еще относительно молодъ и у него хватаетъ силъ. Нѣтъ у такого педагога досуга для возстановленія потраченной энергіи, нѣтъ времени и для пополненія и подновленія умственнаго багажа, не говоря уже о правильныхъ научныхъ занятіяхъ по своей спеціальности. Въ результатѣ мы видимъ, что одухотворенный въ началѣ своей карьеры желаніемъ работать въ дѣлѣ образованія и воспитанія молодого поколѣнія и самому двигаться впередъ, педагогъ постепенно забываетъ эти прекрасныя намѣренія и мало-по-малу уходитъ исключительно въ заботы о насущномъ хлѣбѣ й борьбу за существованіе, исполняя рутинно, формально свои обязанности. Въ результатѣ такого крайняго физическаго и интеллектуальнаго напряженія является быстрое переутомленіе, преждевременный упадокъ силъ, а затѣмъ и ранняя инвалидность. Какое значеніе имѣетъ такой порядокъ вещей для дѣла нашей средней школы, намъ

кажется понятнымъ само собою; во всякомъ-же случаѣ въ этомъ порядкѣ вещей несомнѣнно слѣдуетъ искать объясненія значительной части ненормальныхъ явленій въ жизни нашей средней школы. Поэтому-же самому нѣтъ у насъ педагоговъ съ авторитетнымъ именемъ, съ вліяніемъ и значеніемъ въ общественной жизни, даже съ авторитетомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, у котораго они стоятъ.

Бываютъ, впрочемъ, въ средѣ педагоговъ счастливыя исключенія. Пристроившись случайно къ какому-нибудь постороннему дѣлу, иной педагогъ понемногу совсѣмъ уходитъ въ него, покидаетъ свое первоначальное занятіе и, въ большинствѣ случаевъ, устраивается гораздо лучше. Въ оффиціальномъ документѣ, объяснительной запискѣ къ уставу гимназій и прогимназій, мы находимъ признаніе такого рода фактовъ. Въ мотивахъ къ § 58 этого устава говорится:

«Для успѣшнаго хода обученія и воспитанія, необходимо было позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей, въ особенности заслуженныхъ между ними, и о привлеченіи сихъ послѣднихъ къ продолженію ихъ педагогической дѣятельности, которую нельзя не признать наиболѣе полезною, вслѣдствіе пріобрѣтенной уже ими опытности. Въ этихъ именно видахъ преподаватели гимназій раздѣлены на четыре, а прогимназій на три разряда, по окладамъ получаемаго ими жалованья. Установленіе этихъ разрядовъ признано необходимымъ съ тою цѣлью, дабы и учителямъ, безъ оставленія ими учительской дѣятельности, предоставить возможность повышенія и улучшенія ихъ положенія, которой они были почти вовсе лишены. Сравнительно значительное, для начала службы, учительское жалованье становится крайне недостаточнымъ, когда учитель, привыкшій проживать это жалованье холостымъ, становится семьяниномъ. Вслѣдствіе того въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ мало частныхъ уроковъ и гдѣ они дешевы, весьма многіе способные учители, достигнувъ извѣстнаго чина, стараются перейти на другую службу; остающіеся-же на службѣ тяготятся своимъ положеніемъ, что не можетъ не отозваться пагубнымъ образомъ и на ихъ преподаваніи, и на нравственномъ настроеніи ихъ учениковъ».

Итакъ, и въ оффиціальномъ документѣ признается, что неудовлетворительное экономическое положеніе педагоговъ побуждаетъ многихъ бросать свое дѣло и мѣнять его на другое, иногда совершенно разнородное. Конечно, въ большинствѣ случаевъ это не дюжинныя натуры, по крайней мѣрѣ, обладающія такою умственною и нравственною энергіею, которая помогла имъ переломить себя, высадиться на чужой берегъ и приспособиться къ новымъ обстоятельствамъ.

Намъ кажется, что потеря такой силы во всякомъ случаѣ наноситъ ущербъ педагогическому дѣлу.

VII.

Мы представили очеркъ экономическаго положенія педагоговъ вообще и столичныхъ въ особенности. Намъ кажется, что на основаніи этого очерка мы въ правѣ сдѣлать заключеніе о томъ, что это положеніе не можетъ быть названо нормальнымъ. Въ настоящее время мы хотимъ указать на одну сторону этого положенія, а именно на то, что оно не правомѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что званіе педагога средней общеобразовательной школы пріобрѣтается только университетскимъ образованіемъ, или другимъ, равнымъ ему по значенію; другими словами, отъ педагоговъ требуется высшій умственный цензъ, и исключеніе изъ этого, хотя и существуетъ, но въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ.

Еще большее и, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ требованіе предъявляется къ педагогамъ въ нравственномъ отношеніи. Вотъ что, напр., мы читаемъ по этому предмету въ только-что вышедшей книгѣ проф. К. Н. Яроша: «Нѣтъ никакого преувеличенія въ словахъ Лейбница, что «воспитатель держитъ въ своихъ рукахъ будущность міра». Будущее каждаго отдѣльнаго народа и всего человѣчества завоевывается тѣмъ оружіемъ, которое приготовляется, отчищается и закаляется въ школѣ. Сюда поступаетъ сырой матеріалъ человѣческихъ свойствъ, инстинктовъ и наслѣдственныхъ предрасположеній; выходятъ-же отсюда члены общества, граждане государства и дѣятели на всѣхъ поприщахъ человѣческихъ профессій. Подъ взоромъ воспитателя, будущіе «мужи» дѣлаютъ первые шаги своего нравственнаго существованія; на глазахъ наставника, будущіе орлы впервые расширяютъ свои крылья. Школа — маленькое государство, гдѣ, подъ управленіемъ своего Солона или Ликурга, олицетворяемаго въ образѣ учителя, слагаются первыя основы жизненныхъ идеаловъ, нравовъ и привычекъ. Впослѣдствіи все это выростетъ и дастъ себя знать, смотря по своему качеству, благороднымъ подъемомъ народнаго уровня или злокачественнымъ, лихорадочнымъ перебоемъ общественнаго пульса. «Всѣ соціально-политическія заботы,—сказалъ Гизо,—всѣ мѣропріятія и жертвы безполезны, если нѣтъ наставниковъ, достойныхъ благородной миссіи народныхъ воспитателей. Чего стоитъ учитель, того стоитъ и школа. Дурной учитель, какъ и дурной священникъ, есть истинное бѣдствіе для общества». Въ томъ-же

смыслѣ высказывается и Руссо въ письмѣ къ аббату М.: «Дѣло воспитателя—самое благородное и высокое, какое только есть на землѣ. Пусть пошлые люди думаютъ объ этомъ, какъ хотятъ, что-же касается меня, то въ моихъ глазахъ воспитатель совершаетъ второй актъ творчества, онъ создаетъ человѣка. Если что-нибудь на свѣтѣ заслуживаетъ названіе героическаго и великаго, то это именно успѣхъ усилій воспитателя». «Изъ сказаннаго ясно,—продолжаетъ авторъ,—что для удержанія священной тяготы воспитательскихъ обязанностей, требуется особенный калибръ способностей и силъ. Если на какихъ-нибудь путяхъ общественнаго и политическаго служенія и приложимъ девизъ: «wer giebt Amt—giebt auch Verstand», то на поприщѣ педагогической дѣятельности о немъ не можетъ быть и рѣчи. Мы не говоримъ, будто другія профессіи не требуютъ отъ человѣка личныхъ усилій и дарованій; но большинство отраслей службы и труда отличается опредѣленностью границъ и выработанностью формы. Здѣсь дѣятель попадаетъ въ ясно очерченную, издавна протоpенную колею, и ему открывается возможность катиться по этой колеѣ, сохраняя лишь надлежащее равновѣсіе. Во всякомъ случаѣ, тутъ ожидается и требуется отъ человѣка способность преимущественно одного какого-либо рода, спеціальность въ одномъ «своемъ дѣлѣ». Воспитательное-же служеніе обществу предполагаетъ универсальность способностей и нравственныхъ качествъ, такъ какъ, въ идеалѣ, чтобы воспитать человѣка,—по замѣчанію знаменитаго автора «Эмиля», — «il faut être plusqu'un homme soi-même».

Закончимъ наши ссылки словами Дистервега: «Кто желаетъ, чтобы народъ былъ воспитываемъ успѣшно, тотъ долженъ признать первымъ условіемъ для этого такое положеніе воспитателей, которое-бы соотвѣтствовало важности ихъ обязанностей. Хотите-ли вы позаботиться о своихъ дѣтяхъ, позаботьтесь прежде объ ихъ учителяхъ. Въ чемъ вы откажете послѣднимъ, откажете первымъ. Кто лишаетъ учителя увѣренности, что его занятіе имѣетъ большую важность для общества, что оно достойно глубокаго почтенія, тотъ подрѣзываетъ корни народнаго образованія и народной культуры. А потому о людяхъ, презрительно взирающихъ на учителя, съ высоты своего призрачнаго величія, можно сказать, что ихъ надменность глупа, груба и дика, и что эти пошляки презираютъ свое отечество».

VIII.

Справедливость требуетъ признать, что неудовлетворительность матеріальнаго и общественнаго положенія педагоговъ составляетъ явленіе

не только русское, но наблюдается также и въ западной Европѣ. Тамъ въ настоящее время обращено серьезное вниманіе на недостатки этой стороны государственной и общественной жизни; тамъ все чаще и чаще поднимаются вопросы о недостаточности вознагражденія тружениковъ народнаго просвѣщенія, о ихъ стремленіи пополнить недостатокъ матеріальныхъ средствъ и на проистекающій отсюда вредъ для народнаго образованія, особенно въ области народной школы. Насколько жгучъ этотъ вопросъ видно уже изъ того, что онъ все чаще и чаще появляется на очередномъ порядкѣ разныхъ учительскихъ съѣздовъ. На одномъ изъ послѣднихъ такихъ съѣздовъ были высказаны слѣдующія знаменательныя заключенія по данному предмету. Стремленіе человѣка къ сбереженію несомнѣнно весьма похвально; а такъ какъ жалованья учителей весьма недостаточно, то мы не можемъ порицать ихъ за поиски относительно заработка. Но эти занятія, однако, не должны наносить ущерба веденію учебнаго дѣла. Благотворное отправленіе должности требуетъ отъ учителя, чтобы онъ ставилъ выше всего руководящее начало, по которому онъ долженъ принадлежать школѣ всею своею душою и посвящать обязанностямъ своего званія всѣ свои силы и время. Но вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія учителя не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ побочныхъ промысловъ. Единственное средство здѣсь — повышеніе вознагражденія со стороны государства. Община, городъ, кантонъ, департаментъ, земство, графство—нравственно обязаны обезпечить воспитателямъ и просвѣтителямъ народа вполнѣ безбѣдное существованіе, должны вознаграждать учителя такимъ образомъ, чтобы онъ, его семья могли вполнѣ удовлетворять своимъ нуждамъ, оставаться здоровымъ, крѣпкимъ и полнымъ жизнерадостнаго чувства, распространяя послѣднее на всю школьную атмосферу, и отдаваться своему воспитательному дѣлу всѣмъ своимъ существомъ, воодушевляя и развивающихся вокругъ него юныхъ человѣческихъ существъ.

Сознаніе, что улучшеніе положенія учителей должно ждать отъ государства, начинаетъ пробуждаться въ западной Европѣ и среди самого учительскаго сословія. Такъ, въ Бернскомъ кантонѣ организуются разомъ два союза, которые вскорѣ, вѣроятно, сольются въ одинъ, это—Primarlehrerverein и Secundarlehrerverein,—ставящіе себѣ цѣлью защиту сословныхъ интересовъ и (что весьма знаменательно и поучительно) оффиціально заявляющіе, что они слѣдуютъ примѣру рабочихъ союзовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что однимъ изъ первыхъ шаговъ бернскихъ учительскихъ союзовъ, появленіе которыхъ дастъ толчокъ образованію новыхъ, будетъ агитація въ пользу повышенія государственнаго вознагражденія учителей.

А между тѣмъ, это вознагражденіе не можетъ быть названо низкимъ или неправомѣрнымъ, особенно сравнительно съ положеніемъ этой стороны школьнаго дѣла у насъ. Высокое уваженіе къ школѣ въ западной Европѣ—дѣло общеизвѣстное. Вспомнимъ по этому поводу хотя-бы недавнія рѣчи молодого германскаго императора въ созванной по его иниціативѣ коммиссіи для преобразованія средней школы. Соотвѣтственно этому значенію и трудъ педагога въ западной Европѣ съ нашей точки зрѣнія получаетъ вполнѣ соотвѣтственное вознагражденіе. Для примѣра возьмемъ среднее учебное заведеніе двухъ государствъ, въ которыхъ существуетъ правительственное учрежденіе этого рода, сосѣднюю намъ Пруссію и Францію.

Назначеніе учителей въ среднія учебныя заведенія, содержимыя на средства государства, всегда зависитъ отъ усмотрѣнія правительственныхъ учрежденій. Учителемъ можетъ быть лицо, окончившее курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и выдержавшее государственный экзаменъ. На основаніи регламента 12-го декабря 1866 года кандидаты на учительскую должность обязаны, по выслушаніи трехлѣтняго-четырехлѣтняго университетскаго курса, сдать государственный экзаменъ по предметамъ или философскаго (по нашей терминологіи — историко-филологическаго и физико-математическаго), или богословскаго факультетовъ, или-же по новымъ языкамъ. По сдачѣ экзамена учитель занимаетъ учительскую должность въ младшихъ, среднихъ или высшихъ классахъ. Учителя передъ окончательнымъ назначеніемъ своимъ на должность занимаются одинъ годъ пробными уроками ради пріобрѣтенія такимъ путемъ педагогическаго навыка. Правовое положеніе учителей государственныхъ среднеучебныхъ заведеній и учителей, назначаемыхъ правительствомъ въ общинныя и другія школы, принадлежащія учрежденіямъ, регулируется такимъ-же образомъ, какимъ вообще регулируется положеніе лицъ, находящихся на государственной службѣ.

Что касается до размѣра учительскаго жалованья, то онъ въ Германіи, конечно, не вездѣ одинаковъ. Такъ, самое высшее учительское жалованье, включая и квартирныя деньги, равнялось: въ Гамбургѣ—6.640, въ Берлинѣ—6.000, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—5.800, въ Баденѣ—5.240, въ Пруссіи и въ Баваріи—5.160, въ Саксоніи—4.800 въ Вюртембергѣ—4.700 и въ Гессенѣ—4.600 марокъ (Statist. Jahrbuch der h. Schulen Deutschlands. II Th. 1884, стр. 222 *).

*) «Ученіе о государственномъ управленіи». Изд. Г. Шёнберга, орд. проф. госуд. наукъ въ Тюбингенскомъ университетѣ. «Народное образованіе въ западно-европейскихъ государствахъ» Л. Іолли, проф. Іенскаго университета. Стр. 65 и слѣд.

Теперь перейдемъ къ Франціи. Публичныя школы разряда среднихъ учебныхъ заведеній въ этой странѣ раздѣляются на *государственныя* (lycées) и общинныя (collèges communaux). Оба рода заведеній имѣютъ при себѣ обыкновенно пансіоны; приблизительно половина учениковъ бываетъ пансіонерами (internes); даже родители, живущіе въ мѣстѣ нахожденія заведенія, обыкновенно отдаютъ своихъ дѣтей пансіонерами.

Учителя лицеевъ и коллегій сдаютъ большею частью только экзаменъ, установленный для абитуріентовъ. Часть ихъ получила факультетское образованіе или занималась приватнымъ образомъ; нѣкоторые имѣютъ степень licencié des lettres и только нѣкоторые избранные преподаватели, сдавая большее число экзаменовъ, получаютъ степень agrégé. Полученіе степени agrégé обусловливается въ настоящее время сдачею экзамена по 8 спеціальнымъ предметамъ или по спеціальностямъ, находящимся въ близкомъ соприкосновеніи. Надзоръ за пансіонерами въ среднихъ школахъ внѣ класснаго времени ведутъ репетиторы (maîtres repétiteurs, ранѣе maîtres d'études), которые должны имѣть восемнадцатилѣтній (minimum) возрастъ и обладать свидѣтельствомъ объ окончаніи курса лицея. Функція репетитора является переходною стадіею для большей части учителей гимназій. Что касается жалованья, то учителя, имѣющіе степень agrégé, получаютъ, смотря по сроку и мѣсту службы, отъ 3.000 до 5.000, а въ Парижѣ отъ 6.000 до 7.500 фр. Это жалованье часто восполняется вознагражденіемъ, получаемымъ за частные уроки. Репетиторы лицеевъ получаютъ жалованье отъ 700 до 1.200, и въ Парижѣ отъ 800 до 1.500 фр. *).

Сопоставленіе требованій образовательнаго ценза въ Германіи и Франціи съ одной стороны и у насъ съ другой убѣждаетъ въ томъ, что требованіе отъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи не ниже, чѣмъ въ Германіи, и выше того образовательнаго ценза, который предъявляется къ преподавателямъ французскихъ лицеевъ и коллегій. Между тѣмъ общественное положеніе, а слѣдовательно, и моральныя условія педагогическаго труда, а также и матеріальныя обстоятельства педагоговъ западной Европы имѣютъ значительныя преимущества сравнительно съ нашими. Но и этимъ положеніемъ, какъ мы видѣли, тамъ не довольствуются и существуетъ серьезное движеніе къ его улучшенію.

Н. Арепьевъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Тамъ-же, стр. 157 и слѣд.

ВНѢКЛАССНАЯ ШКОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Окончаніе).

б) Второй періодъ ученической внѣклассной литературы.

Къ этому періоду, какъ нами уже было сказано выше, относятся произведенія, принадлежащія перу самихъ учащихся. Между ними есть повѣсти, разсказы, но большая часть ихъ—стихотворенія. Вѣроятно, каждый образованный человѣкъ писалъ стихи. Прежде писать стихи было дѣломъ труднымъ; нынѣ-же, при знакомствѣ съ произведеніями А. Пушкина, по замѣчанію Гончарова, это стало нетруднымъ и даже легкимъ дѣломъ. Теперь пишутъ стихи и прозу стихами и прозой А. Пушкина. Начало этому полагается обыкновенно на школьной скамьѣ, притомъ довольно рано. Хотя мнѣ не приходилось видѣть стиховъ, принадлежащихъ перу учениковъ перваго и второго классовъ, но между учениками третьяго класса были уже и баснописцы, и сатирики и проч.

Ученическая литература во второмъ періодѣ ея развитія отличается и по содержанію. Если въ ученикѣ зарождается какое-либо чувство, то найти выраженіе для него можно въ чужомъ произведеніи гораздо легче, чѣмъ выразить это чувство въ своемъ произведеніи. Чувство есть явленіе сложное; пониманіе и выраженіе его словами — непосильная работа для большинства учащихся. Для послѣднихъ легче сосредоточиться на явленіяхъ внѣшняго міра, чѣмъ своего, внутренняго. Вотъ почему любовь, со всѣми ея спутниками, составлявшая содержаніе значительной части произведеній ученической литературы перваго періода, во второмъ періодѣ ея развитія уже не играетъ такой роли. Мѣсто ея занимаютъ такія явленія, которыя могутъ быть отчетливо представлены учащимися и безъ особаго затрудненія выражены ими въ словесной формѣ. Къ таковымъ явленіямъ относятся тѣ, которыя наполняютъ школьную жизнь учащихся и наиболѣе занимаютъ ихъ. Виновники этихъ явленій суть, большею частью,

учителя и классныя дамы, которые и служатъ предметомъ многихъ произведеній второго періода ученической литературы. Домашняя жизнь учителей и классныхъ дамъ, ихъ положеніе въ обществѣ, учебно-воспитательная дѣятельность, общественныя отношенія, костюмы и манеры, привычки, темпераменты—все это отражается въ молодыхъ умахъ учениковъ и ученицъ и находитъ себѣ выраженіе въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ. Но учащіеся не любятъ хвалить, хотя они относятся съ уваженіемъ ко всѣмъ, кто того достоинъ; съ другой стороны, какъ неопытные и поверхностные наблюдатели, они скорѣе остановятъ свое вниманіе на отрицательныхъ, дурныхъ сторонахъ, чѣмъ на положительныхъ, хорошихъ. Посему и въ ученической литературѣ преобладаетъ отрицательное изображеніе жизни и дѣятельности учителей и классныхъ дамъ.

Еслибы теперь поставить вопросъ о томъ, какіе учителя преимущественно изображаются въ ученической литературѣ, то на этотъ вопросъ безъ всякаго колебанія слѣдуетъ отвѣтить, что учащіеся въ этомъ отношеніи отдаютъ предпочтеніе учителямъ иностранныхъ языковъ, нѣмцамъ и французамъ, затѣмъ—классикамъ, историкамъ, географамъ и проч. Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что такое отношеніе учащихся къ названнымъ учителямъ связано съ ихъ личностью, а не съ предметами, ими преподаваемыми.

Преподаватели иностранныхъ языковъ, большею частью, пришлые люди, заброшенные къ намъ ихъ неудачами на родинѣ и поисками счастья въ чужой сторонѣ. Изъ нихъ рѣдко кто по собственному почину правдиво разскажетъ свою исторію до прибытія въ Россію. Если же имъ будетъ поставленъ нескромный вопросъ объ этомъ, то нѣмцы обыкновенно отвѣчаютъ, что они слушали университетскія лекціи въ Іенѣ, Гейдельбергѣ и проч.; французъ скажетъ, что на родинѣ, вмѣстѣ съ родственниками, участвовалъ въ солидномъ предпріятіи, по дѣламъ пріѣхалъ въ Россію и, къ несчастью, долженъ былъ здѣсь остаться, но что въ настоящее время онъ не жалѣетъ о томъ: у него есть хорошіе знакомые, друзья (подразумѣвая подъ хорошими знакомыми — статьи дохода, а подъ друзьями — капиталецъ, нажитый въ Россіи). Многіе этому вѣрятъ, но нѣкоторые не придаютъ значенія такимъ разсказамъ объ университетскихъ лекціяхъ, солидныхъ предпріятіяхъ. Учащіеся почему-то съ недовѣріемъ относятся къ словамъ этихъ лицъ и стараются по своему возстановить исторію ихъ прошлой жизни.

По ихъ представленіямъ, какой-нибудь Іоганъ-Карлъ-Рейнгольдъ Миллеръ на родинѣ промышлялъ мелкою торговлей, гдѣ-либо прислу-

живалъ, жилъ всегда впроголодь, но поддерживалъ бодрость духа пивомъ. Франко-прусская война рѣшила его судьбу. Онъ долженъ былъ вступить въ армію.

«Отъ прочихъ Миллеръ не отсталъ:
Побить французовъ онъ явился,
Казенный барабанъ онъ взялъ
И кинжаломъ (?) вооружился».

Затѣмъ Миллеръ прощается съ родственниками. Онъ уже на Рейнѣ, и въ одной битвѣ встрѣчается съ monsieur Жюлье, впослѣдствіи сотоварищемъ по учебной службѣ въ Россіи. Будущіе коллеги вступили въ ужасный бой. При всей гуманности monsieur Жюлье, Миллеру досталось порядкомъ: онъ лишился рукъ, ногъ... былъ весь израненъ, но судьба берегла его:

«Что касается до нашего героя,
То врачи спасли его:
Взяли, склеили, связали,
Не удался умыселъ Жюлье!»

Миллеръ выздоровѣлъ.

«И ничего себѣ, и слава Богу!
Но мозгъ его немного пострадалъ,
Пустился онъ въ обратную дорогу,
Хотя потомъ онъ идіотомъ сталъ!»

Онъ былъ пожалованъ чиномъ унтеръ-офицера и какою-то желѣзкою, напоминающей медаль.

«Ужъ полночь наступаетъ,
Луна горитъ (?) свѣтло,
Онъ зорю отбиваетъ,
Но мысли далеко.
Онъ родину припоминалъ,
Какъ тамъ себѣ въ стаканъ
Онъ пива наливалъ»...

Получивъ увольненіе изъ военной службы, онъ, побѣдитель враговъ, виновникъ славы отечества, сталъ искать себѣ счастья не въ неблагодарномъ фатерландѣ, а въ гостепріимной Россіи. Напѣвая:

«Поѣдемте въ Россію,
Поѣдемте туда!
Тамъ можемъ мы нажиться
Безъ всякаго труда»,

онъ оставилъ предѣлы фатерланда. Отсюда онъ вывезъ одно искусство—дѣлать, при помощи извести, сельтерскую воду, для продажи которой онъ открылъ будку въ одномъ изъ русскихъ городовъ. Такъ онъ началъ свою дѣятельность въ новомъ отечествѣ. Скоро его-же

соотечественники, ранѣе его поселившіеся въ Россіи и уже имѣвшіе тамъ вѣсъ, вѣроятно, за то, что онъ угощалъ ихъ настоящей сельтерской водой, а не съ известью, выдали ему дипломъ на званіе учителя:

«Онъ въ Россію пріѣзжаетъ,
Чинъ восьмого класса получаетъ,
У К...цына мундиръ себѣ купилъ,
Припѣваючи зажилъ»...

Скоро Миллеръ сталъ строить новые планы:

«Свой учебникъ сочиню—
Ученикамъ купить велю»...

Это ему вполнѣ удалось:

«Съ тѣхъ поръ у насъ онъ поживаетъ,
Свою премудрость излагаетъ...»

Исторія оканчивается пожеланіемъ Миллеру прожить сто лѣтъ, а на рисункѣ, относящемся къ этому мѣсту, изображенъ человѣкъ въ форменномъ платьѣ, висящій на веревкѣ.

Презрительное отношеніе къ нѣмцамъ въ значительной степени поддерживается и тѣми пѣснями, которыя поются нашими школьниками. Иныя изъ этихъ пѣсенъ не замысловаты своимъ содержаніемъ, но интересны презрѣніемъ къ нѣмцамъ, выраженнымъ въ этихъ пѣсняхъ. Вотъ какая изъ нихъ, къ сожалѣнію, еще иногда поется учащимися съ особеннымъ удовольствіемъ:

«Нѣмцы хитры, какъ лисицы, и т. д.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Съ припѣвомъ:

«Чортъ возьми всѣхъ нѣмцевъ,
Чортъ возьми всѣхъ нѣмцевъ» и проч...

Въ томъ-же духѣ изображена въ ученической литературѣ и жизнь французовъ, съ тѣмъ, однако, существеннымъ отличіемъ, что учащіеся не чувствуютъ къ нимъ такой вражды и презрѣнія, какъ къ нѣмцамъ.

Во всѣхъ ихъ продѣлкахъ съ французами дышетъ какое-то благодушіе, хотя объ уваженіи къ нимъ не можетъ быть и рѣчи. Дополню исторію Миллера отрывками изъ исторіи monsieur Жюлье.

Покинувъ отечество, monsieur Жюлье скоро нашелъ себѣ мѣсто мыловара на одной изъ парфюремныхъ фабрикъ въ Россіи. Продавая бла-

говонные товары, онъ узналъ многихъ вліятельныхъ лицъ и не преминулъ воспользоваться такимъ знакомствомъ. Скоро онъ сдѣлался учителемъ. Вотъ онъ въ классѣ.

— Ну, что ви минѣ сегодня знайтъ ўрокъ?—спрашиваетъ онъ однаго ученика.

— Какъ-же, Шарль Марковичъ,—отвѣчаетъ ученикъ,—я на сегодня выучилъ даже стихотвореніе!

— Ну? декламируйтъ!

Ученикъ декламируетъ: «J'ai marché по Невскому,
J'ai perdi chapeau,
J'ai cherché, cherché,
Плюнулъ и marché!!»

— Карашо, карашо! Ви у меня моло́децъ. Ступайтъ, братѐцъ, на твой мѣстъ!—проговорилъ французъ, смѣясь отъ души, и поставилъ ученику баллъ пять.

Урокъ кончился. Ученики, столпившись у двери, затруднили выходъ толстому французу. Смѣльчаки успѣли на его спинѣ нарисовать какую-то «морду» и «прицѣпить человѣчка къ фалдамъ».

— Что это такой! Ви со мной шутѐръ! Я дежурно̂й за то въ карцѐръ засядуть!—кричитъ онъ въ ярости и предаетъ кажущагося виновника всей этой исторіи въ руки правосудія, говоря, что онъ «грубьянъ, не уважайтъ порадкъ, а за нимъ все классъ себя шумитъ!»

Подобнаго рода продѣлкамъ съ французомъ не было конца: то дадуть ему «пи́ро», смазанное саломъ, и поставятъ возлѣ него цѣлую коробку такихъ-же перьевъ; то разобьютъ пистонъ; то, сидя самымъ форменнымь образомъ, станутъ «гудѣть въ носъ» и проч., и проч. Но, несмотря на ученическія продѣлки, французъ рѣдко долго сердился; чаще онъ бывалъ веселъ и въ такомъ состояніи на ломаномъ русскомъ языкѣ разсказывалъ разные анекдоты, напримѣръ, о томъ, какъ распространялось у насъ куренье табаку, какъ «каналь» Наполеонъ продалъ Францію, и проч.

Но ни этими анекдотами, ни своимъ благодушіемъ французъ не обманулъ учащихся, инстинктивно угадавшихъ, что̀ онъ представляетъ собою, и въ одномъ изъ произведеній ученической литературы выражено о немъ всеобщее мнѣніе учащихся:

На Жюлье.

«Мой стихъ, мнѣ кажется, вѣдь малъ,
Жюлье лишь типъ француза.
Во Франціи навѣрно голодалъ—
Въ Россіи-жъ нажилъ пузо».

Внутренняя жизнь учителей, ихъ удовольствія, радости и печали, равнодушіе къ дѣлу, холодное отношеніе къ учащимся—все это, какъ

и многое другое, касающееся жизни учителей, также находитъ себѣ отзывъ въ ученической литературѣ. Я приведу здѣсь одно произведенiе, составленное въ подражанiе «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ»— А. Пушкина.

Дѣйствующiя лица въ немъ: а) учитель исторiи, б) классная дама и в) ученицы. Дѣйствiе происходитъ въ классѣ, передъ урокомъ и во время урока.

«Какъ нынѣ сбирается грозный Евгенiй
Отмстить всѣмъ лѣнтяйкамъ дѣвицамъ,
И всѣ ихъ отвѣты сонливый нашъ генiй
Обрекъ лишь однимъ единицамъ...
Съ сiяющимъ ликомъ, съ книжонкой въ рукахъ,
Влетаетъ въ классъ Женя на длинныхъ ногахъ.
Изъ темнаго класса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенная дама
Покорная Ванѣ, Еленъ, одному,
Покорна, какъ Ева Адаму,
Въ ворчаньи проведшая 25 лѣтъ,
И этой-то дамѣ далъ руку атлетъ.
И классъ нашъ Евгенiй, любимецъ боговъ,
Обвелъ испытующимъ окомъ,
О еслибы зналъ онъ, какъ много враговъ
Обрѣлъ въ насъ своимъ онъ урокомъ».

Ученицы всѣмъ классомъ просятъ учителя не спрашивать ихъ, но получаютъ отказъ и стараются успокоить себя мыслью, что

«Евгенiевъ даръ намъ не нуженъ»,

но напрасно: учитель начинаетъ спрашивать ихъ.

«И глазъ его сонныхъ обманчивый взглядъ,
Въ минуту всеобщей тревоги,
Обводитъ уныло воспитанницъ рядъ,
И вдругъ промычалъ онъ—о, боги!—
«Ну, Гольбергъ, скажите скорѣй,
Чѣмъ отъ патрицiевъ отличенъ плебей?»

Ученица не знала отвѣта. Учитель спрашиваетъ другую ученицу о походѣ Аннибала. Но и та ничего не знала—

«И двойка съ пятеркой рядкомъ поселилась,
Такъ и до нынѣ та двойка въ журналѣ
Стоитъ одиноко, и вотъ
Съ тѣхъ поръ не забыть мнѣ о томъ Аннибалѣ,
Про его знаменитый походъ».

Имѣются въ ученической литературѣ описанiя житья-бытья учителей. Правда, эти описанiя рѣзки, но трудно заподозрить авторовъ ихъ въ преднамѣренномъ извращенiи дѣйствительности. Вотъ, что

сказано про учителя, который старался жить, какъ говорится, въ свое удовольствіе:

«Придира страшный безъ причины,
Кто ѣстъ и пьетъ все безъ изъяна,
Кто въ клубѣ ночи пропадаетъ,
Кого никто не уважаетъ,
Кого зовутъ всѣ «обезьяна!..»

Такія произведенія, въ которыхъ изображается жизнь и дѣятельность педагоговъ, встрѣчаются въ 90% тетрадокъ.

Второе мѣсто занимаютъ тѣ произведенія, въ которыхъ изображаются семейныя отношенія. Такія произведенія встрѣчаются въ 60% тетрадокъ. Обиліе ихъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что, послѣ школы, къ учащимся ближе всего стоитъ семья, которая уступаетъ первенство школѣ потому, что въ семьѣ учащіеся болѣе пассивны, чѣмъ въ школѣ. Отношеніе учащихся къ семьѣ, большею частью, отрицательное. Чѣмъ объяснить это—трудно сказать, но настоятельно необходимо обратить вниманіе на этотъ фактъ, съ которымъ воспитателю приходится считаться.

Моменты изъ семейной жизни, изображенные въ ученической литературѣ, самые разнообразные. Особенно часты сюжеты о томъ, какъ «онъ» и «она» влюбляются, какъ это скоро происходитъ, и къ чему приводитъ. Въ одномъ стихотвореніи сказано:

Онъ взглянулъ, она взглянула—и влюбились оба;
Поженились—и дрались до гроба».

Несмотря на это, магометовъ законъ считается пріятнымъ, и въ немногихъ произведеніяхъ выражена мысль о томъ, что послѣдователи его—«счастливчики».

Кромѣ этого, содержаніемъ ученической литературы второго періода служатъ разсказы о товарищахъ, жалобы на трудность ученія, на школьные порядки, «плачъ о карцерѣ», «распеканціи», выраженія надежды, огорченія и проч., а также и то, что выражено въ произведеніяхъ, отнесенныхъ мною къ первому періоду ученической литературы.

Но изъ всѣхъ произведеній ученической литературы для воспитателя, желающаго изучить личность каждаго изъ его учениковъ, имѣютъ особенно важное значеніе тѣ самостоятельныя ихъ произведенія, въ которыхъ преобладаетъ автобіографическій элементъ. Такія произведенія даютъ воспитателю ключъ къ разгадкѣ даже таинственныхъ, скрытныхъ личностей изъ среды воспитанниковъ, ввѣренныхъ его попеченію. Иногда-же они являются единственнымъ источникомъ, изъ

котораго черпается освѣщеніе загадочной судьбы нѣкоторыхъ воспитанниковъ.

Нѣкто П., ученикъ VI класса, былъ любимцемъ своихъ родителей, родственниковъ, товарищей и вообще всѣхъ лицъ, его знавшихъ. Онъ учился весьма удовлетворительно, по поведенію считался отличнымъ ученикомъ и вообще признавался весьма благонравнымъ и приличнымъ молодымъ человѣкомъ. Здоровья онъ былъ прекраснаго. Но однажды утромъ П. былъ найденъ мертвымъ. По судебно-медицинскимъ изслѣдованіямъ оказалось, что причина смерти—отравленіе морфіемъ. Самъ-ли онъ отравился, или-же его отравилъ кто-либо другой, случайно или преднамѣренно, — осталось неразгаданнымъ: эту тайну П. унесъ съ собой въ могилу, но не вполнѣ. Ее до нѣкоторой степени открылъ дневникъ, веденный ученикомъ П. Этотъ дневникъ послужилъ основаніемъ для заключенія о томъ, что П. съ 14-лѣтняго возраста состоялъ съ гувернанткой своей сестры въ любовно-половой связи, съ оттѣнкомъ извѣстнаго, особеннаго характера, происходящаго отъ разницы ихъ возрастовъ. Послушаемъ, что говоритъ о себѣ самъ П.

«Я,—пишетъ онъ,—разочарованъ. Смѣшно, говорятъ, разочарованіе въ мои годы. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше узнаешь; чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше видишь, что многія мысли неосуществимы, что нѣтъ никогда, нигдѣ, ни въ чемъ порядка.

«Долженъ-ли я упрекать себя въ чемъ-либо? Много-бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, если-бы не боялся, что тетрадь эта попадется въ руки отца или кого другого, и онъ узнаетъ прежде времени *тайну моей жизни съ 14 лѣтъ*. Много перемѣнъ, много разочарованія, многія дурныя качества появились во мнѣ. *Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что, при воспоминаніи о нихъ, холодный потъ выступаетъ у меня на лбу*. Я понялъ свою доброту, доведенную до глупости, и сдержу себя: мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, повидимому, окаменѣло, и хотя я иногда страдаю очень, очень сильно, но не легко замѣтить это. Изъ природнаго флегматизма развилось искусственное хладнокровіе. Сила воли выработалась изъ упрямства, спасшаго меня. *Когда я стоялъ на краю погибели, я сталъ атеистомъ. Дорого-бы я далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство. Много такихъ взглядовъ получалъ я, до которыхъ врагу своему не желаю додуматься;* таковъ, напр., взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. Но, сколько возможно, я стараюсь не имѣть кумира. Но кумиръ нашелся; мой кумиръ—я самъ; себя я люблю, о себѣ пекусь такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми.

«Меня кормятъ, одѣваютъ и проч., но все это мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется, какъ можно скорѣе, проживать мои средства, а не отца. Работы! работы! Конечно, отецъ ни за что не позволитъ, чтобъ я вносилъ свою

лепту на нашу смейную жизнь. Правда, я буду жить, я буду работать и, авось, эта работа поможетъ мнѣ отплатить родителямъ добромъ за ихъ заботы въ моей молодости, сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ. Но еще долго остается тянуть лямку: 2¹/₂ года въ гимназіи, а потомъ 5 лѣтъ въ академіи, и смѣшно тогда дѣлаться полезнымъ, когда остается 10 лѣтъ жизни.

«Недовольный типами человѣчества, я наврядъ-ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ, и придется проводить жизнь solo. А тяжела жизнь въ одиночествѣ, тяжело, когда тебя не понимаютъ, не оцѣнятъ! Я ставлю себя на высочайшій пьедесталъ, но многіе о себѣ такого высокаго мнѣнія. Какъ человѣкъ, я не буду оцѣненъ. Вся надежда на медицину и музыку; съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгая жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется съ трудомъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось, однако, мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость! Во всякомъ случаѣ, не скоро доживу до того времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

V.

Знакомство съ ученической литературой и владѣльцами тетрадокъ приводитъ, во-первыхъ, къ тому несомнѣнному выводу, что существуетъ много общаго между содержаніемъ извѣстной тетрадки и личностью ея владѣльца: чѣмъ пошлѣе содержаніе тетрадки, тѣмъ менѣе цѣнна личность владѣльца ея въ нравственномъ отношеніи; тетрадки, въ которыхъ вписаны образцовыя литературныя произведенія, а самостоятельныхъ почти не было, обыкновенно принадлежатъ хорошимъ ученикамъ. Даже занятія родителей учащихся отражались на содержаніи внесенныхъ въ тетрадки ихъ дѣтей произведеній: въ нѣкоторыхъ тетрадкахъ ничего не было, кромѣ ходячихъ пѣсенъ, которыя поются въ полупьяныхъ компаніяхъ, и оказывалось, что родители владѣльцевъ такихъ тетрадокъ содержали гостинницы, рестораны. Однимъ словомъ, содержаніе списанныхъ и самостоятельно составленныхъ учащимися произведеній, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ въ себѣ внутренній міръ учащихся. Отсюда проистекаетъ особенно важное значеніе такихъ произведеній въ дѣлѣ оцѣнки воспитателями *) личности ихъ питомцевъ. Произведенія ученической литературы ясно свидѣтель-

*) Къ сожалѣнію, эти тетрадки для большинства воспитателей будутъ недоступны, а потому и не могутъ способствовать правильной съ ихъ стороны оцѣнкѣ каждой отдѣльной личности изъ ихъ воспитанниковъ. Но общій педагогическій интересъ подобнаго рода ученическихъ тетрадокъ, конечно, несомнѣненъ, а потому и дальнѣйшія изысканія въ этомъ направленіи весьма важны въ цѣляхъ психологіи учащихся. *Ред.*

ствуютъ, во-вторыхъ, о томъ, что въ учащихся преобладаетъ наклонность къ представленію и изображенію отрицательныхъ сторонъ наблюдаемыхъ ими предметовъ и явленій. Въ нихъ почти не видно, чтобы учащіеся стремились къ идеальному, возвышенному, и нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы изображеніе отрицательныхъ сторонъ вызывало въ нихъ попытки рѣшить вопросъ: «а какъ-же должно быть?», говоря другими словами, отрицательное изображеніе дѣйствительности не служитъ для учащихся основаніемъ для созданія положительныхъ идеаловъ или стремленій, на основаніи заключеній отъ противнаго. Эта особенность *) учащихся, выразившаяся въ произведеніяхъ ихъ собственной литературы, замѣчена и нѣкоторыми изъ нихъ, правда, весьма немногими, притомъ, конечно, такими, которые способны обнять вопросъ полнѣе, разностороннѣе. Въ произведеніи одного изъ такихъ учениковъ, озаглавленномъ: «Къ другу» **), между прочимъ, сказано:

«Прежде юность смѣлѣй, горячѣй
Всѣ обѣты святые давала;
Больше слышалось пылкихъ и честныхъ рѣчей,
А теперь ихъ такъ мало и мало...
Это намъ не въ примѣръ. Подадимъ
Мы другъ другу смѣлѣй наши руки
И союзъ противъ зла заключимъ...»

Конечно, развитіе большинства учащихся не даетъ основанія ожидать отъ него того, что можетъ чувствовать и думать меньшинство, которое составляютъ лучшіе по уму и сердцу ученики. Большинство довольствуется наблюденіями отрицательныхъ сторонъ, что умамъ

---

*) Инстинкты разрушенія, къ которымъ слѣдуетъ отнести и такъ называемое отрицательное направленіе, вообще присущи юношеству, а юношеству русскаго народа, склоннаго къ пересмѣиванію, насмѣшкѣ, выражающейся, въ своей высшей формѣ, въ художественной литературѣ, критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, эти инстинкты свойственны въ особенности. Они и въ русской школѣ, на нашъ взглядъ, являются однимъ изъ характернѣйшихъ ея признаковъ, съ которымъ должно считаться каждому мыслящему русскому педагогу. На послѣднемъ лежитъ, поэтому, обязанность по мѣрѣ своихъ силъ противодѣйствовать такому, неосмысленному еще, отрицанію путемъ насажденія въ сердцѣ и умѣ питомцевъ понятій о положительныхъ идеалахъ истины, добра и красоты и развитію въ воспитываемыхъ горячаго стремленія къ осуществленію ихъ въ жизни дѣйствительной. *Ред.*

**) Въ приводимомъ почтеннымъ авторомъ отрывкѣ, по нашему мнѣнію, скорѣе чуется резонерство, навѣянное извнѣ литературою отрицательнаго направленія, а не искреннее внутреннее чувство и осмысленное отношеніе къ предмету. *Ред.*

слабымъ и посредственнымъ дается легче, чѣмъ наблюденія противоположнаго характера.

Такимъ образомъ, ученическая литература для подавляющаго большинства учащихся даетъ пищу не только нездоровую, но и вредную. Если-же принять во вниманіе, что молодымъ людямъ легко прививаются мысли, которыя затѣмъ такъ прочно держатся, что ихъ не можетъ поколебать никакое обученіе, какъ будто-бы онѣ были прирожденныя; если принять во вниманіе и то, что послѣдствіемъ этого бываетъ даже пріученіе ихъ добровольно отдавать свое имущество и жизнь для защиты словъ, именъ, суевѣрныхъ химеръ; наконецъ, если принять во вниманіе, что и мысли отрицательнаго характера, выраженныя въ ученической литературѣ, представляютъ нѣчто, большею частью, вредное для учащихся, то невольно возникаетъ вопросъ: не лучше-ли принять мѣры къ совершенному уничтоженію ученической литературы и къ созданію такихъ условій, благодаря которымъ возникновеніе ея сдѣлалось-бы невозможнымъ? Вотъ два вывода, касающихся значенія школьнической литературы: одинъ изъ нихъ указываетъ на громадную пользу ея для воспитателя, а другой свидѣтельствуетъ о вредѣ ея для учащихся. Правда, занятіе ею, въ значительной степени, оберегаетъ ихъ, быть можетъ, отъ чего-либо худшаго, и въ этомъ нельзя не усматривать ослабленія силы вреднаго ея значенія: изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее *).

Кромѣ этихъ выводовъ, хотѣлось-бы сдѣлать и другіе цѣнные выводы, но я признаю за лучшее пока воздержаться отъ этого: нужно собрать обильный матеріалъ не только по вопросу объ ученической литературѣ, но и объ ученической живописи, ученическомъ театрѣ, пѣсняхъ, распѣваемыхъ учащимися, излюбленныхъ ими книгахъ. Весь этотъ матеріалъ касается одного и того-же предмета — внутренняго міра учащихся. Посему, чѣмъ больше будетъ этого матеріала, тѣмъ устойчивѣе, тѣмъ менѣе субъективны и менѣе страстны будутъ и выводы, тѣмъ съ большей основательностью можно будетъ отвѣтить на вопросъ: «что-же такое есть современный намъ ученикъ»?

---

*) Уничтоженіе существованія ученической литературы при помощи какихъ-либо репрессалій представляется намъ едва-ли возможнымъ, но придать ей иное, болѣе здоровое направленіе возможно при усиліи со стороны педагогическаго персонала, чему авторъ настоящей статьи и приводитъ примѣръ, когда говоритъ о дѣятельности въ этомъ направленіи педагоговъ бывшаго Московскаго благороднаго пансіона. Важное значеніе этой ученической литературы въ видахъ изученія «внутренняго міра учащихся» русской школы, ея, настроенія, также уже указано авторомъ въ началѣ его интереснаго изслѣдованія. *Ред.*

Вслѣдствіе этого я, имѣя въ виду интересы «малыхъ сихъ», позволю себѣ обратиться къ лицамъ, служащимъ по учебно-воспитательной части въ учебныхъ заведеніяхъ нашего любезнаго отечества, съ усерднѣйшею просьбой собирать необходимый по этимъ вопросамъ матеріалъ и высылать его въ редакцію «Русской Школы» (для С. П. Незлобина). Но при этомъ читатель невольно спроситъ меня: какимъ способомъ добывать этотъ матеріалъ? Мѣстныя условія, при которыхъ существуютъ учебныя заведенія разныхъ типовъ, положеніе родителей учащихся, характеры сихъ послѣднихъ (отъ всего этого зависитъ успѣхъ собиранія матеріала)—столь разнообразны, что я затрудняюсь вкратцѣ изложить способы собиранія матеріала; но надѣюсь, что педагогическій тактъ моихъ сотоварищей укажетъ имъ такой способъ, наиболѣе удобный въ примѣненіи къ данному мѣсту и времени.

Въ настоящее время, по самымъ существеннымъ вопросамъ, касающимся школы, въ нашей литературѣ существуютъ не только противорѣчивые взгляды, выводы и характеристики, но приводятся ряды противорѣчивыхъ фактовъ. Есть-ли умственное переутомленіе, зависитъ-ли оно отъ существующей учебной системы, является-ли переутомленіе слѣдствіемъ многопредметности, или-же концентраціи курса, имѣютъ-ли возможность преподаватели заниматься наукой, повинны-ли они въ переутомленіи учащихся, нужно-ли чтеніе книгъ, нужно-ли воспитателю входить въ общеніе съ родителями учащихся, обладаетъ-ли наша молодежь добрыми задатками — на всѣ эти вопросы имѣются въ нашей литературѣ и положительные, и отрицательные отвѣты, высказанные притомъ лицами равно авторитетными. Чему-же долженъ слѣдовать, напримѣръ, молодой преподаватель-воспитатель, только что начинающій свое поприще? Или-же ему придется довѣриться собственному такту, собственному благоразумію, собственнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, т.-е. субъективнымъ, и потому, съ большею вѣроятностью, ошибочнымъ руководителямъ?! Подъ руками у него нѣтъ надежныхъ руководствъ, такъ какъ у насъ еще не выработана система національной педагогической психологіи, а равно и педагогики, зиждущейся на началахъ такой психологіи: дѣтей нашихъ никто не знаетъ: не знаетъ ихъ школьная администрація; не знаетъ ихъ наше верхоглядное общество, которое притомъ, подъ вліяніемъ газетъ, относится къ педагогамъ то враждебно, то скептически, то—и это въ лучшемъ случаѣ—равнодушно; не знаютъ ихъ и сами родители. Не поможетъ молодому педагогу и школьная практика его товарищей, такъ какъ она ничѣмъ не регулируется. Гдѣ у насъ школы,

въ которыхъ преподаватели-воспитатели руководствовались-бы опредѣленной системой, принципами, ясными для всей школьной коллегіи? Не видимъ-ли мы, наоборотъ, господства случайностей, дѣйствій post-factum? Не сводится-ли дѣятельность нашихъ инспекторовъ къ каранію провинившихся, говоря точнѣе—«попавшихся» учениковъ? Не суть-ли самые хитрые и лицемѣрные ученики по оцѣнкѣ инспекторовъ—самые лучшіе, поведеніе которыхъ безъ колебаній оцѣнивается полнымъ балломъ 5? Довѣрять или не довѣрять учащимся? Полагаю, что *знакомство съ ученической литературой поможетъ педагогамъ уяснить себѣ многіе изъ этихъ вопросовъ*, ко благу грядущихъ поколѣній, да и самимъ педагогамъ не такъ часто придется разочаровываться и, по поводу рѣзкихъ проступковъ «прорвавшихся» лицемѣровъ, тяжело вздохнувъ, восклицать вмѣстѣ съ учителемъ Чичикова: «Эхъ, Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

С. Незлобинъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕНИКОВЪ.

(Продолженіе).

Средніе по успѣхамъ ученики.

Вторую группу составляютъ средніе по успѣхамъ ученики, въ четвертныхъ вѣдомостяхъ у которыхъ тройки и четверки преобладаютъ надъ другими отмѣтками. Такихъ большинство, около $4/5$ всѣхъ учениковъ, они собственно и составляютъ классъ, и учителя обыкновенно идутъ впередъ только послѣ уясненія и усвоенія пройденнаго всѣми учениками этой группы. Эта группа даетъ окраску всему классу; она-же издаетъ законы товарищескихъ отношеній и строго слѣдитъ за исполненіемъ ихъ всѣми воспитанниками. Ученики первой группы, наградные, въ большинствѣ случаевъ плохіе товарищи: конкурренція, честолюбіе, напряженное состояніе вслѣдствіе сосредоточенности на предметахъ занятія—все это въ значительной степени заглушаетъ другія стороны сердца и отдѣляетъ ихъ отъ товарищей; они болѣе дисциплинированы и ведутъ себя, какъ дома, такъ и въ школѣ, сдержанно, очень мало принимаютъ участія въ общей школьной жизни учениковъ. Во второй группѣ конкурренція значительно ослабѣваетъ; домашнее воспитаніе въ большинствѣ случаевъ обставлено меньшими стѣсненіями, и ученики держатъ себя свободнѣе, даютъ больше простору своимъ чувствамъ и желаніямъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ воспитанники второй группы въ индивидуальномъ отношеніи представляютъ болѣе разнообразія, болѣе богатства. Въ этой группѣ мы встрѣчаемъ также много такихъ дѣтей и юношей, характеристики которыхъ вошли въ описаніе первой группы, съ тою только разницей, что прилежаніе, способности, а также домашнія условія ихъ неодинаковы; въ этой группѣ также встрѣчаются мученики учебы, зубрилки, труженики среднихъ и даже ниже среднихъ способностей; встрѣчаются и даровитые и развитые

ученики, но не прилежные, или не казовые, или-же занятые посторонними предметами, причемъ учебные предметы у нихъ на второмъ и на третьемъ планѣ: лишь-бы схватить душеспасительную тройку, которая отлично перевозитъ изъ класса въ классъ. Не мало и «маменькиныхъ сынковъ», балованныхъ, робкихъ, тепличныхъ растеній и, наконецъ, просто-на-просто лѣнивыхъ, шалуновъ «сорви голова». Въ этой группѣ гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ, чтобъ не сказать исключительно только въ ней, встрѣчаются ранніе спеціалисты по разнымъ учебнымъ и неучебнымъ предметамъ: естествоиспытатели, историки, математики; изобрѣтатели, художники, музыканты, механики; любители разнаго спорта: велосипедисты, шахматисты, конкобѣжцы, собиратели марокъ, монетъ, насѣкомыхъ и другихъ коллекцій. Встрѣчаются въ этой группѣ и мечтатели, страстные любители охоты и вообще природы; обрисовываются въ нѣкоторыхъ ученикахъ также практическія и коммерческія стороны, какъ обрисовывались онѣ въ дѣтствѣ Чичикова.

Вслѣдствіе своихъ увлеченій многіе изъ этой группы отклоняются отъ учебнаго дѣла и не кончаютъ курса среднеучебнаго заведенія; выходятъ изъ четвертаго, пятаго классовъ юноши съ обрывками разныхъ свѣдѣній, ни къ чему не подготовленные. Нѣкоторые изъ нихъ страстно желаютъ продолжать свое образованіе, но только въ заведеніяхъ, которыя болѣе или менѣе согласовались-бы съ ихъ наклонностями, и проявляютъ нерѣдко замѣчательную энергію для достиженія своей цѣли. Поступившіе въ какое-нибудь спеціальное заведеніе,—въ консерваторію, въ академію художествъ, въ техническія заведенія, въ лѣсной институтъ,—часто обнаруживаютъ большое усердіе, любовь къ дѣлу. Но многимъ, очень многимъ изъ неокончившихъ курса гимназіи, при всемъ желаніи ихъ, не удается поступить въ какое-нибудь спеціальное заведеніе, отчасти за недостаткомъ таковыхъ заведеній у насъ, отчасти вслѣдствіе высокихъ научныхъ требованій для поступленія въ нихъ. Нельзя не пожалѣть этихъ послѣднихъ, выброшенныхъ за бортъ юношей: чувствуя себя безъ почвы, они падаютъ духомъ, да и положеніе ихъ въ домѣ обыкновенно бываетъ тяжелое. Между тѣмъ, если-бы они попали на свою дорогу, на то дѣло, которое ихъ интересуетъ, изъ нихъ могли-бы выйти хорошіе работники, любящіе свое дѣло, что весьма важно и что, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается.

Не смотря на разнообразіе индивидуальностей, вкусовъ, физическихъ и духовныхъ силъ воспитанниковъ, они живутъ между собою въ большинствѣ случаевъ мирно, хорошо, и многіе въ теченіе курса

пріобрѣтаютъ себѣ самыхъ близкихъ друзей на всю жизнь. Въ началѣ ученія, въ младшихъ классахъ, обыкновенно чаще бываютъ всякія недоразумѣнія, чаще бываютъ ссоры и драки; большіе пристаютъ къ маленькимъ, дразнятъ ихъ; сильные задѣваютъ слабыхъ, обижаютъ ихъ; чаще поднимается вопросъ о «фискальствѣ», о шпіонствѣ, о выскакиваніи, о заискиваніи передъ старшими. Но по мѣрѣ развитія воспитанниковъ, по мѣрѣ выясненія нравственныхъ основъ школьной жизни, отношенія сглаживаются и улучшаются. Съ тѣхъ поръ, какъ выгнаны изъ стѣнъ учебныхъ заведеній тѣлесныя наказанія, исчезла грубость какъ въ обращеніяхъ педагогическаго персонала съ воспитанниками, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ воспитанниковъ. Нравы въ школахъ смягчились, какъ смягчились они и въ жизни, и отношенія воспитанниковъ между собой выражаются въ простой и приличной формѣ. «Очерки бурсы» Помяловскаго отошли въ исторію, и въ настоящее время они цѣнны только, какъ историческій памятникъ, какъ свидѣтельство, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила грубость нравовъ въ учебныхъ заведеніяхъ еще такъ недавно, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Остановимся нѣсколько подольше на внутренней жизни воспитанниковъ, прослѣдимъ въ общихъ чертахъ тѣ основы, которыя обусловливаютъ ихъ поведеніе. Школьная мораль учащихся довольно своеобразна; она ведетъ начало свое съ давнихъ временъ, когда еще корень ученія былъ дѣйствительно горекъ, когда физическія наказанія были единственнымъ педагогическимъ пріемомъ въ воспитаніи и обученіи, когда пословица «За битаго двухъ небитыхъ даютъ» вполнѣ была для всѣхъ понятна. Основы школьной морали передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ устное преданіе, и передаются съ очень небольшими измѣненіями; примѣненіе-же ихъ въ настоящее время не такъ уже энергично и выражается въ гораздо болѣе мягкихъ формахъ, чѣмъ прежде. Кодексъ морали школьной жизни учениковъ сводится къ немногимъ положеніямъ. Два лагеря: въ одномъ—начальство, воспитатели, учителя; въ другомъ—ученики. Въ настоящее время ужъ нельзя назвать эти лагери «враждебными», какъ было это прежде: разстояніе между ними значительно уменьшилось и отношенія ужъ не такъ заострены. Но во всякомъ случаѣ въ понятіи воспитанниковъ интересы лагерей сильно расходятся и даже иногда противоположны. Основа отношеній воспитанниковъ выражается словомъ «товарищество». На первомъ планѣ кодекса морали стоятъ интересы общіе, интересы всего класса; въ силу этого положенія преслѣдуются: «выскочки», лицемѣры, которые намѣрены выдѣлиться изъ среды това-

рищей и снискать себѣ особенное расположеніе у членовъ противоположнаго лагеря; преслѣдуются ябедники, «фискалы», которые, подводя товарища подъ отвѣтственность, вводятъ во внутреннюю жизнь начальство, что крайне нежелательно по многимъ причинамъ; жестоко преслѣдуются «наушники», шпіоны, которые изъ-за личныхъ своихъ выгодъ, изъ-за желанія подслужиться, быть на лучшемъ счету, доносятъ потихоньку на товарищей начальству,—сообщаютъ факты изъ жизни товарищей членамъ противоположнаго лагеря, однимъ словомъ, шпіонятъ, предаютъ товарищей.

Всѣ эти анти-товарищескіе проступки могутъ часто повторяться въ учебномъ заведеніи и принимать большіе размѣры только при одномъ условіи, если противоположный лагерь, т.-е., начальство, воспитатели, учителя выслушиваютъ доносчиковъ, благосклонно относятся къ нимъ, и тѣмъ самымъ поощряютъ ихъ; при другомъ отношеніи педагогическаго персонала къ анти-товарищескимъ выходкамъ воспитанниковъ, всѣ эти проступки быстро исчезаютъ; у доносчиковъ пропадаетъ всякая охота доносить, такъ какъ они не только не получаютъ отъ этого никакихъ выгодъ, а напротивъ, поведеніе ихъ осуждается и проступки ихъ дѣлаются извѣстны всѣмъ товарищамъ. Но кромѣ обереганія общихъ интересовъ, обереганія отъ вторженія начальства во внутреннюю жизнь, кодексъ ученической морали также имѣетъ въ виду и интересы каждаго ученика въ отдѣльности: слабые защищаются отъ сильныхъ; неуспѣвающіе всегда находятъ поддержку въ своихъ товарищахъ: имъ объясняютъ уроки, если они пожелаютъ; подсказываютъ во время ихъ отвѣта; даютъ тетради для списыванія переводовъ, примѣровъ, рѣшеній задачъ. Смѣяться надъ незнаніемъ урока товарища, надъ непониманіемъ ученикомъ классныхъ объясненій учителя считается предосудительнымъ. Лѣность, въ силу той-же ученической морали, не считается порокомъ, заслуживающимъ порицанія, какъ и прилежаніе—добродѣтелью: учиться, или вѣрнѣе—переходить изъ класса въ классъ необходимо, но при этомъ затрачивать труда слѣдуетъ, по возможности, меньше. Въ кодексъ ученической морали входитъ и исправленіе личныхъ недостатковъ воспитанниковъ, чисто нравственнаго свойства, какъ-то: ложь, обманъ товарища (но не воспитателя, не учителя, и даже не родителя), хвастовство, легкое отношеніе къ чужой собственности. Благодаря откровенности, прямотѣ, свойственной дѣтскому и юношескому возрасту, благодаря самостоятельности каждаго, независимому положенію по отношенію къ другимъ воспитанникамъ, а также въ силу многочисленности, гласнаго обсужденія поступковъ, въ силу свободной критики, не стѣсняющейся

формою,--лгуны, хвастуны, обманщики, воришки быстро исправляются. На нихъ градомъ сыпятся насмѣшки, сарказмы, а если эти средства оказываются не дѣйствительными, то пускаются въ ходъ и другія болѣе суровыя. Мѣры для исправленія другъ друга весьма разнообразны, но больше сводятся: къ гласному обсужденію поступка, къ точному обозначенію его однимъ какимъ-нибудь словомъ, однимъ эпитетомъ («выскочка», «фискалъ», «шпіонъ» и др.), и затѣмъ повтореніе этого эпитета многими. Но бываютъ и своеобразныя мѣры. Для примѣра приведемъ слѣдующій случай. Однажды ученикъ 2-го класса X дурно приготовилъ урокъ географіи; учитель поставилъ ему двойку. Это обстоятельство очень огорчило X, и онъ во время перемѣны плакалъ. Другой ученикъ Z сталъ смѣяться надъ нимъ. Такое поведеніе Z не понравилось Y, другу X. Началось довольно горячее обсужденіе даннаго факта, причемъ большинство приняло сторону X; но такъ какъ больше перемѣнъ не было въ этотъ день,—уроки кончились, и ученики разошлись по домамъ, то и осталась нѣкоторая недосказанность по этому предмету, X и Y остались неудовлетворенными. Они сошлись вечеромъ вдвоемъ, долго обсуждали поведеніе Z и рѣшили: написать записку Z за своими подписями, въ которой выразить неодобреніе поведенію Z, и затѣмъ прекратить съ нимъ всякія отношенія, т.-е., ни кланяться, ни разговаривать. Такъ они и поступили. Правда, черезъ мѣсяцъ я видѣлъ уже, какъ они втроемъ, вмѣстѣ, играли очень весело.

По мѣрѣ пребыванія учениковъ въ учебномъ заведеніи кодексъ ученической морали, обусловливающій отношеніе къ педагогическому персоналу и взаимныя отношенія другъ къ другу, все болѣе и болѣе уясняется; грубые поступки съ точки зрѣнія этой морали все дѣлаются рѣже и рѣже; взаимныя отношенія становятся ближе, тѣснѣе и переходятъ въ дружбу съ избранниками сердца.

Рядомъ съ этою моралью въ сознаніи у большинства живетъ и тотъ идеалъ товарища, къ которому слѣдуетъ стремиться. Съ развитіемъ воспитанниковъ, конечно, этотъ идеалъ мѣняется, но въ первоначальной формѣ, въ грубомъ видѣ онъ представляется въ такомъ родѣ: хорошій товарищъ ни за что не выдастъ другого, хотя-бы пришлось пострадать изъ-за него; ловко провести членовъ другого лагеря, выкинуть какое-нибудь «колѣнце» для увеселенія товарищей, и тѣмъ самымъ нарушить дисциплину и пострадать за это,—все это считается молодечествомъ, удалью, и всѣми этими качествами обладаетъ хорошій товарищъ; само собой разумѣется, что онъ долженъ быть силенъ,

ловокъ, смѣлъ, потому что хорошій товарищъ всегда впереди всѣхъ идетъ на защиту своего класса.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, этика учениковъ. Конечно, какъ мораль учениковъ, такъ и ихъ идеалъ товарища находятся въ тѣсной связи съ тѣми педагогическими пріемами, какіе примѣняются учебно-воспитательнымъ персоналомъ въ заведеніи: чѣмъ гуманнѣе отношеніе школы къ воспитанникамъ, чѣмъ больше школа опирается въ своихъ дѣйствіяхъ на нравственныя начала, ясныя для воспитанниковъ и исключающія всякій произволъ, тѣмъ нравы воспитанниковъ мягче, тѣмъ идеалъ ихъ становится чище. Разумнымъ, тактичнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія школа можетъ много пролить свѣту въ нравственную атмосферу воспитанниковъ, которою они живутъ, широко можетъ воспользоваться школа нравственными основами морали учениковъ, какъ могучимъ средствомъ самовоспитанія ихъ.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ ученикахъ второй группы, болѣе характерныхъ. Въ этой группѣ много дѣтей хорошихъ, симпатичныхъ, съ которыми заниматься одно удовольствіе. Эти дѣти воспитанныя, съ раннихъ лѣтъ постепенно пріучены къ порядку, къ посильному труду, выдержаны въ выраженіяхъ своихъ чувствъ и желаній; на нихъ благотворно вліяетъ хорошій примѣръ и доброе слово, такъ какъ они въ нравственномъ отношеніи чутки, воспріимчивы и хорошо направлены. Учатся они не только изъ-за полученія хорошей отмѣтки,—хотя, конечно, и она доставляетъ имъ удовольствіе, какъ похвала, какъ оцѣнка труда, — но ихъ интересуетъ и самый предметъ, которымъ они занимаются, и процессъ мысли и работы, и, наконецъ, преодолѣваніе посильныхъ трудностей. Ручательствомъ всего сказаннаго могутъ служить ихъ глаза. Если мѣтко выраженіе въ примѣненіи ко всѣмъ людямъ, что «глаза есть зеркало души», то оно особенно вѣрно по отношенію къ дѣтямъ: какъ въ зеркальной водной поверхности отражаются берега и небесный сводъ, такъ въ глазахъ дѣтей отражается весь психическій процессъ ихъ со всѣми переходами мысли; то внимательно смотрятъ они на преподавателя, ловятъ каждое его слово, то сосредоточились, мысль преодолѣваетъ затрудненія, то засвѣтились яснымъ побѣднымъ свѣтомъ, все лицо просіяло: они уяснили себѣ данный вопросъ, данное положеніе. По этимъ глазамъ можно судить о вниманіи дѣтей и объ ихъ интересѣ къ дѣлу; эти глаза воодушевляютъ преподавателя и служатъ ему наградою за тяжелое учительское дѣло. Дѣти этого типа обыкновенно очень привязываются къ заведенію, и для нихъ бываетъ большое лишеніе,

когда приходится по какимъ-либо причинамъ имъ оставаться дома. Но, спрашивается: отчего они не въ первой группѣ? Отчего они не въ числѣ наградныхъ? Нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ иногда награды при переходѣ изъ класса въ классъ, и даже кончаютъ съ медалями, но большинство такого типа дѣтей—среднія по успѣхамъ. Причины этому — слѣдующія: въ нихъ не развито такъ честолюбіе, какъ у первыхъ учениковъ; они менѣе сосредоточены на предметахъ занятія и интересы ихъ шире, — они не прочь и пошалить, и покататься на конькахъ, не прочь иногда увлечься и интересной книжкой; кромѣ школьныхъ занятій, они обыкновенно дома еще занимаются какимъ-нибудь новымъ языкомъ, или какимъ-нибудь искусствомъ, музыкой, рисованіемъ, лѣпкой изъ глины, или, такъ-называемымъ, ручнымъ трудомъ; нѣкоторыя, наконецъ, по своимъ способностямъ могли-бы идти впереди класса и получать награды при болѣе усиленной работѣ, но благоразумные родители, оберегая здоровье своихъ дѣтей, не позволяютъ имъ далѣе извѣстнаго часа засиживаться за приготовленіемъ уроковъ; такого типа дѣти хорошо идутъ въ заведеніяхъ и благополучно кончаютъ въ нихъ курсъ. Семья и школа идутъ дружно, рука-объ-руку, и ведутъ подростающее поколѣніе къ одной общей цѣли.

Къ сожалѣнію, семья и школа далеко не всегда идутъ по одной дорогѣ: семья далеко не всегда сочувствуетъ школѣ, критикуетъ ее нерѣдко при дѣтяхъ и посылаетъ въ нее послѣднихъ только по необходимости; школа, съ своей стороны, мало интересуется семьею и даже иногда совсѣмъ игнорируетъ ее. Разладъ между школой и семьей—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ нашемъ современномъ воспитаніи и, какъ разладъ между родителями, при всемъ желаніи даже скрыть его отъ дѣтей, все-таки пагубно вліяетъ на воспитаніе ихъ. Но, помимо несочувствія семьи къ школѣ, домашнія условія для воспитанія дѣтей часто бываютъ крайне неблагопріятны: семья наша мало приготовлена для воспитанія дѣтей, въ ней нѣтъ устоевъ, нѣтъ традицій, какъ есть, напримѣръ, въ нѣмецкой семьѣ, нѣтъ выдержки, нѣтъ даже иногда единомыслія между родителями по основнымъ предметамъ воспитанія. Всѣ эти обстоятельства, несомнѣнно, въ значительной степени отражаются на процентѣ неуспѣвающихъ и неудачниковъ. Но вернемся къ характеристикамъ учениковъ второй группы. Вотъ ученикъ второго класса—Семеновъ. Онъ сегодня всю большую перемѣну проплакалъ. Что за причина такого огорченія? Товарищи не спрашиваютъ его объ этомъ: они знаютъ, что онъ сегодня получилъ единицу изъ французскаго и что ему дома «попадетъ». Отецъ

Семенова очень горячій человѣкъ: иной разъ хватитъ сына чѣмъ попало. Но если мальчикъ знаетъ, что ему дома попадетъ за дурную отмѣтку, отчего-же онъ не готовитъ уроковъ какъ слѣдуетъ? Семеновъ довольно усердно занимается, онъ каждый разъ готовитъ уроки, но только не всѣ одинаково: тѣ, которые онъ надѣется, что его спросятъ, готовитъ болѣе или менѣе основательно, другіе-же—слегка. Этой своеобразной системѣ приготовленія уроковъ, впрочемъ, большинство троешниковъ придерживается. Система эта построена на теоріи вѣроятности. Большинство учениковъ получаютъ въ книжныхъ магазинахъ карманные календари за покупку учебниковъ на извѣстную сумму. Въ этихъ календаряхъ они пишутъ фамиліи учениковъ своего класса и каждый разъ отмѣчаютъ того ученика, котораго преподаватель вызываетъ отвѣчать. До перваго отвѣта, конечно, приходится каждый разъ основательно готовить заданные уроки, а затѣмъ можно, приблизительно, разсчитать, когда преподаватель вызоветъ, и только къ тому дню хорошо приготовиться; въ тотъ день можно даже вызываться на отвѣтъ; но если-же учитель все-таки не спроситъ, то придется ужъ, конечно, опять къ слѣдующему уроку быть готовымъ. При этомъ замѣчается, чѣмъ преподаватель руководствуется, вызывая учениковъ. Учитель географіи, напримѣръ, начинаетъ всегда спрашивать сначала слабыхъ, двоешниковъ, а затѣмъ ужъ переходитъ къ лучшимъ; батюшка спрашиваетъ всегда по алфавиту; латинистъ вызываетъ всегда одного хорошаго и одного плохого; французъ—опять по своему, и т. д. Когда всѣ данныя на лицо, то ужъ не трудно высчитать, конечно, приблизительно, урока за два впередъ, время вызова учителемъ. Этотъ разсчетъ въ большинствѣ случаевъ «вывозитъ» учениковъ; но иногда преподаватель спрашиваетъ не только то, что задано, но и старое,—тогда разсчетная система нарушается и ученикъ «рѣжется». Случилось и сегодня такъ: французъ спросилъ Семенова старыя слова, которыя онъ, хоть когда-то слегка на всякій случай и училъ, но въ настоящее время ни одного слова не могъ вспомнить, за что и получилъ единицу. Тяжело было мальчику возвращаться домой. Мать по лицу сына узнала, въ чемъ дѣло, но не показала виду, чтобъ не разсердить отца. Но замѣтилъ и отецъ: «ты опять съ единицей?» Отвѣта не было. «Спрашиваю тебя, ты опять съ единицей?»—повторилъ отецъ уже громче прежняго. Мальчикъ робко подтвердилъ и началъ что-то говорить въ свое оправданіе. «Вотъ я тебѣ дамъ, какъ получать единицы!» и затѣмъ раздалась звонкая пощечина. Мать была въ такія минуты чистая мученица: она жалѣла сына своего, но ничего не могла сдѣлать для него; она

не защищала мальчика, такъ какъ боялась еще больше разсердить своего мужа и тѣмъ самымъ еще усилить наказаніе сыну. Семеновъ перешелъ во второй классъ съ переэкзаменовкой; ему трудно было идти въ уровень съ хорошими; всѣхъ уроковъ, задаваемыхъ ежедневно, онъ не въ состояніи былъ хорошо готовить, а потому и прибѣгалъ къ своей системѣ, которая, какъ мы видѣли, не всегда «вывозила». Мать, желая помочь сыну, уговорила своего мужа пригласить репетитора. Три раза въ недѣлю сталъ приходить репетиторъ и каждый разъ занимался съ мальчикомъ по часу. Занятія, примѣрно, происходили въ такомъ родѣ. «Что задано къ слѣдующему дню?» — спрашивалъ репетиторъ - студентъ. — «Двѣ задачи по ариѳметикѣ, переводъ и слова по латинскому и придумать десять примѣровъ по русскому».—«Сдѣлалъ задачи?»—«Нѣтъ, пробовалъ, но не вышли».—«Ну, давай вмѣстѣ сдѣлаемъ». Задачи оказались нетрудныя, но очень длинныя, числа большія, и мальчикъ постоянно сбивался. Затѣмъ шелъ переводъ съ латинскаго. Время между тѣмъ шло, и часъ уже пролетѣлъ, а работы еще много. Репетиторъ начинаетъ торопиться и покрикивать за медленность на Семенова. Мальчикъ теряется, и ни одного примѣра на грамматическое правило родного языка не можетъ придумать. Наконецъ, репетиторъ самъ всѣ примѣры говоритъ и уходитъ. Семенову много еще работы: онъ долженъ переписать рѣшенія задачъ въ чистовую тетрадь, долженъ выучить латинскія слова и переписать ихъ въ маленькую тетрадку и, наконецъ, десять примѣровъ, сказанныхъ учителемъ, тоже переписать въ отдѣльную тетрадь. Семеновъ работалъ медленно, и переписка отнимала у него много времени. Десять часовъ было, глаза слипались, а онъ все еще ходилъ по комнатѣ съ латинскою книгою и повторялъ нѣсколько разъ одно слово.

Такъ проходили вечера съ репетиторомъ; нѣсколько труднѣе еще было мальчику въ вечера безъ репетитора. Утромъ съ безпокойствомъ вставалъ Семеновъ, торопливо просматривалъ кое-что изъ заданнаго и отправлялся въ гимназію. Кажется, онъ наканунѣ хорошо приготовилъ уроки, а между тѣмъ въ головѣ былъ какой-то туманъ, за ночь куда-то все вылетѣло изъ нея. Съ легкимъ страхомъ ожидалъ онъ звонка, предвѣщавшаго начало уроковъ; мучительныя минуты переживалъ съ приходомъ учителя: «вотъ, вотъ, спросятъ!» думалось ему. Учитель раскрылъ журналъ, смотритъ въ него. Семеновъ перекрестился, сердце у него забилось. Учитель называетъ фамилію... Слава Богу, отлегло: вызванъ другой ученикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ приходить репетиторъ, дѣла у Семенова пошли лучше въ гим-

назіи; онъ перешелъ безъ переэкзаменовки въ третій классъ. Родители пригласили репетитора къ сыну и на каникулярное время, чтобъ пройти съ мальчикомъ нѣсколько впередъ изъ курса третьяго класса, и тѣмъ самымъ облегчить занятія ему зимою. Цѣль была до нѣкоторой степени достигнута: Семеновъ лучше справлялся въ зимнее время съ учебнымъ дѣломъ, и средній баллъ за успѣхи у него повысился. Разсчетную систему свою бросилъ и сталъ одинаково всѣ уроки готовить. По приходѣ изъ гимназіи почти тотчасъ-же принимался за книги и все время съ ними возился часовъ до двѣнадцати. Усталый, ложился съ заботой о завтрашнемъ днѣ, вставалъ съ безпокойствомъ, силясь припомнить выученное наканунѣ, въ тревожномъ состояніи сидѣлъ на урокахъ, въ перемѣны то-же не имѣлъ отдыха, такъ какъ постоянно ходилъ съ книгами, снова повторяя заданный урокъ передъ классомъ. Начиная съ четвертаго класса, Семеновъ уже твердо шелъ безъ репетитора въ ряду удовлетворительныхъ по успѣхамъ учениковъ; всѣ трудности гимназическаго курса преодолѣлъ и выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Но этотъ аттестатъ ему не легко достался: онъ сталъ раздражителенъ, нервенъ.

Непосильный трудъ, безпокойство, тревожное состояніе, постоянное напряженіе нервовъ — вотъ причины переутомленія. Чувство страха одно изъ самыхъ тяжелыхъ состояній; притомъ это чувство очень живуче въ человѣкѣ и разрушительно дѣйствуетъ на организмъ и главнымъ образомъ на нервы. То тревожное состояніе, въ которомъ постоянно находился Семеновъ, не могло не отразиться на его здоровьѣ.

Вторая группа, какъ мы уже сказали, богата численностью и разнообразіемъ; большой интересъ въ психологическомъ отношеніи представляютъ нѣкоторые воспитанники. Остановимся на одномъ изъ нихъ.

Ваня, — такъ звали мальчика, — до поступленія въ гимназію жилъ среди сельской обстановки, гдѣ природа является во всей своей правдѣ, въ своемъ величіи и плодовитости; веселый, дѣятельный, умный, воспитываясь, такъ сказать, на волѣ и солнцѣ, мальчикъ пріобрѣлъ то равновѣсіе въ разумѣ и чувствѣ, которое въ нашъ нервный вѣкъ особенно является дорогимъ, такъ какъ все рѣже и рѣже встрѣчается. Когда исполнилось мальчику двѣнадцать лѣтъ, родители отвезли его въ городъ, опредѣлили въ гимназію и поселили у своихъ родственниковъ. Трудно было мальчику примириться съ новой обстановкой, привыкнуть къ совершенно иному образу жизни, какой онъ рань-

ше велъ, къ жизни въ четырехъ стѣнахъ; нелегко было ему привыкнуть и къ учебнымъ занятіямъ: раньше онъ занимался самое большое часъ въ день, теперь-же приходилось ему не выпускать книгу изъ рукъ почти въ теченіе цѣлаго дня: съ девяти до двухъ—трехъ часовъ онъ былъ въ гимназіи, а затѣмъ, послѣ обѣда, приготовлялъ дома заданные уроки къ слѣдующему дню вплоть до десяти—одиннадцати часовъ вечера. И такъ шло время изо дня въ день. Ваня безропотно исполнялъ все, что отъ него требовали, вѣря на слово старшимъ, что все дѣлается для его-же пользы; но внутренно стремился къ физической жизни, къ широкому простору полей и лѣсовъ. Занятія въ гимназіи у Вани шли хорошо. Мало-по-малу онъ сталъ привыкать къ новымъ условіямъ жизни, быстрѣе сталъ справляться съ приготовленіемъ уроковъ. Но куда дѣвать въ городѣ свободное время? Ваня сталъ интересоваться чтеніемъ. Первыя книги, какія онъ прочелъ, были Майнъ-Ридъ и Робинзонъ Крузоэ. Эти книги произвели на него глубокое впечатлѣніе; онѣ открыли ему новую жизнь, близкую его сердцу, которую онъ раньше смутно предчувствовалъ. Жизнь Робинзона рисовалась ему съ неотразимою ясностью и тянула къ себѣ: жизнь въ шалашѣ, съ ружьемъ и съ собакой, кругомъ поля, лѣса, птицы, звѣри... Только среди этой обстановки ему была понятна жизнь. Добываніе пищи Ваню не безпокоило: всегда можно наловить рыбы, настрѣлять дичи, собрать плодовъ, фруктовъ. Не страшили его и опасности: съ ружьемъ, съ собакой, а впослѣдствіи и съ лошадью—съ какимъ угодно звѣремъ можно бороться. Услужливое воображеніе рисовало ему заманчивыя картины: вотъ онъ мчится, какъ ураганъ, на лошади, гдѣ-нибудь въ степи за звѣремъ, примѣрно, за оленемъ; пуля догоняетъ звѣря, собака схватываетъ добычу...

Ваня сталъ лѣниться; въ дневникѣ его сначала появились нотабене, а затѣмъ двойки и единицы.

Вся обстановка и всѣ окружающіе его люди были ему непріятны: учебники опротивѣли, товарищи скучны, учителя какія-то машинообразныя фигуры въ вицъ-мундирахъ; жизнь въ четырехъ стѣнахъ душила его. Въ природѣ человѣка иногда кроются извѣстныя стремленія, которыя могутъ долго дремать и даже отъ слишкомъ долгаго времени совсѣмъ заснуть, но, разъ проснувшись, уже неотразимо влекутъ человѣка туда, гдѣ прорѣзывается лучъ жизни,—тотъ отрадный лучъ, появленіе котораго такъ давно подстерегали глаза среди тяжелой обыденной обстановки настоящаго. Подоспѣвшая весенняя пора со своими живительными лучами солнца, со своимъ пѣньемъ птицъ,

прилетѣвшихъ изъ далекихъ странъ, окончательно довершила внутреннюю работу мальчика: Ваня рѣшилъ порвать всѣ связи съ окружающею его жизнью и искать счастья, подобно Робинзону, гдѣ-нибудь вдали, при другихъ условіяхъ жизни. Онъ продалъ всѣ ненавистные ему учебники, географическій атласъ, а также за ненадобностью зимнее пальто; прибавилъ къ полученнымъ деньгамъ еще свои сбереженныя карманныя и пріобрѣлъ на эти деньги ружье съ пороховницей и собаку. Главные предметы были пріобрѣтены, а съ ними можно было отправиться въ и далекое путешествіе. Но куда идти? Гдѣ та желанная страна, въ которой жизнь можно устроить согласно природѣ, согласно тому идеалу, который сложился въ головѣ у нашего маленькаго героя? Конечно, надо ѣхать въ Америку: это молодая страна, въ ней люди живутъ не по нашему, да и Робинзонъ поѣхалъ туда. Ваня отправился въ Кронштадтъ; тамъ онъ ходилъ долгое время около англійскихъ кораблей и искалъ случая отправиться на нихъ въ Англію, а затѣмъ, наконецъ, и въ Америку. Родственники Вани спохватились дома, забили тревогу и отыскали нашего героя. Тѣмъ эта исторія и кончилась.

Рядомъ съ такими живыми, увлекающимися натурами нерѣдкость встрѣтить во второй группѣ и такихъ, которыя, кажется, ко всему безучастно относятся, которыя не только не въ состояніи увлечься, но даже заинтересоваться чѣмъ-нибудь. Блѣдныя, съ желтовато-землистымъ оттѣнкомъ, вялыя, отвѣчаютъ обыкновенно тихо, скучно и никогда не шалятъ. Такимъ ученикамъ даютъ прозвище «тихоня». Такого типа ученики всегда старательны, потому что имъ въ сущности все равно, или, вѣрнѣе сказать, *почти* все равно, что заниматься, что не заниматься. Они ко всему равнодушны: пошлютъ ихъ кататься на конькахъ, — они, молча, берутъ коньки и отправляются; велятъ имъ готовить уроки, — они, также молча и съ тѣмъ-же выраженіемъ, или точнѣе — безъ всякаго выраженія, берутъ книги и начинаютъ заниматься. Точно они загипнотизированы, вмѣсто крови у нихъ точно течетъ какая-то другая тепловатая жидкость. Большихъ способностей у «тихонь» никогда не бываетъ, а со средними они благополучно кончаютъ гимназическій курсъ, и затѣмъ тихо, беззвучно, какъ тѣни, куда-то незамѣтно совсѣмъ ускользаютъ отъ наблюденій.

Не смотря на видимую противоположность «тихонь» и завзятыхъ шалуновъ, типы эти довольно близки между собой въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ. Самое естественное состояніе «тихонь» — покой, шалуновъ — движеніе. Ко всему, что выходитъ за предѣлы покоя и движенія, оба типа индиферентны. Шалуны во всемъ ищутъ только движенія, но движенія чисто физическаго характера: мысль ихъ такъже вяло работаетъ, какъ и у «тихонь». Всѣ уроки шалунамъ безразлично не интересны, исключеніе составляютъ развѣ только уроки пѣнія и гимнастики, да и то больше отъ того, что на нихъ можно иногда вволю пошкольничать. Впрочемъ, разновидностей шалуновъ очень много въ учебныхъ заведеніяхъ. Сплошь и рядомъ шалуны бываютъ одарены очень хорошими способностями, обладаютъ прекрасною памятью, и имъ дается все легко, не смотря на то, что они очень мало кладутъ труда на занятія; если воспитаніемъ удастся ихъ нѣсколько сдерживать, нѣсколько обуздать, или-же періодъ шалостей самъ собою пройдетъ по мѣрѣ подростанія ихъ, то изъ шалуновъ выходятъ часто очень хорошіе ученики; такіе воспитанники обыкновенно бываютъ любимы всѣми въ заведеніи, какъ товарищами, такъ и педагогическимъ персоналомъ, потому что они очень симпатичны, отзывчивые на все хорошее, живые, ловкіе. Они обыкновенно хорошо кончаютъ курсъ учебныхъ заведеній и въ жизни бываютъ живыми и энергичными дѣятелями. Удается шалунамъ и со средними способностями проходить курсъ гимназическій, если есть дома хоть какое-нибудь нравственное вліяніе и вообще сдерживающее начало. Но если этого нѣтъ, то шалуны быстро превращаются, что называется, въ «сорвиголовъ» и дѣлаются самыми несносными какъ для родителей, такъ и для тѣхъ, кому приходится ихъ обучать и воспитывать. Все дурное къ нимъ быстро пристаетъ, слово и хорошій примѣръ на нихъ не дѣйствуютъ, къ наказаніямъ они привыкаютъ. Жажда физическихъ удовольствій поглощаетъ все ихъ вниманіе и парализуетъ волю во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; способности культивируются односторонне, больше въ дурномъ направленіи. Но такихъ завзятыхъ шалуновъ, и притомъ нравственно, если не испорченныхъ, то распущенныхъ, мѣсто уже не во второй группѣ, а въ третьей, т.-е. среди неуспѣвающихъ. Подробное описаніе ученика такого типа мы и представимъ въ слѣдующей нашей статьѣ,—въ характеристикахъ неуспѣвающихъ учениковъ.

Ѳ. Матвѣевъ.

(Окончаніе будетъ).

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

(Продолженіе).

III. Образованіе женщинъ на Югѣ. Деморализующее вліяніе рабовладѣнія на распространеніе образованія. Частная иниціатива въ развитіи народнаго образованія.

Уже съ самаго начала колонизаціи материка существовала значительная разница въ качествѣ элементовъ, изъ которыхъ составилось населеніе новыхъ колоній. Пуритане, поселенцы Массачусэтса, съ самаго начала своего водворенія на материкѣ организуютъ школьное дѣло, какъ нигдѣ въ Европѣ. На Югѣ *) мы видимъ совсѣмъ не то. Въ 1671 году, на запросъ представителя англійскаго правительства о мѣрахъ, принятыхъ въ колоніи для наставленія дѣтей христіанской религіи, губернаторъ Виргиніи отвѣчалъ: «Родители сами, по мѣрѣ способностей, учатъ своихъ дѣтей», прибавивъ къ этому слѣдующія слова, сдѣлавшіяся историческими: «Благодарю Бога, что у насъ нѣтъ ни даровыхъ школъ, ни типографій, и надѣюсь, что мы не будемъ ихъ имѣть еще около 100 лѣтъ, потому что наука вызываетъ неповиновеніе, ересь и секты; печать-же распространяетъ вредныя вліянія, а также нападки на лучшія правительства. Да сохранитъ насъ Богъ отъ того и другого!» (Boone. Education in the United States). Его слова оказались пророческими: до временъ Джефферсона, т.-е. до конца XVIII столѣтія, въ Виргиніи совсѣмъ не было системы общественныхъ школъ. Въ обѣихъ Виргиніяхъ и въ Южной Каролинѣ родители, желавшіе дать своимъ сыновьямъ образованіе выше элемен-

*) Штаты, относимые американцами къ Южнымъ, суть слѣдующіе: Алабама, Арканзасъ, Виргинія, Вестъ-Виргинія, Георгія, Кентукки, Луизіана, Мериландъ, Миссисипи, Сѣверная и Южная Каролина, Родъ-Айлэндъ, Тенесси, Тэхасъ, Флорида и округъ Колумбіи, т.-е. городъ Вашингтонъ и его окрестности.

тарнаго, должны были посылать ихъ за-границу. Если таковы были условія образованія для мальчиковъ, то можно себѣ представить, каковы они были для дѣвочекъ.

До послѣдняго времени, т.-е. до конца 70-го года, женское образованіе на Югѣ находилось, да въ значительной степени находится и теперь, въ рукахъ частныхъ лицъ, сдѣлавшихъ изъ него, главнымъ образомъ, коммерческое предпріятіе. Мы уже упоминали о заслугахъ г-жи *Willard* въ дѣлѣ женскаго образованія на Сѣверѣ; такую-же услугу для Южныхъ Штатовъ оказала ея сестра, г-жа *Phelps*, взявши въ 1841 году въ свое вѣдѣніе Patapsco Institute близъ Балтиморы и сдѣлавши изъ него учебное заведеніе въ родѣ вышеупомянутой Sroy Female Seminary. Въ этомъ институтѣ велось преподаваніе древнихъ и новыхъ языковъ, естественныхъ наукъ, математики (алгебра, геометрія и тригонометрія); было тутъ и педагогическое отдѣленіе, изъ котораго вышло много дѣльныхъ гувернантокъ и учительницъ. Съ 40-хъ годовъ этого столѣтія общественное мнѣніе стало сильно интересоваться женскимъ образованіемъ, и потому были основаны различныя учебныя заведенія для женщинъ, съ болѣе или менѣе серьезнымъ научнымъ курсомъ, подъ именемъ Institute, Seminary, College. «Моравскіе братья» и на Югѣ оказали существенныя услуги женскому образованію, открывши еще въ 1804 году Salem Female Academy въ Сѣверной Каролинѣ. Междоусобная война повлекла за собою закрытіе многихъ женскихъ учебныхъ заведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ окончаніемъ ея для Юга наступила новая эра во многихъ отношеніяхъ и въ особенности въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія. Въ настоящее время около 150 учебныхъ заведеній имѣютъ право раздавать ученыя степени женщинамъ, изъ нихъ въ 41 учебномъ заведеніи учатся совмѣстно оба пола, 80 исключительно женскихъ и 21 для негровъ обоего пола. Но на самомъ дѣлѣ только немногія изъ этихъ учебныхъ заведеній заслуживаютъ названіе колледжей. Даже мужскіе колледжи суть таковые только по имени. Спеціально женскіе колледжи, по программѣ ихъ курса, можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни можно сравнить съ обыкновенными высшими школами (high schools), другіе, имѣя 4-хъ-лѣтній курсъ, только на 3-й годъ приступаютъ къ занятіямъ, которыя можно назвать университетскими; эти послѣднія мы будемъ называть полуколледжемъ. За колледжъ принимается такое учебное заведеніе, при поступленіи въ которое предъявляются слѣдующія требованія: латинскій языкъ (чтеніе Цезаря, Цицерона и Виргилія), греческій языкъ (чтеніе Анабазиса и Иліады), математика (ариѳметика, алгебра, кончая квадратными уравненіями,

планиметрія); вмѣсто греческаго языка можно сдать экзаменъ по нѣмецкому или французскому яз. Только лица, окончившія такого рода колледжи, принимаются въ члены «Общества женщинъ, получившихъ высшее образованіе» (Association of Collegiate Alumnae). Настоящими высшими учебными заведеніями можно считать женскій колледжъ въ Балтиморѣ и колледжи для совмѣстнаго образованія; изъ этихъ послѣднихъ важнѣйшіе: Техасскій университетъ, Tulane University, Mississipi University и Columbian University въ Вашингтонѣ. Допущеніе женщинъ въ эти университеты совершилось въ самое послѣднее время, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Виргинскій университетъ до сихъ поръ еще не открылъ своихъ дверей женщинамъ: какъ видимъ, взгляды этого штата не очень радикально измѣнились со временъ губернатора Berkeley. За-то отъ профессоровъ другихъ университетовъ г-жа Франклинъ (Ludd Franhlin), авторъ статьи въ книгѣ г-жи Мейеръ о женскомъ образованіи въ Южныхъ Штатахъ, получила очень благопріятныя свѣдѣнія о результатахъ совмѣстнаго образованія. Мы находимъ опытъ Америки въ этомъ отношеніи столь важнымъ, что приведемъ хотя-бы по нѣсколько словъ изъ каждаго письма. Изъ Columbian University профессоръ *Fristoe* пишетъ: «Женщины, поступившія къ намъ, всѣ безъ исключенія (25 человѣкъ) лучшія ученицы... Вліяніе ихъ самое хорошее, вмѣсто того, чтобы быть дурнымъ, какъ предсказывали другіе»... Изъ University of Mississipi профессоръ *Hogne* пишетъ: «Немногія женщины воспользовались правомъ поступать къ намъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ открылся женскій колледжъ въ Колумбусѣ. Въ 1885 и 1887 годахъ лучшими студентами въ выпускѣ были женщины, и въ настоящее время лучшіе студенты второго курса—женщины». Профессоръ Тэхасскаго университета *Halstead* пишетъ: «Нѣсколько молодыхъ женщинъ выказали большія способности въ изученіи новыхъ, самыхъ трудныхъ отдѣловъ высшей математики, какъ, напримѣръ, ученіе о кватерніонахъ».

Далѣе въ статьѣ г-жи Франклинъ приводится еще рядъ писемъ отъ ректоровъ (president) различныхъ колледжей, удостовѣряющихъ, что опытъ совмѣстнаго образованія не только оправдалъ, но даже превзошелъ всѣ ожиданія сторонниковъ совмѣстнаго высшаго образованія. Женскихъ колледжей, которые по курсу можно считать, какъ сказано выше, за «полу-колледжи», насчитывается въ Южныхъ Штатахъ до 20. Кромѣ того, здѣсь до 80 женскихъ учебныхъ заведеній съ 8.000 ученицъ,—заведеній, причисленныхъ оффиціально къ высшимъ, но которыя надо отнести скорѣе къ общеобразовательнымъ

учебнымъ заведеніямъ; все это—частныя учебныя заведенія съ самой разнообразной организаціей и съ разными программами, но и они, конечно, вносятъ свою долю свѣта въ общество.

Что касается собственно женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ городами и штатами, то ихъ вообще мало на Югѣ, гдѣ до междоусобной войны 1861—1865 годовъ дѣло народнаго образованія находилось исключительно въ частныхъ рукахъ. Какъ мы уже упоминали, въ Соединенныхъ Штатахъ женщины чаще кончаютъ курсы высшей школы (high school), нежели мужчины, и въ Южныхъ Штатахъ въ школахъ этого разряда кончаетъ курсы вдвое больше дѣвушекъ, чѣмъ мальчиковъ. Рабство въ Южныхъ Штатахъ, вѣроятно, сильно повліяло на взгляды на образованіе даже самихъ американцевъ *), и поэтому, вѣроятно, и до сихъ поръ на всемъ Югѣ городами и штатами содержится **) 41 высшая школа (high schools), большею частью совмѣстно для мальчиковъ и дѣвочекъ (классы часто бываютъ отдѣльные), тогда какъ въ одномъ Массачусэтсѣ такихъ школъ въ нѣсколько разъ больше. Всѣ остальныя школы содержатся частью на средства, пожертвованныя разными лицами, частью просто частными лицами и, слѣдовательно, доступны только за плату. На Югѣ частныя лица тоже очень много жертвовали на учебныя заведенія. Такъ, напр., въ концѣ 60-хъ годовъ американецъ Пибоди (Peabody) почти все свое состояніе отдалъ на разныя ученыя и учебныя учрежденія: общая сумма его пожертвованій болѣе 8-ми милл. долларовъ, т.-е. болѣе 10-ти милл. рублей золотомъ или 16 милл. рублей по настоящему курсу; на организацію одного народнаго образованія на Югѣ Пибоди пожертвовалъ около 4-хъ милл. долларовъ. Благодаря такому щедрому пожертвованію деньгами, благодаря также тому, что издатели пожертвовали въ то-же время около 150.000 экземпляровъ учебниковъ, дѣло народнаго образованія на Югѣ пошло быстро впередъ, и въ настоящее время однихъ учительскихъ институтовъ въ Южныхъ Штатахъ насчитывается 32. Съ 1862 года конгрессъ предложилъ штатамъ основывать профессіональныя и промышленныя училища, оказывая имъ

---

*) Въ 1831 году въ законодательныхъ собраніяхъ Виргиніи единодушно былъ утвержденъ билль о запрещеніи учить негровъ читать и писать. (См. Higginson, A larger history of United States of America. 1884, стр. 454).

**) Всѣ разряды учебныхъ заведеній, содержимыхъ штатомъ или городомъ, обыкновенно совершенно даровыя, тогда какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ частными лицами, конечно, приходится платить за ученье, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ того, и за содержаніе, такъ какъ ученики и ученицы часто живутъ въ колледжѣ.

въ этомъ матеріальную поддержку. Почти всѣ штаты открыли такія учебныя заведенія, и въ 20 изъ 32-хъ такихъ заведеній (на всемъ пространствѣ Соедин. Штатовъ) числятся слушательницами и женщины. Впрочемъ, на Югѣ въ такія учебныя заведенія поступаютъ преимущественно негритянки. Бѣлыя женщины поступаютъ въ Арканзаскій промышленный университетъ и въ земледѣльческій и механическій колледжъ въ Кентукки. Въ 1889 году штатъ Георгія затратилъ 400.000 рублей (200.000 долларовъ) на устройство промышленной школы для дѣвушекъ. Чтобы имѣть понятіе объ учебныхъ заведеніяхъ этого типа, остановимся на программѣ занятій въ промышленномъ институтѣ въ Колумбусѣ (въ штатѣ Миссиссипи). Образованіе здѣсь даровое для всѣхъ дѣвушекъ штата Миссиссипи, а 300 изъ нихъ пользуются, кромѣ того, даровымъ содержаніемъ. Спеціально-техническіе предметы суть: телеграфное и фонографное дѣло, печатное дѣло, декоративное искусство, изящныя женскія работы, шитье, черченіе, гравированіе, моделированіе, кулинарное искусство, стирка (laundry-work), домоводство (для этого существуетъ особый домикъ) и счетоводство. Въ настоящее время (1890 годъ) тамъ 275 женщинъ на профессіональномъ отдѣленіи и 113 на общеобразовательномъ. Въ этомъ послѣднемъ читается аналитическая геометрія, изучаются философскія сочиненія сэра Вильяма Гамильтона, политическая экономія, латинскій языкъ (Ювеналъ, Ливій и Горацій); для желающихъ по окончаніи курса читаются—дифференціальное исчисленіе, начертательная геометрія, аналитическая химія (количественный анализъ) и исторія философіи. Авторъ статьи о женскомъ образованіи на Югѣ говоритъ, что это лучшее изъ подобныхъ учрежденій какъ на Югѣ, такъ и на Сѣверѣ. Статья заканчивается указаніемъ на необходимость привести въ соотвѣтствіе «вещи и имена ихъ»: все по поводу слишкомъ щедрой раздачи ученыхъ дипломовъ американскими колледжами. Итакъ, мы видимъ, какъ много поучительнаго и достойнаго подражанія представляетъ американская школа и какъ строго судятъ ее сами американцы, готовые признать всякій недостатокъ своей системы образованія.

Прежде чѣмъ закончить нашъ очеркъ исторіи женскаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ, приведемъ еще слова трехъ свидѣтелей-иностранцевъ, касающіяся одинаково и мужскаго, и женскаго образованія въ За-атлантической республикѣ. Инспекторъ народнаго образованія въ Англіи и довольно извѣстный на своей родинѣ педагогъ Фичъ, въ своей весьма содержательной книгѣ «Замѣтки объ американскихъ школахъ и учительскихъ институтахъ», со-

ставляющей лишь краткое извлеченіе изъ отчета, представленнаго англійской палатѣ общинъ департаментомъ народнаго образованія въ Англіи, вотъ какъ суммируетъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія американской школы: «Большимъ ручательствомъ быстраго и непрерывнаго прогресса въ дѣлѣ образованія въ Америкѣ является всеобщій интересъ, который возбуждаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ вопросы народнаго образованія. Едва-ли есть другіе вопросы, которые возбуждали-бы такія частыя и такія горячія пренія... Вездѣ замѣчаешь страстное, почти неудержимое стремленіе вводить улучшенія въ систему народнаго образованія, дѣлать новые опыты... Всякому, интересующемуся будущими судьбами человѣчества, посѣщеніе Америки можетъ доставить много радостныхъ минутъ. Онъ попадаетъ въ физическую и нравственную среду, дѣйствующую самымъ ободряющимъ образомъ... Если американцы и бываютъ иногда хвастливы, то это потому, что имъ очень легко оправдать справедливость своихъ притязаній. Они, напр., понимаютъ, что въ системѣ народнаго образованія въ Америкѣ есть много недостатковъ, и чувствуютъ необходимость исправить ихъ, но ни на минуту не падаютъ духомъ: 1) они вполнѣ сознаютъ себя способными произвести эти реформы, когда этого захотятъ, и 2) увѣрены, что время такихъ реформъ недалеко» (Fitch, стр. 116 и 117).

Извѣстный ученый Брайсъ такъ заключаетъ свою статью объ американскихъ университетахъ: «Можно-бы было предполагать, что англичанинъ, близко знакомый съ двумя самыми старыми, самыми знаменитыми и по своей внѣшности самыми великолѣпными изъ европейскихъ университетовъ, будетъ съ пренебреженіемъ отзываться объ американскихъ университетахъ, которые существуютъ сравнительно недавно и которые нисколько не привлекательны по своей внѣшности. Но на меня американскіе университеты произвели впечатлѣніе другого рода: я нахожу, что хотя сами американцы и отзываются о нихъ съ порицаніями, тѣмъ не менѣе они принадлежатъ къ числу тѣхъ американскихъ учрежденій, которыя дѣлаютъ самые быстрые успѣхи и которыхъ ожидаетъ самая блестящая будущность. Они доставляютъ Америкѣ именно то, что ей всего болѣе недостаетъ по мнѣнію европейскихъ критиковъ: они вносятъ въ ея политическую жизнь и въ ея умственную жизнь такіе элементы, которымъ нѣтъ цѣны» (томъ III, стр. 358).

Въ «Pädagogisches Archiv» за 1891 годъ (№ 4), въ статьѣ одного нѣмца объ американскихъ университетахъ, даны весьма пренебрежительные отзывы о нихъ. Авторъ этой статьи долженъ, однако, со-

знаться, что удивляется сильному стремленію учиться въ странѣ, гдѣ никакіе дипломы не даютъ особенныхъ шансовъ на жизненномъ поприщѣ. Государство если и требуетъ иногда отъ своихъ агентовъ спеціальныхъ знаній, то относится совершенно безразлично къ тому, какъ и гдѣ они пріобрѣтены. Не менѣе замѣчательно, что въ американскихъ университетахъ встрѣчаются нерѣдко между профессорами высокодаренные люди, которые могли-бы «украсить даже нѣмецкій университетъ», несмотря на то, что вознагражденіе эти профессора получаютъ, по американскому масштабу, весьма незначительное. «Итакъ,—продолжаетъ нѣмецкій патріотъ,—и въ странѣ всемогущаго доллара есть свои идеалисты!» Тотъ-же патріотъ самъ подчеркиваетъ свои заключительныя слова, говоря, что за будущее американскихъ университетовъ «ручается необыкновенная щедрость американскихъ богачей по отношенію къ образовательнымъ учрежденіямъ и неутомимая энергія студентовъ и профессоровъ».

Еще одинъ вопросъ, прежде чѣмъ закончить исторію женскаго образованія въ Америкѣ. Какое вліяніе имѣло на низшую школу то, что она, какъ мы указывали, находится преимущественно въ рукахъ женщинъ? «Нельзя не удивляться,—говоритъ Фичъ,—дисциплинѣ и порядку, которые я встрѣчалъ во всѣхъ школахъ, начиная съ первоначальныхъ (primary) и кончая Harvard University, тѣмъ болѣе, что почти вездѣ учителямъ строго запрещено прибѣгать къ физическимъ наказаніямъ, и такихъ наказаній почти не бываетъ».

Другой англичанинъ, Гарріотъ Стантонъ-Блачъ (Harriot Stanton-Blatch), въ «Contemporary Review» (1891. October) говоритъ: «Иностранца, при посѣщеніи американской школы, наиболѣе всего поражаетъ примѣрный порядокъ и, повидимому, полное отсутствіе строгой дисциплины. Диктаторскій, начальническій тонъ учителей, который можно слышать вездѣ, и въ Англіи, и въ Германіи, очень рѣдко можно наблюдать въ Америкѣ. Учителя въ Европѣ обыкновенно мнѣ говорили, что они не могутъ ни на минуту оставить класса безъ наблюденія, что у дѣтей совсѣмъ нѣтъ чувства чести. Я думаю, что иные нравы американской школы возможны вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: совмѣстнаго образованія мальчиковъ и дѣвочекъ и широкаго вліянія на школу женщины... Оба пола сдерживаютъ одинъ другого, и всѣми учителями раздѣляется мнѣніе, что со смѣшаннымъ классомъ легче справляться. Благодаря женщинѣ-же, смягчается и самая школьная дисциплина».

Мы легко могли-бы продолжить наши цитаты и изъ другихъ сочиненій, наприм., изъ лежащаго передъ нами прекраснаго русскаго пе-

ревода (Е. И. Конради) сочиненія шотландца Мэкри «Американцы у себя дома», вышедшаго на русскомъ языкѣ еще въ 1875 году. Въ этомъ большомъ и не лишенномъ остроумія сочиненіи мы находимъ такіе-же и даже болѣе благопріятные отзывы, какіе мы привели изъ сочиненій Брайса, Фича и др., объ американскихъ школахъ (стр. 45, 588, 591), объ успѣшности совмѣстнаго образованія (597) и вообще объ американскихъ женщинахъ (стр. 36, 37) *).

---

*) Уже послѣ окончанія обзора высшаго женскаго образованія въ Америкѣ намъ удалось получить американскій переводъ извѣстной книги Елены Ланге (изъ Берлина) о «Высшемъ образованіи женщинъ въ Европѣ» (Higher education of women in Europe. New-York. 1890). Эта книга вошла въ Америкѣ въ серію «Международной педагогической библіотеки» (International Education Series), издаваемой подъ редакціей извѣстнаго американскаго педагога В. Харриса (W. Harris), занимающаго высшій постъ по народному образованію въ Соединенныхъ Штатахъ (United States Commissioner of Education) — нѣчто въ родѣ министра народнаго просвѣщенія, впрочемъ, безъ всякой административной власти надъ школами.

Какъ директоръ департамента по народному образованію (U. S. Bureau of Education), В. Харрисъ представляетъ ежегодно отчетъ конгрессу о состояніи народнаго просвѣщенія; департаментъ-же подъ его руководствомъ издаетъ отдѣльныя монографіи по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, разсылая ихъ по всему Союзу и во всѣ концы міра.

Вотъ какъ Харрисъ выражается относительно наиболѣе занимающаго насъ вопроса о совмѣстномъ образованіи въ предисловіи къ указанному американскому изданію книги Ланге:

«Борьба за предоставленіе женщинамъ высшаго образованія уже началась, но не совсѣмъ еще закончилась въ нашемъ отечествѣ. Вопросъ въ первый разъ подвергся обсужденію еще на памяти людей теперешняго поколѣнія. Никто не предполагалъ въ немногихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ и въ еще менѣе многочисленныхъ высшихъ заведеніяхъ, допускавшихъ совмѣстное образованіе, предвозвѣстниковъ всеобщаго движенія къ совмѣстному и одинаковому образованію для мужчинъ и женщинъ».

Указавъ далѣе на возраженія, которыя дѣлались прежде противъ совмѣстнаго и одинаковаго образованія для мужчинъ и женщинъ и упомянувъ названную и нами книгу Кларка «Sex in education», В. Харрисъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Опытъ опровергъ всѣ эти возраженія. Естественныя различія, существующія между мужскимъ и женскимъ умомъ, въ своемъ вліяніи на ходъ обученія въ учебныхъ заведеніяхъ высшихъ или среднихъ скорѣе содѣйствуютъ, чѣмъ препятствуютъ успѣхамъ каждаго пола. И мужчины, и женщины выигрываютъ отъ взаимнаго вліянія, и хотя польза университетскаго образованія для женщинъ неодинакова съ пользою этого образованія для мужчинъ, она, однако, велика для обоихъ. Вслѣдствіе этого совмѣстное образованіе непрерывно дѣлаетъ успѣхи (coeducation in college work makes progress continually), и никто уже не возра-

IV. Женщина-врачъ въ Америкѣ *).

До войны за независимость, т.-е. до конца прошлаго столѣтія, медицинское образованіе мужчинъ-врачей въ Соед. Штатахъ Сѣверной Америки было весьма жалкое, такъ что лучшіе изъ врачей отправлялись доучиваться въ Европу. Война съ Англіей, вызвавшая большую потребность во врачахъ, выяснила всю недостаточность познаній американскихъ докторовъ и, поднявъ самую профессію въ глазахъ общества, побудила врачей позаботиться о правильной организаціи медицинскаго образованія. Одно изъ первыхъ проявленій корпоративныхъ чувствъ врачей было устраненіе женщинъ отъ акушерской практики, которая, какъ и вездѣ въ Европѣ, считалась естественною и исключительною профессіей женщинъ. Отстранить женщину отъ этой профессіи оказалось не трудно, такъ какъ доктора-мужчины все-же болѣе или менѣе были знакомы съ успѣхами въ акушерской практикѣ и теоріи въ Европѣ, тогда какъ женщины занимались акушерствомъ безъ всякой научной подготовки. Однако, скоро наступила реакція. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ этого столѣтія въ печати стали раздаваться рѣзкіе голоса противъ мужчинъ-акушеровъ. Во многихъ газетахъ и журналахъ появились статьи, гдѣ приводились доводы въ пользу организаціи женскихъ акушерскихъ курсовъ и за исключеніе изъ этой профессіи мужчинъ.

жаетъ противъ высшаго женскаго образованія въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ или въ такихъ, гдѣ допускаются одновременныя занятія обоихъ половъ».

Мы думаемъ, что читатель проститъ намъ нашу настойчивость въ повтореніи доказательствъ успѣшности совмѣстнаго образованія въ Америкѣ: вѣдь указанное мнѣніе принадлежитъ человѣку, который, будь администрація въ Америкѣ такъ же могущественна, какъ она сильна въ Европѣ, оказывалъ-бы громадное вліяніе на весь ходъ учебнаго дѣла. Самое-же мнѣніе, высказанное въ Европѣ лицомъ съ подобнымъ оффиціальнымъ положеніемъ, привлекло-бы всеобщее вниманіе внутри страны и обошло-бы всю европейскую печать, являясь могущественнымъ факторомъ въ разрѣшеніи вездѣ уже своевременнаго вопроса.

*) Матеріаломъ для насъ послужила статья въ книгѣ г-жи Мейеръ американки Мэри Путнамъ-Якоби, получившей званіе доктора медицины въ Парижской Ecole de médecine въ 1872 году и съ тѣхъ поръ занимающейся медицинской практикой въ Нью-Іоркѣ. Очень полезнымъ пособіемъ для насъ послужили также статьи Л. А., русской женщины-врача, окончившей въ 1876 году курсъ женскаго медицинскаго колледжа въ Филадельфіи. Ея статьи, помѣщенныя первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» за 1881—82 г., производящія прекрасное впечатлѣніе безъискусственностью изложенія, очевидною искренностью сужденій и сообщающія крайне интересные факты, нынѣ вышли отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Годъ въ Америкѣ» (изъ записокъ женщины-врача) А. Паевской. Спб. 1892 г.

Эти доводы противъ мужчинъ-акушеровъ интересны главнымъ образомъ потому, что они чрезвычайно сходны съ тѣми, которые впослѣдствіи были приводимы противъ женскаго медицинскаго образованія. Въ обоихъ случаяхъ и традиціонный опытъ, и деликатность чувствъ женщины, и многіе другіе доводы были приводимы въ первомъ случаѣ за удаленіе мужчинъ изъ комнаты родильницы, во второмъ—за недопущеніе женщинъ къ близкому ознакомленію съ подробностями анатомическаго строенія и физіологическихъ отправленій человѣческаго тѣла,—подробностями, которыя неизбѣжно должны возбудить въ ней отвращеніе. Г-жа Путнамъ-Якоби проводитъ на 2-хъ страницахъ своей книги параллель между, иногда слово-въ-слово соотвѣтствующими одно другому, разсужденіями по этимъ двумъ вопросамъ.

Грегори, который наиболѣе сильно возсталъ противъ врачей-акушеровъ, удалось организовать «Общество женскаго медицинскаго образованія» и при помощи его открыть въ 1848 году женскую медицинскую школу въ Бостонѣ; школа эта, впрочемъ, влачила довольно жалкое существованіе до 74-го года, когда была присоединена къ Бостонскому университету *). Одна изъ причинъ неудачи предпріятія Грегори заключалась въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду образованіе женщинъ-акушерокъ, но у американцевъ такъ развито чувство равенства, что къ нимъ совершенно не привилась, сохранившаяся во многихъ частяхъ Европы (Англія, Франція, Россія), извѣстная градація въ ученыхъ медицинскихъ степеняхъ.

Въ дѣлѣ женскаго медицинскаго образованія важную роль игралъ Филадельфійскій женскій колледжъ. Онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ энергіи квакерши Анны Престонъ. Въ 1850 году, благодаря ея усиліямъ, были собраны достаточныя средства для открытія колледжа; къ сожалѣнію, въ началѣ своего существованія колледжъ мало чѣмъ отличался отъ упомянутаго Бостонскаго, вслѣдствіе недостатка въ матеріальныхъ средствахъ. Однимъ изъ первыхъ хорошихъ профессоровъ этого колледжа была Эммелина Клевелендъ, сама получившая медицинское образованіе въ этомъ колледжѣ, а затѣмъ, для подготовки къ каѳедрѣ акушерства (obstetrics), посланная въ Парижскій

*) Впрочемъ, это не послужило въ пользу серьезнаго медицинскаго образованія, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ школа сдѣлалась «гомеопатической». Въ Америкѣ существуютъ какъ гомеопатическія, такъ и, такъ называемыя, «эклектическія», т.-е. допускающія оба ученія, и аллопатическія медицинскія школы. Но эти школы неизбѣжно погибнутъ въ Америкѣ съ поднятіемъ общаго умственнаго уровня жителей. Американскіе врачи-аллопаты также, конечно, совершенно игнорируютъ гомеопатовъ.

«Maternité». Г-жа Л. А., почти окончившая курсъ медицинскаго факультета въ Цюрихскомъ университетѣ, и затѣмъ въ 1875 году уѣхавшая въ Америку, такъ отзывается о г-жѣ Клевелендъ: «Профессоръ Эммелина Клевелендъ пользовалась вполнѣ заслуженною славой, какъ практическій врачъ. Она славилась исполненіемъ оваріотоміи—этой трудной изъ трудныхъ операцій» («Вѣстн. Европы» 1882 г. № 4).

Къ сожалѣнію, при всемъ энтузіазмѣ и учредителей, и профессоровъ имъ недоставало солидной научной подготовки; не менѣе важнымъ недостаткомъ колледжа было отсутствіе (до 1859 года) при немъ госпиталя для клиническихъ занятій, такъ что желающимъ имѣть дипломъ доктора приходилось самимъ изыскивать средства приготовиться къ экзаменамъ практически. Въ первое время по открытіи этого колледжа «Общество мужчинъ-врачей» Филадельфіи и Филадельфійскаго округа объявило, что, подъ угрозой исключенія изъ «Общества», запрещаетъ своимъ членамъ учить въ женскомъ колледжѣ, или даже консультировать съ женщинами-врачами, окончившими его. Однако, общественное мнѣніе сочувствовало женскому медицинскому образованію, и женщины-врачи всегда имѣли обезпеченный заработокъ; многія-же окраины Соединенныхъ Штатовъ обращались въ колледжъ и просили присылать къ нимъ окончившихъ курсъ женщинъ. Вотъ какъ отзывается о дѣятельности колледжа бывшая слушательница его, г-жа Л. А.: «Коллегія, устроенная на средства частныхъ лицъ, скромно трудилась со дня своего основанія, ничѣмъ не заявляя о себѣ, кромѣ каждогодной разсылки новыхъ молодыхъ врачей по всѣмъ уголкамъ свѣта; именно по всѣмъ уголкамъ свѣта: врачи-миссіонеры отправляются коллегіею часто на ея средства не только на дальній западъ Америки, но даже въ Индію и въ Австралію. Врачами-миссіонерами называются тѣ женщины, которыя, кромѣ медицинскаго дѣла, берутъ на себя еще и распространеніе христіанства между язычниками и магометанами («Вѣстн. Евр.» 1882 г. № 4). Съ 1862 года колледжъ могъ уже доставить своимъ слушательницамъ возможность заниматься практически акушерствомъ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря завѣщанію ректора (president), оставившаго колледжу 100.000 долларовъ (по теперешнему курсу около 200.000 рублей), былъ основанъ и женскій госпиталь при колледжѣ.

Въ статьѣ г-жи Путнамъ-Якоби мы не находимъ подробнаго описанія ни одного изъ женскихъ медицинскихъ колледжей, хотя относительно нѣкоторыхъ и приведенъ историческій очеркъ расширенія курса занятій и увеличенія образовательныхъ средствъ, какъ-то: клиникъ, лабораторіи и т. п.

Воспользуемся для этого статьями Л. А. и приведемъ ея описаніе Пенсильванскаго женскаго медицинскаго колледжа въ Филадельфіи, или, какъ мы раньше его называли, Филадельфійскаго колледжа (Филадельфія—главный городъ Пенсильваніи). Въ 1875 году это былъ несомнѣнно лучшій колледжъ; въ настоящее время, какъ мы увидимъ ниже, появилось нѣсколько женскихъ медицинскихъ колледжей, превосходящихъ Пенсильванскій.

«Доступъ въ коллегію открытъ всякой женщинѣ, могущей представить доказательства въ удовлетворительномъ общемъ образованіи, сносномъ знаніи англійскаго языка и элементарной латыни, а также въ знакомствѣ съ естественными науками и математикой въ объемѣ, требуемомъ коллегіею и равняющемся, приблизительно, курсу нашихъ реальныхъ училищъ. Національность и религія поступающей не имѣютъ значенія, и о нихъ спрашиваютъ только для статистическихъ цѣлей... Лекціи читаются въ превосходныхъ аудиторіяхъ обширнаго зданія, построеннаго и омеблированнаго по всѣмъ правиламъ не только науки, но и комфорта. Преподаваніе медицины въ Филадельфійской женской коллегіи, какъ и вообще во всѣхъ американскихъ медицинскихъ школахъ, во всѣхъ отношеніяхъ разнится отъ европейскаго... Европейцу не можетъ не показаться страннымъ американскій способъ преподаванія: весь медицинскій курсъ — трудно съ перваго разу повѣрить—прочитывается въ пять мѣсяцевъ! Студенты начинаютъ одновременно изучать химію, анатомію, физіологію, materia medica, патологію и терапію, хирургію и акушерство съ женскими болѣзнями; это все обязательные для учащихся предметы... Чтобы быть допущеннымъ до экзамена, нужно выполнить массу условій. Во-первыхъ, нужно прослушать minimum два зимнихъ курса, — замѣчу, что изъ года въ годъ читается то же самое и что, прослушавъ два зимнихъ медицинскихъ курса, значитъ прослушать каждый предметъ два раза, или, иначе сказать, пробыть два года въ школѣ. Далѣе студентъ, или студентка, должны доказать, что занимаются вообще медицинскими науками не менѣе трехъ лѣтъ; другими словами, представить свидѣтельство отъ своего прецептора, что онъ съ ними отъ 6-ти мѣсяцевъ до одного года читалъ медицинскія книги и посѣщалъ больницы, и что это дѣлалось не во время, проведенное въ коллегіи. Прецепторомъ называется репетиторъ, выбираемый студентомъ между практическими врачами—это совершенно частное дѣло; затѣмъ студентъ долженъ быть снабженъ свидѣтельствами отъ профессоровъ какой-нибудь медицинской коллегіи, что онъ практически занимался анатоміей, химіей и фармакологіей. Кромѣ этого нужно, чтобы хотя одинъ курсъ былъ прослушанъ въ той коллегіи, гдѣ держится экзаменъ, т.-е. свидѣтельства другихъ университетовъ и коллегій о прохожденіи «полнаго курса медицинскихъ наукъ» не берутся во вниманіе. Это все условія «sine qua non» допущенія къ экзамену. Обыкновенно студенты дѣлаютъ такъ: прослушавъ подъ рядъ два зимнихъ курса той коллегіи, гдѣ предполагаютъ держать экзаменъ, студентъ или студентка, поступаютъ на годъ «интерномъ» въ больницу, гдѣ работаютъ три мѣсяца на хирургическомъ отдѣленіи, три мѣсяца въ отдѣленіи внутреннихъ болѣзней, три

на акушерскомъ и три въ «диспенсаріи» или больницѣ для приходящихъ, гдѣ обязательно посѣщеніе неимущихъ больныхъ на дому и помощь бѣднымъ женщинамъ при родахъ. Въ Америкѣ спеціальности акушерокъ нѣтъ, поэтому врачи въ силу самыхъ обстоятельствъ должны быть акушерами и хорошо знать это дѣло практически. Пробывъ годъ ассистентомъ въ больницѣ, студентъ возвращается въ свою коллегію или переходитъ въ другую, прослушиваетъ третій (все тотъ-же) курсъ и, наконецъ, приступаетъ къ экзаменамъ. Экзамены обыкновенно начинаются въ самый день закрытія курса и продолжаются около недѣли или десяти дней. На подготовленіе къ нимъ не дается нисколько времени—приходится выступать съ тѣмъ, что пріобрѣтено, пока студентъ учился» («Вѣст. Евр.», 1882 г. № 4).

Г-жа Л. А., хорошо знакомая съ преподаваніемъ медицины въ европейскихъ университетахъ, не выражаетъ рѣшительнаго осужденія всей системѣ американскаго медицинскаго образованія; она, указывая на многіе недостатки американскихъ докторовъ и американскаго медицинскаго образованія, признаетъ и нѣкоторыя хорошія и заслуживающія подражанія особенности въ преподаваніи извѣстныхъ наукъ (materia medica, анатомія, фармакологія, хирургія).

Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о пользѣ, приносимой городу Филадельфійскимъ женскимъ медицинскимъ колледжемъ въ настоящее время, приведемъ слѣдующія цыфровыя данныя. Въ 1889 году въ госпиталѣ при этомъ колледжѣ воспользовались медицинскою помощью 583 женщины, лежавшія въ самомъ госпиталѣ, 6.365 человѣкъ перебывало въ амбулаторномъ отдѣленіи (dispensary patients) и 695-ти паціентамъ была оказана медицинская помощь на дому. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія женскій и дѣтскій госпиталь (New England for women and children) въ Бостонѣ,—госпиталь, который такъ многимъ обязанъ прусской полькѣ г-жѣ Закревской. Какъ леченіе, такъ и уходъ за больными въ этомъ госпиталѣ лежатъ на рукахъ женщинъ. Госпиталь возникъ, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ, главнымъ образомъ—жителей самого Бостона. При устройствѣ госпиталя преслѣдовались двѣ цѣли: образованіе и благотворительность. «Образовательное дѣло госпиталя», говоритъ г-жа Л. А., «заключается въ слѣдующемъ: въ домѣ постоянно живетъ шесть студентокъ-ассистентокъ, поступающихъ каждая на годъ. Въ первую половину года студентка платитъ 5 долларовъ въ недѣлю за свое содержаніе, т.-е. столъ, квартиру, отопленіе, освѣщеніе; всѣ остальные расходы, каковы: одежда, стирка и т. п., дѣлаются каждою по желанію и на свой счетъ. Если студентка окажется способною для госпиталя, то на вторую половину года съ нея уже не берутъ никакой платы» («Вѣстникъ Европы», 1881 годъ № 9).

Въ настоящее время такихъ госпиталей съ исключительно жен-

скимъ медицинскимъ персоналомъ (исключая консультантовъ) 6: въ нихъ работаютъ 94 женщины-врача, число больныхъ интерновъ въ годъ 1.828, амбулаторныхъ 16.000. Въ 1870-хъ годахъ былъ основанъ женскій медицинскій колледжъ при Нью-іоркскомъ «Infirmary» (госпиталь для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей); съ 1876 года медицинское образованіе раздѣлено въ немъ на 3 годовые курса, что сразу очень понизило число слушательницъ. Однако, преданность дѣлу устроительницъ этихъ курсовъ, женщинъ-врачей сестеръ Blackwell, желаніе придать женскому медицинскому образованію такую серьезность, которая вполнѣ оправдывала-бы притязанія женщинъ на равныя права съ мужчинами, наконецъ, многочисленность сочувствующихъ лицъ, давшихъ деньги на основаніе какъ госпиталя, такъ и колледжа и не переставшихъ поддерживать его въ трудныя минуты—восторжествовали надъ всѣмъ, и теперь этотъ колледжъ пользуется прекраснымъ помѣщеніемъ, имѣетъ достаточное число слушательницъ и заслужилъ полное довѣріе какъ общества, такъ и докторовъ-мужчинъ. При Нью-іоркскомъ Infirmary былъ открытъ женскій медицинскій колледжъ, потому что мужской медицинскій колледжъ не пожелалъ допустить въ свои аудиторіи женщинъ. Съ другой стороны, на Западѣ, какъ мы видѣли, съ 1870-хъ годовъ государственные университеты (State Universities) одинъ за другимъ открыли свои двери женщинамъ, распространивъ на университетъ, практикуемое въ элементарныхъ и высшихъ школахъ, совмѣстное образованіе. Вмѣстѣ съ этимъ самъ собою разрѣшился и вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи, напр., въ Мичиганскомъ университетѣ. Нѣкоторые предметы читаются въ немъ мужчинамъ и женщинамъ отдѣльно, напр., акушерство, также какъ нѣкоторые отдѣлы хирургіи и терапіи. Въ Чикаго опытъ совмѣстнаго медицинскаго образованія повлекъ за собой непріятности и нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя, однако, мужчинами, и поэтому скоро былъ основанъ особый женскій медицинскій колледжъ въ 1867 году. Въ перечисленныхъ г-жею Путнамъ-Якоби 6-ти лучшихъ медицинскихъ школахъ, спеціально женскихъ или допускающихъ женщинъ, насчитывалось въ 1890 году 500 слушательницъ; къ этому надо прибавить, что въ томъ-же году John Hopkins University, одинъ изъ первоклассныхъ университетовъ страны, согласился допустить женщинъ на медицинскій факультетъ (medical schools). Для того, чтобы склонить такое перворазрядное высшее учебное заведеніе къ допущенію въ него женщинъ, эти послѣднія собрали капиталъ въ 100.000 долларовъ и передали его названному университету съ тѣмъ, чтобы онъ допускалъ къ слушанію лекцій женщинъ. Просьба ихъ была испол-

нена, а деньги нашли себѣ полезное употребленіе, такъ какъ допущеніе въ университетъ женщинъ повлекло за собой увеличеніе числа лекцій по нѣкоторымъ предметамъ.

Не менѣе интересна борьба за признаніе женщинъ - врачей ихъ собратьями по профессіи—мужчинами. Мы уже говорили объ «отлученіи», произнесенномъ въ 1859 году Обществомъ врачей Филадельфійскаго округа; то - же самое было повторено и на ежегодномъ съѣздѣ врачей штата. Однако, часть мужчинъ - врачей очень горячо отстаивала права женщинъ, и, благодаря энергіи одного изъ нихъ, д-ра Хирамъ Корсонъ, общество врачей графства (county) Монгомери (въ Пенсильваніи) заявило, что «несправедливо не допускать женщинъ въ медицинскія школы, и такъ - же несправедливо, если онѣ получили медицинское образованіе, не признавать въ нихъ равноправныхъ товарищей». Съ 1871 года вопросъ о женщинахъ-врачахъ перешелъ на обсужденіе Американской медицинской ассоціаціи. Это общество, состоящее изъ представителей всѣхъ медицинскихъ обществъ отдѣльныхъ штатовъ, собирается разъ въ годъ въ разныхъ мѣстахъ страны. До 1876 года нѣсколько разъ обсуждался вопросъ о принятіи въ число депутатовъ женщинъ, но каждый разъ, иногда ничтожнымъ большинствомъ (2-хъ) голосовъ, предложеніе отвергалось. Когда, однако, въ 1876 году медицинское общество штата Иллинойсъ прислало своимъ делегатомъ женщину-врача изъ Чикаго, то вопросъ предсѣдателя, признаетъ-ли Ассоціація ее своимъ членомъ, былъ покрытъ громкими апплодисментами и криками: «да! да!» Такъ закончилось это несправедливое игнорированіе правъ женщинъ - врачей. Въ отдѣльныхъ штатахъ признаніе равноправности женщинъ-врачей со стороны ихъ товарищей-мужчинъ совершилось значительно раньше; напримѣръ, упомянутыя выше сестры Blackwell съ 1869 года состоятъ членами медицинскаго общества штата Нью-Іоркъ, а авторъ статьи о женщинахъ-врачахъ въ Америкѣ состоитъ не только членомъ различныхъ медицинскихъ обществъ, но избранъ даже членомъ Нью-іоркской медицинской академіи.

Теперь вопросъ о правахъ женщинъ-врачей въ Америкѣ считается законченнымъ, и для нихъ настало время добиваться не менѣе важнаго права — занимать должности врачей въ различныхъ не только спеціально-женскихъ госпиталяхъ, открываемыхъ разными благотворителями, но и во всѣхъ общихъ, для обоего пола, больницахъ штатовъ и городовъ. Дѣло въ томъ, что практическая подготовка американскихъ врачей весьма недостаточна. Какъ было сказано выше, для восполненія этого пробѣла, студенты поступаютъ въ госпитали интер-

нами, но до послѣдняго времени для женщинъ были доступны лишь немногіе и притомъ спеціально-женскіе госпитали. Послѣдніе годы, однако, женщины, получившія дипломъ врачей, старались занять должности visitiny physicians и resident physicians при общихъ госпиталяхъ, т.-е. ординаторовъ и врачей, живущихъ въ больницѣ. Во многихъ случаяхъ на эти мѣста, получаемыя по конкурсу, дѣйствительно попали женщины. Наконецъ, въ 1882 году въ Нью-Іоркѣ были основаны курсы для докторовъ (post graduate instruction), и г-жа Путнамъ-Якоби была выбрана для чтенія клиническихъ лекцій по дѣтскимъ болѣзнямъ. Это была первая въ Америкѣ женщина-врачъ, читавшая лекціи аудиторіи, состоящей изъ мужчинъ и женщинъ. Подобное-же назначеніе получила другая женщина-врачъ—Сара Макнутъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ законодательное собраніе штата Пенсильванія постановило по поводу петиціи, покрытой массой подписей, что въ больницахъ душевно-больныхъ для завѣдыванія женскимъ отдѣленіемъ могутъ быть выбираемы женщины-врачи. Д-ръ Алиса Беннетъ, которую въ такихъ симпатичныхъ чертахъ описываетъ г-жа Л. А., учившаяся съ нею вмѣстѣ въ Филадельфійскомъ женскомъ колледжѣ, была выбрана тогда-же главнымъ врачемъ въ женское отдѣленіе вновь открытой больницы для душевно-больныхъ въ Norristown (около Филадельфіи). Примѣру Пенсильваніи послѣдовали: Огайо, Массачусэтсъ, Нью-Іоркъ, причемъ въ этомъ послѣднемъ штатѣ было постановлено, чтобы женское отдѣленіе обязательно поручалось женщинамъ-врачамъ.

Въ 1880 году въ Соединенныхъ Штатахъ было 2.432 женщины-врача; вѣроятно, число ихъ возрасло еще съ тѣхъ поръ на нѣсколько сотенъ. Конечно, многія изъ нихъ получили не вполнѣ достаточное спеціальное образованіе и не всѣ занимаются медицинской практикой; такъ, по переписи 1880 года въ Нью-Іоркѣ насчитывалось 133 женщины-врача, дѣйствительно-же занимаются медицинской практикой даже теперь (10 лѣтъ спустя) лишь 48 женщинъ-врачей. Въ Филадельфіи практикующихъ женщинъ-врачей насчитывается до 50-ти, въ Бостонѣ — 30; громадное большинство, однако, разсѣяно по всѣмъ уголкамъ Союза.

Нѣкоторые обращались къ женщинамъ-врачамъ съ вопросами о размѣрахъ ихъ заработка, и одинъ изъ предлагавшихъ такіе вопросы вывелъ изъ 76 отвѣтовъ среднюю цыфру заработка женщины-врача 3.000 долларовъ (6.000 рублей по курсу). Д-ръ Попъ на такой-же вопросъ получилъ отвѣты (138), изъ которыхъ слѣдовало, что $^1/_3$ женщинъ-врачей не только содержатъ сами себя, но имѣютъ на своемъ попеченіи одно или нѣсколько лицъ, и лишь нѣсколько новичковъ-док-

торовъ (11) не успѣли еще вполнѣ обезпечить себя заработкомъ медицинскою практикою. Между женщинами-врачами въ Америкѣ много прекрасныхъ хирурговъ, и г-жа Путнамъ-Якоби приводитъ статистику операцій, произведенныхъ женщинами-врачами въ различныхъ госпиталяхъ (между ними около 100 лапаратомій, т.-е. вскрытій брюшной полости).

Недостатки образованія американскихъ врачей, мужчинъ и женщинъ, недостатки въ самой медицинской практикѣ ихъ вовсе не составляютъ тайны для самихъ американцевъ и, напримѣръ, г-жа Путнамъ-Якоби говоритъ слѣдующее: «Женщины-врачи въ Америкѣ имѣютъ тѣ-же недостатки, что и ихъ собратья по профессіи—мужчины, но лишь въ нѣсколько большей степени. Вообще говоря, у нихъ мало эрудиціи, но онѣ умѣютъ прекрасно пользоваться имѣющимся у нихъ запасомъ свѣдѣній. Конечно, онѣ немного читаютъ, но онѣ никогда не теряются въ затруднительныхъ случаяхъ и съ полнымъ вниманіемъ относятся къ своимъ паціентамъ, напрягая всѣ способности, чтобы оправдать довѣріе, оказываемое имъ. Въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ о недостаткахъ и достоинствахъ американскихъ врачей говоритъ и русская г-жа Л. А.

Умѣстно-ли спрашивать въ настоящее время объ услугахъ, оказанныхъ женщинами-врачами медицинской наукѣ? Отвѣтомъ на это можетъ служить перечень медицинскихъ статей, написанныхъ американскими женщинами въ различныхъ специальныхъ изданіяхъ между 1872 и 1890 годами, общее число которыхъ доходитъ до 150. «Однако,—говоритъ г-жа Якоби,—преждевременно было-бы рѣшать вопросъ, способны-ли женщины двигать впередъ науку, такъ какъ только недавно для женщинъ явилась возможность самого медицинскаго образованія, и прошло лишь какихъ-нибудь 12 лѣтъ, какъ женскіе медицинскіе колледжи получили организацію, достойную серьезной цѣли, ими преслѣдуемой. Своими медицинскими познаніями женщины-врачи обязаны, главнымъ образомъ, самимъ себѣ. Много говоритъ за женщинъ уже одно то обстоятельство, что онѣ обезпечили себѣ довѣріе тысячъ паціентовъ, несмотря на сильную оппозицію, несмотря на оскорбленія и насмѣшки многихъ лицъ, несмотря на недостаточныя образовательныя средства женскихъ медицинскихъ школъ, несмотря, наконецъ, на недостаточную часто предварительную подготовку. Когда мы вспомнимъ, однако, что многія женщины пользуются авторитетомъ въ своей спеціальности, что онѣ успѣли нетолько обезпечить себя, но даже многія—составить себѣ состояніе медицинской практикой, при существованіи на ряду съ ними многихъ мужчинъ-врачей, что онѣ съумѣли поддержать

собственныя медицинскія учрежденія, существующія исключительно благодаря поддержкѣ частныхъ лицъ, что онѣ, наконецъ, съумѣли въ послѣднее время завоевать себѣ мѣста въ общихъ госпиталяхъ на ряду съ мужчинами,—когда мы примемъ во вниманіе все это, то придемъ къ убѣжденію, что дальнѣйшіе успѣхи женщинъ-врачей будутъ расти въ геометрической прогрессіи».

Нельзя не согласиться съ этими словами: мы видѣли въ статьѣ г-жи Л. Д., что медицинское образованіе 16 лѣтъ тому назадъ (1875 г.) имѣло уже много хорошаго, по мнѣнію женщины, хорошо знакомой съ положеніемъ этого дѣла въ Европѣ, между тѣмъ какъ за послѣднія-то именно 12—15 лѣтъ, какъ говоритъ г-жа Якоби, и совершились наибольшіе успѣхи въ женскомъ медицинскомъ образованіи. Мы думаемъ, что примѣръ Америки заслуживаетъ полнаго подражанія всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ существуютъ еще предубѣжденія противъ женщинъ-врачей.

Въ заключеніе, вотъ отзывъ англійскаго врача (Lawson Tait), пользующагося европейскою извѣстностью (читатель можетъ найти указаніе на его оригинальныя сочиненія по гинекологіи въ недавно вышедшей «Книгѣ о книгахъ», томъ II, стр. 162), посѣтившаго Филадельфійскій женскій колледжъ въ 1885 году: «Помѣщеніе Филадельфійскаго женскаго медицинскаго колледжа,—говоритъ онъ, по пріѣздѣ въ Англію, въ Бирмингамѣ,—обширно и великолѣпно. Въ прошломъ году 26 человѣкъ окончили курсы въ этомъ колледжѣ и получили званіе доктора медицины. Просматривая программы занятій, бесѣдуя съ самими окончившими курсъ женщинами и съ друзьями и врагами самого колледжа, я въ концѣ-концовъ пришелъ къ заключенію, что окончившія въ немъ курсъ получили вполнѣ серьезную медицинскую подготовку... и что женская медицинская практика прочно утвердилась въ Америкѣ» (Medical News. 1885. Цитировано въ Woman's work in America, стр. 170).

П. Мижуевъ.

(Продолженіе будетъ).

О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ.

(Окончаніе).

Изъ *ариѳметики* изучается въ нашихъ школахъ счисленіе на счетахъ, счисленіе умственное и письменное, надъ числами простыми и именованными, въ предѣлѣ четырехъ дѣйствій, а въ лучшихъ школахъ—и краткій курсъ дробей. Начальная ариѳметика въ большей части училищъ проходится по *системѣ изученія дѣйствій*, а не чиселъ, какъ эта система выражается задачами и примѣрами, составляющими сборники А. Гольденберга и Т. Лубенца. Справедливость требуетъ прежде всего замѣтить, что лучшихъ успѣховъ учащіеся достигаютъ въ техникѣ письменнаго производства дѣйствій, а въ счисленіи устномъ и на счетахъ—лишь удовлетворительныхъ, нерѣдко и посредственныхъ. Наибольшее умѣнье преподавать съ равнымъ успѣхомъ всѣ указанные виды счисленія обнаруживаютъ преподаватели изъ бывшихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій; остальные-же учителя и учительницы всю суть ариѳметики до сихъ поръ склонны видѣть въ письменномъ производствѣ дѣйствій и въ рѣшеніи соотвѣтствующихъ задачъ, а на счисленіе умственное и на счетахъ удѣляютъ времени и вниманія меньше, чѣмъ сколько слѣдовало-бы. Въ такой постановкѣ дѣла обнаруживается вліяніе на учащихъ лицъ со стороны тѣхъ общеобразовательныхъ заведеній, гдѣ они учились сами и гдѣ ариѳметику, какъ извѣстно, изучаютъ только письменно. Но и въ письменномъ производствѣ дѣйствій, которымъ такъ любятъ занимать дѣтей многіе изъ нашихъ учителей и особенно учительницъ, часто преобладаетъ механизмъ на счетъ работы сознательной, съ пониманіемъ: дѣти быстро складываютъ, вычитаютъ, множатъ и дѣлятъ большія числа, но почему именно такъ, а не иначе производятъ они, напримѣръ, умноженіе и дѣленіе, объ этомъ часто не имѣютъ ясныхъ представленій; обнаруживаютъ также незнаніе на-

званій и главнѣйшихъ свойствъ чиселъ въ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ и вообще тѣхъ свѣдѣній, которыя составляютъ *теорію* начальной ариѳметики. Между тѣмъ, безъ полнаго изученія основъ десятичнаго счисленія нельзя пріобрѣсти твердыхъ ариѳметическихъ познаній, а равно и умѣнья производить ариѳметическія дѣйствія толково, сознательно. Не менѣе важенъ другой недостатокъ, заключающійся въ неправильной постановкѣ обученія дѣтей умственному счету. Упражненія въ этомъ счетѣ непремѣнно должны входить, какъ небольшая часть, въ каждый урокъ по ариѳметикѣ и быть назначаемы одновременно для учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій школы, по указаніямъ руководства, принадлежащаго *Н. А. Бобровникову*, «Сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ». Руководство это пріобрѣтено для всѣхъ школъ Симбирскаго у. и рекомендовано учителямъ, какъ одно изъ лучшихъ— если не относительно подбора примѣровъ, матеріала, то по идеѣ. Къ сожалѣнію, не всѣ учащія лица съ одинаковой ясностью представляютъ себѣ практическую важность умственнаго счета, чтобы удѣлять ему достаточно времени и вниманія. Если принять въ соображеніе, что каждаго ученика народной школы ждетъ, по выходѣ изъ нея, рѣшеніе не сложныхъ, замысловатыхъ и запутанныхъ, а самыхъ простыхъ ариѳметическихъ задачъ, состоящихъ въ быстромъ опредѣленіи результатовъ самыхъ разнообразныхъ числовыхъ комбинацій, то будетъ понятно, почему умственное счисленіе должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ въ ряду всѣхъ ариѳметическихъ занятій въ народной школѣ. Не съ доскою и грифелемъ, не съ бумагой и карандашомъ, а лишь съ той или иной подготовкою въ умственномъ счетѣ крестьянинъ, хотя-бы и грамотный, рѣшаетъ числовыя задачи, возникающія въ условіяхъ его трудовой хозяйственной жизни, его повседневнаго обихода. Не сознавая ясно всей важности умственнаго счисленія, нѣкоторыя изъ учащихъ лицъ до сихъ поръ не усвоили себѣ его легчайшихъ пріемовъ, въ особенности-же пріемовъ устнаго умноженія и дѣленія разныхъ чиселъ, а потому не знакомятъ съ упрощенными способами умственнаго счета и учащихся. Въ школахъ, гдѣ дѣти хорошо подготовляются въ устномъ счетѣ, тамъ оказываются излишними нѣкоторыя частности всей процедуры письменнаго счисленія, а извѣстно, что если производить его безъ всякихъ сокращеній, то оно требуетъ много времени и является работою скучной, утомительной. Такими-же соображеніями какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера объясняется необходимость обучать всѣхъ учениковъ народной школы *счисленію на торговыхъ счетахъ*, съ указаніемъ именно тѣхъ, самыхъ удобныхъ и цѣлесообразныхъ, пріемовъ этого счисленія,

которые выработаны практическою смѣтливостью и сообразительностью простого, необразовачнаго русскаго человѣка. Обученіе счисленію на счетахъ обязательно для всѣхъ учителей и учительницъ начальныхъ училищъ. Но это требованіе исполняется, къ сожалѣнію, не вездѣ, потому, во-первыхъ, что не всѣ школы располагаютъ необходимыми средствами для покупки счетовъ каждому ученику, и потому, во-вторыхъ, что нѣкоторые преподаватели, занимаясь съ дѣтьми преимущественно изученіемъ письменнаго счисленія, не находятъ времени обучать ихъ тому, какъ пользоваться торговыми счетами, и думаютъ, что это нетрудное умѣнье учащіеся могутъ пріобрѣсть и по выходѣ изъ школы. Но оно полезно для дѣтей и во время пребыванія ихъ въ школѣ, такъ какъ помогаетъ усвоить десятичную систему счисленія и служитъ средствомъ для рѣшенія очень большого числа практическихъ задачъ. Обращаютъ на себя вниманіе еще слѣдующіе недостатки, замѣчаемые при рѣшеніи учащимися задачъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ ребята обнаруживаютъ полное неумѣнье составлять и устно излагать мотивированные планы рѣшенія задачъ: вмѣсто разсужденія о способахъ, ведущихъ къ рѣшенію главнаго вопроса задачи, они указываютъ лишь тѣ дѣйствія, которыя необходимо произвести надъ числами, безъ всякаго объясненія причинъ, по которымъ необходимы именно эти, а не другія дѣйствія. Понятно, такое рѣшеніе задачъ не имѣетъ ровно никакого значенія, какъ механическое, почти безсознательное. Главная цѣль, къ достиженію которой надобно стремиться при обученіи дѣтей рѣшенію практическихъ задачъ, это—развитіе способности правильно составлять и толково излагать планъ рѣшенія каждой задачи, съ соблюденіемъ строгой логической послѣдовательности. Умѣнье производить дѣйствія, необходимыя для рѣшенія задачи,—дѣло второстепенное и механическое. Изложеніе плана всегда должно имѣть всѣ свойства правильнаго разсужденія, идущаго отъ опредѣленія частныхъ условій къ рѣшенію общаго вопроса, въ которомъ заключается суть задачи. Недостаточно пріучать дѣтей только къ устному объясненію задачъ, а необходимо, посредствомъ соотвѣтствующихъ упражненій, знакомить ихъ и съ письменнымъ рѣшеніемъ задачъ на бумагѣ, въ тетрадяхъ. Немногіе ученики лишь нѣкоторыхъ школъ Сенгилеевскаго уѣзда на выпускномъ экзаменѣ оказались въ состояніи рѣшить на бумагѣ, съ объясненіемъ, данную мною ариѳметическую задачу. Между тѣмъ учащимъ лицамъ было указано не разъ, какъ ученики должны производить письменное рѣшеніе задачъ въ тетрадахъ, на бумагѣ: прежде всего ученикъ выписываетъ самую задачу; затѣмъ, составивъ въ умѣ планъ рѣшенія,

пишетъ вычисленія; наконецъ, излагаетъ планъ рѣшенія задачи по пунктамъ, число которыхъ опредѣляется количествомъ дѣйствій. Планъ рѣшенія задачи можетъ и предшествовать вычисленіямъ. Такимъ образомъ, въ составъ письменнаго рѣшенія задачи должны входить слѣдующія три части: а) задача, б) рѣшеніе и в) объясненіе.

Изъ необязательныхъ учебныхъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ г. Симбирска и Сенгилея и въ большей части училищъ Симбирскаго и Сенгилеевскаго уѣздовъ преподается *церковное пѣніе*—въ Симбирскѣ тремя особыми учителями по найму, а въ селахъ—почти исключительно учителями. Церковное пѣніе изучается по программѣ для церковно-приходскихъ школъ, распредѣленной на три года: въ первый годъ проходятся съ голоса, унисономъ простѣйшія церковныя пѣснопѣнія, каковы молитвы и тропари, объ одной, двухъ, трехъ и четырехъ нотахъ; во второй годъ — пѣснопѣнія литургіи св. Іоанна Златоустаго и въ третій — пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что по такой программѣ церковное пѣніе изучается лишь въ 20 школахъ Симбирскаго у. (изъ 60) и въ 14 Сенгилеевскаго (изъ 61). То обстоятельство, что программу эту проходятъ ученики далеко не всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ сельскихъ училищъ, объясняется, во-1-хъ, отсутствіемъ въ средѣ учителей и учительницъ лицъ, настолько знающихъ церковное пѣніе, чтобы съ успѣхомъ преподавать его въ указанномъ объемѣ, и, во-2-хъ, методической необработанностью церковнаго пѣнія, какъ предмета начальнаго обученія. Какъ это ни удивительно, но до сихъ поръ начальныя школы не имѣютъ по пѣнію ни одного учебника, совершенно пригоднаго для учащихся. Пособія и руководства, рекомендованныя для церковно-приходскихъ школъ, слишкомъ устарѣли, чтобы по нимъ скоро и успѣшно можно было вести обученіе церковному пѣнію; почти всѣ они дороги по цѣнѣ, не обработаны въ отношеніи методическомъ и написаны квадратной или круглой нотою, а не цыфровой, которая справедливо считается удобнѣйшею съ педагогической и экономической точекъ зрѣнія. Отсутствіе хорошихъ руководствъ ставитъ въ крайнее затрудненіе даже учителей, достаточно подготовленныхъ по пѣнію, знающихъ его вполнѣ удовлетворительно, а не такихъ только, которые съ трудомъ читаютъ ноту и усвоили себѣ лишь церковныя мелодіи. Учениковъ всей школы преподаватели обучаютъ церковному пѣнію съ голоса, а способнѣйшихъ и отобранныхъ для церковнаго хора знакомятъ съ теоріей этого предмета, пользуясь указаніями и матеріаломъ книги *Ст. В. Смоленскаго* «Курсъ хорового пѣнія». Церковные хоры имѣются при 34 сельскихъ училищахъ; составляются они изъ школьниковъ и крестьянъ-

любителей и поютъ въ мѣстныхъ храмахъ утреню и литургію по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Нѣкоторые изъ сельскихъ хоровъ могутъ быть признаны очень хорошими. Они не хуже иныхъ городскихъ хоровъ, а иногда и превосходятъ послѣдніе стройнымъ, тихимъ и благоговѣйнымъ исполненіемъ простыхъ церковныхъ композицій. Учителя, руководящіе этими хорами, выбираютъ для пѣнія въ церкви такія нотныя произведенія, которыя, отличаясь простотою музыкальнаго построенія, способны возбуждать въ слушателяхъ молитвенное настроеніе и умиленіе. Таковы, напр., помѣщенныя въ обиходѣ *Смоленскаго* пѣснопѣнія: Великое славословіе, Херувимская пѣснь Вятскаго распѣва, Милость мира Ярославскаго напѣва и нѣкоторыя другія. Крестьяне съ особенной похвалою отзываются о такомъ стройномъ, спокойномъ и тихомъ, преимущественно минорномъ пѣніи и называютъ его «боголюбнымъ». Ученики 32 сельскихъ училищъ участвуютъ въ церковномъ пѣніи вмѣстѣ съ псаломщиками; ученики 33 училищъ поютъ только молитвы въ классѣ и, наконецъ, ученики 18 училищъ не обучаются пѣнію, такъ какъ учащія лица сами вовсе не знаютъ этого предмета. Надобно замѣтить, что подготовка въ селѣ хорошаго церковнаго хора требуетъ очень много времени и трудовъ даже со стороны знающихъ пѣніе учителей. Занятія этимъ дѣломъ соотвѣтствуютъ всѣмъ другимъ школьнымъ трудамъ учителя, взятымъ вмѣстѣ. Вотъ почему для начальныхъ учителей оказывается особенно необходимою въ этомъ дѣлѣ чья-либо помощь со стороны. Обученіе учениковъ и ученицъ начальныхъ школъ церковному пѣнію, повидимому, должно бы составлять предметъ обязательныхъ заботъ и трудовъ для священниковъ и другихъ членовъ причта. Но они по большей части сами не подготовлены къ этому дѣлу, какъ-бы слѣдовало, или не придаютъ согласному хоровому пѣнію въ церкви надлежащаго значенія. Между священниками встрѣчаются даже лица, открыто выражающія неудовольствіе по тому поводу, что пѣніе хора, составленнаго учителемъ, замедляетъ церковную службу.

Военная гимнастика ученикамъ Симбирскихъ нач. городскихъ училищъ преподается двумя особыми учителями изъ низшихъ временно-отпускныхъ воинскихъ чиновъ. Изъ 120 сельскихъ училищъ, гимнастика преподается въ 26, въ 4-хъ начальными учителями, а въ 22-хъ низшими запасными чинами. На занятія гимнастикой въ сельскихъ училищахъ употребляется по три часа въ недѣлю, въ послѣклассное время, въ теченіе всего учебнаго года, продолжающагося около восьми мѣсяцевъ, съ сентября по апрѣль включительно. Часовыхъ уроковъ гимнастики бываетъ около 80 въ годъ, и за каждый урокъ препо-

давателямъ назначена плата въ 20 коп., а за весь годъ — до 16 р. Опытъ трехъ лѣтъ успѣлъ показать, что гимнастика дѣлаетъ мальчиковъ болѣе живыми, развязными и даже воспріимчивыми. Разнообразя учебныя занятія, требующія утомительнаго сидѣнья въ классѣ, гимнастическія упражненія освѣжаютъ физическія силы дѣтей, а чрезъ это помогаютъ и успѣхамъ ихъ въ учебныхъ занятіяхъ, пріучаютъ мальчиковъ къ порядку и дисциплинѣ и, несомнѣнно, впослѣдствіи облегчатъ для нихъ трудности военной службы. Къ сожалѣнію, разсматриваемый предметъ преподается не во всѣхъ, а лишь въ немногихъ училищахъ. Начавшись успѣшно въ первый учебный годъ, преподаваніе военной гимнастики значительно сократилось во второй, такъ какъ запасные воинскіе чины отказываются отъ преподаванія ея, находя установленную за него плату недостаточною. Въ виду сказаннаго и по соображеніямъ педагогическимъ, преподаваніе военной гимнастики въ сельскихъ училищахъ слѣдовало-бы предоставить начальнымъ учителямъ. Но такъ какъ не всѣ они знакомы съ этимъ предметомъ, то необходимо открывать въ лѣтнія каникулы педагогическіе курсы, на которыхъ они могли-бы теоретически и практически изучить военную гимнастику. Курсами можно-бы воспользоваться для ознакомленія учителей еще съ церковнымъ пѣніемъ, а равно съ условіями наиболѣе правильнаго и цѣлесообразнаго преподаванія и другихъ учебныхъ предметовъ, теперешняя постановка которыхъ требуетъ по мѣстамъ существенныхъ улучшеній. Исходя изъ этихъ соображеній и принимая во вниманіе, что въ Симбирскомъ уѣздѣ всѣхъ учителей начальныхъ училищъ 41, а учительницъ 16, мѣстный училищный совѣтъ призналъ полезнымъ открывать, въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, ежегодно на одинъ мѣсяцъ, лѣтніе педагогическіе курсы, на которыхъ главными предметами занятій *для учителей* должны быть военная гимнастика и церковное пѣніе, а *для учительницъ*—церковное пѣніе и рукодѣлья. Опредѣливъ вызывать на курсы ежегодно человѣкъ по 15, училищный совѣтъ предположилъ удѣлять изъ суммы, отпускаемой земствомъ на сельскія школы, по 150 р. въ годъ собственно на содержаніе учителей и учительницъ въ продолженіе того мѣсяца, когда они будутъ жить въ городѣ, какъ слушатели курсовъ. При этомъ было взято во вниманіе, что многія, если не всѣ, учащія лица изъ получающихъ сравнительно съ другими большее и вообще достаточное содержаніе охотно согласятся прожить въ городѣ одинъ мѣсяцъ и на свои собственныя средства, лишь-бы только представилась возможность присутствовать на курсахъ. На основаніи изложенныхъ соображеній, Симбирскій уѣздный училищный совѣтъ началъ ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ

о разрѣшеніи открыть въ Симбирскѣ съ 15 іюля по 15 августа текущаго года педагогическіе курсы для учителей и учительницъ начальныхъ школъ Симбирскаго у. Но опасеніе неблагопріятныхъ экономическихъ послѣдствій отъ неурожая хлѣбовъ въ 1891 году послужило одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что изложенное ходатайство Совѣта не получило надлежащаго движенія.

Въ Симбирскихъ городскихъ (мужскихъ и женскихъ) училищахъ особымъ учителемъ преподается *элементарное рисованіе* примѣнительно къ программѣ этого предмета, напечатанной въ «Циркулярѣ по Казанскому учебному округу», 1887, авг., стран. 317. Къ сожалѣнію, не умѣя рисовать, я не могу высказать положительнаго сужденія объ успѣшности занятій рисованіемъ въ Симбирскихъ городскихъ училищахъ. Правда, разсматривая тетради учащихся по рисованію какъ во время школьныхъ ревизій, такъ и на экзаменахъ, я прихожу къ заключенію, что успѣхи дѣтей въ этомъ предметѣ съ годами понемногу улучшаются, какъ это показываютъ опыты дѣтей въ рисованіи съ натуры правильныхъ формъ геометрическихъ тѣлъ.

Въ большей части начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ, гдѣ преподавательскія обязанности исполняютъ учительницы, дѣвочки обучаются *рукодѣльямъ*.

Въ видахъ исправнаго и неопустительнаго выполненія преподавателями возложенныхъ на нихъ обязанностей, установлено правило, чтобы во всѣхъ школахъ велись слѣдующія *записныя книги* и *тетради*: а) *классный журналъ* для записыванія учениковъ, для отмѣтокъ ихъ небытія, а равно и оцѣнки баллами ихъ успѣховъ, для обозначенія ежедневныхъ уроковъ по всѣмъ предметамъ и для занесенія въ особый списокъ ежегодно поступающихъ въ школы дѣтей; б) *каталогъ книгамъ и пособіямъ*, принадлежащимъ извѣстному училищу; в) двѣ *тетради для записи оканчивающихъ курсъ ученія*, изъ коихъ въ одну записываются мальчики, а въ другую дѣвочки; г) *тетрадь для записи книгъ*, выдаваемыхъ учащимся и грамотнымъ крестьянамъ для чтенія на дому, и д) *тетрадь для описи школьнаго имущества*. Осмотры училищъ въ теченіе года показали, что названныя записныя книги большинствомъ учителей и учительницъ ведутся исправно; только изъ законоучителей немногіе записываютъ въ журналъ содержаніе даваемыхъ ими уроковъ.

По отзывамъ лицъ, производившихъ въ нашихъ школахъ осмотры и годовыя испытанія учащимся, всѣ предметы обученія поставлены, говоря вообще, удовлетворительно, и успѣхи, достигаемые многими школами, при данныхъ условіяхъ часто не оставляютъ желать суще-

ственныхъ улучшеній. Такое состояніе дѣла объясняется прежде всего опредѣленностью учебной организаціи, на которую обращено самое серьезное вниманіе училищной администраціи: опредѣленъ годовой срокъ обученія, выработаны подробныя программы преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ, составлены: недѣльное росписаніе и примѣрный конспектъ занятій съ распредѣленіемъ ихъ между тремя группами учащихся по недѣлямъ, днямъ и часамъ, даны дидактическія и методическія правила и объясненія, указаны лучшія учебныя пособія для учителей и учебныя руководства для учащихся. Успѣшный ходъ занятій въ начальныхъ школахъ въ большей степени зависитъ отъ учителей и учительницъ, отъ ихъ усердія къ дѣлу, подготовки и опытности. Разсматривая учебное дѣло съ указанной стороны, мы должны констатировать въ высшей степени пріятное явленіе: почти всѣ преподаватели относились и относятся къ своему дѣлу добросовѣстно, сердечно и разсудительно. Они занимаются имъ неопустительно въ теченіе всего учебнаго года и не жалѣютъ трудовъ и времени, чтобы сообщить дѣтямъ установившійся кругъ знаній и навыковъ, пробудить въ нихъ дремлющія способности и стремленіе къ умственному развитію, повліять благопріятно на ихъ нравственное чувство и укоренить въ ихъ сознаніи тѣ свойства, которыми опредѣляется истинное достоинство человѣка. Въ стремленіи къ достиженію этихъ цѣлей учителя и учительницы обнаруживаютъ почти одинаковую настойчивость и энергію. Правда, не всѣ они достигаютъ одинаковыхъ результатовъ,—наиболѣе выдающіеся успѣхи всегда на сторонѣ лицъ, спеціально подготовленныхъ къ учительству и получившихъ среднее образованіе. Но и преподаватели, не имѣющіе такого ценза, стремятся не отставать отъ своихъ болѣе образованныхъ товарищей, а нѣкоторые оказываются даже впереди ихъ по успѣшности въ занятіяхъ. Опытъ показываетъ, что въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, кромѣ общаго развитія и спеціальной подготовки учителя, очень важное значеніе имѣютъ продолжительная практика преподаванія, дидактическія способности и любовь къ учебнымъ занятіямъ, дѣлающія лицъ съ такими свойствами полными хозяевами своего дѣла. Если къ этому прибавить, что преподаватели указанной категоріи, сознавая недостаточность своего школьнаго образованія, съ полнымъ довѣріемъ относятся къ совѣтамъ опытныхъ людей и стараются неуклонно слѣдовать этимъ совѣтамъ въ учебной практикѣ, то еще болѣе будетъ понятенъ общій успѣхъ ихъ педагогической дѣятельности. Почти всѣ начальные учителя и учительницы стараются обстоятельно проходить данную программу и возможно лучше подготовлять своихъ учениковъ къ годовому экза-

мену. Выполняя программу, они стремятся доводить ребятъ до сознательнаго и прочнаго ея усвоенія. Преподаватели другихъ учебныхъ заведеній нерѣдко спѣшатъ выполненіемъ своихъ программъ, не обращая вниманія на то, что не всѣ ученики успѣли хорошо усвоить пройденное. Учитель начальной школы не можетъ этого сдѣлать, — ему нельзя, подобно преподавателю другого учебнаго заведенія, поставивъ незнающимъ ученикамъ по единицѣ, спокойно продолжать выполненіе программы: начальный учитель знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ онъ поставилъ-бы единицы не ученикамъ, а самому себѣ, что отмѣтки, которыми опредѣляются познанія его учениковъ, всегда должны быть хорошими, и что удовлетворительные успѣхи въ пріобрѣтеніи учебныхъ свѣдѣній и навыковъ должны обнаруживать не только способнѣйшіе изъ его учениковъ, а рѣшительно всѣ. Судьба учителя начальной школы вполнѣ зависитъ отъ успѣховъ его учениковъ: если всѣ они учатся хорошо, учителя держатъ на мѣстѣ и такъ или иначе поощряютъ его за труды, усердіе; въ противномъ случаѣ ему отказываютъ отъ мѣста. При такихъ условіяхъ учителю крайне неудобно относиться къ своему дѣлу вяло, апатично и равнодушно, а потому онъ отдается ему очень нерѣдко со всѣмъ усердіемъ и разумѣніемъ. Не легка служба начальнаго учителя, не всѣ могутъ нести ее, какъ-бы не чувствуя утомленія, ибо она часто требуетъ особеннаго напряженія силъ, исключительнаго терпѣнія и самой искренней любви къ дѣлу. Тѣмъ отраднѣе наблюдать эти свойства въ скромныхъ труженикахъ, не получившихъ обширнаго образованія и не пользующихся многими преимуществами и удобствами жизни людей культурныхъ. Между тѣмъ эти почти невѣдомые міру работники усердно исполняютъ великую миссію начальнаго народнаго просвѣщенія, съ честью совершаютъ дѣло первостепенной государственной важности.

Въ причинной связи съ добросовѣстнымъ исполненіемъ учащими лицами лежащихъ на нихъ обязанностей, въ связи съ живымъ, бодрымъ и задушевнымъ веденіемъ классныхъ уроковъ находится фактъ довольно исправнаго посѣщенія начальныхъ школъ ихъ учениками. Только болѣзни, недостатокъ въ крестьянскихъ семьяхъ людей для домашнихъ работъ и присмотра за малыми дѣтьми, неимѣніе одежды и обуви заставляютъ ребятъ опускать уроки. Но за всѣмъ тѣмъ они охотно посѣщаютъ школу, привлекаемые сюда и собственной любознательностью, и гуманнымъ обращеніемъ съ ними учащихъ лицъ, и очевидными успѣхами старшихъ учениковъ, пріобрѣтающихъ въ короткое сравнительно время умѣнье читать, писать и считать. Вѣянія человѣчности и любви, проникающія отношенія начальнаго учи-

теля къ ученикамъ, придаютъ народной школѣ характеръ очень привлекательнаго, высокаго воспитательнаго учрежденія, куда крестьянскія дѣти стремятся по собственному искреннему желанію. Наступило утро учебнаго дня. Со всѣхъ концовъ селенія группами и по одиночкѣ спѣшатъ въ школу дѣти, идутъ веселыя, жизнерадостныя и словно боятся опоздать,—бѣгутъ и бѣгутъ и, кажется, конца имъ не будетъ. Наконецъ, всѣ собрались въ школу, наполнили классъ, сѣли по мѣстамъ. Входитъ учитель, и начинается дружная, живая, полная порядка работа. Уже давно дѣти заняты дѣломъ. Въ комнатѣ стало жарко и душно. Но все выноситъ крѣпкая крестьянская натура, и ребята остаются въ классѣ до поздняго вечера, чтобы завтра пробыть въ немъ столько-же времени. О какомъ-либо переутомленіи здѣсь, повидимому, не можетъ быть и рѣчи, потому что какъ учитель, такъ и ученики одинаково заинтересованы и увлечены общимъ дѣломъ, которое идетъ у нихъ какъ будто само собою, безъ особенныхъ усилій съ чьей-либо стороны. Дѣти, эти по истинѣ счастливые люди, въ школѣ часовъ не наблюдаютъ, и время проходитъ быстро, незамѣтно. Текутъ дни, мѣсяцы и годы, и только крайняя нужда по временамъ заставляетъ учениковъ прекращать посѣщеніе школы. А тѣ, для кого этой нужды не существуетъ, ходятъ въ нее до окончанія полнаго учебнаго курса, да и послѣ не прерываютъ съ школою родственнаго духовнаго общенія: они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы побывать въ училищѣ, помочь учителю въ занятіяхъ съ дѣтьми и взять для чтенія полезную книжку.

Обобщая сказанное, замѣтимъ, что положительныя стороны, которыми характеризуется жизнь лучшихъ народныхъ школъ, въ общемъ составляютъ прямое слѣдствіе современной организаціи начальнаго обученія: достаточно подготовленные къ своему дѣлу учителя и учительницы, ихъ любовь и усердіе къ занятіямъ, столь свойственныя юнымъ людямъ, часто, въ прекрасномъ увлеченіи миссіей учительства, не жалѣющихъ силъ и времени, чтобы успѣшнѣе достигать намѣченныхъ цѣлей,—методически составленные учебники, какихъ не имѣетъ даже средняя школа, наконецъ, самая постановка обученія примѣнительно къ условіямъ постепеннаго психологическаго развитія дѣтей—вотъ тѣ особенности, которыя принадлежатъ современной начальной школѣ и отличаютъ ее отъ прежней школы, съ ея суровостью и недоступностью.

Нравственно-воспитательныя цѣли, къ которымъ стремятся народныя училища, достигаются прежде всего путемъ непосредственнаго вліянія на дѣтей самаго обученія и всей совокупности дисциплинар-

ныхъ правилъ, способствующихъ развитію у нихъ хорошихъ навыковъ и склонностей. Учащія лица стараются пріучать дѣтей къ послушанію, почтительности и добрымъ взаимнымъ отношеніямъ. Неопустительное чтеніе въ школахъ утреннихъ молитвъ предъ началомъ уроковъ и вечернихъ по окончаніи ихъ, обязательное присутствованіе учащихся при богослуженіи въ храмѣ въ воскресные и праздничные дни, участіе дѣтей въ церковномъ чтеніи и пѣніи, наконецъ, ихъ говѣніе, исповѣдь и пріобщеніе Святыхъ Таинъ въ одну изъ седмицъ Великаго поста должны воспитывать и несомнѣнно воспитываютъ учениковъ народныхъ школъ въ духѣ вѣры и церкви православной.

А. Анастасіевъ.

О мѣрахъ къ поднятію уровня сочиненій абитуріентовъ.

Изъ года въ годъ университетскіе профессоры жалуются и плачутся на неумѣнье поступающихъ въ университетъ абитуріентовъ излагать свои мысли и сужденія,— неумѣнье, кромѣ того, поражающее малограмотностью. Нельзя не согласиться, что этотъ «плачъ и вопль многъ» небезоснователенъ, особенно въ отношеніи правописанія; но дозволительно поставить на видъ почтеннымъ профессорамъ, призваннымъ внести и свою лепту въ дѣло умственнаго, интеллектуальнаго и стилистическаго доразвитія юношей, поступающихъ въ университетъ «естественнымъ образомъ, по самому возрасту» *) не вполнѣ окрѣпшими въ дѣлѣ сочинительства, что эти сѣтованія и преувеличенны, и въ настоящее время несвоевременны: преувеличенны (помимо, впрочемъ, правописанія) потому, что абитуріенты большею частью еще такъ юны, что не могли выработать въ себѣ полнаго навыка «въ краткихъ словахъ замыкать многій разумъ». Это весьма мудро признаетъ и само Министерство Народнаго Просвѣщенія: «такъ какъ мысли (ученическихъ сочиненій), естественнымъ образомъ, по самому возрасту учениковъ, довольно безсодержательны, то и внѣшнія формы ихъ, по необходимости, отличаются скудостью, вращаясь въ довольно ограниченномъ кругѣ болѣе или менѣе стереотипныхъ выраженій, или-же, въ худшемъ случаѣ, прикрываясь громкими, но пустыми фразами» (48 стр. учебныхъ плановъ 20 іюля 1890 года). Рановременныже сѣтованія профессоровъ потому, что только всего два года, какъ въ гимназіяхъ практикуются «упражненія въ *точной* и *правильной* передачѣ образцовыхъ произведеній классической литературы на русскій языкъ», которыя, по выраженію учебныхъ плановъ, будутъ имѣть «важное педагогическое значеніе, противодѣйствуя той небрежности, невнимательности и поверхностности учениковъ, устраненіе которыхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ гимназическаго

*) Стр. 48 учебн. плановъ 10 іюня 1890 года.

воспитанія» (стр. 49 уч. пл.). Если-же абитуріенты 1891 года лишь одинъ годъ упражнялись въ передачѣ на русскій языкъ образцовыхъ произведеній классической литературы, а абитуріенты 1892 года только два года, то отъ такого кратковременнаго упражненія въ переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій ожидать блистательныхъ результатовъ и предъявлять не въ мѣру строгія требованія было-бы непедагогично.

Вотъ въ 1894 году, когда будетъ первый выпускъ учениковъ гимназій, начавшихъ по новымъ учебнымъ планамъ упражненія въ переводахъ съ 5-го класса, можно начать и предъявленіе болѣе строгихъ требованій отъ сочиненій абитуріентовъ, и если тогда эти сочиненія не будутъ имъ соотвѣтствовать, то будетъ полное основаніе обвинять въ этомъ или преподавателей русскаго языка, небрежно относившихся къ упражненіямъ въ переводахъ, ибо «чтобы научить учениковъ пользоваться всѣмъ разнообразнымъ богатствомъ русскаго языка, нѣтъ лучшаго средства, какъ упражнять ихъ въ переводахъ классическихъ образцовъ древнегреческой и римской литературы на русскій языкъ» *), или преподавателей древнихъ языковъ, «не умѣтившихъ въ природныя свойства россійскаго языка», каковыхъ въ нашихъ гимназіяхъ еще непочатый край, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, или, что всего вѣрнѣе, весь педагогическій составъ.

Скудость-же мыслей, стереотипность выраженій, самая малограмотность ученическихъ сочиненій составляютъ пока неизбѣжное явленіе, легко объясняемое тѣмъ переходнымъ періодомъ, который переживаютъ наши гимназіи, такъ какъ обновленное съ 1890 года положеніе ихъ, выразившееся въ существенномъ, но обѣщающемъ плодотворные результаты, измѣненіи характера преподаванія отечественнаго и древнихъ языковъ, въ теченіе двухъ какихъ-нибудь лѣтъ не могло окрѣпнуть и внѣдриться въ плоть и кровь русскихъ классическихъ школъ. Въ доказательство неизбѣжности этого явленія, главнымъ образомъ унаслѣдованнаго отъ постановки въ гимназіяхъ до 1890 года русскаго и древнихъ языковъ, позволю себѣ сослаться на выписку изъ протокола засѣданія испытательной коммиссіи одной изъ гимназій Харьковскаго округа по оцѣнкѣ письменныхъ работъ по русскому языку, исполненныхъ учениками VIII класса на испытаніи зрѣлости въ 1891 году. Предваряю, въ подтвержденіе всеобщности неизбѣжнаго пока этого явленія, что помянутая гимназія управляется многоопытнымъ мужемъ, близъ полустолѣтія неослабно подвизающимся на

---

*) Стр. 48 уч. плановъ.

многотрудномъ педагогическомъ поприщѣ и притомъ лично руководящимъ учениковъ въ дѣлѣ сочинительства.

Вотъ что тамъ оказалось въ 1891 году:

1) Правильное пониманіе темы въ главныхъ ея чертахъ усматривается во всѣхъ письменныхъ работахъ.

2) Слабая сторона этихъ работъ заключается въ бѣдности содержанія, что повело многихъ изъ писавшихъ къ пустому многословію.

3) Не менѣе слабую сторону сочиненій составляетъ недостатокъ логической послѣдовательности во многихъ изъ нихъ: есть положенія, не имѣющія прямого отношенія ни къ предложенной темѣ, ни даже къ тому, что говорится въ данномъ мѣстѣ по адресу ея.

4) Нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ нарушенія требованій ясности и опредѣленности, а иногда и несоотвѣтствіе языка предмету разсужденія и другіе недостатки въ приложеніи мыслей.

5) Что касается орѳографическихъ ошибокъ, то онѣ встрѣчаются въ числѣ 13 въ работахъ 10 учениковъ (у трехъ по 2 и у 7 по 1); изъ нихъ: 4—въ окончаніяхъ словъ, 5—въ корнѣ или основѣ слова и 4—въ образованіи *слоговъ* (sic!).

6) Синтаксическія погрѣшности находятся въ работахъ семи учениковъ; общее число ихъ 11 (у одного 4, у одного 2 и у пяти остальныхъ по 1 у каждаго).

Эта правдивая и безпристрастная характеристика сочиненій абитуріентовъ, не со стороны, не отъ высшей инстанціи идущая, не истцами-профессорами предъявленная, но безбоязненно, не смотря на рискъ самообвиненія, нарисованная отвѣтчиками-педагогами, тѣмъ самымъ не можетъ служить обвинительнымъ актомъ противъ послѣднихъ: она ясно говоритъ, что время призывать къ отвѣту педагоговъ и въ то-же время карать абитуріентовъ еще не приспѣло, что лучшее средство научить учениковъ пользоваться всѣмъ разнообразнымъ богатствомъ русскаго языка, дающимъ «возможность выразить съ величайшею точностью самые тонкіе оттѣнки мысли» (48 стр. уч. пл.)—упражненія въ переводахъ классическихъ образцовъ древнегреческой и римской литературы на русскій языкъ въ теченіе одного года не могло выразиться въ тѣхъ блистательныхъ результатахъ, которые справедливо ожидаются новыми учебными планами. А результаты эти вотъ каковы должны быть: «ученики усвоютъ себѣ всѣ особенности родной рѣчи путемъ безпрестаннаго сравненія ея съ образцовою рѣчью древняго Рима и Греціи и пріобрѣтутъ умѣнье и навыкъ пользоваться этими особенностями во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ имъ представиться на ихъ дальнѣйшемъ научномъ поприщѣ» (49 стр. учебн. плановъ).

Но, возлагая вмѣстѣ съ учебными планами великую надежду въ дѣлѣ развитія въ ученикахъ способности вполнѣ владѣть родною рѣчью на классные переводы съ древнихъ языковъ на русскій, я вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ учебными планами, не ослабляю значенія an sich und für sich, какое должны имѣть упражненія учениковъ въ собственныхъ сочиненіяхъ, «служащія для развитія въ нихъ навыка излагать мысли чистымъ, правильнымъ и точнымъ слогомъ въ ихъ логической послѣдовательности» (стр. 46 уч. пл.).

Исходя изъ этого неоспоримаго положенія, я считаю своимъ долгомъ предложить вниманію читателей и педагоговъ выработанныя долголѣтней практикой и наблюденіями нѣкоторыя мѣры къ поднятію уровня сочиненій абитуріентовъ—не методическія и дидактическія, о которыхъ много говорено и писано, но которыя, къ сожалѣнію, не привели къ желанному результату, а обще-педагогическія и, такъ сказать, административно-учебныя. Первыя мѣры имѣютъ цѣлью призвать къ содѣйствію въ дѣлѣ грамотности и сочинительства учениковъ гимназій весь педагогическій персоналъ этихъ заведеній или, по крайней мѣрѣ, большинство его; вторыя должны воздѣйствовать на самихъ учащихся, съ одной стороны противодѣйствуя ихъ небрежности, невнимательности и поверхностности въ исполненіи письменныхъ работъ; а съ другой—ограждая ихъ отъ тѣхъ случайностей, которыя при настоящемъ положеніи дѣла нерѣдко безвинно падаютъ на ихъ голову.

I.

Обще-педагогическія мѣры.

1. Правописаніе.

Если нельзя ожидать и требовать, чтобъ сочиненія абитуріентовъ по мысли, языку и логической стройности не оставляли желать лучшаго; если выработка строгаго мышленія и вполнѣ литературнаго его выраженія въ студенческихъ диссертаціяхъ лежитъ главной своей долей и на обязанности университетскихъ лекторовъ, призванныхъ не къ одному начиненію студентовъ винигретомъ голыхъ и сырыхъ научныхъ знаній: то, наоборотъ, безукоризненное правописаніе должно составлять достояніе sine qua non каждаго поступающаго въ университетъ абитуріента. Неполная грамотность въ сочиненіяхъ абитуріентовъ дѣйствительно и несомнѣнно—больное мѣсто нашихъ гимназій: такъ, изъ 10 учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости той гимна-

зіей, выписка изъ протокола коей приведена выше, ни одинъ не оказался безукоризненно грамотнымъ (13 ошибокъ въ 10 работахъ: у трехъ по 2 у семи по 1) *). Этотъ яркій и крупный педагогическій грѣхъ, повторяющійся въ письменныхъ работахъ студентовъ, часто въ теченіе университетскаго курса, справедливо возбуждаетъ жалобы и даже негодованіе профессоровъ. Мало того, это печальное педагогическое явленіе сказывается весьма рельефно и въ письменной дѣятельности многихъ лицъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ и прошедшихъ гимназическую школу въ періодъ времени отъ 1871 по 1890 годъ и фигурирующихъ на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы. Даже сами педагоги, за исключеніемъ, конечно, преподавателей отечественнаго языка, не всегда свободны отъ этого недостатка. Но, памятуя несомнѣнную плодотворную дѣятельность этой молодой интеллигенціи на поприщѣ ея служенія государству и обществу, мы принуждены въ отношеніи ея мириться съ этимъ ея безсиліемъ по отношенію къ грамматическому кодексу, подобно тому, какъ миримся съ нимъ въ собственныхъ рукописяхъ Гоголя или какъ требовала этого примиренія Екатерина II, говорившая своему секретарю Грибовскому: «Ты не смѣйся надъ моей русской ороографіей. Я тебѣ скажу, почему я не умѣла хорошенько ее узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе» (Перфильевъ, «Истор. русск. словесности», 2 часть, отд. 2, стр. 20) Короче говоря, прежняя постановка и изолированное положеніе русскаго языка въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса «и есть причина», почему не только абитуріенты, но нерѣдко и кандидаты университета «плохо знаютъ правописаніе».

Но Ломоносовъ въ своей россійской грамматикѣ недаромъ сказалъ: «тупаораторія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики». Если же ни одна наука, никакая спеціальность «безъ грамматики» немыслима, то, очевидно, обязанность доведенія правописанія гимназистовъ до степени безукоризненной грамотности къ концу курса лежитъ на всемъ педагогическомъ персоналѣ или, по крайней мѣрѣ, на той его части,

*) А синтаксическіе промахи еще разительнѣе: 11 у 7 учениковъ (у одного 4, у одного 2 и у пяти по 1).

которая при преподаваніи своего предмета не можетъ избѣжать письменныхъ упражненій, т.-е. преподаватели не только русскаго и древнихъ языковъ, но и математики. Между тѣмъ, если преподаватели древнихъ языковъ, и то только съ введеніемъ новыхъ плановъ въ 1891 году, волей-неволей содѣйствуютъ учителю русскаго языка въ устраненіи въ текстахъ ученическихъ переводовъ грамматическихъ ошибокъ, никакъ нельзя этого сказать о преподавателяхъ математики. По большей части къ ошибкамъ въ изложеніи рѣшенія задачъ даже на экзаменѣ зрѣлости, какъ сами они, такъ и испытательныя коммиссіи, относятся совершенно индифферентно. Такъ было это въ особенности до 1890 года, такъ по большей части стоитъ это дѣло и теперь. А эта невмѣняемость учениковъ въ отношеніи правописанія въ письменныхъ математическихъ работахъ, пріучая ихъ къ орѳографической небрежности при письменномъ изложеніи рѣшенныхъ задачъ, отражающейся на письменныхъ работахъ и по русскому языку, представляетъ огромный тормазъ въ пріученіи ученика всегда и вездѣ ставить на первый планъ грамотность всякой письменной работы.

Кромѣ этого, выработкѣ въ ученикахъ твердаго, однороднаго и безукоризненнаго правописанія не мало мѣшаетъ и то обстоятельство, что пока только одинъ учитель русскаго языка въ преподаваніи орѳографіи строго держится академическаго правописанія, между тѣмъ какъ прочіе преподаватели, со школьной скамейки и на службѣ чрезъ чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ, такъ сказать, наторѣвшіе въ тѣхъ разнокалиберныхъ способахъ правописанія, какихъ ad libitum держатся наши журналы и газеты, и притомъ пока не обязанные никакими предписаніями быть основательно знакомыми съ гротовскимъ правописаніемъ, тѣмъ самымъ тормазятъ дѣло усвоенія учениками однообразнаго способа правописанія, примѣняя и предъявляя ученикамъ въ программахъ экзамена, письменныхъ работахъ и проч. тотъ способъ орѳографіи, къ какому они сами привыкли: одинъ держится своеобразной пунктуаціи «Московскихъ Вѣдомостей», другой—правописанія излюбленнаго имъ журнала, третій—просто школьныхъ традицій. Вслѣдствіе этого очень часто при исправленіи письменныхъ работъ или письмѣ на классной доскѣ возникаетъ нетолько разногласіе, но и пререканіе съ учениками въ правописаніи тѣхъ или другихъ словъ: на урокѣ русскаго языка ученики ссылаются на преподавателей древнихъ языковъ; на урокахъ-же послѣднихъ предъявляютъ авторитетъ учителя отечественнаго языка. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ очень многихъ случаяхъ (въ правописаніи въ особенности приставокъ, а нерѣдко и корня и флексіи) ученики имѣютъ

самое неясное, неопредѣленное и смѣшанное представленіе о способѣ правописанія многихъ словъ. Такое анормальное явленіе, дѣйствующее въ теченіе всего гимназическаго курса, не можетъ не отражаться печальными результатами въ сочиненіяхъ, переводахъ и математическихъ работахъ абитуріентовъ, особенно, если принять во вниманіе, что нѣкоторые преподаватели, главнымъ образомъ математики, нетолько равнодушны къ грамотности учениковъ, но и сами иногда не безгрѣшны въ правописаніи даже несомнительныхъ и общепринятыхъ случаевъ.

Наконецъ, и сами ученики, какъ утвердившимся обычаемъ, такъ и существующею постановкою преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ старшихъ классахъ, поставлены въ такія условія, при которыхъ они въ этихъ классахъ не то чтобъ лишены возможности, но не приводятся въ сознаніе крайней необходимости для нихъ и въ старшихъ классахъ не забывать усвоенныхъ въ младшихъ классахъ правилъ орѳографіи, но продолжать до конца курса усвоеніе и ея подробностей, чтобы къ окончанію гимназіи явиться во всеоружіи людей, обладающихъ полными свѣдѣніями въ орѳографіи и безукоризненною грамотностью. Это не только потому, что, какъ выше сказано, они лишены однообразнаго и неуклоннаго импульса къ этому со стороны всего педагогическаго персонала, но и сами не обязаны, съ 5-го до 8-го класса, имѣть подъ руками какое-либо руководство академическаго правописанія, которое должно-бы быть ихъ настольною книгою вплоть до полученія аттестата зрѣлости: при безъ того обременительныхъ для кармана расходахъ на покупку предписанныхъ учебниковъ и пособій они сами собой никогда не придутъ къ мысли (развѣ рѣдкіе изъ нихъ ad libitum) о необходимости для нихъ, какъ настольной книги, «Русскаго правописанія» Грота, простой-же совѣтъ, даже побужденіе къ пріобрѣтенію этой книги со стороны учителя русскаго языка они въ правѣ принять и не принять, какъ расходъ для нихъ необязательный (см. списокъ руководствъ въ учебныхъ планахъ по русскому языку для старшихъ классовъ). При установившемся-же между учениками, вызываемомъ и необходимостью избѣгать лишнихъ расходовъ, по покупкѣ новыхъ книгъ, обычаѣ продавать младшимъ товарищамъ ненужныя книги предыдущаго класса, они съ переходомъ въ 5-й классъ остаются до конца гимназическаго курса даже безъ учебника русской грамматики. Не имѣя-же подъ рукой ни учебника по грамматикѣ, ни тѣмъ болѣе руководства въ правописаніи, они нерѣдко забываютъ элементарныя грамматическія правила; вмѣсто того, чтобъ утверждаться въ правописаніи, часто прі-

учаются дѣлать ошибокъ болѣе прежняго, такъ какъ руководятся или старой памятью, которая не можетъ не измѣнять имъ, или, въ случаѣ сомнѣнія, голыми, ничему не научающими справками въ первомъ попавшемся словарѣ при учебникахъ по древнимъ языкамъ,—словарѣ и правописанія неакадемическаго, и корректуры сомнительной.

Не вытекаетъ-ли отсюда неотложная необходимость для усвоенія абитуріентами однообразнаго, твердаго и безукоризненнаго правописанія въ принятіи слѣдующихъ общепедагогическихъ мѣръ:

1) Начиная съ 5-го класса, каждый ученикъ долженъ обязательно пріобрѣсти или «Русское правописаніе» Грота, или другое одобренное руководство въ академическомъ правописаніи, не разставаясь съ нимъ до окончанія гимназическаго курса. Само собой разумѣется, что при введеніи этой мѣры слѣдуетъ обязать запастись такимъ руководствомъ одновременно учениковъ всѣхъ старшихъ классовъ включительно до 8-го, такъ какъ пользованіе имъ хотя-бы въ теченіе одного года принесетъ несомнѣнную и огромную пользу, а прилежный ученикъ и въ одинъ годъ сумѣетъ при помощи этого руководства научиться сознательному и безукоризненному правописанію. А обязательная необходимость въ каждомъ мало-мальски сомнительномъ случаѣ прибѣгать къ словарю Грота съ указаніемъ при словѣ страницы, гдѣ объясняется и соотвѣтствующее правило, даетъ возможность ученикамъ безъ всякаго особаго труда, такъ сказать, мимоходомъ, шутя, въ періодъ 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ старшихъ классахъ усвоить «Русское правописаніе», какъ свои пять пальцевъ.

2) По § 37 дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ безукоризненному правописанію по русски, требуемому отъ учениковъ еще при переходѣ ихъ изъ 6 въ 7 классъ, «должны содѣйствовать всѣ преподаватели, начиная съ самаго низшаго класса». Но пока въ этомъ содѣйствуютъ учителю русскаго языка только преподаватели древнихъ языковъ, притомъ не всегда держась строго академическаго правописанія; прочіе-же учителя, и въ особенности математики, не только не пришли къ убѣжденію въ необходимости этого содѣйствія, но врядъ-ли и знакомы съ требованіемъ этого §. Да и какая имъ нужда въ этомъ, когда доселѣ, по страннымъ образомъ установившемуся обычаю, учителя русскаго языка являются предъ округомъ единственными отвѣтчиками за малограмотность учениковъ, какими-то козлами отпущенія; округъ, напримѣръ, насколько это видно изъ моей служебной практики, въ своихъ отзывахъ о достоинствѣ письменныхъ работъ абитуріентовъ даннаго выпуска, всячески порицая учителя отечественнаго языка за ихъ ошибки въ сочиненіяхъ, ни

разу не упрекнулъ преподавателей математики, не только равнодушныхъ къ ошибкамъ учениковъ въ математическихъ работахъ, но и не всегда безгрѣшныхъ въ выдержаніи безукоризненнаго правописанія въ своихъ рецензіяхъ на этихъ работахъ абитуріентовъ. И выходитъ, что въ области правописанія, по выраженію Посошкова, только одинъ въ гору тянетъ, а всѣ прочіе подъ гору тащатъ. Не очевидно-ли отсюда, что окружное начальство случаи малограмотности абитуріентовъ, имѣя въ виду § 37 правилъ, должно-бы ставить въ вину не одному учителю русскаго языка, но всему педагогическому персоналу. Тогда только 35 § не останется пустымъ звукомъ для учителей не отечественнаго языка: всѣ преподаватели, являясь отвѣтственными лицами не по буквѣ только, но и по службѣ, признаютъ необходимость всѣми отъ нихъ зависящими мѣрами требовать въ предѣлахъ своего предмета отъ учениковъ не одного только знанія, но и тщательнаго соблюденія грамотности и не придерживаться, какъ доселѣ практикуется, принципа: «моя хата съ краю».

3) Если будетъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность ученикамъ старшихъ классовъ пріобрѣсти и руководствоваться при всѣхъ своихъ письменныхъ работахъ «Русскимъ правописаніемъ» Грота или другимъ одобреннымъ пособіемъ по орѳографіи, то не прямая-ли обязанность всѣхъ преподавателей отрѣшиться отъ усвоеннаго каждымъ традиціоннаго правописанія и строго держаться какъ въ своихъ рукописаніяхъ, въ особенности предназначенныхъ для руководства и пользованія учениковъ, такъ и при исправленіи письменныхъ работъ послѣднихъ, не разнокалибернаго, а однообразнаго академическаго правописанія. Поэтому каждый учитель долженъ придти къ убѣжденію въ такой-же необходимости для него запастись академическимъ руководствомъ по правописанію, какъ и дѣйствующими учебными планами и правилами объ испытаніяхъ. Это позволитъ ему не только зорко слѣдить и плодотворно содѣйствовать утвержденію въ ученикахъ однообразнаго и безукоризненнаго правописанія, но и самому явиться предъ учениками, столь чуткими ко всякимъ промахамъ учителя, во всеоружіи академической грамотности, единственно авторитетной въ учебномъ мірѣ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что, какъ указала намъ практика прошлаго года, и при обязательномъ введеніи «Русскаго правописанія» Грота въ качествѣ пособія для учениковъ старшихъ классовъ, далеко не всѣ ученики сознательно и съ охотою пользуются имъ при письменныхъ упражненіяхъ въ сочиненіяхъ и переводахъ съ древнихъ языковъ. Многіе ученики, по традиціи и прежней

привычкѣ обращаться при затрудненіи въ правописаніи извѣстнаго слова къ подручнымъ словарямъ, такъ-же пользуются и этимъ руководствомъ, ограничиваясь простой справкой въ словарѣ, приложенномъ къ «Русскому правописанію». Нѣкоторые-же ученики, или вслѣдствіе самонадѣянности, или по нерадѣнію, или по какой-то врожденной или нажитой апатіи къ дѣлу, вовсе не обращаются къ этому руководству, оставляя его неразрѣзаннымъ или заставляя лежать неподвижно на полкѣ въ ряду ненужныхъ книгъ. Какъ самое лучшее побудительное средство заставить учениковъ обратить это пособіе въ настольную книгу для каждаго ученика, намъ кажется, представляетъ слѣдующая дидактическая мѣра. Во всѣхъ старшихъ классахъ одинъ урокъ письменныхъ упражненій въ началѣ новой четверти года долженъ быть посвященъ орѳографической письменной работѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Разсмотрѣніе допущенныхъ въ работахъ за истекшую четверть ошибокъ въ орѳографіи и знакахъ препинанія съ выпискою и объясненіемъ ихъ по Гроту, по памяти и по указанію учителя». Само собою, такая работа для учениковъ, пишущихъ безукоризненно, является излишнею; но такіе ученики не остаются, разумѣется, во время этого урока праздными и должны заниматься работой стилистической, т.-е. писать сочиненіе на новую тему. Не говоря о томъ, что эта мѣра волею или неволею побудитъ и научитъ ученика съ толкомъ пользоваться пособіемъ Грота и грамматическими разъясненіями учителя, поочередно даваемыми находящимся въ затрудненіи ученикамъ, она вызоветъ, кромѣ того, въ ученикахъ чувство соревнованія: лишеніе права писать въ началѣ новой четверти сочиненіе и обязанность ученика старшаго класса заняться работой, умѣстной и обычной лишь въ низшихъ классахъ, сами по себѣ составляютъ значительное наказаніе и вызываютъ чувство стыда предъ грамотными товарищами. А этотъ, такъ сказать, педагогическій штрафъ заставитъ и дома, и на урокахъ при писаніи сочиненій быть осмотрительнѣе, при всякомъ случаѣ заглядывать въ руководство Грота и всячески избѣгать грамматическихъ ошибокъ, чтобы въ началѣ слѣдующей четверти воспользоваться привилегіей грамотныхъ товарищей и избѣжать постыдной для ученика старшаго класса письменной орѳографической работы. Само собой разумѣется, что такая работа будетъ наилучшимъ средствомъ возобновленія и укрѣпленія въ памяти забытыхъ грамматическихъ правилъ и орѳографическихъ свѣдѣній.

2. Темы для сочиненій.

До изданія нынѣ дѣйствующихъ учебныхъ плановъ вопросъ о темахъ для сочиненій не былъ подчиненъ никакимъ правиламъ и былъ, повидимому, предоставленъ вполнѣ доброй волѣ и личному взгляду преподавателей; на практикѣ-же послѣдніе, находясь подъ Дамокловымъ мечомъ окружного начальства, ежегодно изрекающаго свой приговоръ надъ достоинствомъ сочиненій абитуріентовъ, весьма естественно должны были отказаться отъ своего личнаго взгляда на предметъ и характеръ темъ и плыть по теченію, которое господствовало въ округѣ, дрессируя учениковъ въ писаніи сочиненій на темы такого содержанія и характера, какія по большей части присылались округомъ къ экзамену зрѣлости. А такъ какъ темы эти рѣдко имѣли характеръ реальный, по большей-же части были или на русскія пословицы, или на выбранныя изъ какого-нибудь поэта изреченія, то и вошло во всеобщій обычай упражнять учениковъ въ старшихъ классахъ, главнымъ образомъ, въ сочиненіяхъ на темы, не относящіяся къ пройденному курсу, т.-е. на пословицы и изреченія, находя достаточный для этого матеріалъ въ сборникахъ темъ Гаврилова, Весина и Холевіуса или заимствуя ихъ изъ годовыхъ отчетовъ другихъ гимназій, слывущихъ за образцовыя въ округѣ и потому въ особенности излюбленныхъ имъ. Такой порядокъ имѣлъ прежде всего ту весьма невыгодную сторону, что ученики, зная, на тему какого характера имъ придется писать сочиненіе на экзаменѣ зрѣлости, и помня, что никакого устнаго испытанія по русской словесности на этомъ экзаменѣ не полагается, относились къ изученію теоріи и исторіи словесности спустя рукава, лишь-бы добыть удовлетворительную отмѣтку, и потому выходили по окончаніи курса съ самыми скудными свѣдѣніями по русской словесности. Если-бы хоть въ сочинительствѣ они набили руку и пріобрѣли умѣнье дѣльно и съ толкомъ писать философскія разсужденія à la Гавриловъ и К°, то можно-бы помириться съ только-что упомянутымъ недостаткомъ, т.-е. скудостью историко-литературныхъ свѣдѣній абитуріентовъ. Но на дѣлѣ эти сочиненія, скроенныя по схоластической выкройкѣ и вымучиваемыя съ натугой, не по возрасту вынужденнымъ рѣшать отвлеченные вопросы юношескимъ умомъ, изобиловали лишь скудостью мыслей, резонерствомъ, излишествомъ, неясностью и неточностью языка, раздражая нервы окружныхъ рецензентовъ, въ своихъ отзывахъ метавшихъ громы и молніи по адресу преподавателей отечественнаго языка. Но, несмотря на послѣднее, дѣло не улучшалось

и уровень сочиненій абитуріентовъ оставался на той-же невысокой степени. Вотъ почему министерская коммиссія при составленіи новыхъ учебныхъ плановъ и программъ, утвержденныхъ 20-го іюля 1890 г., пришла къ весьма благой мысли дать весьма точныя и опредѣленныя правила (стр. 47—48), которыми должно руководствоваться при задаваніи темъ для сочиненій. Эти правила, весьма мудро исключая изъ круга темъ темы широкія, захватывающія нѣсколько эпохъ исторіи, или цѣлый рядъ литературныхъ явленій, темы интимныя и сатирическія, темы изъ Гаврилова и К°, темы-же на пословицы и изреченія допуская лишь подъ условіемъ помощи и руководства со стороны преподавателя, сводятся къ первому основному правилу: «заданная тема должна соотвѣтствовать пройденному курсу и возрасту учениковъ». Въ самомъ дѣлѣ, опытъ многихъ лѣтъ на экзаменѣ зрѣлости показалъ, что самостоятельное рѣшеніе темъ на пословицы и изреченія не по силамъ юношескому возрасту, заставляя его вращаться въ еще малодоступной ему отвлеченной области, преждевременно насилуя не развернувшійся, не окрѣпшій и не успѣвшій выступить изъ предѣловъ реальнаго и вещественнаго міра умъ. Поэтому и вмѣняется въ обязанность преподавателю непремѣнно самому руководить учениками, вводя ихъ въ область отвлеченнаго мышленія. И намъ кажутся темы на пословицы и изреченія умѣстными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаватель имѣетъ цѣлью ознакомить или утвердить учениковъ въ усвоеніи планировки, внѣшняго построенія сочиненій, изобрѣтенія мыслей, видовъ и способовъ доказательствъ при постепенномъ переходѣ отъ составленія періодовъ къ развитію ихъ въ цѣльное, по хріи написанное разсужденіе.

Но темы, даваемыя ученикамъ для болѣе или менѣе самостоятельнаго отвѣта на нихъ, и тѣмъ болѣе предлагаемыя на экзаменѣ зрѣлости, ни въ какомъ случаѣ не должны носить въ себѣ характера отвлеченно-философскаго, или захватывать собой нѣсколько эпохъ исторіи, или цѣлый рядъ литературныхъ явленій. Первыя темы юношамъ не по плечу, такъ какъ превышаютъ ихъ возрастъ; вторыя, при домашней работѣ, требуя отъ учениковъ подысканія разнаго рода источниковъ и отнимая у нихъ много времени, необходимаго на приготовленіе уроковъ, подъ перомъ неопытнаго ученика разростаются въ обширныя сочиненія, за недосугомъ и спѣшностью работы необдѣланныя, почти неисправленныя и представляющія сырой аггломератъ понахватанныхъ чужихъ мыслей и сужденій; на экзаменѣ-же зрѣлости эти темы за краткостью срока не могутъ быть ни исчерпаны, ни болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшены абитуріентами, ко-

торые, теряясь въ обиліи матеріала или содержанія темы, успѣваютъ подать или голый остовъ, безсодержательное распространеніе плана сочиненія, или только одностороннее, частное разрѣшеніе темы, или просто и на половину неоконченное сочиненіе. Вотъ почему г. Министръ Н. Пр. въ своемъ предложеніи отъ 24-го мая этого года за № 9.496, имѣющемъ цѣлью оградить учащихся отъ обремененія домашними занятіями, даетъ слѣдующее въ высшей степени знаменательное предостереженіе касательно характера и объема ученическихъ сочиненій: «гг. преподаватели словесности даютъ иногда такія темы, на которыя приходится писать обширные сочиненія, да еще предварительно подыскивать разнаго рода источники. *Совершенно достаточно, если ученикъ и высшаго класса толково напишетъ небольшое сочиненіе на основаніи такихъ пособій, которыя у него имѣются подъ рукой*». Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что преподаватели словесности не всегда по собственному почину требуютъ отъ учениковъ обширныхъ сочиненій: ихъ побуждаютъ къ этому и окружные рецензенты, нерѣдко ставящіе въ вину абитуріентамъ и краткость сочиненій, выполненныхъ на экзаменѣ зрѣлости. Но упомянутый циркуляръ министра прекрасно дополняетъ основное правило при задаваніи темъ: послѣднія должны относиться не только къ пройденному курсу и соотвѣтствовать возрасту учениковъ, но и удерживать ученика, по несложности и необширности своего содержанія, отъ соблазна и искушенія щегольнуть въ ущербъ достоинству сочиненія объемистостью его.

Итакъ, вполнѣ желательно, чтобы впредь ни преподаватели, ни окружное начальство, для самостоятельныхъ сочиненій (тѣмъ болѣе на экзаменѣ зрѣлости, гдѣ никакихъ пособій не полагается), не предлагали темъ отвлеченно-философскаго характера и не относящихся къ пройденному курсу, и чтобъ краткость сочиненія становилась для ученика первымъ условіемъ, какъ наилучшая гарантія возможности вѣрнѣе обдумать, лучше выполнить, тщательнѣе исправить и подать *толковое небольшое сочиненіе*, по выраженію циркуляра г. Министра.

Что-же изъ пройденнаго курса можетъ и должно быть предметомъ темъ для сочиненій самостоятельныхъ и выполняемыхъ на экзаменѣ зрѣлости?

По нашему мнѣнію, три науки гимназическаго курса, имѣющія наиболѣе образовательное значеніе въ немъ: русская словесность, русская исторія и древняя исторія (въ частности—и проходимыя въ гимназіяхъ классическія древности). И если ученики будутъ твердо знать, что никакіе, кромѣ этихъ, тѣмъ болѣе сторонніе отвлеченные или реальные вопросы (въ родѣ «поѣзда желѣзныхъ дорогъ», «значеніе

Средиземнаго моря» и т. п.) не могутъ быть предметомъ темъ сочиненія, то они тѣмъ самымъ придутъ къ убѣжденію въ необходимости не только основательнаго класснаго изученія этихъ наукъ, но и расширенія своего кругозора въ этой области путемъ соотвѣтственнаго, серьезнаго и внимательнаго чтенія книгъ. Не слѣдуетъ-ли отсюда, что компетентные составители учебныхъ плановъ, рекомендуя по преимуществу темы, относящіяся къ пройденному курсу, имѣли въ виду не только ихъ доступность и соотвѣтствіе возрасту учениковъ, но и глубоко-образовательное вліяніе такихъ темъ, какъ самый вѣрный импульсъ къ твердому, прочному и складному изученію гимназистами словесности, исторіи и классическихъ древностей *). И по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы обязать, чтобы изъ трехъ посылаемыхъ изъ гимназій въ округъ темъ по русскому языку одна предлагалась учителемъ русскаго языка, другая учителемъ исторіи и третья учителемъ древнихъ языковъ.

Но, къ сожалѣнію, министерскія правила относительно выбора темъ для сочиненій, не смотря на очевидную ихъ ясность и обязательность, далеко не строго выполняются. Даже сами окружныя начальства подаютъ поводъ преподавателямъ словесности держаться относительно выбора темъ прежняго непедагогическаго обычая. Въ доказательство этого приведемъ, вмѣстѣ съ оцѣнкою на основаніи учебныхъ плановъ и правилъ объ испытаніяхъ, двѣ темы, выполненныя абитуріентами въ позапрошломъ и прошломъ году.

Въ позапрошломъ году въ одной изъ гимназій была предложена на экзаменѣ зрѣлости такая тема:

Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Развѣ это тема не слишкомъ широкая, не захватывающая не то чтобы нѣсколько эпохъ исторіи, но всю исторію Москвы? Можно-ли абитуріенту не затеряться въ томъ обширномъ и многостороннемъ матеріалѣ фактовъ, героевъ и памятниковъ, которые связываются съ именемъ Москвы? Одинъ планъ только этой темы, помѣщенный въ сборникѣ Гаврилова, занимаетъ не одну печатную страницу. Съ другой стороны, никакъ нельзя сказать, чтобы эта тема была выражена, какъ того требуетъ § 58 правилъ объ испытаніяхъ, «точно и опредѣлительно,

*) Лица, ищущія учительскихъ званій, даже на право преподаванія въ гимназіяхъ, пишутъ сочиненія не иначе, какъ на темы, черпаемыя изъ избранной ими спеціальности: почему-же гимназисты должны являть себя какими-то мудрецами?

такъ чтобы вниманіе учениковъ могло тотчасъ-же направиться на опредѣленный кругъ мыслей и данныхъ». Пушкинъ въ этихъ немногихъ словахъ является не только поэтомъ, но и патріотомъ, философомъ, въ глубокомысленномъ и для юношей, пожалуй, загадочномъ изреченіи, зачерпнувшимъ чуть не всю исторію Россію и первостепенное значеніе Москвы въ ея судьбахъ, что все, сливаясь въ каждомъ русскомъ сердцѣ, въ немъ-же, какъ эхо, «раздается и отзывается» стремительнымъ потокомъ патріотическихъ, религіозныхъ и гражданскихъ чувствъ. Очевидно, анализировать эту Пушкинскую тему, открыть въ ней двѣ главныя части, историческую и психологическую, и дать каждой изъ нихъ должное развитіе и доказательность, безъ руководства и бесѣды преподавателя, не подъ силу юношескому уму. Слѣдовательно, эта тема, по своей обширности, противорѣчитъ 2-му пункту правилъ относительно выбора темъ, а какъ изреченіе нарушаетъ 3 п. тѣхъ-же правилъ (47 стран. учебныхъ плановъ 20-го іюля 1890 г.).

Еще бо́льшія замѣчанія и возраженія вызываетъ предложенная въ прошломъ году въ одномъ изъ учебныхъ округовъ на испытаніи зрѣлости слѣдующая тема:

Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ! Лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье.

Согласна-ли эта тема съ существующими правилами относительно выбора темъ для русскаго сочиненія на экзаменѣ зрѣлости? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, сдѣлаемъ соотвѣтствующую справку Въ § 58 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій говорится: «Тема для русскаго сочиненія должна быть избираема такъ, чтобы предметъ темы не могъ не быть по силамъ ученикамъ, успѣшно прошедшимъ весь гимназическій курсъ ученія, и чтобы ученики могли имѣть о немъ собственное сужденіе». Сверхъ того, «тема должна быть выражена точно и опредѣлительно, такъ чтобы вниманіе учениковъ могло тотчасъ-же направиться на опредѣленный кругъ мыслей и данныхъ». Несомнѣнно, что приведенная выше тема изъ извѣстнаго Аксаковскаго стихотворенія «Двѣ дороги» выражена «точно и опредѣлительно», тотчасъ-же направляя вниманіе учениковъ «на опредѣленный кругъ мыслей и данныхъ». Но по силамъ-ли ученикамъ, и успѣшно прошедшимъ весь гимназическій курсъ, предметъ этой темы и могутъ-ли они имѣть о немъ собственное сужденіе? Конечно, по силамъ ученикамъ тѣхъ гимназій, гдѣ курсъ логики проходится по учебнику Владиславлева, и подъ условіемъ, если только приложенныя къ

этому учебнику краткія и, къ слову сказать, туманныя *) психологическія свѣдѣнія основательно усвоены учениками при прохожденіи логики, въ программу которой по учебнымъ планамъ 20-го іюля 1890 года если и входитъ психологія, то самой гомеопатической дозой, не какъ особый самостоятельный отдѣлъ, но какъ иллюстрація къ «опредѣленію мышленія съ точки зрѣнія *психологіи*», замыкаясь во «введеніи къ логикѣ» всего въ четырехъ словахъ: «основныя группы душевныхъ явленій». Но и при условіи знакомства съ «основными группами психическихъ явленій» учениковъ, проходившихъ логику «не по Струве», о предметѣ нашей темы могутъ имѣть «собственное сужденіе» развѣ даровитые и выдающіеся по развитію ученики, ибо только вполнѣ развитый умъ въ состояніи разсуждать о соотношеніи и взаимодѣйствіи такихъ великихъ психологическихъ факторовъ труда, какъ «разумъ и воля». Большинство-же учениковъ въ большинствѣ гимназій могутъ имѣть о предметѣ аксаковской темы столько-же собственнаго сужденія, сколько и о предметѣ темы астрономической, напр. «о законѣ тяготѣнія небесныхъ тѣлъ», тоже небезъизвѣстномъ ученикамъ гимназій.

Теперь сдѣлаемъ вторую справку: въ учебныхъ планахъ 20-го іюля 1890 г. (стр. 47 п. 3 къ 2 прим.) говорится: «Темы на пословицы и изреченія можно задавать только тогда, когда преподаватель бесѣдовалъ съ классомъ о темѣ и установилъ опредѣленный планъ сочиненія». Слова Аксакова о всемогуществѣ труда и есть не что иное, какъ изреченіе, удачный афоризмъ, въ прекрасной формѣ вылившійся изъ поэтически настроенной души, но въ то-же время заключающій въ себѣ поэтическое соединеніе и двухъ пословицъ: «терпѣніе и трудъ все перетрутъ» и «безъ Бога ни до порога» со включеніемъ еще «разума и воли», обходимыхъ или предполагаемыхъ первой пословицей. Теперь спрашивается, если курсовыя темы на изреченія и пословицы могутъ быть даваемы ученикамъ лишь подъ условіемъ бесѣды преподавателя съ классомъ о темѣ и установленія опредѣленнаго плана сочиненія, то могутъ-ли таковыя темы, и въ особенности аксаковскій афоризмъ отвлеченно-психологическаго характера, быть задаваемы на экзаменѣ зрѣлости, гдѣ, подъ угрозой строжайшихъ взысканій (§ 63 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891

*) Въ руководствѣ Струве о психологіи и помину нѣтъ. Вотъ почему Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просв. въ объявленіи о конкурсѣ на соисканіе Петровской преміи по отдѣлу русскаго языка обѣщаетъ предпочтительное право на премію могущимъ заслужить ее трудамъ по логикѣ.

года), и помыслить нельзя ни о какомъ-либо постороннемъ пособіи, ни тѣмъ болѣе о бесѣдѣ преподавателя съ абитуріентами по поводу темы русскаго сочиненія?

Наконецъ, еще одно, послѣднее сказанье. Стихотвореніе «Двѣ дороги», какъ помѣщенное въ хрестоматіи Галахова, должно быть знакомо большинству учащихся—и потому тѣмъ болѣе не должно быть предметомъ темы на экзаменѣ зрѣлости. Въ самомъ дѣлѣ, словамъ разсматриваемой нами темы предшествуютъ въ этомъ произведеніи слѣдующіе стихи:

Въ тебѣ (шоссе), что ни шагъ, то *мужикъ* работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковые просѣкъ...

И затѣмъ отсюда выводъ:

Куда какъ упоренъ въ трудѣ *человѣкъ*... и т. д.

Конечно, при классномъ изученіи этого стихотворенія учениками низшихъ классовъ, не чувствуется подъ поэтическимъ флеромъ той софистической посылки, изъ которой выводится поэтическій апоѳеозъ труда человѣка; но другое дѣло, когда этотъ апоѳеозъ человѣческаго труда становится предметомъ юношескаго разсужденія въ связи съ памятованіемъ предшествующихъ стиховъ, не въ мѣру восхваляющихъ подгоняемый горькой нуждой чернорабочій трудъ мужика, правда, свидѣтельствующій о его собственномъ терпѣніи, но руководимый чужимъ разумомъ и сторонней волей: одними первобытными орудіями: молотомъ, лопатой и топоромъ, хотя-бы и «дружною силой съ пѣснями» не возьмешь «всего»; не прорѣжешь горъ, не просѣчешь вѣковыхъ дебрей, не настелешь мостовъ,—такъ, чтобы плодомъ единственно этихъ мужицкихъ усилій и мужицкихъ орудій явилась:

«Прямая дорога, большая дорога!
Простора не мало взяла ты у Бога;
Ты въ даль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!

Аксаковъ въ увлеченіи славянофильскимъ взглядомъ на тяжелый трудъ, подъятый мужикомъ при постройкѣ Николаевскаго шоссе, просмотрѣлъ ясно сказавшійся въ этой гигантской работѣ разумъ европейской науки, въ лицѣ размысловъ (инженеровъ), призванный державной волей покойнаго государя Николая Павловича, какъ по линейкѣ провести между древней и новой столицей прямой, какъ стрѣла, широкій и гладкій, что скатерть, путь, и доселѣ, несмотря на параллельно съ нимъ очутившуюся не менѣе прямую и не менѣе глад-

кую желѣзную дорогу, изумляющій инженернымъ искусствомъ и торжествомъ европейской науки: недаромъ въ послѣднее время между обѣими столицами практикуется на немъ кавалерійскій, велосипедный и другихъ родовъ спортъ. Теперь спрашивается, если столь зрѣлый по образованію и поэтическому таланту Аксаковъ не смогъ справиться съ темою о всемогуществѣ человѣческаго труда, то могутъ-ли справиться съ ней лишь относительно зрѣлые юноши, подвергающіеся испытанію зрѣлости и рискующіе невольно увлечься той ложной посылкой, отъ которой не уберегся Аксаковъ въ пылу своего славянофильскаго увлеченія?

Итакъ, по прямому смыслу § 58 правилъ объ испытаніяхъ и примѣчанія въ объяснительной запискѣ къ программѣ русскаго языка, ни въ какомъ случаѣ не должны-бы даваться на экзаменѣ зрѣлости темы отвлеченно-психологическаго характера, да еще на славянофильской подкладкѣ.

А. Дмитревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕСѢДЫ О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Преподаватель.—Учебныя пособія.

Успѣхъ преподаванія географіи зависитъ отъ слѣдующихъ условій: 1) отъ педагогической опытности преподавателя; 2) цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій; 3) правильнаго метода обученія и 4) постановки курса.

Требованія отъ учителя могутъ быть общія и частныя. Первыя всецѣло удовлетворяются опытностью учителя, насколько это можно видѣть изъ его душевныхъ свойствъ, размѣра знаній и педагогическихъ пріемовъ. Они состоятъ въ слѣдующемъ.

а) *Учитель долженъ найти то правильное отношеніе, въ которомъ обученіе географіи должно стоять въ общемъ планѣ преподаванія.* Онъ долженъ раціонально ограничивать учебный матеріалъ и не терять понапрасну и безъ того незначительное время, удѣляемое географіи въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

б) *Учитель долженъ предпочитать основательность разбросанности.* Механически заученныя и безъ смысла повторяемыя географическія вокабулы могутъ показаться знаніемъ только не педагогу. Такое заучиваніе допускается иногда для выполненія самыхъ необходимыхъ требованій на экзаменахъ, но совѣстливый учитель не долженъ удовлетворяться такимъ веденіемъ дѣла.

в) *Учитель долженъ заботливо приготовляться къ урокамъ*, которые должны представлять отдѣльные дидактическіе образцы. Объясненіе урока, разъясняющіе вопросы и оживленное повтореніе должны составлять нѣчто цѣлое и равномѣрно возбуждать всѣ душевныя силы учениковъ. Поэтому ходъ урока не долженъ предоставляться случайности и долженъ быть закрѣпленъ въ нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ.

г) *Учитель долженъ быть опытенъ въ примѣненіи какъ катехи-*

тической, такъ и акроаматической формы преподаванія. Первая должна быть употребляема постоянно, что стоитъ въ прямомъ отношеніи къ наиболѣе подходящему къ географіи эвристическому способу преподаванія. Нѣкоторые отдѣлы требуютъ повѣствовательной формы.

Спеціальныя требованія отъ учителя географіи слѣдующія:

а) *Учитель долженъ обладать правильнымъ пониманіемъ географіи во всѣхъ ея частяхъ*, а также имѣть основательныя картографическія свѣдѣнія, чтобы ясно сознавать законы построенія картъ. Онъ долженъ имѣть достаточныя свѣдѣнія и изъ тѣхъ отдѣловъ знанія, которыя близко соприкасаются съ географіей, т.-е. исторіи, біологическихъ наукъ, физики и химіи.

б) *Учитель долженъ постоянно стремиться къ пополненію своихъ знаній по географіи*, такъ какъ эта наука не представляетъ законченной отрасли знанія, а, можно сказать, ежедневно пополняется новыми фактами и открытіями. Не слѣдя за прогрессомъ науки, учитель легко можетъ сообщить устарѣвшій фактъ, не имѣющій уже мѣста въ наукѣ.

Пособія при преподаваніи географіи.

Пособія при преподаваніи географіи бываютъ двухъ родовъ: одни представляютъ тѣлесныя изображенія земли, какъ-то: глобусъ и теллурій; другіе представляютъ изображенія на плоскости бумаги, какъ-то: атласы, стѣнныя карты и картины.

Глобусы и теллуріи.

Глобусъ есть очень важное или, лучше сказать, необходимое пособіе для преподаванія географіи, и въ особенности на первой ступени географическаго курса, до знакомства учениковъ съ картами. Первое условіе заключается въ томъ, чтобы глобусъ былъ достаточно великъ и чтобы дѣти видѣть могли то, что на немъ изображено, даже съ послѣднихъ скамеекъ въ классѣ. Для цѣлей приготовительнаго курса, какъ то будетъ указано впослѣдствіи подробнѣе, очень важно, чтобы ученіе о географической сѣткѣ было разъяснено ученикамъ на глобусѣ. При этомъ очень важно имѣть глобусъ безъ изображенія суши и моря, и этому требованію вполнѣ удовлетворяютъ черные глобусы съ начерченной на нихъ сѣткой или безъ нея. Въ послѣднемъ случаѣ линіи сѣтки, т.-е. меридіаны и параллели, наносятся самими преподавателями, а потомъ и учениками. Удобнѣе,

если такой глобусъ имѣетъ металлическій полумеридіанъ, для того, чтобы можно было подводить подъ него различныя части глобуса при вращеніи послѣдняго на оси и такимъ образомъ разъяснять часовыя разстоянія. Всѣ вопросы, касающіеся сѣтки, широты и долготы поясовъ земли, можно прекрасно выяснить на черномъ глобусѣ, и если, при недостаткѣ средствъ въ школѣ для пріобрѣтенія обоихъ глобусовъ, нужно выбрать одинъ изъ нихъ, то преподаватель долженъ остановиться на черномъ глобусѣ, какъ незамѣнимомъ пособіи при выясненіи вышеупомянутыхъ вопросовъ. Глобусъ раскрашенный съ обозначеніемъ суши, моря, частей свѣта, горъ, рѣкъ и другихъ картографическихъ элементовъ также довольно цѣнное пособіе и, при достаточной его величинѣ, онъ служитъ для первоначальнаго знакомства дѣтей съ раздѣленіемъ суши и моря. Мы полагаемъ только, что рельефъ на глобусѣ долженъ быть представленъ графически, а не помощью выпуклостей, такъ какъ подобное изображеніе, какъ и всѣ рельефныя карты, ведетъ къ возбужденію ложныхъ представленій у учениковъ объ относительной высотѣ горъ и крутизнѣ склоновъ. Особенно такихъ ложныхъ представленій слѣдуетъ остерегаться на первой ступени географическаго обученія. Нѣкоторые педагоги полагаютъ *), что каждому ученику полезно имѣть свой собственный маленькій, ручной глобусъ 10—15 сантиметровъ въ діаметрѣ. Безъ сомнѣнія, ученику полезно имѣть глобусъ для домашнихъ занятій, но едва-ли такой маленькій глобусъ будетъ достаточенъ при прохожденіи дальнѣйшаго курса. Если-же глобусъ необходимъ ученику и для классныхъ занятій, то его нужно приносить на каждый урокъ въ классъ, что неминуемо поведетъ къ быстрой порчѣ инструмента. На глобусѣ небольшой величины трудно разсмотрѣть что-либо, кромѣ раздѣленія суши и моря, а также географической сѣтки; но все это легко разсмотрѣть на большомъ классномъ глобусѣ, а также на картахъ полушарія, почему маленькіе глобусы въ рукахъ учениковъ во время классныхъ занятій намъ кажутся излишними.

Теллурій также очень полезно имѣть при выясненіи начинающимъ вопроса о движеніи земли вокругъ солнца. Какъ-бы ни описывали преподаватели это движеніе, какіе-бы чертежи ни показывали дѣтямъ, послѣднія не вынесутъ изъ этихъ описаній и чертежей никакого живого представленія о дѣлѣ. Причиною этого то обстоятельство, что дѣти еще не имѣютъ никакихъ геометрическихъ представленій, а слѣдовательно, и понятій, между тѣмъ какъ въ данномъ

---

*) Coordes, Gedanken über den geographischen Unterricht, 3 Ausgabe. 1889.

случаѣ необходимо ясно себѣ представить отношеніе прямой линіи, т.-е. земной оси, къ плоскости эклиптики. Удобнѣе имѣть теллурій, который можно было-бы приводить въ движеніе помощью ручки. Земная ось, т.-е. ось маленькаго глобуса на теллуріи, должна имѣть наклонъ къ горизонтальной плоскости, приблизительно, въ 66½ градусовъ. Противъ глобуса на теллуріи долженъ находиться рефлекторъ со свѣчей, чтобы можно было лучше объяснить освѣщеніе земли солнцемъ при различныхъ положеніяхъ земной оси. Это объясненіе необходимо дѣлать въ темной комнатѣ, т.-е. во внѣклассное время. При такой обстановкѣ можно объяснить и фазы луны, если при теллуріи находится шарикъ на кривой ножкѣ, вращающійся около глобуса. Но несомнѣнно, что первенствующее значеніе въ дѣлѣ преподаванія географіи имѣетъ карта и преимущественно собраніе картъ, т.-е. атласъ. Можно сказать, что карта при обученіи географіи представляетъ самое важное пособіе, такъ какъ она, и только она, возбуждаетъ представленіе о положеніи мѣстностей на земной поверхности, о направленіи горъ, рѣкъ и границъ, о рельефѣ поверхности, короче сказать, обо всѣхъ основныхъ географическихъ фактахъ, на которыхъ зиждется изученіе географіи.

Атласъ.

Обратимъ вниманіе сначала на атласъ. Несмотря на только-что высказанное положеніе о значеніи карты въ дѣлѣ преподаванія, до сихъ поръ еще употребляются такіе способы преподаванія, при которыхъ отводится стѣнной картѣ и атласу очень незначительное мѣсто. Существуетъ такъ-называемый конструктивный или построительный методъ, основанный исключительно на черченіи карты учителемъ и счерчиваніи этихъ картъ учениками. При послѣдовательномъ проведеніи этого метода совсѣмъ не остается времени для занятій съ картами атласа и стѣнными. Къ сожалѣнію, существуютъ также учебныя заведенія, гдѣ употребляются только стѣнныя карты, атласа-же ученики не имѣютъ. При такомъ условіи ученики лишены возможности непосредственно наблюдать карту и подъискивать на ней географическіе факты, такъ какъ стѣнная карта въ этомъ отношеніи не замѣняетъ карты атласа. Многіе изъ учениковъ совсѣмъ не видятъ изображеннаго на стѣнной картѣ вслѣдствіе близорукости или дальняго разстоянія. Въ концѣ первой бесѣды мы старались выяснить, что географія, какъ учебный предметъ, можетъ имѣть формальное значеніе, если преподаватель заботится не только о простой пере-

дачѣ свѣдѣній, но предоставляетъ имъ самимъ, конечно, руководя ими, добывать эти свѣдѣнія. Атласъ представляетъ именно то учебное пособіе, откуда ученики наиболѣе удобнымъ способомъ могутъ добывать ихъ, такъ что занятія надъ атласомъ подъ руководствомъ учителя и должны составлять главнымъ образомъ классное занятіе учениковъ на урокахъ географіи. Это занятіе не только возбуждаетъ учениковъ къ сознательной дѣятельности, но и даетъ имъ массу свѣдѣній, составляющихъ бо̀льшую часть курса. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣдѣнія укладываются въ головахъ учениковъ твердо, ясно и систематически. Карта атласа должна представлять объектъ для наблюденія и бѣглое оглядываніе карты ни къ чему не служитъ и развиваетъ только легкое отношеніе къ дѣлу. Карта должна быть внимательно разсматриваема учениками, не только начинающими, еще не овладѣвшими умѣньемъ ее понимать, но и на всѣхъ ступеняхъ ея изученія, и только хорошо разсмотрѣнная карта можетъ послужить къ ряду вопросовъ со стороны учителя и отвѣтовъ со стороны учениковъ. Ясные вопросы должны требовать такихъ-же отвѣтовъ, такъ что при этомъ ученики пріучаются излагать то, что они видятъ и понимаютъ. Картографическія представленія учениковъ слагаются во время классной бесѣды въ опредѣленныя географическія понятія, которыя сравниваются съ другими понятіями и заключеніе освѣщается выводомъ. Въ теченіе всего курса карты атласа служатъ для учениковъ источниками отчетливыхъ представленій и употребляются какъ во время уроковъ, такъ и при повтореніи заданнаго. Во время урока атласъ долженъ находиться на столѣ передъ ученикомъ, который открываетъ ту или другую карту по приглашенію учителя. Разсматриваніе картъ происходитъ по слѣдующимъ вопросамъ: положеніе, границы, пространство, устройство поверхности, климатъ, рѣки, народонаселеніе, политическое раздѣленіе и города. Почти на всѣ эти вопросы карта даетъ удовлетворительные отвѣты. Нѣкоторыя данныя о климатѣ, цыфры, касающіяся количества населенія, свѣдѣнія о промышленности и нѣкоторыя другія должны быть сообщены учителемъ и повторены по учебнику, такъ какъ этихъ свѣдѣній карта не даетъ. Для того, что ученики дѣйствительно работали надъ картой, преподаватель долженъ задавать вопросы касательно положенія той или другой мѣстности. Удовлетворительно отвѣчать на такіе вопросы можно только внимательно разсматривая карту. Очевидно, что при этомъ всѣ ученики въ одно и то-же время должны быть заняты однимъ картографическимъ объектомъ, чѣмъ и достигается общая работа класса. Для полнаго успѣха, каждый ученикъ долженъ самъ отыскивать все,

что требуется въ теченіе урока, такъ что лучше всего, если каждый ученикъ снабженъ отдѣльнымъ атласомъ. Для того, чтобы общая классная работа шла энергично и безъ потери времени, слѣдуетъ, чтобы въ одномъ и томъ-же классѣ былъ-бы въ употребленіи атласъ одного и того-же автора и даже, по возможности, одного изданія. Это условіе важно потому, что до сихъ поръ не существуетъ однообразія въ атласахъ даже въ выборѣ перваго меридіана, не говоря уже о другихъ подробностяхъ въ исполненіи картъ. Составъ учебнаго географическаго атласа, т.-е. выборъ картъ и ихъ содержаніе, зависитъ прежде всего отъ содержанія самого курса. Обыкновенное раздѣленіе курса на приготовительный, нормальный и повторительный должно отражаться и на подборѣ картъ въ атласѣ. Приготовительный курсъ необходимъ для введенія ученика въ пониманіе карты, и сюда будетъ относиться все то, что способствуетъ уясненію устройства карты, т.-е. ученіе о планѣ и масштабѣ, горизонтъ и страны свѣта, географическая сѣтка и элементы рельефа. Кромѣ того, въ приготовительный курсъ входитъ элементарное разъясненіе понятія о климатѣ, рѣчныхъ системахъ и бассейнахъ, распредѣленіе растительности и животнаго царства и вопросъ о распредѣленіи человѣческаго рода. Что касается до перваго отдѣла приготовительнаго курса, то здѣсь необходимо имѣть главнымъ образомъ хорошую, большую карту плоскошарія, по которой можно было-бы съ удобствомъ изучить устройство географической сѣтки, а также раздѣленіе суши и моря и главныя черты ея рельефа. Остальные вопросы, каковы: планъ, масштабъ, горизонтъ, удобно проходятся чертежнымъ способомъ. Сверхъ того, очень было-бы полезно имѣть подъ руками карту звѣзднаго неба на черномъ или синемъ фонѣ. Что-же касается до чертежа, изображающаго положеніе земли въ различныя времена года, то онъ весьма труденъ для пониманія учениковъ, не имѣющихъ геометрическихъ представленій, а съ такими-то именно учениками и приходится проходить о движеніяхъ земли. Ранѣе было уже указано, что этотъ вопросъ можно рѣшить только нагляднымъ образомъ помощью теллурія. Что касается второго, собственно физико-географическаго отдѣла приготовительнаго курса, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ ознакомленіе учащихся со способами изображенія на картѣ рельефа. Необходимо познакомить учениковъ какъ со штриховымъ, такъ и слоевымъ рельефомъ, потому что только сочетаніе ихъ даетъ правильное понятіе о рельефѣ. Для этой цѣли нужно представить какой-нибудь участокъ гористой поверхности земли и представить этотъ участокъ послойнымъ и штриховымъ способомъ, а также въ сочетаніи ихъ

*

обоихъ. Очень полезно представить такой участокъ поверхности въ меньшемъ масштабѣ, чтобы наглядно показать результатъ обобщенія рельефа. Примѣры такихъ картъ мы находимъ въ извѣстномъ атласѣ Дирке и Геблера *). Кромѣ карты плоскошарія съ краткимъ рельефомъ суши, для приготовительнаго курса нужно имѣть карту морскихъ теченій, вѣтровъ, растительныхъ ландшафтовъ и распространенія расъ.

Чтобы рѣшить вопросъ о картахъ для нормальнаго курса, слѣдуетъ помнить, что внѣевропейскія страны, части Европы и Россія, составляющія матеріалъ для этого курса, проходятся съ точки зрѣнія физическаго, этнографическаго и политическаго описанія. Поэтому въ составъ атласа должны входить карты соотвѣтствующаго содержанія. Для этнографическаго обзора достаточны общія карты частей свѣта и Европы, физическія-же карты должны быть отдѣлены отъ политическихъ также и для отдѣльныхъ частей Европы. Соединеніе политическихъ картъ съ орогидрографическими неудобно въ томъ отношеніи, что нанесеніе политическихъ границъ можетъ вредить впечатлѣнію отъ рельефа. Карты плотности населенія также довольно важны, такъ какъ посильное объясненіе существованія той или другой степени плотности въ странѣ должно, намъ кажется, входить въ элементарный курсъ географіи, какъ вопросъ интересный и содержательный, наводящій на различныя сравненія. Для повторительнаго курса, гдѣ географія проходится не по частямъ свѣта и государствамъ, а по отдѣламъ фактовъ, полезно имѣть такія карты, на которыхъ было-бы легко обозрѣть распредѣленіе какого-нибудь географическаго факта по всей земной поверхности. Содержаніе карты можно предположить слѣдующее: 1) карта рельефа суши и глубины океановъ; 2) морскихъ теченій и вѣтровъ; 3) изотермъ года; 4) изотермъ іюля и января; 5) распредѣленія водяныхъ осадковъ; 6) растительныхъ областей и наиболѣе важныхъ культурныхъ растеній; 7) домашнихъ животныхъ; 8) плотности населенія земного шара; 9) расъ и народовъ и 10) колоніальныхъ владѣній и міровыхъ путей. Итакъ, учебный атласъ долженъ представлять извѣстный выборъ картъ, по содержанію своему соотвѣтствующихъ содержанію учебнаго курса. Но это далеко не единственное условіе для хорошаго учебнаго атласа: какъ и учебникъ элементарнаго курса, атласъ долженъ быть приноровленъ къ пониманію учениковъ; подобно учебнику, онъ долженъ обладать ясностью и обстоятельностью въ изложеніи картографическаго матеріала. На различныхъ ступеняхъ географическаго

---

*) Dierke und Gaebler, Schul-Atlas über alle Theile der Erde.

обученія требованія отъ атласа должны быть различны. Ученики, начинающіе обучаться географіи, еще неопытны въ чтеніи картъ и не могутъ оріентироваться на картѣ, представляющей много подробностей. По мѣрѣ пріобрѣтенія учениками опытности и знаній можно усложнить картографическій матеріалъ, такъ чтобы карта могла служить для высшей цѣли географическаго обученія — сравненій. Изъ этого слѣдуетъ, что для низшаго возраста необходимы болѣе простыя, разборчивыя и краткія карты, для старшаго-же возраста пригодны болѣе сложныя, подробныя карты, такъ что является необходимымъ учебный атласъ раздѣлить, по крайней мѣрѣ, на двѣ ступени. При этомъ условіи къ первой, низшей ступени необходимо отнести карты курса приготовительнаго и внѣевропейскихъ странъ, а ко второй, высшей ступени — карты европейскихъ государствъ, Россіи и курса повторительнаго. Очень важнымъ дидактическимъ условіемъ учебныхъ картъ является четкое, удобочитаемое и изящное исполненіе рельефа. Уже выше было замѣчено, что рельефъ на учебныхъ картахъ долженъ представлять сочетаніе двухъ способовъ его изображенія: штриховаго и слоеваго. Штриховый рельефъ на учебныхъ картахъ не долженъ, очевидно, быть доводимъ до точности рельефа военно-топографическихъ картъ. Достаточно его ограничить слѣдующимъ положеніемъ: чѣмъ круче, тѣмъ темнѣе. При такомъ ограниченіи этотъ способъ не даетъ никакого понятія о высотѣ данной мѣстности надъ уровнемъ моря, ни объ относительной высотѣ двухъ мѣстностей; послѣднимъ двумъ требованіямъ удовлетворяетъ способъ послойный или слоевой. При этомъ вся поверхность данной страны представляется раздѣленной горизонтальными плоскостями на отдѣлы или слои. Эти плоскости съ поверхностью даютъ линіи пересѣченія, которыя и изображаются на картахъ въ видѣ извилистыхъ кривыхъ, называемыхъ изогипсами, т.-е. линіями одинаковаго повышенія надъ уровнемъ моря. Для ясности въ пониманіи учениками рельефа, изображеннаго изогипсами, и особымъ оттѣнкомъ краски для каждаго слоя, необходимо, чтобы число слоевъ было ограничено и невелико и чтобы оно было одинаково для цѣлой серіи картъ. При большомъ числѣ слоевъ и разнообразной скалѣ ихъ можетъ произойти затрудненіе при занятіяхъ надъ рельефомъ. Хорошимъ образцомъ для всѣхъ учебныхъ атласовъ можетъ служить скала и самая окраска слоевъ высотъ, принятыя въ прекрасномъ учебномъ нѣмецкомъ атласѣ Дебеса, Кирхгофа и Кропачека *), гдѣ для большинства картъ принято слѣдующее распредѣленіе слоевъ: 1) ниже уровня моря, 2) 0—200

---

*) Debes, Kirchhof und Kropatschek: Schul-Atlas.

метровъ, 3) 200—500 м., 4) 500—1.500 м., 5) 1.500—5.000 м. и 6) выше 5.000 м. Въ новомъ изданіи атласа Ильина 1892 года принято также довольно удобное распредѣленіе слоевъ высотъ, причемъ наиболѣе подробная скала находится на картѣ Ев. Россіи, наиболѣе краткая, состоящая изъ 5 слоевъ, включая сюда и поверхность ниже уровня моря,—на картахъ внѣ-европейскихъ странъ. На картѣ Евр. Россіи, какъ то требуетъ болѣе подробное изученіе отечества, слои, лежащіе не высоко надъ уровнемъ моря, представлены болѣе подробно, а именно: 1) ниже уровня моря, 2) 0—300 футовъ, 3) 300—750 ф., 4) 750—2.000 ф., 5) 2.000—4.000 ф., 6) 4.000—8.000 ф., 7) выше 8.000 ф.

Изображеніе на учебныхъ картахъ такихъ послойныхъ скалъ совершенно достаточно для ознакомленія учениковъ съ низкими и высокими мѣстностями для каждой данной страны, но для обозначенія направленія горныхъ цѣпей и крутизны склоновъ необходимо употребленіе штриховъ и тушовки. Безъ этого, при краткой послойной скалѣ учебнаго атласа, теряется связь между наиболѣе высокими отдѣлами горныхъ странъ и цѣпей, даже направленіе послѣднихъ иногда трудно различить.

Важнымъ моментомъ удобопримѣнимости атласа къ учебнымъ цѣлямъ нужно считать отдѣленіе физическихъ картъ отъ политическихъ. Учебныя карты, на которыхъ сверхъ рельефа нанесены границы, нужно считать неудобными, такъ какъ на этихъ картахъ одни картографическіе факты затемняются другими. Что касается политическихъ картъ, то всѣ дѣленія территоріи на части должны быть обозначены цвѣтами. Такъ, напримѣръ, на картѣ Евр. Россіи губерніи окрашиваются полями различныхъ цвѣтовъ, точно также какъ и государства на политическихъ картахъ частей свѣта. Такъ какъ границы часто находятся въ зависимости отъ рельефа, то и на политическихъ картахъ долженъ находиться только слабо выраженный штриховый или тѣневой рельефъ, какъ то и сдѣлано, напр., въ послѣднемъ изданіи атласа Ильина.*).

Изъ всего сказаннаго выше о составѣ и употребленіи учебнаго атласа слѣдуетъ, что выборъ его представляетъ вопросъ высокой важности для успѣха преподаванія географіи. Не говоря уже о полномъ отсутствіи атласа, когда все сводится къ зубренію учебника, плохой атласъ, данный въ руки дѣтямъ, всегда повлечетъ за собою плохіе успѣхи. Къ плохимъ учебнымъ картамъ мы относимъ карты, прилагаемыя иной разъ къ учебнику. Всѣ такія карты относятся къ дешевымъ, плохо исполненнымъ работамъ, ни по выбору, ни по исполненію не соотвѣтствующія высказаннымъ выше требованіямъ. Атласа замѣнить онѣ

*) Ильинъ, А. Учебный географическій атласъ. 30 таблицъ.

не могутъ, но по необходимости возвышаютъ цѣну учебника, къ которому приложены.

Стѣнныя карты.

Опредѣливъ значеніе атласа при преподаваніи, намъ будетъ легче рѣшить ту-же задачу относительно стѣнныхъ картъ. Мы видѣли, что всѣ картографическіе факты, преимущественно относящіеся къ топографіи, ученики черпаютъ изъ картъ атласа, но очевидно, что при значительномъ числѣ учениковъ преподавателю довольно трудно провѣрить, отыскали-ли они на картѣ все, что требуется. Тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы ученики ясно и отчетливо запомнили положеніе всѣхъ мѣстностей въ данной странѣ и въ этомъ должна имъ помочь стѣнная карта. Одинъ изъ учениковъ, вызванный преподавателемъ или самъ изъявившій желаніе, показываетъ на стѣнной картѣ данныя, пройденныя по атласу. При повтореніи заданнаго урока ученики также указываютъ, по требованію преподавателя, картографическіе факты. Въ обоихъ случаяхъ ученики должны фиксировать свое вниманіе на стѣнной картѣ и поправлять неправильныя указанія. Ясно, что для удовлетворенія высказанныхъ требованій стѣнная карта должна быть на столько ясна, чтобы съ самаго дальняго разстоянія въ классѣ на ней можно было-бы безъ труда разобрать все начерченное. Не имѣя достаточной ясности, стѣнная карта не выполняетъ своего назначенія.

Ясность или наглядность карты достигается: 1) рѣзкостью контуровъ; 2) достаточной величиной; 3) надлежащимъ ограниченіемъ учебнаго матеріала. Кромѣ всего этого, стѣнныя карты, предназначенныя для классныхъ занятій, должны быть совершенно нѣмыми. Большая ошибка полагать, что карты съ названіями облегчаютъ дѣло преподаванія. Большая часть учениковъ не только хорошо читаетъ полныя имена, но и догадывается прочесть названія по первымъ буквамъ, поэтому весьма трудно убѣдиться, на сколько удовлетворительно усвоилъ ученикъ топографію, если при отвѣтѣ передъ нимъ находится карта съ названіями. Какъ ни элементарны приведенныя соображенія, рутина беретъ свое, и до сихъ поръ существуютъ преподаватели, употребляющіе только обыкновенныя, не нѣмыя карты. Такое отношеніе къ дѣлу служитъ причиною того явленія, что ученики къ концу географическаго курса не имѣютъ ясныхъ представленій объ относительномъ положеніи мѣстностей, что составляетъ довольно распространенный недостатокъ современнаго преподаванія географіи.

Для большей наглядности слѣдовало-бы имѣть двойной наборъ стѣнныхъ картъ: физическія и политическія, но до сихъ поръ ни въ одномъ изданіи не проведено такое раздѣленіе вполнѣ. Карты, на которыхъ окраска политическихъ границъ затемняетъ изображеніе рельефа, какъ, напр., стѣнныя карты изданія Ильина, не могутъ считаться удобными, если рядомъ съ ними не пользоваться исключительно физическими картами. Изображеніе устройства поверхности на стѣнныхъ картахъ, подобно картамъ атласа, должно представлять слои высотъ, въ соединеніи со штриховымъ или тѣневымъ обозначеніемъ горныхъ цѣпей и террасъ. Количество ступеней высотъ на стѣнныхъ картахъ должно, по нашему мнѣнію, соотвѣтствовать тому, что находится на картѣ атласа, почему мы и не будемъ повторять здѣсь объ этомъ предметѣ того, что́ уже сказано выше объ атласахъ. Конечно, идеальнымъ стремленіемъ всѣхъ издателей, работающихъ на пользу школьной картографіи, должно быть полное соотвѣтствіе въ исполненіи картъ атласа и стѣнныхъ; послѣднія, въ сущности, должны отличаться только бо̀льшимъ масштабомъ и отсутствіемъ названій. Существующія русскія изданія стѣнныхъ картъ далеко не соотвѣтствуютъ этому идеалу. Самыя распространенныя карты, главнымъ образомъ, по ихъ дешевизнѣ,—это карты Ильина. Кромѣ указаннаго выше недостатка, онѣ отличаются не яснымъ изображеніемъ рѣкъ и горныхъ цѣпей, такъ что съ разстоянія болѣе двухъ саженъ трудно дать себѣ отчетъ о размѣщеніи на нихъ картографическихъ элементовъ. Поэтому карты Ильина могутъ служить только для провѣрки знаній отдѣльныхъ учениковъ, а не для занятій со всѣмъ классомъ. Рельефъ на картахъ Ильина обозначенъ довольно кратко: различаются только низменности (зеленаго цвѣта) отъ плоскогорій (бѣлое поле). Горныя цѣпи обозначены черными штрихами. Изъ всѣхъ нѣмыхъ картъ Ильина карта полушарій исполнена хуже другихъ. Она слишкомъ мала для учениковъ, съ которыми приходится начинать курсъ географіи, и на ней замѣчаются нѣкоторыя неточности въ обозначеніи низменностей и рѣкъ. Стѣнная карта Россіи представляетъ первую попытку представить рельефъ гипсометрически. Но вслѣдствіе плохого выбора красокъ для отдѣльныхъ ступеней высотъ карта Ильина является мало наглядною. Послѣднему обстоятельству благопріятствуетъ обозначеніе рѣкъ голубой краской, такъ что даже съ незначительнаго разстоянія трудно что-нибудь разобрать. Азіатская Россія изданія Ильина для школьнаго употребленія несравненно удачнѣе и яснѣе, но на ней находятся названія, такъ что она не можетъ быть отнесена къ нѣмымъ картамъ.

Совершенно иной родъ картъ представляютъ карты Линберга. До сихъ поръ вышли двѣ карты: Евр. Россія и полушарія. Главное достоинство ихъ заключается въ удивительно наглядномъ изображеніи послойнаго рельефа. Только высшіе слои высотъ слишкомъ темны и трудно отличимы другъ отъ друга. Контуры береговъ, а также и рѣки очень ясны и отчетливы. Обѣ карты можно назвать вполнѣ нѣмыми. Политическія границы означены только на картѣ Россіи и границы губерній проведены тонкими красными линіями, нисколько не нарушающими цѣльности впечатлѣнія. Къ недостаткамъ картъ нужно отнести отсутствіе штриховаго или тѣневаго рельефа, отчего горныя цѣпи почти совершенно не выступаютъ, въ особенности если онѣ находятся на плоскогоріи. Не смотря на послѣдній недостатокъ, карты Линберга должны быть принадлежностью каждой школы, гдѣ преподаваніе географіи поставлено раціонально. Иностранныя изданія стѣнныхъ картъ для потребностей школы такъ многочисленны, что было-бы трудно перечислить ихъ всѣхъ, почему мы и ограничимся указаніемъ на главныя и наиболѣе примѣнимыя къ преподаванію. Высшею степенью наглядности обладаютъ карты Сидовъ-Габенихта *). Издатель принялъ за образецъ карты извѣстнаго Сидова, но увеличилъ ихъ размѣры и усложнилъ рельефъ введеніемъ новыхъ слоевъ высотъ. На морской поверхности картъ онъ нанесъ линіи, обозначающія одинаковую глубину (изобаты).

Для карты полушарій Габенихтъ взялъ слои высотъ: 0—200—500—2.000—4.000 и болѣе метровъ, а для карты Европы вмѣсто слоя въ 4.000 метровъ взятъ слой выше 2.000 и обозначена поверхность, лежащая ниже уровня моря. Сверхъ того, горныя цѣпи и склоны обозначены штрихами. Кромѣ картъ полушарій и частей свѣта, у Габенихта есть также карты европейскихъ государствъ. Подобныя-же карты изданы и Рихардтомъ Кипертомъ **). Почти всѣ карты этого издателя двойныя: физическія — съ довольно подробнымъ послойнымъ рельефомъ и политическія — съ изображеніемъ горъ штрихами. Первыя — нѣмыя, вторыя — съ названіями. Кипертъ первый издалъ школьную карту Евр. Россіи съ изображеніемъ краткаго, но правильнаго послойнаго рельефа, на основаніи котораго можно составить себѣ понятіе о положеніи меридіональныхъ поднятій на поверхности нашего отечества: средне- и восточно-русскаго. Уже послѣ Киперта въ томъ-же 1889 году издалъ свою карту, также съ новымъ по-

*) Sydow-Habenicht, Methodischer Wandatlas.

**) Kiepert, R. Schulwandkarte der Länder Europas.

слойнымъ рельефомъ, извѣстный нашъ картографъ-педагогъ Линбергъ. Изъ другихъ школьныхъ картъ нужно упомянуть карту Дебеса *). Она исполнена въ меркаторской проекціи, имѣетъ $2^1/_2$ метра въ длину и почти 2 въ ширину. На ней находится пять слоевъ высотъ и два слоя глубины. Рѣки обозначены широкими голубыми линіями. Очень ясно обозначены морскія теченія и распространеніе льдовъ. Все, находящееся на картѣ, ясно и отчетливо, и можно разсмотрѣть съ дальняго разстоянія.

Географическія картины.

Такимъ образомъ, мы должны поставить учебную карту, какъ пособіе при преподаваніи, на первое мѣсто, но, тѣмъ не менѣе, должны также согласиться, что наглядность карты имѣетъ извѣстные предѣлы, за которыми она становится несостоятельною. Такъ, напримѣръ, береговая полоса материковъ и острововъ представлена на картѣ въ видѣ линіи, но значеніе этой линіи далеко неодинаково: иногда она обозначаетъ берегъ плоскій, иногда возвышенный или скалистый. Другой примѣръ. Рѣки на картѣ представлены извилистыми линіями, которыя не даютъ ни малѣйшаго понятія о глубинѣ, быстротѣ теченія, свойствахъ береговъ и русла. Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ преподаватель долженъ прибѣгать къ словесному описанію, черченію профилей, картинамъ; при преподаваніи постоянно приходится иллюстрировать тѣ сухія данныя, которыя получаются при разсматриваніи карты. Самою лучшею иллюстраціею къ курсу географіи было-бы непосредственное наблюденіе природы, но, по условіямъ хода преподаванія, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, это невозможно, а поэтому нужно обращаться къ картинамъ. Описанія природы, прочтенныя въ классѣ, или разсказъ самого преподавателя ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить картины, такъ какъ самое лучшее, художественное описаніе всегда оставляетъ нѣкоторую свободу для фантазіи слушателей, въ особенноти, если эти слушатели— дѣти, обладающія въ слабой степени способностью создавать, на основаніи описанія, картину, соотвѣтствующую дѣйствительности. Напротивъ того, вѣрная природѣ и хорошо исполненная картина ведетъ къ правильному пониманію явленій природы и развитію къ ней любви, облагораживаетъ чувства и запечатлѣваетъ въ дѣтяхъ воспоминанія на всю жизнь. Попытки украшать карты картинами появились уже давно,

*) Debes, Physikalische Schulwandkarte der Erde in Merkator's Projection.

но изданіе разнообразныхъ, предназначенныхъ для географическаго обученія, картинъ относится къ послѣднему времени. Эти картины разнообразны какъ по величинѣ, такъ и по способу ихъ воспроизведенія. По величинѣ географическія картины можно раздѣлить на небольшія, величиною въ печатную страницу или еще менѣе, и картины стѣнныя, большой величины, которыя могутъ быть видимы всѣми учениками, составляющими классъ. Картины незначительной величины, помѣщаемыя въ учебникахъ или составляющія содержаніе особыхъ картинныхъ атласовъ, удобны для разсматриванія во внѣклассное время. Ихъ помѣщаютъ въ особый столикъ съ витриной, который ставится въ классѣ, или въ рамки подъ стекломъ, развѣшиваемыя на стѣнахъ класса. Самое многочисленное и полное собраніе географическихъ картинъ, изданныхъ въ видѣ атласа, есть изданіе Гирта на нѣмецкомъ языкѣ *). Къ такому-же роду небольшихъ картинъ относятся фотографіи типическихъ мѣстностей. Изъ нихъ особенно удобны картины для стереоскопа, какъ дающія перспективное изображеніе. Къ большимъ картинамъ относятся прежде всего изображенія, получаемыя помощью волшебнаго фонаря, служащія для обозрѣнія всею аудиторіею сразу, но такъ какъ при этомъ необходимо управлять освѣщеніемъ, то послѣднее должно быть газовое или электрическое, что далеко не всегда встрѣчается въ школахъ. Въ противномъ случаѣ необходимо показать нѣсколько картинъ подрядъ, а потомъ сдѣлать необходимыя объясненія, или наоборотъ, но и то, и другое неудобно въ педагогическомъ отношеніи. Такимъ образомъ, картинами, наиболѣе удобными для класснаго преподаванія и, притомъ, въ обыкновенныхъ условіяхъ дневного освѣщенія, должны считаться большія стѣнныя картины, которыя, какъ карты, могутъ быть разсматриваемы всѣми учениками и быть предметомъ классной бесѣды. Количество такихъ классныхъ стѣнныхъ картинъ не можетъ быть произвольно велико, такъ какъ и самое время, полагаемое на курсъ географіи, весьма ограничено, и само собою разумѣются, что заниматься во время уроковъ только картинами и ихъ объясненіями было-бы нераціонально, по недостатку времени. Поэтому необходимо ограничиться такъ называемыми типическими картинами, представляющими наиболѣе характерныя явленія земной поверхности. Картины типическихъ мѣстностей должны быть предложены на разсмотрѣніе и изученіе ученикамъ ранѣе всякихъ другихъ, и для приготовительнаго курса можно было-бы ими и ограничиться. Такія картины не должны заключать

*) Hirt, Ferd. Geographische Bildertafeln.

много предметовъ, но въ то-же время должны отличаться типичностью, т.-е. заключать черты, общія извѣстному роду географическихъ явленій. Леманъ *) предлагаетъ для приготовительнаго курса картины слѣдующаго содержанія: плоскій или низменный берегъ, высокій, скалистый берегъ, низменность, холмистая и невысокая горная страна, средневысотныя горы въ формѣ цѣпи, онѣ-же въ формѣ массива, высокія горы, глетчеръ, продольная долина, плоскогоріе, вулканъ, скалистый популярный островъ, тропическій лѣсъ, степь, пустыня, тундра. Содержанія этихъ 16-ти картинъ вполнѣ достаточно для сознательнаго усвоенія тѣхъ свѣдѣній изъ физической географіи, которыя входятъ въ составъ приготовительнаго курса. Между вопросами математической географіи одинъ вопросъ о горизонтѣ требуетъ пояснительной картины, потому что дѣти имѣютъ о немъ сбивчивое понятіе и большинство изъ нихъ совсѣмъ не видѣло его. Первая и вторая картины изъ проектируемыхъ Леманомъ могутъ служить для бесѣды съ дѣтьми о горизонтѣ, но чтобы отъ горизонта можно было-бы перейти къ понятію о выпуклости земной поверхности, слѣдуетъ помѣстить на морѣ корабли въ различныхъ разстояніяхъ, и одинъ изъ нихъ представить такъ, чтобы была видна только верхняя его часть. Многолѣтній опытъ указалъ намъ, что безъ помощи картины понятіе о горизонтѣ усваивается дѣтьми очень трудно и непрочно. Еще ранѣе проекта Лемана появилась идея изобразить всѣ главныя явленія физической географіи на одной таблицѣ, и эта идея получила практическое осуществленіе въ Германіи. Летошекъ, Герстеръ и Гиртъ издали послѣдовательно, одинъ за другимъ, таблицы, представляющія идеальный ландшафтъ на земной поверхности. На этихъ таблицахъ находятся рядомъ разнообразнѣйшія формы поверхности и другіе географическіе элементы, какъ-то: высокія горы съ разнообразными формами вершинъ, гребня и долинъ, съ горнымъ проходомъ, фирномъ и глетчеромъ, горной рѣкой и горнымъ озеромъ, далѣе—средневысотныя горы, плоскогоріе, холмистая страна, низменность съ рѣками и озерами, плоскій и высокій берегъ, дельта, гафъ, заливъ съ гаванью, плоскіе и высокіе острова и т. д. Намъ кажется невозможнымъ представить на картинѣ, имѣющей величину стѣнной карты, всю эту массу разнородныхъ предметовъ такимъ образомъ, чтобы все подлежащее разглядыванію и наблюденію было изображено вѣрно не только само по себѣ, но и въ отношеніи къ окружающимъ подроб-

---

*) *Lehmann*, Vorlesungen über Hilfsmittel und Methode des geographischen Unterrichtes.

ностямъ, а также являлось на столько крупнымъ и яснымъ, чтобы дать ученикамъ достаточно опредѣленныя представленія о предметѣ. Такъ что отдѣльныя картины для извѣстной группы, совмѣстно существующихъ, географическихъ, фактовъ гораздо доступнѣе для дѣтей и поэтому болѣе соотвѣтствуютъ идеѣ классной стѣнной картины. Необходимы также картины, изображающія главныя, типическія животныя, растенія, а также типы человѣческихъ расъ. Что касается до картинъ нормальнаго курса, т.-е. географіи отечественной, странъ Европы и внѣевропейскихъ, то онѣ могутъ остаться тѣ-же самыя, какъ и для курса приготовительнаго, только въ иномъ освѣщеніи и съ подробностями, характеризующими данную мѣстность. Кромѣ того, для помянутыхъ курсовъ необходимы также картины населенныхъ мѣстностей, городовъ и культурные ландшафты, особенно выдающіеся по своей типичности. Картинами, наиболѣе подходящими къ требованіямъ, высказаннымъ выше, могутъ считаться картины вѣнской издательской фирмы Гельцеля *). Эти картины печатаны олеографически, и въ основаніе исполненія ихъ положена вѣрность природѣ. Краски такъ хорошо подобраны, а рисунокъ столь изященъ, что трудно желать лучшаго пособія для занятій географіею. Правда, первую серію картинъ Гельцеля, заключающую 32 картины, нельзя считать полнымъ картиннымъ обозрѣніемъ земли, такъ какъ онѣ представляютъ преимущественно ландшафты европейскіе, для Азіи только двѣ картины, также какъ и для Австраліи, для территоріи-же Россіи нѣтъ ни одной картины. Употребленіе географическихъ картинъ въ классѣ дѣло новое и мало практикующееся въ русской школѣ, поэтому мы скажемъ нѣсколько словъ о способѣ ихъ употребленія. Картина вѣшается въ классѣ на доскѣ или выставляется на мольбертѣ—для разсматриванія ея учениками. Затѣмъ, рядомъ вопросовъ преподаватель долженъ убѣдиться, дѣйствительно-ли ученики разсмотрѣли все то, что заключается характернаго въ картинѣ. Послѣ этого, общими силами класса составляется описаніе типической мѣстности или представителя какой-нибудь человѣческой расы, изображенныхъ на картинѣ. Такимъ образомъ у учениковъ закрѣпляется представленіе о типическихъ мѣстностяхъ. Если затѣмъ въ курсѣ встрѣтится подобная мѣстность, но имѣющая свои индивидуальныя отличія, то они легко запоминаются учениками, такъ какъ у нихъ уже есть основное понятіе объ этой мѣстности. **А. Соколовъ.**

(Продолженіе будетъ).

---

*) Hölzel, Geographische Charakterbilder für Schule und Haus.

Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.

Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ существуютъ три воскресныхъ школы. Изъ нихъ двѣ—мужская и женская—открыты «Обществомъ для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ г. Ставрополѣ (на Кавказѣ)», а третья—мужская—частнымъ лицомъ, законоучителемъ мѣстныхъ городскихъ школъ (свѣтское лицо), И. П. Виноградовымъ. Воскресныя школы «Общества» существуютъ съ ноября 1889 года, а школа г. Виноградова—съ сентября 1891 года.

Изъ двухъ школъ «Общества» на каждую выпала весьма несходная судьба. При открытіи обѣ школы вызвали одинаковое сочувствіе какъ среди мѣстнаго общества, такъ и въ той средѣ, на пользу которой онѣ должны были служить. Обѣ школы сразу-же привлекли такое число желающихъ обучаться въ нихъ, какое превышало средства и силы школъ. Но затѣмъ картина рѣзко измѣнилась. Въ то время, какъ женская воскресная школа съ каждымъ годомъ процвѣтала и развивалась и, наконецъ, обратилась въ крупное народнообразовательное учрежденіе, какъ это увидитъ читатель изъ приводимыхъ ниже свѣдѣній объ этой школѣ,—мужская школа оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи или, вѣрнѣе, опускалась, теряя популярность какъ въ обществѣ, такъ и среди массы городского населенія. Къ сожалѣнію, я лишенъ здѣсь возможности привести какія-либо детальныя свѣдѣнія о мужской школѣ «Общества», такъ какъ лицо, завѣдующее этой школой (учитель ремесленнаго училища г. Матвѣевъ), не потрудилось представить отчета по школѣ за послѣдній учебный годъ, несмотря на всѣ настоянія комитета «Общества», такъ что комитетъ не могъ сообщить общему собранію членовъ «Общества» (бывшему въ сентябрѣ) ровно никакихъ свѣдѣній относительно мужской воскресной школы Можно сказать только, что школа никогда не имѣла больше нѣсколькихъ десятковъ наличныхъ учащихся, причемъ въ большинство учебныхъ воскресеній въ школѣ бываетъ всего 2—3 десятка учениковъ.

Вторая мужская воскресная школа, благодаря энергіи и любви къ дѣлу ея руководителя И. П. Виноградова, дѣйствовала въ истекшемъ учебномъ году съ успѣхомъ, котораго было трудно ожидать въ виду скромности средствъ и силъ, которыми располагала школа. Какъ видно изъ отчета г. Виноградова, въ день открытія школы, 29 сентября, записалось 7 учениковъ; число это возрастало съ каждымъ новымъ воскресеньемъ и всего въ теченіе года записался 81 ученикъ. Кромѣ того, многимъ было отказано въ пріемѣ за недостаткомъ помѣщенія. Число посѣщавшихъ школу въ каждое учебное воскресенье было различно; максимумъ падалъ на 29 января, когда въ школѣ присутствовало 54 ученика. Учащіеся принадлежали исключительно къ мѣщанскому и крестьянскому званіямъ. Большинство (49) были ремесленники; затѣмъ были огородники (17) и 15 малолѣтнихъ, не имѣющихъ еще опредѣленныхъ занятій. По возрасту: взрослыхъ (съ 16 лѣтъ) было 16 чел., подростковъ (12—16 л.)—43 и малолѣтнихъ (до 12 л.)—22. По подготовкѣ: 19 безграмотныхъ, 13 научившихся кое-какъ читать дома; остальные—вышедшіе изъ школъ.

Учащихъ было, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Постоянно занимались въ школѣ только два лица, учредитель и руководитель школы И. П. Виноградовъ и супруга его, старѣйшая изъ учительницъ нашихъ городскихъ школъ, Н. И. Виноградова. Эти два лица и вели всю школу лишь съ временною помощью нѣкоторыхъ лицъ. Тѣ, кто знакомъ съ положеніемъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ, знаетъ, какъ трудно работать въ ней, если у каждой изъ группъ, на которыя разбиваются учащіеся въ виду ихъ различной подготовки, не имѣется особаго учащаго. Тѣмъ не менѣе, гг. Виноградовы выполнили свою задачу до конца, и притомъ съ успѣхомъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ группы безграмотныхъ учениковъ, которые успѣли научиться читать и писать и ознакомились съ начатками ариѳметики.

Школа была открыта безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ, что не помѣшало ей имѣть все необходимое. Помѣщеніемъ для школы служилъ классъ Ясеневской городской начальной школы. Учебныя пособія были частью пожертвованы разными лицами, частью пріобрѣтены на средства учредителя. Въ теченіе года школа обзавелась библіотекою въ 217 названій, составившейся изъ пожертвованій Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности, одесской коммиссіи народныхъ чтеній и Г. В. Черткова.

Въ наступившемъ учебномъ году школа, вѣроятно, будетъ дѣйствовать еще успѣшнѣе, нежели въ прошломъ. Школа пріобрѣла популярность. Желающіе учиться еще лѣтомъ, во время каникулъ, на-

вѣдывались, когда начнется ученье. Къ сожалѣнію, ученіе началось поздно, благодаря холерѣ, и притомъ начало ученія совпало съ мѣстною ярмаркою, когда рабочій классъ занятъ продажею своихъ издѣлій и продуктовъ. Тѣмъ не менѣе, 25 октября (3-е учебное воскресенье), когда пишущій эти строки посѣтилъ школу, въ ней было 22 учащихся на лицо и 25 записавшихся. Явились вмѣстѣ съ тѣмъ и лица, пожелавшія помочь гг. Виноградовымъ въ ихъ трудахъ по школѣ.

Перейдемъ теперь къ женской воскресной школѣ, наиболѣе многолюдной изъ нашихъ воскресныхъ школъ. Школа, какъ я уже сказалъ, открыта мѣстнымъ «Обществомъ для содѣйствія распространенію народнаго образованія», на средства котораго и содержится. Фактически, однако, изъ кассы Общества покрывается лишь небольшая часть расходовъ по школѣ, такъ какъ большинство нуждъ школы удовлетворяется пожертвованіями. Школа, надо сказать, пользуется большимъ сочувствіемъ мѣстнаго общества и не имѣетъ недостатка ни въ матеріальныхъ средствахъ, ни въ учащемъ персоналѣ.

Школа помѣщается въ зданіи мѣстной Ольгинской женской гимназіи. Въ распоряженіи школы находится 6 просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ (5 классовъ гимназіи и «сборный залъ»). Помѣщеніе уступлено безплатно гимназіей, начальство которой вообще относится къ школѣ сочувственно и дѣлаетъ все, что можетъ, для содѣйствія ей.

Во главѣ школы стоитъ распорядительница, М. О. Ясинская, учительница другой—Александровской—женской гимназіи. Своимъ процвѣтаніемъ школа обязана, прежде всего, беззавѣтной преданности дѣлу со стороны г-жи Ясинской. Учительскій персоналъ школы состоитъ изъ нѣсколькихъ учительницъ женскихъ гимназій, ученицъ 8-го класса (общаго для обѣихъ гимназій) и нѣсколькихъ дѣвушекъ, бывшихъ прежде ученицами тѣхъ-же гимназій. Отношеніе учащихъ къ дѣлу выше всякой похвалы и вообще онѣ составляютъ тѣсную семью, связанную общею любовью къ школѣ и стремленіемъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея процвѣтанію.

Чтобы дать болѣе детальное понятіе о положеніи дѣлъ въ женской воскресной школѣ, я приведу здѣсь нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ отчета распорядительницы М. О. Ясинской за 1891—1892 гг. Отчетъ начинается слѣдующими характерными строками:

«Когда, три года назадъ, «Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ Ставрополѣ (на Кавказѣ)» открывало двѣ воскресныя школы, многіе отнеслись весьма скептически къ возможности существованія у насъ подобныхъ учрежденій. Особенно печальная участь предсказывалась нашей женской школѣ. Говорили, что школа

останется безъ ученицъ, что, при отсутствіи вознагражденія за трудъ учащихъ, въ послѣднихъ будетъ недостатокъ, что школа не будетъ имѣть средствъ на пріобрѣтеніе пособій, основаніе и пополненіе библіотеки и т. д. Теперь, имѣя за собою опытъ трехъ учебныхъ годовъ, мы можемъ сказать, что опасенія скептиковъ опровергнуты дѣйствительностью самымъ блистательнымъ образомъ. Школа не только не страдаетъ недостаткомъ учащихся, но желающихъ поступить въ нее вдвое болѣе, нежели сколько можетъ быть принято по условіямъ помѣщенія. Недостатка въ учащихъ школа также не испытывала. Что касается матеріальныхъ средствъ, то, благодаря общественному сочувствію, выразившемуся во всякаго рода пожертвованіяхъ, школа за эти три года не только не испытывала нужды при удовлетвореніи наиболѣе существенныхъ потребностей, но и могла составить библіотеку, имѣющую до 900 названій».

Надо замѣтить, что на «скептиковъ», о которыхъ упоминаетъ приведенная выдержка, отнюдь не подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ фактъ процвѣтанія женской воскресной школы. Не имѣя возможности отрицать потребность въ воскресныхъ школахъ и возможность ихъ существованія при наличности лицъ, приносящихъ въ жертву этому благому дѣлу время и трудъ, гг. «скептики» занялись распусканіемъ разныхъ гнусныхъ сплетенъ. У этихъ господъ хватило безстыдства даже распорядительницу школы М. О. Ясинскую, энергія и преданность къ дѣлу которой привлекли въ школу учащихъ, учащихся и пожертвованія, выставлять какъ лицо, будто-бы «не умѣющее вести дѣло» и «разгоняющее учительницъ». Г-жа Ясинская, впрочемъ, можетъ утѣшаться тѣмъ, что въ глухой провинціи, подобной нашему городку, человѣкъ, желающій работать безкорыстно для общаго блага, неизбѣжно подвергается травлѣ со стороны темныхъ элементовъ *)...

Обратимся, однако, къ ознакомленію съ положеніемъ школы за истекшій учебный годъ. Помимо законоучителя о. Прозоровскаго и распорядительницы г-жи Ясинской, персоналъ школы стоялъ изъ 16 учительницъ и женщины-врача. Изъ учительницъ было 7 воспитан-

*) Вотъ одинъ изъ подвиговъ этихъ элементовъ по отношенію къ воскреснымъ школамъ. Въ 1891 году была устроена лотерея въ пользу воскресныхъ школъ «Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ Ставрополѣ», давшая 1.423 р. чистаго дохода. Несмотря на спеціальную цѣль лотереи, деньги съ которой по самому существу дѣла могли идти только на воскресныя школы, общее собраніе членовъ «Общества», вопреки энергическому протесту меньшинства, постановило причислить деньги, полученныя отъ лотереи къ общимъ средствамъ «Общества».

ницъ 8-го класса Ольгинской женской гимназіи, которыя, занимаясь въ воскресной школѣ, тѣмъ самымъ получаютъ возможность примѣнять практически изучаемые ими на урокахъ 8-го класса пріемы преподаванія. Остальныя учительницы были молодыя дѣвушки, начавшія свои занятія въ воскресной школѣ, по преимуществу, еще во время пребыванія въ 8-мъ классѣ гимназіи. Само собою разумѣется, какъ учительницы, такъ и законоучитель, распорядительница и женщина-врачъ, каждое воскресенье оказывающая помощь нуждающимся въ ней ученицамъ, работаютъ безплатно.

Учащихся было всего 219. Отказано въ пріемѣ 125. Изъ 219 ученицъ—учившихся первый годъ было 137, второй—55 и третій—27. По возрасту—до 12 лѣтъ было 57 учен., 12—15 лѣтъ—76 и 16—46 лѣтъ—86 уч. По сословіямъ всего больше было мѣщанокъ (154), затѣмъ солдатскихъ дѣтей (39), крестьянокъ (12) и разныхъ сословій (14), въ томъ числѣ всего 1 привиллегированнаго сословія (дворянка). По занятіямъ преобладали ремесленницы или дочери ремесленниковъ. По первоначальной подготовкѣ: безграмотныхъ 73, полуграмотныхъ (умѣющихъ только читать) 108 и грамотныхъ 38.

Всего въ теченіе года было 33 учебныхъ воскресенья. Всѣ учащіяся были раздѣлены на 12 группъ; изъ нихъ 6 — взрослыхъ ученицъ и 6 малолѣтнихъ. Изъ взрослыхъ 3 группы были безграмотныхъ, 1 полуграмотныхъ и 2 грамотныхъ; малолѣтнихъ группъ было 2 безграмотныхъ, 2 полуграмотныхъ и 2 грамотныхъ.

Успѣхи, достигнутые въ какіе-нибудь 33 учебныхъ дня (въ сущности число это преувеличено, такъ какъ большинство учащихся поступило не съ начала года, а въ теченіе его), благодаря усердію и любви къ дѣлу учащихъ, по истинѣ поразительны. Безграмотныя взрослыя ученицы успѣли изучить алфавитъ, прочитали всѣ статьи по азбукѣ Бунакова и продѣлали всѣ письменныя упражненія изъ той-же азбуки; малолѣтнія безграмотныя, сверхъ того, продѣлывали всѣ четыре ариѳметическія дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ 10 и надъ круглыми десятками—письменно и устно. Полуграмотныя взрослыя прочитали первую и вторую книги для чтенія Толстого, дѣлали соотвѣтствующія письменныя работы и выполняли задачи въ предѣлахъ первой сотни. Полуграмотныя малолѣтнія сдѣлали такіе-же успѣхи (вмѣсто книжекъ Толстого прочитана «Книжка-Первинка» Бунакова). Наконецъ, грамотныя малолѣтнія читали или вторую часть «Родного Слова» Ушинскаго, или книгу Бунакова «Въ школѣ и дома», ознакомились съ важнѣйшими правилами грамматики (въ цѣляхъ правописанія), писали диктовки, пересказы прочитаннаго и сочиненія, дѣ-

лали задачи надъ многозначными числами, ознакомились съ именованными числами и усвоили основныя понятія о дробяхъ. Изъ взрослыхъ грамотныхъ одна группа, сверхъ указаннаго, ознакомилась съ важнѣйшими моментами русской исторіи и общими данными по русской географіи.

Кромѣ собственно обученія, воскресная школа вліяла на учащихся, доставляя имъ возможность пользоваться книгами для домашняго чтенія и руководя ихъ въ этомъ чтеніи. Всего прочитано ученицами въ теченіе учебнаго времени около 6.000 книгъ. Всего больше читались, конечно, книги беллетристическаго содержанія. Однако, отчетъ отмѣчаетъ, что «въ отчетномъ году ученицы охотнѣе, нежели въ предъидущіе годы, брали книги серьезнаго содержанія». Объясняется этотъ фактъ, по мнѣнію отчета, «во-первыхъ, большимъ развитіемъ ученицъ сравнительно съ предъидущими годами; во-вторыхъ, вліяніемъ уроковъ исторіи и географіи и предметныхъ уроковъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, интересомъ, вызваннымъ туманными картинами. Послѣ 21 ноября, когда ученицамъ показаны были при помощи волшебнаго фонаря типы народовъ Россіи, почти всѣ ученицы требовали: «дайте книжку о русскихъ народахъ». Присутствуя нѣсколько разъ на народныхъ чтеніяхъ, которыя велись въ мѣщанской управѣ, ученицы являлись въ школу съ просьбой дать имъ книжку о звѣздахъ, о лунѣ и т. д., смотря по тому, что онѣ слышали въ предъидущее воскресенье на чтеніи» *). Въ истекшемъ учебномъ году библіотека школы могла значительно успѣшнѣе, нежели въ предъидущемъ году, удовлетворять эту возрастающую потребность ученицъ въ чтеніи, благодаря значительному пополненію библіотеки книжными пожертвованіями, поступившими отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности, одесской коммиссіи народныхъ чтеній и Г. В. Черткова.

Таково было положеніе школы въ прошломъ учебномъ году. Въ наступившемъ 1892—1893 г. школа обѣщаетъ работать еще успѣшнѣе. Это стало для насъ несомнѣннымъ при посѣщеніи школы въ воскресенье, 25 октября. Оказалось, что въ настоящемъ году школа обладаетъ значительно болѣе просторнымъ помѣщеніемъ, нежели въ прошломъ, благодаря тому, что гимназія разрѣшила школѣ пользоваться еще однимъ классомъ и такъ-называемымъ «сборнымъ» заломъ (въ прошломъ году въ распоряженіи школы было всего 4 комнаты). Пользованіе послѣднимъ оказалось возможнымъ благодаря тому, что въ

*) Такое-же вліяніе народныхъ чтеній констатировано И. П. Виноградовымъ и относительно учениковъ его воскресной школы.

гимназіи устраиваются теперь завтраки для учащихся, для каковой цѣли поставлены въ «сборномъ» залѣ особые столы: эти-то столы, хотя и не особенно удобные для занятій, и служатъ для тѣхъ группъ учениць воскресной школы, которыя помѣщены въ «сборномъ» залѣ. Такимъ образомъ, школа въ текущемъ году можетъ принять больше учащихся и дѣлать меньше отказовъ въ пріемѣ, сравнительно съ предъидущими годами. И дѣйствительно, въ моментъ нашего посѣщенія—3-е учебное воскресенье нынѣшняго года—школою было уже принято 158 учениць, тогда какъ въ прошломъ году въ 3-е-же учебное воскресенье было только 104 ученицы.

Увеличился и учительскій персоналъ школы. Къ 25 октября, кромѣ законоучителя и распорядительницы, въ школѣ состояло уже 18 учительниць, хотя учебный годъ только начался. Въ подстрочномъ примѣчаніи мы приводимъ списокъ этихъ добровольныхъ тружениць съ обозначеніемъ ихъ положенія въ мѣстномъ обществѣ, чтобы показать степень популярности школы среди мѣстной интеллигенціи *).

Составъ библіотеки въ моментъ нашего посѣщенія школы приближался уже къ 1.000 названій; число томовъ значительно превосходило эту цыфру.

Учащіяся въ день нашего посѣщенія были распредѣлены на 14 группъ. Изъ нихъ совершенно безграмотныхъ, только что начинающихъ ученье, было 4. Это были самыя многочисленныя группы. Пять группъ были составлены изъ учениць, посѣщающихъ школу 3-й годъ, или равныхъ имъ по знаніямъ. Остальныя группы представляли переходы отъ этихъ двухъ крайнихъ ступеней. Работа шла бойко, дружно. Впечатлѣніе получалось самое отрадное. Учительницы, видимо, любятъ свое дѣло и прилагаютъ всѣ силы, чтобы успѣшнѣе вести его; ученицы также, очевидно, стараются не потратить проводимое въ школѣ время даромъ и взять отъ нея все, что она можетъ дать. Особенно трогательное впечатлѣніе производили взрослыя безграмотныя, которыя положительно съ какимъ-то благоговѣніемъ тянули «осу» и «носъ»,

---

*) Варламова, О. Ѳ. (дочь купца), Воскресенская, Е. Д. (дочь члена окружного суда), Жаба, В. И. (ученица 8-го класса гимназіи), Зиссерманъ, Н. А. (дочь прокурора окружного суда), Иванова, М. П. (учительница гимназіи), Козловская, А. Л., Конюхова, Н. А. (ученица 8 класса), Кривцова, Е. С. (дочь директора женскихъ гимназій), Кривцова, Т. С. (тоже), Логинова, О. С. (землевладѣлица), Любомірская, Л. П. (дочь врача), Маркова, Н. Н. (учительница гимназіи), г-жа Меркулова (ученица 8-го класса), Моравская, Е. П. (дочь товарища предсѣдателя окружного суда), Никитина, З. Д. (учительница гимназіи), Савицкая, Ю. А. (дочь офицера), Шульцъ, Е. Ю. (ученица гимназіи) и г-жа Ѳедорова (состоитъ при школѣ учительницей пѣнія).

стараясь постигнуть тайну сложенія словъ изъ буквъ. Въ общемъ мы вынесли изъ школы впечатлѣніе, сходное съ получаемымъ при ближайшемъ ознакомленіи съ внутренностью живого улья: тихо, безшумно здѣсь дѣлается маленькое, скромное, но въ высшей степени благое и плодотворное дѣло. Сами работницы этого дѣла, отдавая на него свой трудъ и свое время, повидимому, и не представляютъ себѣ всей его важности и отнюдь не вмѣняютъ себѣ его въ особую заслугу.

По справкамъ въ записяхъ объ ученицахъ, оказалось, что онѣ являются въ школу буквально со всѣхъ концовъ города, не исключая самыхъ отдаленныхъ предмѣстьевъ его. Это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о размѣрахъ потребности въ образованіи, проявляемой массою нашего городского населенія, а съ другой — о степени популярности, которую успѣла пріобрѣсти школа въ этой массѣ.

Мнѣ кажется, что примѣръ нашей женской воскресной школы является весьма поучительнымъ. Школа была открыта безъ всякихъ средствъ и безъ надежды имѣть когда-либо опредѣленныя средства. Дѣло было совершенно новое въ нашемъ городѣ, гдѣ воскресныхъ школъ никогда ранѣе не было. У лицъ, начавшихъ дѣло, не было никакого опыта. Безплатныя занятія по воскресеньямъ не имѣли прецедентовъ, и потому можно было опасаться, что школа не привлечетъ преподающихъ. Посѣщеніе школы въ праздничные дни, да еще взрослыми учащимися, представляло собою совсѣмъ небывалый фактъ, и школа должна была разсчитывать встрѣтить оппозицію въ той самой средѣ, въ интересахъ которой она возникла. Наконецъ, общество, незнакомое съ новымъ типомъ образовательнаго учрежденія, отнеслось къ школѣ или совершенно равнодушно, или даже почему-то довольно непріязненно. При наличности такихъ неблагопріятныхъ условій было только одно обстоятельство, дававшее надежду на успѣхъ дѣла,—это любовь къ дѣлу тѣхъ лицъ, которыя взяли на себя веденіе его. И этого обстоятельства оказалось достаточно для того, чтобы преодолѣть всѣ неблагопріятныя условія и поставить школу на ноги. Равнодушіе общества было побѣждено и школа пріобрѣла въ немъ надежныхъ друзей, принимающихъ близко къ сердцу ея интересы и оказывающихъ ей матеріальное содѣйствіе; первыя піонерки преподаванія въ школѣ увлекли за собою другихъ, и теперь школа имѣетъ уже значительный педагогическій персоналъ; наконецъ, школа пріобрѣла популярность въ массѣ населенія, и отъ учащихся, какъ говорится, отбоя нѣтъ. Выводъ отсюда ясенъ: нужно только доброе желаніе—и воскресныя школы могутъ возникнуть и существовать всюду, какъ-бы ни казались неблагопріятными внѣшнія обстоятельства...

Нѣтъ сомнѣнія, что существующими въ нашемъ городѣ воскресными школами далеко не удовлетворяется потребность мѣстнаго населенія въ образовательныхъ учрежденіяхъ для взрослыхъ. Лучшее доказательство тому—отказы въ пріемѣ учащихся, которые вынуждены дѣлать за недостаткомъ помѣщенія существующія воскресныя школы. Сверхъ того, если-бы воскресныхъ школъ было бо̀льше и онѣ были-бы равномѣрно распредѣлены по всѣмъ частямъ города, желающихъ учиться оказалось-бы гораздо болѣе, нежели ихъ является теперь, такъ какъ теперь нужно имѣть особаго рода мужество, чтобы посѣщать, напр., съ Ташлы или Мамайки (городскія предмѣстья), за нѣсколько верстъ женскую воскресную школу, и приходится только удивляться тѣмъ, у кого это мужество оказывается. Всего естественнѣе было-бы удовлетворить эту потребность въ новыхъ воскресныхъ школахъ «Обществу для содѣйствія распространенію народнаго образованія» и городской училищной коммиссіи, — и не будемъ терять надежды, что названныя учрежденія когда-нибудь сознаютъ лежащую на нихъ въ данномъ отношеніи обязанность...

Я. Абрамовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Е. Лихачевой. С.-Петербургъ, 1893.

Въ своемъ отзывѣ («Русская Школа», 1891 г., № 1) о первой части этого почтеннаго труда мы выразили надежду, что въ лицѣ г-жи Лихачевой найдетъ, наконецъ, серьезнаго историка время императрицы Маріи Өеодоровны,—что въ ея книгѣ впервые увидятъ свѣтъ матеріалы, «которые до настоящаго времени лежатъ въ архивахъ Смольнаго института и другихъ, и которыхъ, какъ намъ извѣстно, очень много». Вышедшая теперь (вторая) часть «Матеріаловъ» дѣйствительно содержитъ въ себѣ не мало данныхъ за періодъ 32-хъ лѣтняго управленія женскими учебными заведеніями этой государыни, продолжательницы дѣла Екатерины II, которая положила начало среднему образованію русскихъ женщинъ. Г-жа Лихачева, съ свойственными ей умѣньемъ и тщательностью, сгруппировала здѣсь богатый печатный и архивный матеріалъ, раздѣливъ свою книгу на семь главъ.

Первыя три главы посвящены почти исключительно внѣшней исторіи женскихъ учебныхъ заведеній съ 1796 г. по 1828—годъ кончины императрицы Маріи, т.-е. реформѣ основанныхъ еще Екатериною и устройству новыхъ заведеній того-же типа, ихъ матеріальнымъ средствамъ и т. п. Прежде всего Марія Өеодоровна обратила свое вниманіе на Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и на воспитательные дома, въ уставахъ которыхъ она произвела значительныя измѣненія. Въ ея управленіе были вновь основаны и приняты ею подъ свое покровительство: 1) сиротское училище (Маріинскій институтъ); 2) училище ордена св. Екатерины въ Петербургѣ; 3) дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (Павловскій институтъ); 4) акушерскій институтъ въ Москвѣ; 5) училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ; 6) Гатчинскій сельскій воспитательный домъ; 7) Александровское училище въ Москвѣ; 8) повивальный институтъ въ Петер-

бургѣ; 9) Харьковскій институтъ; 10) училище для солдатскихъ дочерей и 11) училища для дочерей черноморскаго флота. Тогда-же возникли: дома трудолюбія въ Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ (находившіеся подъ покровительствомъ императрицы Елизаветы Алексѣевны), Патріотическій институтъ (подъ покровительствомъ императрицы Александры Ѳеодоровны) и институты въ Полтавѣ, Казани и Одессѣ.

Названныя учебныя заведенія, особенно состоявшія подъ управленіемъ Маріи Ѳеодоровны, были хорошо обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Такъ, пяти столичнымъ институтамъ она пожертвовала при жизни и оставила по духовному завѣщанію до 4 милліоновъ рублей; сверхъ того, изъ государственнаго казначейства было отпущено на нихъ единовременно 1.653.616 р. асс. и выдавалось ежегодно по 537.064 руб.; сумма другихъ пожертвованій достигаетъ до 1$^1/_2$ милл. рублей. Въ общемъ получается очень значительный капиталъ, отъ затраты котораго можно было-бы ожидать бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которые были достигнуты. Такъ, въ количественномъ отношеніи, на тѣ-же средства, при настоящей гимназической системѣ, можно было-бы дать образованіе, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ большему числу дѣвицъ.

Внутренняя, учебно-воспитательная сторона институтовъ, разсматриваемая авторомъ въ IV—VI главахъ, находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ императрицы Маріи: ея воззрѣнія, ея требованія были закономъ для учителей и воспитателей. Цѣль, поставленная государственному воспитанію Екатериною, — смѣлая мечта о созданіи новой «породы» людей, — была не только чужда, но даже совершенно непонятна ея практическому уму; реформаторскія идеи вѣка она считала пустымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ увлеченіемъ. И по своей натурѣ, и по воспитанію, она не была способна къ широкимъ обобщеніямъ, къ грандіознымъ предпріятіямъ, къ смѣлому новаторству. Ея методическій, склонный къ «мелкостямъ» (какъ выражались тогда) умъ стремился къ «практической», простой постановкѣ всякаго дѣла, къ точному, аккуратному выполненію задачъ, поставленныхъ въ духѣ традиціи и господствующихъ въ обществѣ воззрѣній...

Въ своей дѣятельности по женскому образованію, она руководилась сословно-благотворительными цѣлями. Требуя, чтобы принимаемыя въ Общество благородныхъ дѣвицъ были непремѣнно «изъ родовъ дворянскихъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей», императрица мотивируетъ это тѣмъ, что главная цѣль

при учрежденіи Общества состояла въ доставленіи «настоящему бѣдному россійскому дворянству способовъ къ воспитанію дѣтей своихъ и къ облегченію чрезъ то своего состоянія». Сословный принципъ, положенный въ основаніе системы, проводился до мельчайшихъ деталей: «Для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія, занимаемаго родителями дѣвочки, императрица учреждала особыя заведенія съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія и особымъ устройствомъ». Но такъ какъ «общественное положеніе не всѣхъ дворянъ одинаково, а также и между лицами мѣщанскаго происхожденія могли быть и заслуженные люди, чинъ которыхъ обусловливалъ имъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ, нежели простыхъ мѣщанъ, то предназначенныя для этихъ сословій женскія учебныя заведенія подраздѣлялись на мельчайшія категоріи, съ подробнымъ перечисленіемъ тѣхъ, кто не только по происхожденію, но по чину, профессіи и общественному положенію имѣлъ право помѣщать въ нихъ своихъ дочерей».

Марія Ѳеодоровна всюду вносила свои качества хорошей хозяйки: аккуратность, внимательное отношеніе къ дѣлу, порядокъ и экономію. Она, въ буквальномъ смыслѣ, лично управляла ввѣренными ей заведеніями, вникая во всѣ подробности институтской жизни, начиная съ выбора учителей и воспитателей и кончая наймомъ прислуги, пищей и бѣльемъ воспитанницъ. Какъ во время ученья, такъ и по окончаніи его, институтки находили въ ней нѣжную, заботливую мать, для которой дорого счастье дѣтей! При этомъ, однако, отношенія ея къ учащимся не были столь близки, какъ отношенія Екатерины, хотя она очень часто посѣщала институты. Сравнивая отношенія императрицы къ воспитанницамъ съ отношеніями матери къ дѣтямъ, авторъ находитъ, что въ то время, какъ Екатерина была матерью-баловницею, любящею дѣтей, умѣющею къ нимъ примѣниться, находящею удовольствіе въ томъ, чтобы съ ними поиграть, повеселиться,—Марія Ѳеодоровна была «матерью благоразумною, не сближающеюся съ дѣтьми, балующею ихъ издали, но серьезно заботящеюся объ ихъ судьбѣ въ настоящемъ и будущемъ. Кромѣ того, что императрица Марія не обладала живымъ, веселымъ, общительнымъ характеромъ Екатерины, она не была такъ проста, какъ Екатерина, въ обращеніи съ воспитанницами, можетъ быть, и вслѣдствіе неизмѣнно ею соблюдаемыхъ правилъ строгаго этикета, котораго всегда держалась». У нея не было любимицъ среди воспитанницъ, но она различно относилась къ учебнымъ заведеніямъ, смотря по тому, были-ли они назначены для дворянскихъ или мѣщанскихъ дѣтей.

Передъ первымъ, происходившимъ при ней, выпускомъ изъ Смольнаго, въ 1797 году, по ея приказанію, въ алфавитномъ спискѣ выходящихъ воспитанницъ, еще до выпуска, рядомъ съ фамиліею первой ученицы, получающей шифръ, было поставлено: «фрейлина Ея Императорскаго Величества, дочь генерала отъ инфантеріи и кавалеріи»...

Чуждаясь всякихъ новшествъ, Марія Θеодоровна, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, къ сожалѣнію, не могла дать надлежащаго направленія женскому образованію. Авторъ приводитъ много фактовъ, указывающихъ на неусыпныя заботы императрицы о надлежащей постановкѣ воспитанія и обученія въ заведеніяхъ ея вѣдомства, и нельзя поэтому не пожалѣть, что она не съ достаточной ясностью и отчетливостью представляла себѣ задачи средняго образованія. Обращаясь къ выработаннымъ ею планамъ обученія, мы видимъ, что у нея не было опредѣленнаго критерія при выборѣ предметовъ, которые должны составлять общеобразовательный курсъ. Главнымъ руководящимъ началомъ служили для нея невысокія требованія современнаго общества, ходячія представленія о томъ, что̀ должно входить «въ составъ благороднаго воспитанія»; а потому на первомъ мѣстѣ ставилось знаніе французскаго языка, за которымъ непосредственно слѣдовали танцы и хорошія манеры. Все прочее, въ томъ числѣ и родной языкъ, не имѣло существеннаго значенія въ этой системѣ образованія. Нечего уже говорить о такихъ предметахъ, какъ физика; уроки послѣдней служили лишь средствомъ для упражненія во французскомъ языкѣ.

При организаціи учебной части въ институтахъ, императрица, главнымъ образомъ, имѣла въ виду воспитаніе дворянскихъ дѣтей; образованіе-же мѣщанокъ должно было имѣть профессіональный характеръ, т.-е. приготовлять воспитательницъ и учительницъ въ дворянскихъ домахъ. «Руководствуясь искреннимъ желаніемъ дать дворянкамъ самое лучшее образованіе и воспитаніе,—говоритъ г-жа Лихачева,—императрица должна была естественнымъ образомъ находить это «лучшее» въ томъ, какое получали дѣвушки, принадлежавшія къ высшему кругу общества. Идеаломъ образованной дѣвушки этого круга была такая, которая отлично говорила по французски и имѣла вообще литературное образованіе; въ остальномъ у нея не только могли, но должны были быть самыя поверхностныя знанія, ибо въ воззрѣніяхъ этого круга на первомъ мѣстѣ стояла боязнь учености, подъ которою и теперь часто понимается сколько-нибудь основательное образованіе,—учености, бросающей, въ глазахъ людей свѣтскихъ тѣнь смѣшного и скучнаго на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на женщину. Такое образованіе было совершенно достаточно для той

жизни, къ которой готовились дѣвушки высшаго круга; но въ институтахъ, даже въ Смольномъ, онѣ составляли совсѣмъ ничтожное меньшинство, а большинству предстояла не только жизнь «въ свѣтѣ и обществѣ», но и болѣе трудныя задачи. Вотъ для нихъ казалось-бы необходимымъ образованіе, направленное на воспитаніе внутренняго человѣка,—такое, которое, развивая ихъ мыслительныя способности, пріучало-бы ихъ думать и понимать окружающіе ихъ предметы, цѣнить не внѣшнюю ихъ сторону, а вникать въ ихъ сущность, однимъ словомъ, имѣющее цѣлью умственное развитіе воспитанницъ». Но воспитательное значеніе знанія не было понято, и потому не могло быть и рѣчи объ умственномъ развитіи воспитанницъ, о запасѣ идей, съ которымъ-бы онѣ выходили изъ учебныхъ заведеній.

Пренебрегая культурой ума, Марія Ѳеодоровна придавала чрезмѣрное значеніе «морали», нравоучительнымъ сентенціямъ, резонерству. Съ этою цѣлью было установлено, напримѣръ, чтобы при раздачѣ наградъ выпускнымъ воспитанницамъ, имъ прочитывалась отъ имени императрицы рѣчь, въ которой она напутствовала выходящихъ наставленіями. Эти наставленія, въ рукописи, вручались старшей воспитанницѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ списали и читали какъ можно чаще. Императрица вѣрила въ силу этихъ холодныхъ, реторическихъ наставленій о скромности, покорности судьбѣ, довольствѣ малымъ и т. п. добродѣтеляхъ, «помня, вѣроятно, какъ ей нравились и какое дѣйствіе на нее производили въ молодости наставленія, сочиненныя для нея ея воспитательницею, какъ она читала ихъ и перечитывала, чтобы какъ можно больше насладиться ими». При этомъ мораль, предлагавшаяся воспитанницамъ, была не всегда высокаго качества. Напримѣръ, онѣ были обязаны читать книгу Кампе: «Отеческіе совѣты моей дочери». «Теперь кажется непонятнымъ, какъ могла такая книга, какъ «Отеческіе совѣты», быть допущенною къ чтенію воспитанницамъ. Не говоря о томъ, что она полна противорѣчій, всякихъ нелѣпостей и написана напыщеннымъ языкомъ, многіе изъ совѣтовъ, даваемыхъ авторомъ дочери, просто безнравственны». Авторъ «Отеческихъ совѣтовъ» особенно вооружается противъ стремленія женщинъ къ образованію. Для женщины вообще, а для супруги и хозяйки въ особенности,—говоритъ онъ,—совсѣмъ не нужно науки и «ученыя свѣдѣнія», если она не хочетъ навлечь на себя «справедливое нареканіе и презрѣніе»; «ученость»—эта подлинная язва душевная,—служитъ, по его мнѣнію, «непримѣтнымъ препятствіемъ счастливой жизни супружества и хорошаго воспитанія и ужъ погубила премногія фамиліи, особливо высшихъ состояній»... Между прочимъ, онъ даетъ дочери совѣтъ удаляться отъ «чувствительныхъ моло-

дыхъ людей и особенно предостерегаетъ ее отъ «изнѣженныхъ и слабыхъ твореній, т.-е. людей свѣтскихъ, но имѣющихъ титулъ важнаго, многотруднаго званія», находя однако, что «празднолюбіе такихъ людей намъ выгодно: если-бы сіи питомцы нѣги и праздности вздумали укрѣпить свои силы тѣлесныя и душевныя и стали способными сами отправлять свои должности, то тогда-бы... я страшусь!.. Тогда пропало-бы уваженіе къ нашему трудолюбивому посредственному состоянію, пропала-бы та зависимость, въ которой они теперь отъ насъ находятся... Пока есть хромые и увѣчные, до тѣхъ поръ палка и костыль будутъ въ чести!..» Сказавъ, что отъ такихъ людей нельзя ждать ни человѣколюбія, ни искренняго участія въ общемъ или частномъ дѣлѣ, авторъ все-таки наставляетъ дочь, какъ «пріобрѣсть благосклонность такихъ баръ». Для этого она должна стараться «увеличить кругъ ихъ веселостей пристойными забавами и веселымъ характеромъ». Въ управленіе Маріи Ѳеодоровны у насъ окончательно упрочилась институтская система образованія. Закрытое воспитаніе, введенное Екатериною, какъ средство для перевоспитанія общества, приняло при ея преемницѣ (и даже раньше) направленіе, неимѣющее ничего общаго съ своею первоначальною цѣлью.

Въ VII—послѣдней—главѣ говорится о частныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о женскомъ образованіи въ Западномъ краѣ, о народныхъ училищахъ, гдѣ также учились дѣвочки, о домашнемъ образованіи женщинъ, объ отношеніи общества и литературы къ женскому образованію, участіи самихъ женщинъ въ литературѣ и вообще о состояніи женскаго образованія въ первой четверти нашего столѣтія. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ остановиться на этихъ интересныхъ страницахъ, но считаемъ нужнымъ замѣтить, что г-жа Лихачева нѣсколько преувеличиваетъ значеніе лестныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ современниковъ объ умственныхъ качествахъ русскихъ женщинъ этого времени и приписываетъ послѣднимъ болѣе высокую степень развитія, чѣмъ та, которой онѣ дѣйствительно достигли. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ нею, что въ разсматриваемый періодъ интеллектуальный уровень нашихъ женщинъ значительно повысился, какъ повысились и требованія общества въ этомъ отношеніи. Въ сужденіяхъ современниковъ разныхъ эпохъ о женскомъ образованіи, къ формулѣ: «хорошо воспитана» для эпохи Петра,—«мила, любезна, весела» (и иногда: «образована») для времени Екатерины,—въ концѣ первой трети нашего вѣка прибавилась, уже не въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія, формула: «очень хорошо образована».

М. Суперанскій.

Н. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. 1-я. Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія.—Ч. 2-я. Основные государственные законы. Ц. 1 р. Спб. 1892. 194 стр. in 8°.

Книжка г. Дружинина представляетъ собой первую въ своемъ родѣ попытку удовлетворить назрѣвающей теперь въ нашемъ обществѣ потребности въ знакомствѣ съ отечественными законами со стороны лицъ, прошедшихъ курсъ той или иной общеобразовательной школы. Конечно, не всякому подъ силу одолѣть всѣ 15 громадныхъ томовъ нашего Свода Законовъ съ безчисленными его продолженіями; къ тому-же, чтобы разобраться въ этомъ обширномъ матеріалѣ, необходима извѣстная юридическая подготовка, знакомство съ нѣкоторыми основными понятіями и опредѣленіями права и хотя-бы краткія историческія свѣдѣнія о пути, которымъ шло и развивалось наше законодательство. Возьмемъ теперь средняго интеллигента нашего времени, не прошедшаго университетскаго курса юридическихъ наукъ, и предположимъ, что, конечно, мало вѣроятно, что онъ, скрѣпя сердце, засядетъ за чтеніе Свода Законовъ Россійской Имперіи и съ величайшимъ терпѣніемъ станетъ перелистывать эти фоліанты. Не имѣя надлежащаго руководства, которое могло-бы служить ему путеводной нитью въ этомъ лабиринтѣ, онъ скоро совершенно потеряется въ массѣ отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій и не получитъ никакого цѣлостнаго представленія о сущности государственнаго устройства и управленія Россіи. Положимъ, существуютъ печатные курсы профессорскихъ лекцій по разнымъ отдѣламъ права, но ихъ система и содержаніе, въ виду спеціальнаго назначенія этихъ учебниковъ, составленныхъ обыкновенно примѣнительно къ программѣ преподаванія и экзаменаціоннымъ требованіямъ, совершенно не приноровлены къ отвѣтамъ на чисто практическіе вопросы нашего интеллигента: въ нихъ отводится много мѣста изложенію различныхъ научныхъ теорій, анализу чисто юридическихъ или философскихъ понятій, субъективнымъ воззрѣніямъ автора и т. п., въ нихъ слишкомъ много ненужныхъ практическому дѣятелю подробностей и казуистическихъ тонкостей и, наконецъ, языкъ ихъ слишкомъ наученъ, изобилуя множествомъ спеціальныхъ терминовъ и выраженій. Все это, конечно, имѣетъ свой raison d'être въ учебникѣ для студентовъ, готовящихся быть юристами, но дѣлаетъ крайне неудобнымъ пользованіе такой книгой для обыкновенныхъ читателей. Наиболѣе подходящими могли-бы быть въ данномъ случаѣ, въ качествѣ подготовительнаго руководства къ чтенію законовъ, курсы энциклопедіи права, но они, въ большинствѣ случаевъ,

касаются лишь самыхъ общихъ вопросовъ права, притомъ, права не отечественнаго, если такъ можно выразиться, а общечеловѣческаго, и къ тому-же занимаются, главнымъ образомъ, различными философскими вопросами, въ родѣ свободы воли, различенія уголовной неправды отъ гражданской, происхожденія и сущности права и др. отвлеченностями, совершенно ненужными читателю, желающему приготовить себя лишь къ пониманію законодательныхъ нормъ.

Для громаднаго-же большинства, не имѣющаго ни досуга, ни терпѣнія читать подлинные тексты законовъ, было-бы вполнѣ достаточно, если-бы существенное содержаніе ихъ изложено было вкратцѣ въ извѣстномъ порядкѣ и освѣщено небольшими пояснительными примѣчаніями. Прочитавъ такую книгу, всякій желающій могъ-бы затѣмъ легко освоиться съ любымъ интересующимъ его учрежденіемъ или положеніемъ по тексту соотвѣтственныхъ законовъ, причемъ во многихъ случаяхъ эту задачу облегчаютъ ему изданные различными оффиціальными учрежденіями и частными лицами (обыкновенно, юристами) и снабженные подробными рѣшеніями сборники узаконеній, касающіяся той или иной части управленія (Таковы, напр.: городовое положеніе и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. съ разъясненіями Мыша; уложеніе и уставъ о наказаніяхъ съ разъясненіями Таганцева; законы гражданскіе и уставъ гражд. судопроизводства съ разъясненіями Боровиковскаго; уставы о воинской повинности съ разъясненіями Горяинова и др.). Какъ справочныя изданія, эти сборники чрезвычайно полезны; но кто желаетъ ознакомиться съ законами своей страны лишь въ той мѣрѣ, какая необходима, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ, какъ гражданина вообще и члена того или иного сословія въ частности, а также объ устройствѣ и порядкѣ дѣйствія многочисленныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій, съ которыми необходимо каждый соприкасается въ своей дѣятельности, объ общемъ строѣ верховнаго управленія, о способахъ составленія, утвержденія, изданія и исполненія законовъ, которымъ онъ обязанъ подчиняться; наконецъ, объ основныхъ началахъ, проникающихъ всю систему управленія Имперіей, тому нужна популярно, общедоступнымъ языкомъ написанная небольшая книга, въ которой всѣ разрозненныя узаконенія были-бы объединены въ стройную систему, проникнутую однимъ и тѣмъ-же руководящимъ началомъ.

Резюмируя все сказанное выше, мы можемъ установить, слѣдовательно, два типа нужныхъ нашей публикѣ руководствъ по законовѣдѣнію: одинъ—энциклопедическаго характера, представляющій лишь

пособіе къ самостоятельному изученію текста законовъ, а другой—своднаго характера, имѣющій своею задачею замѣнить чтеніе подлинныхъ текстовъ законовъ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія въ опредѣленной системѣ *).

Посмотримъ теперь, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ принадлежитъ «Общедоступное руководство къ изученію законовъ» г. Дружинина.

Въ своемъ предисловіи, которое, страннымъ образомъ, авторъ помѣстилъ не на обычномъ мѣстѣ, въ началѣ сочиненія, а въ разныхъ мѣстахъ посреди книги, въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ (что, къ слову сказать, чрезвычайно затрудняетъ ознакомленіе съ цѣлями, которыхъ хотѣлъ достигнуть авторъ), онъ заявляетъ, что «здѣсь (въ его «Руководствѣ») имѣется въ виду именно дать—возможно доступное *для всѣхъ*, годное для *самообразованія,—пособіе къ общему краткому первоначальному энциклопедическому изученію права*» (стр. 83, прим., въ подлинникѣ), и далѣе, тамъ-же, что трудъ его предназначенъ «для широкаго круга лицъ, не располагающаго доступнымъ руководствомъ». Нѣсколько выше (на стр. 73) читаемъ: «Самообразованіе вполнѣ и съ успѣхомъ можетъ и должно быть направляемо въ сторону юридическихъ знаній... Юридическія знанія легче всякихъ иныхъ могутъ быть усвоены *самостоятельно*, путемъ изученія источниковъ познанія права». О необходимости и важности «изученія законодательства въ непосредственныхъ, оффиціальныхъ источникахъ его познанія» авторъ распространяется еще болѣе подробно на стр. 76—79. Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что разсматриваемый нами трудъ, по мысли его автора, долженъ лишь служить пособіемъ къ самостоятельному изученію законовъ, такъ что его надо было-бы, повидимому, отнести къ первому изъ указанныхъ нами типовъ такихъ руководствъ. Что таково намѣреніе автора, доказывается еще и тѣмъ, что въ книгѣ помѣщенъ списокъ различныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ изданій книгъ законовъ, съ означеніемъ ихъ цѣнъ; какъ заявляетъ самъ авторъ (стр. 85, прим.), онъ хотѣлъ этимъ облегчить своимъ читателямъ, особенно провинціальнымъ, которыхъ онъ преимущественно имѣетъ въ виду, возможность пріобрѣтать законы по мѣрѣ своихъ средствъ.

Ознакомившись, однако, съ содержаніемъ изданныхъ уже г. Дружининымъ первыхъ двухъ частей его «Руководства», мы должны

---

*) Къ послѣднему типу слѣдуетъ отнести очень краткій, къ сожалѣнію, «Курсъ законовѣдѣнія для младшихъ классовъ военныхъ училищъ».

признать, что исполненіе не соотвѣтствуетъ замыслу автора. На самомъ дѣлѣ книжка г. Дружинина представляетъ нѣчто среднее между обоими типами руководствъ: для энциклопедіи она слишкомъ изобилуетъ фактическими свѣдѣніями и многочисленными цитатами изъ законовъ, которыя даже, «для большей ихъ осязательности и внушительности», приводятся въ подлинномъ видѣ», для сборника-же законовъ она слишкомъ ужъ теоретична и переполнена длинными, не идущими къ дѣлу разсужденіями и ненужными отступленіями. Если трудъ г. Дружинина долженъ служить лишь «пособіемъ къ общему краткому первоначальному энциклопедическому изученію права», подъ которымъ авторъ подразумѣвалъ непосредственное ознакомленіе съ сводомъ законовъ и другими источниками нашего положительнаго права (см. стр. 82, 138—139 и др. «Руководства»), то въ такомъ случаѣ излишне было во 2-й части «Руководства» приводить столько узаконеній, выписывая ихъ дословно, и входить въ такія мелкія подробности, какъ, напр., форма надписи къ печатаемымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, правила приведенія законовъ, т.-е. способы сокращеннаго означенія ссылокъ на законы и т. п.; достаточно было изложить «общія начала, основныя положенія», съ подробностями-же и съ самимъ текстомъ законовъ всякій желающій можетъ ознакомиться непосредственно при чтеніи нашего «Свода». Совершенно излишнимъ представляется намъ введеніе въ такое пособіе къ изученію законовъ, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ задачѣ «Руководства»: главы—о различіи между правомъ и нравственностью, занимающаго болѣе 10 страницъ очерка изъ исторіи преподаванія права въ Россіи, также пространныхъ разсужденій о желательности лучшей системы кодификаціи (стр. 137—140), о необходимости удержанія въ сводѣ казуистическихъ постановленій (стр. 146—148) и, наконецъ, о толкованіи законовъ (стр. 144—146 и 156—176); о послѣднемъ предметѣ авторъ распространяется слишкомъ на 20 страницахъ, тогда какъ въ краткомъ пособіи къ изученію законовъ можно было ограничиться 3—4-мя. Между тѣмъ, всѣ эти длинныя вставки, отступленія и разсужденія дѣлаютъ книгу трудно читаемой для того, кто пожелалъ-бы найти въ «Руководствѣ» г. Дружинина популярное наставленіе къ пониманію источниковъ нашего права, тѣмъ болѣе, что изложеніе автора и вообще страдаетъ повтореніями, растянутостью и крайней сухостью. Разъ авторъ имѣлъ въ виду «широкій кругъ» читателей, то ему слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы его «Руководство» написано было яснымъ, легкимъ и вполнѣ доступнымъ языкомъ, а изложеніе имѣло ту необходимую сте-

пень занимательности, безъ которой немыслимо распространеніе научныхъ знаній въ большой публикѣ.

Не можемъ мы также признать удачнымъ выбора авторомъ системы изложенія права (систему эту онъ объявляетъ вполнѣ самостоятельной и впервые имъ примѣняемою, см. стр. 84, прим.). Съ одной стороны, г. Дружининъ рабски придерживается, повидимому изложенія свода. Вслѣдствіе этого въ главѣ о верховной власти не дано полнаго перечисленія прерогативъ Монарха, не говорится ничего ни о его правѣ помилованія, ни о власти его въ вопросахъ международныхъ, ни о правѣ утвержденія и назначенія на высшія должности, ни о правѣ награжденія орденами и чинами и пр.; при изложеніи правилъ изданія законовъ не указана роль Комитета Министровъ и министерскихъ докладовъ и т. д. Авторъ приводитъ лишь въ послѣдовательномъ порядкѣ одну статью основныхъ законовъ за другой, сопровождая ихъ своими или заимствованными у другихъ авторовъ положеніями. Такую систему еще можно было-бы оправдать въ сборникѣ законовъ (руководства второго типа), но никоимъ образомъ не въ энциклопедическомъ *пособіи* къ изученію законовъ, назначеніе котораго можетъ быть только одно: облегчить читателю усвоеніе сущности и основныхъ началъ нашего законодательства, чуждаго строго-научной и логической системы изложенія и, при разбросанности по всѣмъ томамъ относящихся къ одному предмету постановленій, крайне затрудняющаго составленіе отчетливыхъ и ясныхъ представленій лицамъ, не получившимъ юридическаго образованія.

Не видимъ мы также особеннаго удобства въ предполагаемомъ авторомъ порядкѣ послѣдовательнаго изложенія различныхъ отдѣловъ законодательства. За изданными уже двумя частями «Руководства» (общія понятія о правѣ и законы основные) должны послѣдовать—часть третья, содержащая общую часть уголовнаго права, законы о состояніяхъ (государственное право), гражданскіе законы, законы о государственныхъ силахъ и средствахъ (финансовое, военное и международное право), часть четвертая, излагающая церковное право, законы благочинія, государственнаго благоустройства и благосостоянія (полицейское или административное право), часть пятая—законы органическіе (учрежденія государственныя) и часть шестая, послѣдняя,—законы судопроизводственные или судебное право. При такомъ порядкѣ изложенія авторъ надѣялся достигнуть того, чтобы «пользующійся «Руководствомъ» переходилъ естественнымъ путемъ отъ одних понятій къ другимъ, чтобы все послѣдующее объяснялось въ предыдущемъ». Такимъ образомъ въ первыхъ двухъ частяхъ сообщаются «общія осно-

ванія для дѣятельности властей и гражданъ въ государствѣ», а въ слѣдующихъ двухъ «отдѣльные виды права и обязанности»; послѣ-же выясненія матеріальныхъ задачъ и средствъ дѣйствія разныхъ учрежденій авторъ считаетъ послѣдовательнымъ описать затѣмъ «устройство и порядки дѣйствія отдѣльныхъ учрежденій и властей» и, наконецъ, «порядокъ, въ которомъ права возстановляются и защищаются».

Оригинальность системы не есть еще ея достоинство, и мы не видимъ никакого основанія для предпочтенія ея другимъ системамъ или хотя-бы общепринятой системѣ нашего Свода. Гораздо естественнѣе, по нашему мнѣнію, познакомить читателя сначала съ строемъ государственныхъ учрежденій, затѣмъ—съ правами и обязанностями гражданъ, съ наказаніями, положенными за ихъ нарушеніе, и наконецъ съ судебнымъ процессомъ, путемъ котораго нарушенныя права возстановляются. Мы не думаемъ, чтобы законы органическіе, т.-е. учрежденія государственныя, легче было понять послѣ усвоенія содержанія IV—XIV томовъ Свода Законовъ, чѣмъ до того; напротивъ, въ двухъ послѣднихъ читатель найдетъ постоянныя ссылки на власти и мѣста правительственныя, составъ и порядокъ дѣйствія которыхъ описывается въ I—III томахъ Свода и знаніе которыхъ необходимо для пониманія послѣдующихъ узаконеній.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ по существу дѣла, а именно по поводу различныхъ, содержащихся въ «Руководствѣ», опредѣленій правовыхъ понятій и объясненій законодательныхъ терминовъ и выраженій. Многія изъ этихъ опредѣленій и объясненій заимствованы г. Дружининымъ у другихъ авторовъ, особенно у Сперанскаго (изъ его «Руководства къ познанію законовъ»), а также у Градовскаго («Начало русскаго госуд. права»), Романовича-Славатинскаго и др. Что-же касается юридическихъ опредѣленій, принадлежащихъ, повидимому, самому автору «Руководства», то едва-ли можно признать ихъ сколько-нибудь удачными и общепонятными. Для примѣра возьмемъ опредѣленіе обычая: «Обычай есть непосредственное убѣжденіе людей, выражающееся въ согласномъ съ порядкомъ и постоянномъ обязательномъ опредѣленіи и разрѣшеніи права и обязанностей». Прежде всего, обычай не есть убѣжденіе, а есть право, или, лучше сказать, одна изъ формъ права, имѣющее лишь источникомъ своимъ согласное убѣжденіе людей въ необходимости подчинять ему свою волю; затѣмъ, обычай выражается въ постоянномъ повтореніи единообразныхъ дѣйствій въ однихъ и тѣхъ-же случаяхъ, согласіе-же съ порядкомъ (какимъ? законнымъ?) и обязательность его не суть непремѣнные признаки обычая,—напротивъ, обычай народный часто идетъ въ разрѣзъ

съ писаннымъ закономъ, и тогда объ обязательности его не можетъ быть и рѣчи. Не можемъ также не указать при этомъ случаѣ на противорѣчіе въ объясненіи происхожденія обычая: на стр. 9-ой г. Дружининъ совершенно правильно замѣчаетъ, что обычай возникаетъ первоначально изъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, которыя затѣмъ становятся обязательнымъ правиломъ для болѣе или менѣе ограниченнаго круга людей; на стр.-же 14-й мы уже находимъ среди источниковъ права, и именно обычая, какой-то мистическій «народный духъ». Такимъ образомъ, на разстояніи всего пяти страницъ одно и то-же юридическое явленіе объясняется съ точки зрѣнія двухъ совершенно различныхъ ученій: разъ—историческаго, другой—національнаго. Такихъ промаховъ и недосмотровъ мы могли-бы привести множество. Такъ и видна повсюду небрежность, отсутствіе тщательной обработки матеріала и пестрота воззрѣній, присущія компилятивнымъ учебникамъ. Издана книжка также не особенно старательно. Мы не знаемъ, каковы будутъ дальнѣйшія части «Общедоступнаго руководства», но, судя по изданнымъ уже двумъ частямъ, мы должны, къ сожалѣнію нашему, признать, что первый блинъ вышелъ комомъ. Привѣтствуя отъ души благое начинаніе автора—дать обширному кругу читателей популярное руководство къ изученію отечественныхъ законовъ—и желая ему успѣха въ этомъ добромъ дѣлѣ, мы позволимъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы слѣдующія части задуманнаго г. Дружининымъ труда оказались болѣе удачными по выполненію и отличались-бы болѣе тщательной отдѣлкой литературной и юридической. **Г. В.**

Сергѣй Мечъ. Первые уроки географіи. М. 1892, стр. 122. Ц. 40 к.

Г. Мечъ пользуется лестною извѣстностью, какъ авторъ талантливо составленныхъ географическихъ очерковъ нѣкоторыхъ странъ. О послѣднихъ эти очерки даютъ рельефное представленіе; изложены они такъ доступно и интересно, что преподаватель смѣло можетъ дополнять ими сухое изложеніе наиболѣе распространенныхъ учебниковъ географіи. Къ сожалѣнію, выбирая страны для составленія о нихъ очерковъ, авторъ какъ будто не руководился опредѣленнымъ планомъ. Семь напечатанныхъ очерковъ посвящены: Альпамъ, Австраліи, Финляндіи, Сахарѣ и Нилу, Гренландіи, Кавказу и Центральной Азіи; готовится къ печати очеркъ о Палестинѣ и Аравіи. Изъ этихъ заглавій видно, что всѣ очерки, вмѣстѣ взятые, не представляютъ систематическаго чтенія, которымъ учащіеся могли-бы дополнять и оживлять свои свѣдѣнія по болѣе важнымъ, сухимъ или-же труднымъ

отдѣламъ географическаго курса. Двѣ книги г. Меча, вышедшія подъ общимъ заглавіемъ «Россія», а именно «Учебникъ Отечественной Географіи» (3-е изд. М. 1891) и «Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ» (2-е изд. М. 1890), равно какъ и вышедшіе недавно «Первые уроки географіи» показываютъ, что г. Мечъ занялся составленіемъ систематическихъ учебниковъ. Не касаясь въ настоящее время его «Россіи», мы обратимся къ «Первымъ урокамъ».

Какъ видно изъ самаго заглавія, этотъ трудъ г. Меча посвященъ той части курса географіи, которая служитъ основой для всего дальнѣйшаго усвоенія этого предмета. Значеніе элементарнаго курса признается всѣми чрезвычайно важнымъ, но при этомъ многія, очень многія компетентныя лица находятъ, что этотъ курсъ изложенъ въ нашихъ учебникахъ и поставленъ въ нашей школѣ весьма неудовлетворительно. Признаетъ эту неудовлетворительность, какъ видно изъ предисловія къ «Первымъ урокамъ географіи», и г. Мечъ; она-то и побудила его составить свою новую книгу. Неудовлетворительность нашихъ учебниковъ всеобщей географіи, по мнѣнію г. Меча, зависитъ отъ того, что они «простыя копіи нѣмецкихъ учебниковъ. Въ нихъ тотъ-же планъ, то-же распредѣленіе матеріала, та-же мертвая сухость изложенія. Отсюда-же произошло и непонятное стремленіе втиснуть въ узкія рамки жиденькой дѣтской книги массу фактовъ, названій, цыфръ и пр., стремленіе задѣть мимоходомъ тысячу различныхъ вещей и о каждой сказать два слова». Авторъ далѣе сообщаетъ, что самъ онъ велъ дѣло въ младшемъ классѣ безъ всякаго учебника, разъяснялъ посредствомъ бесѣдъ то, что требовало пониманія, а то, что требовало памяти, учащіеся вмѣстѣ съ учителемъ находили на картѣ, писали на доскѣ и списывали въ тетрадки. При такомъ пріемѣ удавалось осуществить «основное условіе правильнаго преподаванія: *какъ можно больше въ классѣ и какъ можно меньше на домъ*». Авторъ не видѣлъ, однакоже, примѣровъ, чтобы эта простая мысль и такое простое ея осуществленіе примѣнялись на практикѣ. Зная это, онъ записалъ вкратцѣ свои уроки-бесѣды, записалъ имена, которыя заучивались, записалъ разсказы, которыми старался оживить занятія, записалъ также пособія, какими пользовался. Онъ надѣется, что его уроки на опытѣ окажутся болѣе соотвѣтствующими «характеру и умственнымъ наклонностямъ русскихъ дѣтей, чѣмъ копіи и передѣлки нѣмецкихъ учебниковъ».

Какъ видно изъ переданнаго нами содержанія предисловія и изъ поставленныхъ въ кавычкахъ собственныхъ словъ его, г. Мечъ основной причиной неудовлетворительности нашихъ учебникокъ и самаго пре-

подаванія географіи въ младшемъ классѣ считаетъ отсутствіе у насъ оригинальныхъ учебниковъ географіи: наши учебники, дважды утверждаетъ г. Мечъ, оказываются передѣлкой, даже копіей нѣмецкихъ оригиналовъ. Не сознаетъ г. Мечъ, что эти псевдо-патріотическія выходки вдвойнѣ неумѣстны: неприличны онѣ по отношенію нѣмцевъ, несправедливы и относительно нашей русской литературы. Нѣмецкіе учебники географіи весьма многочисленны и чрезвычайно разнообразны; огуломъ обвинять ихъ, указывать во всѣхъ ихъ одни и тѣ-же недостатки можно лишь на такихъ-же основаніяхъ, на какихъ гоголевскій герой соображаетъ, что «это все проклятый французъ гадитъ».

Напомнимъ прежде всего, что основной принципъ г. Меча «*какъ можно больше* въ классѣ и какъ можно меньше на домъ (курсивъ у автора) давнымъ-давно относительно элементарнаго курса установленъ *нѣмецкими*, а потомъ и всякими иными педагогами; если г. Мечъ думаетъ, что этотъ принципъ неизвѣстенъ и не примѣняется, то невольно приходится предположить, что ему невѣдомо происходящее въ школьномъ преподаваніи вообще и въ нѣмецкомъ въ частности. Будь онъ знакомъ съ дѣломъ, онъ не забылъ-бы, что составители многихъ нѣмецкихъ учебниковъ для начальнаго курса географіи, исходя изъ этого принципа, даютъ лишь одинъ конспектъ и указываютъ на собственныя наблюденія учащихся, на бесѣды учителей съ ними, на другіе пріемы преподаванія, какъ на единственныя средства для усвоенія курса. Мало того: даже разсказы, которыми г. Мечъ старается оживить занятія и которые придаютъ его учебнику оригинальность, также не новость въ нѣмецкой школьно-географической литературѣ. Вспомнимъ о «Географическихъ очеркахъ и картинахъ» Пютца. Груббе и многихъ другихъ,

Допустивши даже, что нѣмцы послѣ Песталоцци и Дистервега, Риттера, Гумбольдта и Пешеля при составленіи учебниковъ не съумѣли устранить недостатковъ, которые огульно приписываетъ имъ г. Мечъ, ему слѣдовало еще доказать и свое обвиненіе относительно русскихъ учебниковъ, которые, по его словамъ, ничто иное, какъ простыя копіи нѣмецкихъ. Какъ ни бѣдна относительно наша литература элементарныхъ учебниковъ географіи, все-же приходится, наконецъ, признать, что она отличается нѣкоторой оригинальностью и разнообразіемъ основныхъ типовъ; у насъ притомъ-же имѣются переводы не только нѣмецкихъ, но также англійскихъ и французскихъ учебниковъ. Разнообразіе встрѣчается даже въ основномъ планѣ учебниковъ, въ методахъ, которымъ слѣдуютъ ихъ составители; если при всемъ томъ большинство нашихъ учебниковъ представляетъ однообразіе по объему

и по распредѣленію матеріала, то это зависитъ отъ утвержденныхъ программъ и числа уроковъ, отведенныхъ для географіи въ разныхъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній, а вовсе не отъ копированія какого-то нѣмецкаго первообраза.

Обратимся теперь къ учебнику г. Меча и посмотримъ, насколько въ немъ устранены недостатки, которые онъ ставитъ въ вину нашимъ учебникамъ. Каковы отличія его отъ другихъ русскихъ учебниковъ? Каковъ прежде всего планъ, по которому составлены «Первые уроки географіи»? Авторъ раздѣляетъ свою книгу на двѣ части; первая озаглавлена «Краткая географія Европы» и раздѣлена на 15 уроковъ; изъ нихъ семь посвящены общимъ опредѣленіямъ географическихъ явленій, свойственныхъ всему земному шару (странамъ свѣта, компасу, географической картѣ и масштабу, равнинѣ и горѣ, рѣкѣ, перегонкѣ воды и ея круговороту), лишь слегка связанныхъ у г. Меча съ его свѣдѣніями о Европѣ. Остальные 8 уроковъ первой части посвящены Сѣв. Ледовитому и Атлантическому океанамъ, ихъ температурѣ, вкусу морской воды, морямъ, омывающимъ Европу, ея островамъ, полуостровамъ, горамъ, русскимъ и западноевропейскимъ («иностраннымъ») рѣкамъ, государствамъ съ ихъ столицами, главнѣйшимъ городамъ европейской Россіи. Вторая часть озаглавлена «Географія земного шара»; въ ней 12 уроковъ; первый посвященъ формѣ земли и доказательствамъ ея шаровидности, второй—атмосферѣ, третій—раздѣленію земной поверхности, размѣщенію частей свѣта и океанамъ. Четвертый урокъ знакомитъ съ экваторомъ и полюсами, указываетъ на существованіе жаркихъ, умѣренныхъ и холодныхъ странъ. Шесть уроковъ посвящены обозрѣнію Африки, Азіи, Австраліи и Америки (на Азію и Америку по два урока); наконецъ, содержаніемъ послѣднихъ двухъ уроковъ служатъ звѣзды, метеоры, солнце, планеты, земля съ ея двоякимъ движеніемъ, земная орбита, различное нагрѣваніе земныхъ полушарій, различная продолжительность дней и ночей, луна и ея фазисы, солнечныя и лунныя затмѣнія. Мы привели этотъ перечень, потому что въ книгѣ г. Меча нѣтъ оглавленія, о чемъ очень приходится сожалѣть: быть можетъ, составляя таковое подробно, онъ замѣтилъ-бы, что и самъ «въ жиденькую дѣтскую книгу», мало того, даже въ одинъ или два урока втискиваетъ массу фактовъ, названій, множество различныхъ вещей, т.-е. дѣлаетъ то, за что упрекаетъ составителей другихъ учебниковъ; замѣтилъ-бы и пропускъ 25-го урока (у него послѣ 24-го слѣдуетъ 26-й урокъ); быть можетъ, ему бросилась-бы въ глаза и самая непослѣдовательность его плана.

Какъ-бы то ни было, но планъ и распредѣленіе курса у г. Меча

не совсѣмъ обыкновенны. Курсъ географіи обыкновенно начинаютъ съ родиновѣдѣнія и переходятъ потомъ къ отечеству, Европѣ и другимъ частямъ свѣта и земному шару или-же первоначально знакомятъ учениковъ съ простыми типами географическихъ мѣстностей (тундра, степь, пустыня, высокая равнина, низменность, гора, рѣка, тропическій лѣсъ и т. п.) и потомъ или обращаются къ частямъ свѣта, или-же непосредственно къ изученію всего земного шара; иногда самый курсъ начинаютъ съ послѣдняго. Г. Мечъ относительно многихъ явленій начинаетъ съ европейской Россіи, но объ ней говоритъ мимоходомъ; собственно, какъ видно и изъ названія 1-й части, начинаетъ съ Европы. Какъ ни разнообразны планы первоначальнаго курса географіи, но въ основѣ ихъ лежитъ стремленіе начинать съ болѣе простого, извѣстнаго и доступнаго, или-же изложить курсъ такъ, чтобы послѣдующее объяснялось предъидущимъ, находилось съ нимъ въ непосредственной связи. Замѣчается-ли это стремленіе въ учебникѣ г. Меча? Начинаетъ онъ съ Европы, послѣ нея говоритъ о формѣ земли, атмосферѣ, составѣ поверхности земного шара, экваторѣ и полюсахъ, потомъ только переходитъ къ описанію остальныхъ частей свѣта и завершаетъ свой курсъ свѣдѣніями изъ математической географіи. На стр. 9-й онъ уже называетъ Европу «частью свѣта», на стр. 10 употребляетъ терминъ «океанъ», но только на стр. 54 опредѣляетъ, что такое «часть свѣта» и «океанъ». Судя по объясненіямъ и опредѣленіямъ, какія даетъ г. Мечъ, учащіеся не знаютъ, что такое компасъ, море, географическая карта, а между тѣмъ онъ употребляетъ терминъ «часть свѣта», «климатъ», «океанъ», «государство» и т. п., не считая нужнымъ объяснять ихъ. Перегонка воды и ея круговоротъ излагаются послѣ рѣкъ. Изученіе явленій, свойственныхъ всему земному шару (географическія карты, равнины и горы, рѣки и озера, круговоротъ воды и т. п.), пріурочивается къ Европѣ, отчасти къ европейской Россіи. Такія явленія всего удобнѣе изучать на конкретныхъ фактахъ, напр., въ мѣстности, окружающей школу, на родинѣ, если она представляетъ удобныя для этого условія. Нѣкоторые педагоги для той-же цѣли совѣтуютъ начинать съ описанія типическихъ странъ, гдѣ то или другое изъ этихъ явленій выступаетъ особенно рельефно; многіе начинаютъ съ изученія земного шара, такъ какъ при этомъ представляется возможность сразу охватить распространеніе и различныя проявленія каждаго изъ изучаемыхъ явленій и изложить курсъ съ большей послѣдовательностью. Но какія удобства представляетъ первоначальное пріурочиваніе такихъ явленій къ Европѣ? Понятіе о Европѣ, какъ о цѣломъ, по существу, такъ же чуждо учащимся,

какъ Америка или весь земной шаръ; даже самое названіе едва-ли болѣе знакомо. Ни наглядности, ни простоты тутъ нѣтъ, а между тѣмъ, при такомъ пріурочиваніи, учащіеся по книгѣ г. Меча подумаютъ, пожалуй, что явленія, въ дѣйствительности общія всему земному шару, свойственны одной лишь Европѣ Такъ, послѣ урока, посвященнаго опыту перегонки воды, слѣдующій урокъ начинается такими словами: «Перегонка воды происходитъ въ Европѣ въ огромныхъ размѣрахъ. Вмѣсто первой колбы въ Европѣ Атлантическій океанъ, вмѣсто спиртовой лампы—солнце», и далѣе изложеніе ведется въ томъ-же духѣ.

Прослѣдить распредѣленіе курса въ книгѣ г. Меча особенно удобно, такъ какъ онъ даже раздѣлилъ свой курсъ на уроки. Замѣтимъ прежде всего, что у насъ для элементарнаго курса обыкновенно отводится 2 урока въ недѣлю, т.-е. около 60-ти уроковъ въ учебномъ году. У г. Меча матеріалъ раздѣленъ на 28 уроковъ; прибавимъ еще 2 урока для прохожденія русскихъ рѣкъ (такую прибавку оговариваетъ авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи) да 10 уроковъ для двукратнаго повторенія, для котораго г. Мечъ предлагаетъ рядъ вопросовъ въ концѣ каждой изъ двухъ частей своей книги,—все-же остается около 20-ти уроковъ; какъ воспользоваться ими, г. Мечъ не объясняетъ. Матеріалъ притомъ распредѣляется по урокамъ очень неравномѣрно: важному, трудному и сложному посвящается столько-же, а то и меньше времени, чѣмъ второстепенному и доступному: такъ, странамъ свѣта посвящается одинъ урокъ и столько-же компасу; опыту надъ перегонкой воды, при которомъ учащіеся являются въ пассивной роли зрителей, отведено столько-же времени, сколько описанію солнца вмѣстѣ съ планетами, земной оси, орбитѣ, двоякому движенію земли, происхожденію дня и ночи, временамъ года, лунѣ и ея фазисамъ и движеніямъ, солнечному и лунному затмѣніямъ. Тутъ неравномѣрность не только относительно размѣровъ урока, но главнымъ образомъ относительно трудности самаго содержанія: мы рѣшительно отказываемся понять, какъ въ теченіи одного урока г. Мечъ успѣваетъ объяснить учащимся этотъ рядъ очень сложныхъ явленій, да еще разъяснять ихъ «посредствомъ бесѣдъ». Авторъ считаетъ нужнымъ для уясненія круговорота воды произвесть съ учащимися опытъ ея перегонки, забывая, что есть цѣлый рядъ явленій, извѣстныхъ ученикамъ (высыханіе, паръ изъ самовара и въ банѣ и т. под.), которыя требуютъ лишь объясненія, чтобы навести на пониманіе круговорота воды; а вотъ о воздухѣ онъ считаетъ возможнымъ ограничиться объясненіемъ, что это «газъ», и тутъ не считаетъ нужными какіе-либо опыты, хотя по-

нятіе о воздухѣ и воздушныхъ явленіяхъ гораздо труднѣе усваиваются учащимися. Иногда г. Мечъ какъ-бы преднамѣренно увеличиваетъ неравномѣрность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудность для учениковъ нѣкоторыхъ своихъ уроковъ. Такъ, 13-й урокъ посвященъ у него 11-ти главнымъ «иностраннымъ» рѣкамъ; сверхъ этихъ рѣкъ дается еще 15 названій озеръ, городовъ и государствъ. Этотъ пріемъ постоянно примѣняетъ авторъ: перечисляя полуострова и острова, онъ указываетъ находящіеся на нихъ государства и столицы, хотя въ предисловіи самъ возстаетъ противъ множества названій. Правда, въ предисловіи онъ указываетъ и пріемы, посредствомъ которыхъ усваивалось на его урокахъ то, что требовало памяти: нахожденіе на картѣ, а также записываніе на доскѣ и въ тетради. Но вѣдь этотъ механическій пріемъ давнымъ-давно примѣняется преподавателями; самъ по себѣ онъ полезенъ, но онъ недостаточенъ для заучиванія и прочнаго закрѣпленія въ памяти учащихся ряда названій; не достигается эта цѣль и механическимъ комбинированіемъ полуострововъ, острововъ и рѣкъ съ государствами или городами. Географическія названія, какъ и всякія другія, прочно запоминаются, когда между нѣсколькими явленіями устанавливается причинная связь, или-же когда, кромѣ названія, учащемуся дается живое представленіе о самомъ явленіи. Уяснимъ свою мысль примѣромъ: если мы въ ряду другихъ пристаней на Волгѣ назовемъ ученикамъ Рыбинскъ, пріучимъ ихъ показывать его на картѣ и заставимъ записать это названіе, то все-же впослѣдствіи при опросѣ окажется, что они затрудняются отвѣтить на вопросъ о томъ, на какой рѣкѣ Рыбинскъ, или-же, перечисляя волжскія пристани, пропускаютъ этотъ городъ. Но если мы укажемъ, что Волга становится доступною для большихъ судовъ послѣ принятія Мологи и Шексны, что поэтому тутъ издавна установилась перегрузка съ большихъ судовъ на малыя, или обратно, и что въ силу этого обстоятельства и выросъ здѣсь Рыбинскъ, если мы притомъ-же опишемъ лѣтнее оживленіе этого города, да еще покажемъ изображеніе Рыбинской пристани, то учащіеся навѣрно навсегда запомнятъ самый городъ и его приволжское положеніе. Но такой пріемъ въ книгѣ г. Меча не примѣняется.

Не чуждъ г. Мечъ и недостатка, за который упрекаетъ другихъ, т.-е. стремленія задѣть мимоходомъ «тысячу разныхъ явленій». Онъ уменьшилъ, правда, число названій, но трудно опредѣлить, чѣмъ онъ руководствовался, приводя одни названія и опуская другія: у него указаны: Скагерракъ, Желтое море, Шпицбергенъ, «проливъ Кале», Шварцвальдъ, Черниговъ, Смоленскъ, а опущены Каттегатъ, Нѣ-

мецкое море, Ирландія, Ламаншъ, Апеннины, Вильно и Харьковъ. Кромѣ такого уменьшенія числа названій, г. Мечъ не касается въ своемъ учебникѣ нѣкоторыхъ явленій, которыя обыкновенно разъясняются учащимся въ начальномъ курсѣ: онъ не упоминаетъ о горизонтѣ, хотя это явленіе вполнѣ доступно учащимся и хотя самъ онъ даетъ урокъ о странахъ свѣта, при этомъ онъ умалчиваетъ о второстепенныхъ странахъ свѣта, хоть онѣ несомнѣнно нужны для усвоенія даже тѣхъ фактовъ, съ которыми ученики знакомятся въ «Первыхъ урокахъ географіи». Исключаются также изъ курса градусная сѣть, широта, долгота и тепловые поясы, хотя они необходимы для правильнаго фиксированія, опредѣленія астрономическаго положенія, климата и пространственныхъ отношеній въ дальнѣйшемъ курсѣ, отчасти даже въ начальномъ.

Избѣгая цыфръ, г. Мечъ почти не опредѣляетъ ни абсолютной величины явленій, ни абсолютныхъ разстояній. Относительныя данныя такого рода сообщаются иногда, но очень неопредѣленныя, чтобы не сказать болѣе. При опредѣленіи масштаба дается разстояніе отъ Москвы до Харькова и Курска, о которыхъ ученикамъ раньше не говорилось; дается еще въ верстахъ разстояніе отъ земли до солнца; разъясняется оно предположеніемъ о времени, какое потребовалось-бы желѣзнодорожному поѣзду, чтобы пройти по этой линіи. Далѣе мы встрѣчаемъ указаніе, что «горами называются каменныя возвышенности, которыя выше облаковъ»; Гималаи—самыя высокія горы, до 8 верстъ высоты; о Тибетѣ говорится, что онъ равенъ по высотѣ Монблану, но высота послѣдняго не указана. Объ Азіи говорится, что она самая большая часть свѣта, объ Австраліи, что самая малая; о Шпицбергенѣ, что состоитъ изъ 5-ти большихъ и множества «маленькихъ острововъ»; о Волгѣ, что она самая длинная рѣка въ Европѣ, о Нилѣ, что самая большая въ Африкѣ; о Гренландіи, что это самый большой изъ полярныхъ острововъ, о Верхнемъ озерѣ, что это «самое большое на земномъ шарѣ» (въ дѣйствительности Викторія Ніонеза между прѣсноводными: оно больше, чѣмъ Верхнее, на 287 кв. миль). Мы привели почти всѣ пространственныя данныя учебника; незачѣмъ доказывать, что темныя представленія объ этомъ учащихся нисколько не станутъ яснѣе отъ такого изложенія, такихъ фактовъ. Нѣтъ въ книгѣ г. Меча также урока, посвященнаго объясненію климата и причинамъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, но самый терминъ, остающійся безъ объясненія, имъ не разъ употребляется; нѣтъ объясненій термина «флора» и «фауна», нѣтъ уроковъ, посвященныхъ роду человѣческому въ его совокупности, раздѣленію его по наруж-

ному виду, религіи, образу жизни, но въ то-же время на первыхъ-же страницахъ употребляются термины «государство», «столица». Указанныя нами сокращенія матеріала, положеннаго по программамъ, конечно, облегчаютъ прохожденіе начальнаго курса въ объемѣ учебника г. Меча, особенно если употребить для его усвоенія не 28 ур., какъ онъ предлагаетъ, а всѣ 60, но на вопросъ о томъ, достаточно-ли при *такихъ* сокращеніяхъ учащіеся подготовлены къ сознательному усвоенію дальнѣйшаго систематическаго курса, приходится отвѣчать отрицательно.

Главная особенность «Первыхъ уроковъ географіи» замѣчается въ разсказахъ, которыми авторъ старается оживить сухое содержаніе учебника. При извѣстномъ умѣньи г. Меча разсказывать, такой пріемъ долженъ-бы оказаться особенно успѣшнымъ. Но считаемъ нужнымъ оговориться: мы отличаемъ внѣшнее оживленіе урока и вниманія учениковъ отъ болѣе производительнаго оживленія самого содержанія уроковъ. Внѣшняго оживленія класса можно добиться и такими разсказами, которые мало или вовсе не относятся къ уроку, можно достигать даже плоскими анекдотами. Между тѣмъ для оживленія содержанія урока въ связи съ его цѣлью необходимъ строгій подборъ разсказовъ; послѣдніе должны по преимуществу освѣщать и разъяснять самыя трудныя или важныя части курса, должны представлять художественное описаніе явленій и умѣлое выдвиганіе ихъ характеристическихъ чертъ. Цѣль такого оживленія сухого содержанія достигается, между прочимъ, географическими хрестоматіями; таковыя, какъ извѣстно, имѣются и въ нашей литературѣ, притомъ-же удачно составленныя. Разсказы въ учебникѣ, и притомъ пріуроченные къ тому или другому отдѣлу, имѣющіе съ послѣднимъ тѣсную связь, конечно, предпочтительнѣе хрестоматій. У г. Меча всѣхъ разсказовъ 18; достоинство ихъ далеко неодинаково. Имѣется тутъ и совсѣмъ неумѣстный анекдотъ о пассажирѣ, желавшемъ увидѣть экваторъ, имѣется слащавый и скучный разсказъ объ 11-ти-лѣтней Машѣ. Содержаніе его не трудно передать въ нѣсколькихъ словахъ: она заблудилась въ лѣсу, нашла въ своемъ карманѣ компасъ, онъ помогъ ей найти дорогу домой. Этотъ длинный разсказъ долженъ доказать учащимся пользу компаса, научить ихъ, какъ пользуются имъ; но цѣль разсказа вовсе не достигается, географическій элементъ тутъ почти не существуетъ. Гораздо умѣстнѣе былъ-бы разсказъ, который утвердилъ-бы въ сознаніи учащихся свѣдѣнія о кажущемся движеніи солнца и о значеніи странъ свѣта для оріентированія. Разсказъ «Покинутый корабль» долженъ иллюстрировать уроки, относящіеся

къ морю; но изъ свойствъ моря и явленій, на немъ происходящихъ, тутъ едва затронуты лишь глубина моря, бури и волны. Разсказы про бедуина и его коня, про монгола и его верблюда очень занимательны, но слабо вяжутся съ содержаніемъ предшествующихъ уроковъ и вообще съ начальнымъ курсомъ, въ которомъ многія несравненно болѣе крупныя явленія опущены или не снабжены разсказами. То-же самое замѣтимъ о разсказахъ: «Изъ жизни американскихъ піонеровъ», «Поѣздка въ Палестину», «На Іорданѣ»; всѣ они касаются хоть и крайне интересныхъ явленій, но имѣющихъ слишкомъ частный характеръ при общемъ и бѣгломъ обозрѣніи частей свѣта. Излишни также разсказы «Кенгуру и утконосъ», «Иванъ хохотунъ», такъ какъ нѣтъ описанія другихъ болѣе важныхъ и характеристическихъ представителей флоры и фауны. За-то такія статьи, какъ «6 лѣтъ на Шпицбергенѣ», «Маленькій альпійскій охотникъ», «На волосокъ отъ смерти», «Исторія капельки воды», «Сахара», «На озерѣ Викторія Ніонези» и «Открытіе Америки» болѣе умѣстны; хоть изложены они не безупречно, но составлены интересно и можно только сожалѣть, что удачно проведенныхъ разсказовъ всего семь, что не иллюстрируются такими разсказами многія другія трудныя и сложныя явленія, встрѣчающіяся въ курсѣ. Кромѣ того, извлечь чисто географическій элементъ не легко и изъ этихъ удачныхъ разсказовъ; только при помощи опытнаго преподавателя это удастся учащимся; описаніямъ, встрѣчающимся въ хрестоматіяхъ, поэтому слѣдуетъ отдать предпочтеніе, хотя они и менѣе занимательны.

Весьма полезно для начинающихъ преподавателей удачное указаніе пособій, нужныхъ для каждаго урока; но эти указанія г. Меча далеко не отличаются полнотой; вовсе не указаны, кромѣ теллурія, пособія для двухъ послѣднихъ уроковъ, которые посвящены математической географіи, а между тѣмъ было-бы крайне любопытно узнать, при помощи какихъ пособій г. Мечъ считаетъ возможнымъ въ 2 урока уяснить цѣлый рядъ свѣдѣній, наименѣе доступныхъ для пониманія учащихся.

Въ концѣ каждой изъ двухъ частей помѣщенъ, какъ мы уже замѣтили выше, рядъ вопросовъ для повторенія всего пройденнаго. Вопросы эти соотвѣтствуютъ по своему содержанію урокамъ; приведемъ первые три: «Кто желаетъ разсказать про страны свѣта?», «Кто желаетъ разсказать про компасъ?», «Кто разскажетъ, что такое географическая карта и какъ она составляется?». Остальные вопросы всѣ въ томъ-же родѣ. Было-бы умѣстнѣе при повтореніи задавать вопросы, побуждающіе учениковъ сравнивать явленія или указывать

причинную связь между ними. Но такихъ вопросовъ у г. Меча нѣтъ, а между тѣмъ они-то и заставляютъ учащихся вдумываться въ явленія и глубже понимать ихъ, они-то и вызываютъ самодѣятельность и развитіе мысли у учениковъ. Съ другой стороны, ни въ какомъ случаѣ нельзя рекомендовать для класса вызыванія лишь *желающихъ* отвѣчать. При такомъ пріемѣ, какъ при примѣняемомъ въ «Первыхъ урокахъ географіи», наиболѣе знающіе, развитые, внимательные или самонадѣянные ученики будутъ постоянно отвѣчать; напротивъ того, ученики робкіе, слабые или апатичные, т.-е. такіе, которые наиболѣе нуждаются во внѣшнемъ возбужденіи, будутъ вполнѣ предоставлены своей инертности. Конечно, такой способъ спрашиванія и повторенія облегчаетъ, даже утѣшаетъ учителя, но въ результатѣ оказывается лишь кажущаяся успѣшность класса и самообольщеніе учителя, думающаго, что *всѣ* ученики усвоили пройденное. Вотъ почему школьная практика давно уже усвоила безличную форму для вопросовъ, обращенныхъ къ цѣлому классу; фамилія вызываемаго ученика всегда указывается послѣ вопроса.

Обращаясь къ изложенію г. Меча, мы находимъ его вообще доступнымъ и легкимъ, но за-то авторъ часто допускаетъ крупныя неточности и даже ошибки. Уже и выше въ приведенныхъ цитатахъ мы видѣли образчикъ неточности; встрѣчаемъ мы послѣднюю уже въ первомъ-же урокѣ: «Вездѣ, гдѣ-бы мы ни были,—говоритъ авторъ,—есть четыре стороны свѣта»; далѣе у него перечисляются страны свѣта и признаки ихъ указываются очень неточно: «востокомъ называется та страна, гдѣ солнце восходитъ», сѣверомъ та страна, «съ которой солнце никогда не свѣтитъ». Наблюдательный ученикъ въ С.-Петербургѣ могъ-бы возразить, что у насъ солнце въ декабрѣ и іюнѣ восходитъ не на востокѣ, другой, въ Архангельскѣ, что солнце среди лѣта свѣтитъ и съ сѣверной стороны. Скажутъ, можетъ быть, что тутъ неточность допущена ради доступности; но вѣдь послѣдняя вполнѣ можетъ быть достигнута, если предметомъ изученія будетъ *нашъ горизонтъ* и его стороны, а не всякое мѣсто, гдѣ-бы мы ни были, и если страны свѣта будутъ указываться, исходя отъ положенія солнца въ полдень; при такомъ пріемѣ не придется жертвовать точностью.

Укажемъ еще нѣкоторые другіе примѣры неточности и даже ошибокъ въ изложеніи г. Меча. Онъ говоритъ, что въ Атлантическомъ океанѣ вода «всегда теплая» (вездѣ?), «Каспійское море отличается отъ всѣхъ морей тѣмъ, что изъ другихъ морей можно выѣхать на кораблѣ, а изъ него нельзя»; о томъ, что это озеро, вовсе не упо-

минается. «Балканы тянутся отъ Дуная до Чернаго моря». «Выше воздуха пустое пространство, гдѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды». «Кислородъ—газъ благодѣтельный. Но какъ добрыхъ меньше на свѣтѣ, чѣмъ злыхъ, такъ и кислорода меньше, чѣмъ азота». «Люди въ жаркихъ странахъ... совсѣмъ не носятъ одежды». «Пустыней называется такая мѣстность, гдѣ очень жарко» (стр. 59), а потомъ (стр. 70): «Въ пустынѣ Гоби бываетъ зима съ суровыми морозами». «Нигдѣ въ Африкѣ не бываетъ зимы, и люди, которые тамъ живутъ, не знаютъ, что такое снѣгъ». У негровъ Африки, по указанію г. Меча «волосы жесткіе». «Метеоромъ называется маленькій кусочекъ вещества, который быстро несется въ пустомъ пространствѣ». Можно было-бы привесть еще не мало другихъ подобныхъ примѣровъ, но надѣюсь, что одного указанія главныхъ погрѣшностей въ «Первыхъ урокахъ географіи», которыя были нами сдѣланы, вполнѣ достаточно, чтобы мы въ правѣ были придти къ выводу, что слишкомъ много въ книгѣ г. Меча недостатковъ, какъ оригинальныхъ, свойственныхъ лишь ей, такъ, между прочимъ, и тѣхъ самыхъ, которые авторъ въ предисловіи приписываетъ другимъ учебникамъ. При такихъ условіяхъ книга не обогатитъ нашу литературу учебниковъ по географіи; «Уроки» г. Меча вовсе не соотвѣтствуютъ педагогическимъ и научнымъ требованіямъ, а слѣдовательно, скажемъ словами г. Меча, и «характеру и наклонностямъ русскихъ дѣтей». Остановились-же мы подробно на этомъ учебникѣ изъ опасенія, что лестная репутація г. Меча, быть можетъ, побудитъ многихъ незнакомыхъ съ географіей воспользоваться его учебникомъ. Кромѣ того, неудачная книга г. Меча не доказываетъ, чтобы его мнѣніе о необходимости оживленія сухого курса географіи не имѣло достаточныхъ основаній. Но зависитъ это не отъ подражанія нѣмецкимъ учебникамъ, а отъ недостаточной пока подготовки многихъ учителей, отъ нашихъ программъ, отъ малаго числа уроковъ и отъ классовъ, которые отведены у насъ для географіи. Намъ кажется, что устраненіе этихъ коренныхъ причинъ повлекло-бы за собою и болѣе правильную постановку всего курса географіи въ нашей средней школѣ и оживленіе ея содержанія. Явилась-бы возможность, не жертвуя общей цѣлью изученія всего земного шара и въ частности отечества, болѣе подробно останавливаться на наиболѣе важныхъ и интересныхъ географическихъ явленіяхъ, оживлять ихъ экскурсіями, разсказами, демонстрированіемъ картинъ, моделей и т. п.

В. Беренштамъ.

«Малыши», г. Бѣлоусова. 48 стр. Цѣна 25 к. Изд. Клюкина. Спб. 1893 г.

Привлекательная внѣшность книжки далеко не соотвѣтствуетъ ея содержанію: изъ 5-ти разсказовъ—ни одинъ не заинтересуетъ дѣтей, потому что всѣ они блѣдны и незанимательны. Въ первомъ разсказывается, какъ мальчикъ упалъ съ колокольни и остался невредимъ. Въ эскизѣ «Пряникъ» мать приноситъ своему голодному больному ребенку пряникъ, который выпросила Христа-ради, преодолѣвъ стыдъ и страхъ. Разсказъ этотъ оканчивается на томъ, какъ она съ пряникомъ въ рукахъ ждетъ пробужденія сына. Какое впечатлѣніе произвелъ пряникъ на больного ребенка—остается неизвѣстнымъ читателю. Въ разсказѣ «Свѣтлый праздникъ» мальчикъ мастеровой, посланный хозяиномъ по дѣлу, проходилъ до вечера по улицамъ, останавливаясь передъ каждымъ магазиномъ. Противъ всякаго ожиданія, хозяинъ не сдѣлалъ ему никакого выговора. Вернувшись домой, мальчикъ ложится спать и видитъ во снѣ заутреню въ своей родной деревнѣ. «Дождь»,—картина городской жизни,—изображаетъ мальчика мастероваго, лежащаго подъ дождемъ и получающаго за это должное возмездіе отъ хозяина. «Весенняя картина» принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыя никогда не читаются дѣтьми.

Стихотворенія сборника не отличаются ни художественной красотой, ни содержаніемъ. Если книга г. Бѣлоусова попадетъ въ руки дѣтямъ, вреда отъ чтенія ея не произойдетъ, но и особенной пользы и удовольствія они также не получатъ.

Дѣтское сердце. Сборникъ разсказовъ. Изданіе Сытина. Москва. 1892 г. Ц. 10 к.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 5 разсказовъ: «Ванька» А. Чехова, «Похороны» Якунина, «Богоданка» Ключникова, «Ефремочка» Н. Ершова и «Вотъ мы какіе» Б. Прусса. Во всѣхъ разсказахъ главными дѣйствующими лицами являются крестьянскія дѣти, и притомъ— дѣти бѣдняковъ, рано знакомящіеся съ неприглядной стороной жизни, страдающія въ деревнѣ—отъ бѣдности, отъ семейныхъ невзгодъ, отъ отсутствія заботы и присмотра, а въ городѣ—въ душныхъ мастерскихъ у хозяевъ пьяницъ и въ темныхъ углахъ подваловъ. Извѣстный разсказъ Чехова «Ванька» является лучшимъ разсказомъ въ сборникѣ. Какъ живой, рисуется въ немъ бѣдный простодушный мальчикъ, изъ деревенской вольной жизни попавшій въ ученье къ сапожнику, гдѣ всѣ колотятъ «сироту несчастную», гдѣ и отъ хозяина, и отъ хозяйки, и отъ подмастерьевъ каждый день ему до-

стается «выволочка», гдѣ «ѣды нѣту никакой», работы настоящей тоже, а между тѣмъ Ванькѣ цѣлый день приходится услуживать всѣмъ и каждому, а ночью качать хозяйскаго «ребенка». Наивное письмо мальчика, съ адресомъ «на деревню дѣдушкѣ», съ горькими сѣтованіями на «свою пропащую жизнь», съ безхитростными ласковыми словами и убѣдительными просьбами взять его домой, съ воспоминаніями о деревенской жизни и тоской по ней, — это письмо дышетъ такой правдой и задушевностью, что можетъ производить глубокое впечатлѣніе какъ на ребенка, такъ и на взрослаго. Очень хорошъ также разсказъ Болеслава Прусса «Вотъ мы какіе», хотя онъ менѣе другихъ пригоденъ для дѣтей, такъ какъ ими врядъ-ли можетъ быть понято настроеніе лица, отъ имени котораго ведется разсказъ. Герой разсказа—человѣкъ, привыкшій анализировать всѣ свои чувства, взвѣшивать каждое дѣйствіе. Придя на пожаръ и узнавъ, что въ горящей избѣ остался ребенокъ, онъ жалѣетъ погибающаго, но не бросается по первому порыву въ огонь, а начинаетъ разсуждать, имѣетъ-ли онъ нравственное право жертвовать собой изъ-за слабаго, можетъ быть уже задохнувшагося ребенка? Пока онъ разсуждаетъ и колеблется, ребенка спасаетъ 15-ти-лѣтняя дѣвочка, совсѣмъ чужая ребенку, спасаетъ просто, безъ колебанія, не ожидая ни награды, ни похвалы за подвигъ и не рисуясь имъ. Разсказъ Ключникова «Богоданка» не такъ грустенъ, какъ остальные, хотя и въ немъ рисуются очень тяжелыя стороны крестьянской жизни: бѣдность, несмотря на тяжелый трудъ и заботы, безсердечное отношеніе кулаковъ къ крестьянину, котораго нужда заставляетъ идти къ нимъ въ кабалу. На выручку въ разсказѣ является счастливая случайность, въ лицѣ доброй сосѣдки докторши, которая даритъ семьѣ хворую телушку «Богоданку» и затѣмъ снова выручаетъ бѣдняковъ, когда Богоданку, уже прекрасную корову, продаетъ судебный приставъ для уплаты штрафа за порубку лѣса, вызванную крайней нуждой. Разсказъ г. Ключникова менѣе удаченъ, чѣмъ всѣ остальные, растянутъ, мѣстами сантименталенъ, языкъ дѣланный и блѣдный. Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ разсказы «Похороны» и «Ефремочка», — разсказъ Ершова, въ которомъ рисуется печальная жизнь мальчика, выгнаннаго отчимомъ изъ родной семьи, бродящаго по чужимъ угламъ. Только передъ смертью попадаетъ онъ въ родную избу и умираетъ, оплаканный матерью.

Въ общемъ, сборникъ очень симпатиченъ своимъ теплымъ отношеніемъ къ бѣднымъ, заброшеннымъ дѣтямъ.

«Сердечное слово». Изданія Ледерле: 1) «Какъ дѣдъ съ французомъ воевалъ», разсказъ *Малышева*. № 6. 13 стр. и 2 картинки въ текстѣ. Цѣна 3 коп. 2) «Трофимъ болящій», разсказъ *Н. Познякова*, и «Воръ» разсказъ *К. А. Лебедева*. № 5. Два рисунка Клодта и Малышева. 31 стр. Цѣна 10 коп.

Лучшимъ изъ этихъ разсказовъ, въ смыслѣ исполненія, является первый—«Какъ дѣдъ съ французомъ воевалъ». Девяностолѣтній старикъ разсказываетъ, какъ французы разорили его деревню и разстрѣляли отца его. Двѣнадцати-лѣтній мальчикъ поджигаетъ родной домъ, въ которомъ расположились французы, и даетъ себѣ слово всѣми средствами вредить врагамъ. И вотъ, случай отмстить представляется: какъ-то вечеромъ, онъ находитъ за селомъ, среди поля, двухъ французовъ: умирающаго юношу и полузамерзшаго старика. Съ дубиной въ рукахъ, подходитъ онъ къ нимъ—и вдругъ руки его опускаются. «Прочелъ-ли онъ въ душѣ моей,—говоритъ разсказчикъ,—или ужъ лицо мое въ тѣ поры больно звѣрское было, только поднялъ онъ (старикъ) на меня глаза, посмотрѣлъ пристально, пристально и покачалъ головой, а у самого слезы такъ и бѣгутъ, такъ и бѣгутъ». Сердце мальчика наполнилось жгучей жалостью. Онъ помогъ старому французу похоронить его молодого товарища и отвелъ его къ своему дѣду, гдѣ несчастнаго обогрѣли и накормили. «Съ тѣхъ поръ, — продолжаетъ разсказывающій, — я совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ: то все скучный да мрачный ходилъ, а теперь живой да веселый сталъ». А когда, 20 лѣтъ спустя, пришлось ему снова встрѣтиться съ французомъ, онъ обрадовался ему, какъ родному, и до старости не могъ безъ волненья вспоминать этой встрѣчи.

«Трофимъ болящій»—русскій Іовъ многострадальный, безропотно несущій свой тяжелый крестъ. 17-ти-лѣтнимъ юношей упалъ онъ съ лѣсовъ строющейся церкви и 40 лѣтъ лежитъ безъ движенія. Но несчастье не сломило его бодрости душевной: онъ самоучкой научается читать, учитъ деревенскихъ ребятишекъ, берется за переплетное мастерство (!?) и содержитъ себя скромнымъ заработкомъ. Въ концѣ разсказа авторъ подчеркиваетъ, что самъ видѣлъ этого человѣка. Если это такъ, то жаль, что онъ не съумѣлъ правдивѣе очертить это лицо и избѣжать дѣланности, которой страдаетъ его разсказъ.

Разсказъ «Воръ», также недурной по мысли и мѣстами трогательный, растянутъ ни къ чему ненужнымъ введеніемъ и нѣсколько бьетъ на эффектъ, въ ущербъ естественности. Во время весенняго ледохода толпа народа преслѣдуетъ вора. Онъ бѣжитъ на рѣку и, перескакивая съ льдины на льдину, достигаетъ почти противополож-

наго берега, какъ широкая полынья отрѣзываетъ ему путь. Льдину, на которой онъ остановился, теченіемъ прибиваетъ къ пролету моста. Толпа, стоящая на мосту, глумится надъ нимъ, бросаетъ въ него снѣгомъ и осколками льда. Запоздавшій городовой спускаетъ къ нему спасательный кругъ, но онъ долго не рѣшается взяться за него, предвидя, что ожидаетъ его, когда онъ попадетъ въ руки разъяренной толпы. Наконецъ, онъ рѣшается; но окоченѣвшія руки уже не могутъ держать круга и, не поднявшись на сажень, онъ съ глухимъ стономъ падаетъ на льдину. Жалкій видъ человѣка смиряетъ толпу. Всѣ наперерывъ стараются помочь несчастному: ограбленный имъ купецъ обѣщаетъ сотенную тому, кто вытащитъ вора изъ-подъ моста; какой-то подгулявшій парень вызывается спуститься на ледъ, десятки рукъ вытаскиваютъ спасителя на мостъ, и все оканчивается благополучно: воръ цѣлъ и невредимъ, спасшій его отказывается отъ награды, народъ тѣснится къ оборванцу и бросаетъ ему деньги, даже городовой отдаетъ ему свой единственный мѣдный пятакъ.

Въ общемъ, всѣ три разсказа смѣло могутъ быть даны для чтенія дѣтямъ и взрослымъ читателямъ изъ народа.

Для школъ и грамотнаго народа. Изданія И. Ѳ. Жиркова: 1) Испытанія доктора Исаака. *Н. Рубакина.* 2) Пастухъ. *В. Ламскаго.* 3) Нѣтъ худа безъ добра. *Жиркова.* 4) На берегу моря. *М. Б--скаго.* 5) Спасибо отцу. *И. Жиркова.* 6) Эпитимія. *С. Бажина.* 7) Отомстилъ. *Тютчева.* 8) Сапожникъ и музыкантъ. *Тютчева.* 9) Рядовой Саватьевъ. *Тютчева.* 10) Божья воля. *Бѣлоусова.* 11) Одинъ день на полѣ сраженія. *Тютчева.* 12) Кость и золото. *Желтова.*

Серія изданій Жиркова состоитъ въ настоящее время изъ 12 отдѣльныхъ выпусковъ, цѣною отъ 3-хъ до 5-ти копеекъ. Каждая изъ книжекъ заключаетъ въ себѣ отдѣльный разсказъ. По идеѣ всѣ эти разсказы очень симпатичны. Въ разсказѣ «Пастухъ»—пастухъ Данило, добрый и смирный человѣкъ, всей душой отдается своему дѣлу и, благодаря своей опытности, ловко справляется со стадомъ. Но невѣжественные крестьяне объясняютъ его искусство колдовствомъ и, когда наступаетъ падежъ скота, убиваютъ Данилу, обвиняя его въ наговорѣ. Въ разсказѣ «Спасибо отцу» разсказчикъ вспоминаетъ первые дни своего ученія въ школѣ и благодаритъ отца за то, что онъ, отдавъ его въ школу, далъ ему возможность приносить пользу народу. По изложенію разсказъ этотъ, однако, очень блѣденъ. Гораздо глубже и сильнѣе выражена эта-же мысль (наука, какъ сред-

ство служенія человѣчеству) въ разсказѣ «Испытанія доктора Исаака». Докторъ Исаакъ преданъ наукѣ до самоотверженія; онъ изучаетъ медицину, стараясь облегчить страданія человѣчества безъ различія національности и общественнаго положенія. Много горя пришлось вынести Исааку ради его открытій, но онъ твердо вѣритъ, что «правда всегда останется правдой», и, достигнувъ своей цѣли, утѣшается тѣмъ, что онъ страдалъ недаромъ и что его открытія, стоившія ему такихъ жертвъ, будутъ, по его мнѣнію, полезны для всего человѣчества.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ изображается симпатичное отношеніе хорошихъ людей къ своимъ ближнимъ. Такъ, рядовой Саватьевъ (въ разсказѣ того-же имени) въ продолженіе всей своей службы мечтаетъ о томъ, чтобы вернуться въ деревню и снова приняться за крестьянскій трудъ. За нѣсколько дней до срока окончанія службы умираетъ его знакомый церковный сторожъ, оставивъ жену и дѣтей безъ всякихъ средствъ. Саватьевъ рѣшается отказаться отъ своей любимой мечты, женится на вдовѣ и беретъ мѣсто церковнаго сторожа, чтобы такимъ образомъ обезпечить вдову и ея дѣтей. Въ разсказѣ Тютчева «Отомстилъ» солдатъ Сухой съ опасностью жизни спасаетъ своего врага вахмистра, отъ котораго раньше вытерпѣлъ много обидъ.

Но самый лучшій, по своей простотѣ и задушевности, изъ всѣхъ разсказовъ—разсказъ Тютчева «Одинъ день на полѣ сраженія». Раненый солдатъ Савельевъ, забытый на полѣ сраженія, напрягаетъ послѣднія силы, чтобы добраться до своихъ. Дорогой ему попадается юнкеръ, тоже раненый. Сначала Савельевъ старается подбодрить его и увести съ собой, но силы ему измѣняютъ, и они не могутъ идти дальше. Въ это время подходятъ санитары. Савельевъ проситъ взять сначала юнкера и умоляетъ вернуться поскорѣе за нимъ, такъ какъ онъ чувствуетъ себя очень плохо. Но вернувшіеся санитары находятъ его уже мертвымъ.

Недуренъ еще разсказъ «Эпитимія», хотя нѣсколько съ странной завязкой. Старуха, находя, что Богъ не по заслугамъ милостивъ къ ней, проситъ священника наложить на нее эпитимью. Священникъ велитъ ей прожить годъ на самомъ дурномъ и непріятномъ мѣстѣ. Но ласковая, добросовѣстная женщина уживается съ самыми вздорными и грубыми людьми и вездѣ чувствуетъ себя хорошо. Священникъ ее разрѣшаетъ отъ эпитимьи, говоря, что хорошему человѣку вездѣ будетъ хорошо.

Такимъ образомъ, какъ по содержанію, такъ и по идеямъ, разсказы очень симпатичны. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же относительно ихъ формы. Большая часть разсказовъ искусственны,

блѣдны, растянуты, нѣкоторые даже скучны. Сильнѣе другихъ производятъ впечатлѣніе разсказы Тютчева изъ солдатской жизни.

«Красное Солнышко» (съ азбукой картинкой). Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. М. 1892 г. Ц. 23 к.

Въ этой азбукѣ упражненія по письму и чтенію идутъ совмѣстно. Звуки подобраны цѣлесообразно, въ порядкѣ легкости произношенія (*и*, напримѣръ, поставлено послѣ 12 другихъ буквъ, что весьма удобно, потому что, говоря объ *и*, надо научить передъ нимъ мягко выговаривать согласныя, а это составляетъ уже трудность при началѣ чтенія). Каждый новый звукъ дѣти могутъ выдѣлять даже сами, такъ какъ картинки съ словомъ, гдѣ первый звукъ—новый, весьма выразительны. Авторы приноровили свою книжку и для самообученія. Въ концѣ азбуки сообщенъ матеріалъ для чтенія по славянски. Даны и цыфры, ариѳметическія фигуры, нѣсколько, впрочемъ, мелковатыя; есть и разрѣзная азбука. Въ книгѣ для чтенія 66 стр., содержаніе болѣе половины которыхъ или прямо позаимствовано изъ «Родного Слова» и книжекъ Л. Толстого, или-же состоитъ изъ повтореній, оттуда-же заимствованныхъ. Нельзя, поэтому, не сказать, что авторы уже черезчуръ пользуются чужимъ матеріаломъ. Во всякомъ случаѣ, составители обратились къ хорошимъ источникамъ. Достоинства «Родного Слова» общеизвѣстны. Подборъ изъ книжекъ Толстого сдѣланъ удачно. «Дѣловыя» статейки очень невелики, доступны и для самыхъ неразвитыхъ дѣтей, написаны зачастую живымъ, образнымъ языкомъ и не лишены содержательности. Беллетристическія пьески, подобранныя или составленныя самими авторами, недурны въ литературномъ отношеніи. Нѣкоторый сантиментализмъ ихъ, однако, иногда переступаетъ законныя границы. Внѣшность «Краснаго Солнышка» обращаетъ на себя вниманіе особливою привлекательностью, да и цѣна книги ясно свидѣтельствуетъ, на сколько далеки составители отъ какихъ-бы то ни было коммерческихъ соображеній.

А. Н.

Обзоръ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Вопросы текущей жизни английской школы. (Journal of Education. January—May 1892. London).

Это—одинъ изъ 5—6 главныхъ англійскихъ педагогическихъ журналовъ, посвященный преимущественно вопросамъ средняго образованія, но слѣдящій въ то-же время за ходомъ образованія начальнаго, а отчасти также и высшаго. Журналъ имѣетъ форматъ нашего журнала «Нивы», но превосходитъ ее объемомъ раза въ четыре и выходитъ разъ въ мѣсяцъ. Около четвертой части журнала, если не больше, отведено, впрочемъ, подъ объявленія, преимущественно о вновь выходящихъ книгахъ, а также объявленія относительно спроса и предложенія услугъ учителей, гувернантокъ, учительницъ, публикацій со стороны учебныхъ заведеній объ условіяхъ пріема и т. п. Изобиліе объявленій послѣдняго рода можетъ быть объяснено тѣмъ фактомъ, что дѣло народнаго образованія какъ низшаго, такъ въ особенности средняго находится въ Англіи въ частныхъ рукахъ или-же въ вѣдѣніи мѣстной власти.

Однако, и въ этой классической странѣ «индивидуализма» и «самопомощи» (self-help) въ теченіе нынѣшняго столѣтія постоянно росло сознаніе, что для всего общества важно, чтобы въ немъ было какъ можно менѣе совершенно невѣжественныхъ членовъ,—сознаніе, что никакое культурное общество не можетъ считать себя безопаснымъ, пока въ немъ есть такъ-называемая «темная масса». Сами англичане отмѣчаютъ при этомъ (см. дѣльныя статьи по вопросамъ начальнаго образованія въ Sonnenshein's Cyclopaedia of Education. London. 1889), что движеніе къ организаціи народнаго образованія связано тѣсно съ расширеніемъ избирательныхъ правъ англійскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ центральное правительство (парламентъ) назначило на помощь существующимъ школамъ (частнымъ или принадлежащимъ какимъ-нибудь филантропическимъ или религіоз-

нымъ обществамъ) небольшую сумму (около 200.000 рублей) почти одновременно съ первой избирательной реформой въ 1832 г.

Эта субсидія постоянно возростала, но крупнѣйшій шагъ въ организаціи народнаго образованія въ Англіи былъ сдѣланъ вскорѣ за второй избирательной реформой въ 1870 г., когда прошелъ въ парламентѣ такъ-называемый билль Форстера, которымъ Англія дѣлилась на школьные округа и въ этихъ округахъ мѣстное начальство обязывалось, если недостаточно уже существующихъ школъ, устраивать новыя въ такомъ количествѣ, чтобы въ нихъ было мѣсто для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста (т.-е. отъ 5 до 13 лѣтъ). Третья избирательная реформа послѣдовала, какъ извѣстно, въ 1884 г., а за нею вслѣдъ былъ сдѣланъ послѣдній шагъ въ 1891 г., когда Англія обязательную начальную школу сдѣлала въ то-же время даровой, догнавъ въ этомъ отношеніи самыя культурныя государства Европы, которыя она уже давно опередила въ другихъ, не менѣе важныхъ, отношеніяхъ.

Мы указали на три самыхъ важныхъ момента въ дѣятельности англійскаго парламента на пользу народнаго образованія; на самомъ дѣлѣ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ эта дѣятельность была непрерывна, и англійская народная школа постоянно улучшалась какъ со стороны состава учителей, такъ и со стороны системъ преподаванія и внѣшняго благоустройства. Особенно сильно интересуется все общество народными и другими школами въ послѣднее время, чему неопровержимымъ доказательствомъ могло-бы послужить для читателя ознакомленіе хотя-бы съ журналомъ, названнымъ въ заголовкѣ статьи. Русскому читателю трудно себѣ представить количество выходящихъ ежегодно въ Англіи всякихъ учебныхъ книгъ и пособій, популярно-научныхъ изданій, всякаго рода книгъ для дѣтскаго чтенія и т. п.; что-же касается до ихъ качества, то мы можемъ сказать изъ личнаго опыта, что не разъ съ удовольствіемъ прочитывали книги, предназначенныя для дѣтей или для народа.

Читатель «Journal of Education» не разъ встрѣтитъ въ немъ доказательства успѣховъ средняго и высшаго образованія въ Англіи, но онъ будетъ совершенно пораженъ успѣхомъ высшаго женскаго образованія. Тридцать лѣтъ тому назадъ, среднее образованіе женщинъ въ Англіи было весьма незавидно; теперь-же въ организаціи даже высшаго женскаго образованія Англія, конечно, стоитъ впереди всѣхъ государствъ Европы и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Соединеннымъ Штатамъ. «1891 годъ,—читаемъ мы въ первомъ нумерѣ журнала,—будетъ всегда памятенъ въ исторіи народнаго образованія въ Англіи, такъ какъ никогда еще съ того времени, когда въ парламентѣ прошелъ

билль Форстера, не было замѣчаемо такого-же благотворнаго движенія въ педагогическомъ мірѣ». Благодаря уменьшенію или даже, можно сказать, полному уничтоженію платы за ученье, число учениковъ, записанныхъ въ школьные журналы, значительно увеличилось, и тѣ, которые записаны, посѣщаютъ школу болѣе регулярно, чѣмъ прежде,—говорится далѣе въ журналѣ.

Къ сожалѣнію, хотя уже съ 1880 года парламентъ потребовалъ отъ мѣстнаго начальства организаціи комитетовъ для наблюденія за правильнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы (School attendance committee), до сихъ поръ во многихъ школьныхъ округахъ мѣстныя власти относятся небрежно къ этому дѣлу, и мы не разъ встрѣчали въ англійской печати жалобы на неисполненіе закона. Не только такія жалобы встрѣчаются, напр., въ майскомъ нумерѣ «Journal of Education», но мы встрѣтили ихъ даже въ журналѣ «Contemporary Review» (1891, статья «Is compulsory education a failure?») и въ газетѣ «Weekly Dispatch» (July 10, 1892, статья Educational progress). Изъ этого можно видѣть, что зло не остается безъ вниманія и что недалеко, вѣроятно, время, когда оно будетъ устранено, тѣмъ болѣе, что, по закону, родители за непосѣщеніе ихъ дѣтьми школы могутъ быть оштрафованы и даже подвергнуты тюремному заключенію.

Англичане, впрочемъ, далеко не довольны своими начальными школами и одну изъ причинъ этого видятъ, какъ это высказываетъ, напр., «Journal of Education», въ недостаточномъ матеріальномъ вознагражденіи учителей. Надо, однако, прибавить, что жалованье въ 50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (около 500 рублей по нынѣшнему курсу) вовсе не привлекаетъ желающихъ занять мѣста учителей тамъ, гдѣ нѣтъ шансовъ на скорое увеличеніе вознагражденія, какъ это сообщаетъ сама редакція.

Отношеніе центральнаго правительства въ Англіи (Department of Education) къ народному (начальному) образованію заключается въ томъ, что оно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества частныхъ школъ или школъ, принадлежащихъ извѣстнымъ религіознымъ обществамъ, мѣстные школьные комитеты (выборные) устраивали въ достаточной мѣрѣ новыя школы для всего наличнаго числа дѣтей, не находящихъ себѣ мѣста въ другихъ школахъ. Эти послѣднія школы содержатся какъ на средства, доставляемыя спеціальными мѣстными налогами, такъ и на средства, вотируемыя ежегодно парламентомъ изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Субсидіями (grants) отъ центральнаго правительства пользуются всѣ частныя школы и школы религіозныхъ обществъ (церковно-приходскія и другія), сооб-

разно числу учениковъ и успѣшности преподаванія, за чѣмъ слѣдятъ инспектора народнаго образованія, назначаемые центральнымъ правительствомъ. Въ школахъ, устроенныхъ мѣстными комитетами (School Boards), совсѣмъ не преподается Закона Божія, религіозное преподаваніе поручается попеченію священнослужителей, которые это и дѣлаютъ, если не ошибаемся, въ такъ-называемыхъ «воскресныхъ школахъ». Въ остальныхъ школахъ для Закона Божія долженъ быть отведенъ первый или послѣдній часъ занятій, чтобы ученикъ, принадлежащій другому исповѣданію, могъ безъ всякаго неудобства для себя посѣщать иновѣрную школу. Оказывается, однако, что и такой порядокъ не вполнѣ обезпечиваетъ свободу совѣсти въ англійской конфессіональной школѣ, и мы встрѣчаемъ кое-гдѣ въ журналѣ желаніе, чтобы только вполнѣ свѣтскія, не конфессіональныя, школы получали субсидіи отъ правительства, какъ это дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи и, если не ошибаемся, въ Пруссіи. Извѣстно, что въ Канадѣ отношеніе къ конфессіональнымъ школамъ подобно тому, какое существуетъ въ Англіи (см., напр., Fitch. Notes on american schools. 1890); другая колонія Англіи—Новая Зеландія пошла въ этомъ отношеніи дальше своей метрополіи. Вотъ, что, напр., читаемъ мы въ апрѣльскомъ нумерѣ «Journal of Education»:

«Если-бы вслѣдъ за секуляризаціей школы послѣдовало увеличеніе числа преступленій, нашлись-бы люди, готовые доказывать, что одно явилось слѣдствіемъ другого. Если-же наступаетъ уменьшеніе преступленій, намъ кажется, что адвокаты свѣтской школы могутъ съ такимъ-же правомъ ставить въ причинную связь эти два явленія. Вотъ, что сэръ Р. Стаутъ — бывшій первый министръ Новой Зеландіи *)—пишетъ въ одномъ Мельбурнскомъ журналѣ о результатахъ обязательнаго дарового и свѣтскаго образованія въ этой колоніи. «Моимъ намѣреніемъ,—говоритъ въ своей статьѣ сэръ Стаутъ,—было представить читателю цыфровыя данныя, изъ которыхъ онъ можетъ видѣть, что свѣтская школа вовсе не ведетъ къ увеличенію преступленій въ колоніи; можно даже утверждать противное. Наибольшая преступность въ населеніи была отмѣчена въ 1878 г., а именно: 66 преступниковъ на 1.000. Наименьшая преступность—31 на 1.000—падаетъ на 1890 г., т.-е. число преступленій уменьшилось вдвое. Если-бы число преступленій увеличилось, мы-бы услышали порицанія свѣтской школѣ, если-же оно уменьшилось, то не имѣемъ-ли мы

*) Извѣстно, что англійскія колоніи пользуются самымъ широкимъ, хотя не вездѣ одинаковымъ правомъ самоуправленія. Система государственнаго управленія этихъ колоній весьма близко походитъ на англійскую.

права приписать хотя-бы самое небольшое вліяніе на этотъ фактъ закону о свѣтской школѣ». Журналъ, видимо, вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія перваго министра Новой Зеландіи и желалъ-бы секуляризаціи всѣхъ пользующихся субсидіями школъ Англіи. Если англичане въ своей заботливости о начальной школѣ и отстали отъ нѣкоторыхъ передовыхъ государствъ Европы, все-то таки однѣхъ субсидій начальнымъ школамъ парламентъ вотируетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей; самое-же дѣло народнаго образованія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе и общества, и правительства *).

Что-же касается средняго образованія, то оно находится вполнѣ въ рукахъ частныхъ лицъ, нѣкоторыхъ обществъ, стремящихся къ распространенію образованія въ народѣ, и, наконецъ, мѣстныхъ управленій. Однако, большинство молодежи, поступающей въ англійскіе университеты, получаетъ свое образованіе въ такъ-называемыхъ «общественныхъ школахъ» (public schools). Такъ называются большія школы для мальчиковъ, гдѣ они живутъ и готовятся къ поступленію въ университетъ. Самыя извѣстныя изъ нихъ возникли во время реформаціи, если даже не ранѣе, и сохранили отпечатокъ своего происхожденія, обучая до сихъ поръ юношество почти исключительно древнимъ языкамъ и математикѣ. Какъ дорого стоитъ образованіе въ этихъ школахъ, читатель можетъ судить изъ слѣдующихъ цыфръ, сообщаемыхъ «Journal of Education»: въ школѣ Гарроу отъ 1.400 до 1.800 руб. въ годъ по нынѣшнему курсу (138—183 фунт. стерл.), въ Итонѣ—1.600, въ Уэллингтонскомъ колледжѣ—1.100 и т. д. до 700 рублей.

Въ первомъ нумерѣ журнала мы находимъ статью «Англійскія и американскія школы съ точки зрѣнія американца». Авторъ ея получилъ свое образованіе въ Америкѣ и, окончивъ тамъ курсъ въ университетѣ, пріѣхалъ въ Англію, слушалъ лекціи въ Оксфордѣ и затѣмъ посѣщалъ главныя упомянутыя выше «общественныя школы» для ознакомленія съ англійскою школою.

Онъ укоряетъ Англію въ отсутствіи всякой системы. Извѣстно, что въ Америкѣ всѣ разряды учебныхъ заведеній—отъ начальной

---

*) Какіе быстрые шаги дѣлаетъ народное образованіе въ Англіи можно судить по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ. Въ 1869 г. парламентъ вотировалъ субсидій начальнымъ школамъ около 8.000.000 рублей (считая фунтъ стерлинговъ за 10 руб.), въ 1875—16.000.000, въ 1885—37.000.000 и въ 1890—43.000.000 рублей. См. весьма любопытный сборникъ «Barker's. Facts and figures for the year 1891, edited by T. Whitaker».

школы, въ которой всѣ классы общества получаютъ свое образованіе, и до университета—составляютъ одни продолженіе другихъ. Американецъ находитъ ненормальнымъ исключеніе изъ среднеобразовательной школы естествознанія, исторіи, небрежное отношеніе къ новымъ языкамъ. Американецъ былъ пораженъ, напр., когда только-что награжденный ученою степенью англичанинъ не могъ удовлетворить его любопытству и назвать одного изъ самыхъ характерныхъ, какъ оказалось потомъ, растеній флоры Англіи, распространеннаго по всему острову. Американецъ не могъ понять, какъ здравый смыслъ англичанъ находитъ нормальнымъ, что человѣкъ можетъ получить среднее образованіе, можетъ съ отличіемъ закончить даже университетскій курсъ, имѣя самое ограниченное понятіе о реальномъ мірѣ, въ который онъ вступаетъ. «Не пора-ли уже давно англичанамъ понять (Is it not high time), что естествознаніе, исторія и новые языки имѣютъ равное, если не большее, право на вниманіе школы, чѣмъ языки греческій или латинскій». Далѣе американецъ рѣзко осуждаетъ теорію такъ-называемаго «формальнаго развитія», доставляемаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изученіемъ древнихъ языковъ. Въ полномъ игнорированіи изученія явленій реальнаго міра въ англійской школѣ американецъ видитъ причину апатичнаго отношенія учениковъ къ занятіямъ, на что жалуются англійскіе учителя. Мы не можемъ передавать всѣхъ аргументовъ американца въ пользу реальнаго образованія, скажемъ только, что редакція «Journal of Education» видимо сочувствуетъ взглядамъ своего сотрудника. Въ этомъ-же нумерѣ, напр., редакція передаетъ точку зрѣнія, съ которой одинъ англійскій ученый защищаетъ изученіе греческаго языка въ средней школѣ: этотъ ученый вообще возстаетъ противъ утилитарной точки зрѣнія на вопросы воспитанія; науку, говоритъ онъ, надо изучать для науки. Редакція, не возражая по существу на это разсужденіе, прибавляетъ только, что *caeteris paribus* надо предпочесть знанія въ жизни полезныя такимъ, которыя имѣютъ къ жизни весьма мало отношенія, такъ какъ нельзя-же древнимъ языкамъ приписать нѣчто въ родѣ монополіи — исключительное свойство развивать учащихся. Къ тому-же вопросу редакція возвращается еще два раза въ статьяхъ: «Изученіе греческаго языка въ Германіи» (№ 2) и «Новые учебные планы прусскихъ школъ» (№ 3). Редакція весьма сочувственно относится къ уменьшенію числа уроковъ по древнимъ языкамъ, желая того-же для Англіи; такимъ-же образомъ редакція желала-бы, чтобы и въ Англіи, какъ и въ Пруссіи, было возвышено значеніе родного и новыхъ языковъ на счетъ древнихъ. По новому прусскому закону

ученики реальныхъ училищъ получаютъ доступъ въ университеты (математическій и естественный факультеты), и эта мѣра защищается журналомъ, на томъ основаніи, что «университеты принадлежатъ всей націи и что доступъ въ нихъ долженъ быть широко открытъ».

Мы уже упоминали о поразительныхъ успѣхахъ женскаго образованія въ Англіи. Въ настоящее время въ Англіи 12 высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ получаютъ образованіе женщины, столько-же другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ совмѣстно учатся оба пола. Кромѣ того, въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ существуютъ женскіе медицинскіе колледжи. Большинство университетовъ, если не всѣ, допускаютъ женщинъ къ экзаменамъ на ученыя степени наравнѣ съ мужчинами и три университета (Лондонскій, Victoria University въ Манчестерѣ и Дублинскій королевскій университетъ) даютъ женщинамъ ученыя степени *). Читатель «Journal of Education» убѣдится въ высокомъ образованіи англійскихъ женщинъ, встрѣчая въ журналѣ рядъ статей, написанныхъ женщинами, читая иногда извѣстія о награжденіи той или другой дѣвушки преміей, стипендіей за успѣшныя занятія или за выдающійся успѣхъ на экзаменахъ. Въ четвертомъ нумерѣ журнала читатель найдетъ некрологъ начальницы Ньюнгамскаго колледжа (женскаго) при Кэмбриджскомъ университетѣ **). Это была даровитая и необыкновенно дѣятельная женщина, біографія которой тѣсно связана съ движеніемъ къ поднятію женскаго образованія вообще и въ особенности высшаго женскаго образованія. Она первая организовала общежитіе для дѣвушекъ, желавшихъ слушать лекціи профессоровъ Кэмбриджскаго университета.

Статья г-жи Джеббъ «Женское образованіе въ Ирландіи» и завязавшаяся по поводу этой статьи небольшая полемика знакомятъ читателя съ первыми фазами стремленія поднять уровень женскаго образованія въ Ирландіи. Состояніе просвѣщенія въ Ирландіи вообще ниже, чѣмъ въ Англіи, и сдѣланная нами характеристика народнаго образованія справедлива лишь по отношенію собственно Англіи и

---

*) Для полученія этихъ свѣдѣній, равно какъ для большей части нашихъ объясненій относительно народнаго образованія въ Англіи, мы пользовались прекраснымъ изданіемъ «Sonnenshein's Cyclopaedia of Education». Мы имѣемъ въ рукахъ второе изданіе 1889 г. и, конечно, не сомнѣваемся, что высшее женское образованіе въ Англіи сдѣлало за послѣдніе годы еще большіе успѣхи.

**) О Ньюнгамскомъ и Джертонскомъ женскихъ колледжахъ можно получить свѣдѣнія изъ нашей статьи «Женскіе колледжи при Кэмбриджскомъ университетѣ» («Женское образованіе», 1891, май), представляющей извлеченіе изъ довольно большой статьи Карла Бруля въ «Preussische Jahrbücher» того-же года.

въ значительной мѣрѣ Шотландіи. Ирландія много отстала отъ этихъ странъ, для чего достаточнымъ объясненіемъ могла-бы служить ненормальность политическихъ условій, въ которыхъ живетъ страна, не говоря уже о бѣдности населенія. Какъ много работы было ревнителямъ женскаго просвѣщенія въ Ирландіи, читатель можетъ судить по тому факту, что въ ней, какъ и во многихъ другихъ католическихъ странахъ, какъ разсказываетъ г-жа Джеббъ, существовалъ обычай (можетъ быть, существуетъ и теперь) отдавать дочерей на воспитаніе въ женскіе монастыри. Теперь дѣло женскаго образованія идетъ быстро впередъ и со времени основанія университета въ Дублинѣ въ 1880 г. (Royal University of Ireland) ирландскія женщины не разъ удостоивались высшихъ наградъ, стипендій и ученыхъ степеней, раздаваемыхъ этимъ университетомъ.

Духовенство въ Ирландіи, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, является однимъ изъ противниковъ широкаго распространенія просвѣщенія: въ 4-мъ нумерѣ «Journal of Education», въ началѣ длиннаго сообщенія о ходѣ народнаго образованія въ Ирландіи, читаемъ, мы слѣдующія строки: «Событія послѣдняго мѣсяца показали, что если и въ Ирландіи, наконецъ, настанетъ пора проведенія въ жизнь столь важнаго закона объ обязательномъ обученіи, то это случится лишь вопреки сильнѣйшей оппозиціи ирландской католической іерархіи».

Въ «Journal of Education» мы встрѣчаемъ, какъ это намъ случалось встрѣчать и раньше въ англійскихъ и американскихъ изданіяхъ, горячую полемику по тому или другому вопросу, возбужденному статьей кого-либо изъ сотрудниковъ журнала. Насъ при этомъ болѣе всего удивляетъ быстрота, съ которой журналъ печатаетъ возраженія, дополненія или даже опроверженія взглядовъ, выраженныхъ однимъ изъ его сотрудниковъ, удѣляя, впрочемъ, въ слѣдующемъ нумерѣ мѣсто и для послѣдняго въ случаѣ, если онъ находитъ нужнымъ защищаться или-же просто выяснить лучше свои взгляды. Подобную, напр., полемику мы находимъ въ первыхъ четырехъ нумерахъ журнала по вопросу объ экзаменахъ. Мы не будемъ передавать содержанія этой полемики, такъ какъ это потребовало-бы длинныхъ объясненій тѣхъ совершенно своеобразныхъ условій, въ какихъ живетъ англійская школа; поэтому и самая полемика совершенно непримѣнима къ русской школѣ. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, главнымъ образомъ, потому, что читатель можетъ видѣть въ немъ доказательство того, что даже въ такой сравнительно спеціальной сферѣ, какъ вопросы народнаго образованія, замѣчается въ настоящее время у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ существованіе общихъ теченій, общей жизни. Извѣстно,

что вопросъ объ экзаменахъ не разъ обсуждался въ послѣднее время въ русскихъ педагогическихъ журналахъ; мы встрѣчали подобнаго содержанія статьи въ американскомъ журналѣ «Educational Review» и не сомнѣваемся, что нашли-бы такія-же статьи во французскихъ или нѣмецкихъ журналахъ.

Въ мартовскомъ нумерѣ журнала мы находимъ статью о Коменскомъ, принадлежащую извѣстному англійскому педагогу профессору Лори (Laurie); мы надѣемся познакомить читателей «Русской Школы» съ этой статьей въ другомъ мѣстѣ, при обозрѣніи американскаго журнала «Educational Review», такъ какъ та-же статья появилась одновременно и въ упомянутомъ американскомъ изданіи.

Статьи «Гербартъ и его взгляды на педагогическіе вопросы» и «Гербартъ и Песталоцци» слишкомъ коротки и не заключаютъ въ себѣ ничего, особенно заслуживающаго упоминанія. Въ статьѣ «Характеристика идеальнаго урока» мы прочитали всѣ 20 пунктовъ, на которые распадается характеристика: всѣ они написаны просто, ясно, толково, даже, пожалуй, очень умно, но, намъ думается, мы не сказали-бы ничего новаго читателю, передавъ ихъ содержаніе. Мы опускаемъ другія менѣе важныя или спеціально касающіяся англійской школы статьи и переходимъ къ вопросу, которому удѣлено наиболѣе мѣста въ первомъ полугодіи «Journal of Education».

Мы уже говорили о количествѣ всякаго рода учебныхъ пособій, выходящихъ въ Англіи; особенно насъ поражаетъ число изданій французскихъ классиковъ и вообще всякихъ французскихъ произведеній, въ особенности текущаго столѣтія, приспособленныхъ для чтенія въ классѣ. Не только насъ, привыкшихъ къ своей бѣдной учебной литературѣ по новымъ языкамъ, но даже самихъ англичанъ поражаетъ число этихъ изданій, и намъ однажды встрѣтилось выраженіе такого удивленія въ критическомъ журналѣ «The Athenaeum». Даже грамматики—и тѣ расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ: мы имѣемъ передъ собой 10-е изданіе, считающейся многими въ Англіи лучшей, французской грамматики Eve and Baudiss, а въ «Journal of Education» читаемъ о 51-мъ изданіи грамматики de Fivas.

Все это, конечно, свидѣтельствуетъ о сильнѣйшемъ увлеченіи занятіями новыми языками, и читатель не долженъ поэтому удивляться, если мы скажемъ, что наиболѣе живой обмѣнъ мыслей между однимъ изъ сотрудниковъ, редакціей и публикой (корреспондентами) вызвала статья въ журналѣ «Кто долженъ учить новымъ языкамъ?» Мы не будемъ слѣдить послѣдовательно за каждымъ высказаннымъ мнѣніемъ, а укажемъ лишь на главные пункты, выяснившіеся изъ спора.

Въ Англіи, какъ оказывается, большинство преподавателей новыхъ языковъ иностранцы. Такъ какъ среднее образованіе находится исключительно въ частныхъ рукахъ, и самыя такъ-называемыя «общественныя школы» (Итонъ, Гарроу и др.) почти совершенно самостоятельны, то и избраніе учителей вполнѣ зависитъ отъ директора учебнаго заведенія. Желая, во что-бы то ни стало, имѣть иностранцевъ въ качествѣ преподавателей новыхъ языковъ, директора, какъ показываетъ опытъ, не всегда осмотрительно выбираютъ ихъ. Одинъ изъ нихъ писалъ въ прошломъ году редактору «Journal of Education», что нанятый имъ учитель французскаго языка черезъ нѣкоторое время сбѣжалъ, взявъ предварительно денегъ въ долгъ и даже прихвативъ съ собой чужіе часы.

Когда зашла въ журналѣ рѣчь о преподавателяхъ новыхъ языковъ, одинъ французъ напомнилъ читателямъ «Journal of Education» этотъ случай, говоря при этомъ, что винить начальникамъ школъ надо только себя. Они желаютъ, говоритъ въ своемъ письмѣ въ редакцію французъ, заплатить учителю дешево, взвалить на него по возможности какія-нибудь дополнительныя занятія, не требуя рекомендацій отъ людей, отъ которыхъ ихъ наиболѣе естественно требовать, и даже не всегда требуя хотя-бы диплома bachelier, лишь-бы только можно было при объявленіяхъ объ учебномъ заведеніи писать, что французскій языкъ преподаетъ M-r X.

Редакція видимо вполнѣ соглашается со своимъ сотрудникомъ, писавшимъ о преподавателяхъ новыхъ языковъ, и находитъ, что дѣло преподаванія этихъ языковъ можетъ быть хорошо поставлено лишь въ рукахъ учителя одинаковой съ учениками національности. Впрочемъ, авторъ статьи, подавшій поводъ къ спору, настаиваетъ главнымъ образомъ на томъ, что начало должно быть положено соотечественникомъ учениковъ, въ послѣдній-же періодъ ученія можетъ наибольшую пользу принести иностранецъ, но лишь такой, который ни по уровню своего образованія, ни по своей педагогической опытности не ниже мѣстнаго уроженца. Вотъ въ этомъ-то и лежитъ вся бѣда: гдѣ взять такихъ иностранцевъ и какъ привлечь въ чужую страну людей, которые, при предполагающихся въ нихъ качествахъ, вѣроятно, нашли-бы возможность приложить свои способности и на родинѣ *)? Имѣя-же въ виду существующіе факты, и редакція жур-

*) Краткій разборъ вопроса о томъ, кто долженъ преподавать новые языки, можно найти въ книгѣ «On the teaching of modern languages by C. Colbek». Cambridge 1887. Авторъ приводитъ соображенія pro и contra и рѣшаетъ вопросъ не въ пользу иностранцевъ.

нала, и корреспонденты ея соглашаются въ томъ, что, вообще говоря, учителя новыхъ языковъ иностранцы не владѣютъ достаточно хорошо англійскимъ языкомъ и не умѣютъ, вѣроятно, отчасти по тому-же, поддерживать дисциплину въ классѣ такъ, какъ ихъ товарищи англичане. Но легко-ли найти англичанина, вполнѣ знакомаго съ французскимъ языкомъ, и въ особенности легко-ли найти такого, который имѣлъ-бы прекрасное произношеніе? По этому поводу одинъ изъ корреспондентовъ пишетъ, что прежде чѣмъ обсуждать, какъ обезпечить школѣ подходящихъ съ этой стороны учителей, надо-бы рѣшить вопросъ о томъ, «какую педагогическую цѣнность» (educational value) имѣетъ безукоризненное произношеніе иностранца, стоитъ-ли оно того, чтобы для него жертвовать образовательнымъ знаніемъ изученія новыхъ языковъ и воспитательнымъ значеніемъ хорошей дисциплины въ классѣ, основанной на полномъ пониманіи учениками учителя, и лишь въ такомъ случаѣ возможномъ уваженіи къ нему? Разрѣшеніе такого затруднительнаго положенія редакція видитъ, напр., въ новомъ законѣ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Пруссіи, въ которомъ рекомендуется предоставлять окончившимъ соотвѣтствующее университетское образованіе выдавать стипендіи для поѣздки за-границу въ видахъ пріобрѣтенія бѣглости въ разговорѣ и улучшенія произношенія *), такъ какъ именно въ этихъ отношеніяхъ англичане, преподававшіе новые языки, не всегда были достаточно компетентны.

Всѣмъ принимавшимъ участіе въ обсужденіи вопроса извѣстно, что во Франціи и въ Германіи учителя иностранныхъ языковъ— мѣстные уроженцы; большое разногласіе мнѣній вызвало лишь объясненіе этого факта въ особенности примѣнительно къ Франціи.

Одинъ изъ корреспондентовъ, ссылаясь на свой опытъ, настаивалъ на томъ, что причиной того, что во Франціи такъ мало англичанъ, дающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ уроки англійскаго языка, служитъ незначительное сравнительно вознагражденіе, на какое они могутъ разсчитывать, а главное—цѣлый рядъ формальностей, которыми обставлено полученіе права на преподаваніе въ частныхъ или общественныхъ школахъ. Редакція, такъ-же какъ и одинъ изъ ея сотрудниковъ, настаивала на томъ, что это происходитъ отъ серьез-

---

*) Объ этомъ говорится также въ статьѣ (№ 3) «О новыхъ прусскихъ учебныхъ планахъ»; но, къ сожалѣнію, мы тамъ не встрѣчаемъ большихъ подробностей объ этомъ интересномъ вопросѣ. Такимъ образомъ исполнились нѣкоторыя желанія извѣстнаго недавно умершаго профессора романской филологіи Кэртинга, высказанныя имъ еще въ 1882 г. въ небольшой книгѣ «Gedanken über das Studium der neueren Sprachen auf den deutschen Hochschulen».

наго отношенія французскаго правительства къ дѣлу народнаго образованія; поэтому, напр., отъ англичанъ, желающихъ заниматься преподаваніемъ своего языка во Франціи, требуется хорошее знаніе французскаго языка. Если-бы французское правительство думало, что англичане дѣйствительно могутъ успѣшнѣе преподавать, чѣмъ французы, то нашлись-бы и деньги для того, чтобы назначить имъ такое матеріальное вознагражденіе, какое обезпечило-бы постоянный приливъ кандидатовъ; формальности-же, какими обставлено полученіе права на преподаваніе, имѣютъ тутъ самое ограниченное вліяніе, по мнѣнію редакціи. Но въ этомъ послѣднемъ редакція ошиблась, въ чемъ, вѣроятно, сознается и сама, такъ какъ, противъ своего обыкновенія, не сочла нужнымъ прибавить что-нибудь отъ себя къ слѣдующему письму, полученному ею изъ Парижа отъ одного англичанина. Вотъ какъ описываетъ этотъ новый корреспондентъ журнала упомянутыя формальности: «Во-первыхъ, министерство нар. просв. не принимаетъ прошеній о разрѣшеніи преподаванія иностранцамъ, не получившимъ такъ называемаго admission à domicile. Для того, чтобы получить право обратиться за admission à domicile въ министерство юстиціи, надо быть самому лично во Франціи и передъ подачей прошенія прожить тамъ не менѣе 6 мѣсяцевъ. При этомъ министерство требуетъ слѣдующихъ документовъ отъ кандидата: 1) Метрическое свидѣтельство о рожденіи. 2) Такое-же свидѣтельство отца кандидата. 3) Сдѣланный присяжнымъ переводчикомъ, написанный на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствованный въ полиціи (также плата) переводъ двухъ предыдущихъ документовъ. 4) Un extrait du casier judiciaire français. 5) Прошеніе на гербовой бумагѣ. 6) Пошлина въ 175 франковъ. Для полученія документа подъ № 4-мъ надо подать бюро, завѣдывающему иностранцами, письменное изложеніе на гербовой бумагѣ цѣлаго ряда подробностей касательно собственной личности и всего своего семейства и внести пошлину въ 3 франка 65 сант., послѣ чего кандидату передается документъ со слѣдующими рубриками: 1) число и характеръ преступленій, совершенныхъ кандидатомъ во Франціи; 2) суды, въ которыхъ эти преступленія разсматривались, 3) судебныя рѣшенія по тѣмъ-же преступленіямъ. Получивъ, наконецъ, «admission à domicile», кандидатъ подаетъ въ мин. нар. просв. прошеніе на гербовой бумагѣ, присоединяя къ нему curriculum vitae, всѣ свои дипломы и переводы этихъ документовъ съ соблюденіемъ упомянутыхъ ранѣе формальностей... Присоедините ко всему этому, говоритъ англичанинъ,—что въ прошломъ году прошелъ законъ, по которому послѣ іюня 1894 года всѣ учителя-иностранцы должны натурализоваться во Фран-

ціи и, слѣдовательно отбывать воинскую повинность. Нѣсколько недѣль тому назадъ, одинъ англичанинъ, 45 лѣтъ отъ роду, только что принявшій французское гражданство, получилъ приказаніе явиться для исполненія воинской повинности и имѣлъ удовольствіе видѣть въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ статью «un conscrit de 45 ans». Другой англичанинъ, мой знакомый, собирается на-дняхъ покинуть Францію и начать жизнь за-ново послѣ того, какъ 20 лѣтъ съ успѣхомъ занимался преподаваніемъ родного языка, и все лишь для того, чтобы остаться англичаниномъ. «Вотъ почему,—говоритъ корреспондентъ,—англичанъ-учителей во Франціи мало, а будетъ еще меньше, не говоря уже о томъ, что въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ вознагражденіе въ Англіи больше, а работы меньше».

Мы думаемъ, что этотъ послѣдній корреспондентъ правъ и что описанныхъ имъ формальностей вполнѣ достаточно, чтобы отбить у иностранцевъ охоту заниматься преподаваніемъ во Франціи. Мы припоминаемъ, кромѣ того, что года 2—3 тому назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» появилась небольшая статья объ иностранцахъ во Франціи, въ которой указывалось, какими формальностями обставлено принятіе французскаго гражданства, какъ оно дорого стоитъ и какъ трудно иностранцу получить право на преподаваніе во Франціи.

Даже изъ того, что передано нами, кажется, можно судить, съ какимъ интересомъ относятся читатели журнала къ его содержанію, къ какому живому и плодотворному обмѣну мыслей ведутъ иногда статьи сотрудниковъ журнала, съ какимъ уваженіемъ редакція относится къ своимъ корреспондентамъ, допуская на своихъ страницахъ,—чисто англійскій обычай,—полную свободу мнѣній. Редакція допускаетъ даже рѣшительное опроверженіе собственныхъ взглядовъ, лишь-бы эти опроверженія были сдержаны по формѣ и серьезны по сущности излагаемыхъ фактовъ. Въ этомъ, конечно, надо видѣть не особенность личнаго состава редакціи, а лишь частное проявленіе господствующаго среди англичанъ убѣжденія, уже успѣвшаго войти въ ихъ кровь и плоть, что лишь «du choc des opinions jaillit la vérité». О другихъ статьяхъ по вопросу о преподаваніи новыхъ языковъ мы разсчитываемъ поговорить при обозрѣніи второй половины года «Journal of Education».

П. Мижуевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Начальное образованіе въ Румыніи.

Въ настоящее время Румынія занята преобразованіемъ устройства и программъ своихъ начальныхъ училищъ. Законъ о нихъ выработанъ и внесенъ на разсмотрѣніе палаты депутатовъ и, надо думать, будетъ принятъ, или уже и принятъ, безъ какихъ-либо заслуживающихъ упоминанія измѣненій.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ положеній этого закона.

Начальное образованіе обязательно для мальчиковъ въ возрастѣ 7—14 лѣтъ и для дѣвочекъ 7—12 лѣтъ. Высшая пеня за неисполненіе этого 50 фр. Но это постановленіе еще долго останется мертвой буквой. Румынъ, въ особенности простой, способенъ, но учится неохотно и Румынія принадлежитъ къ числу самыхъ малограмотныхъ странъ въ Европѣ.

Начальное образованіе дается:

I—въ дѣтскихъ садахъ для дѣтей 3—6-лѣтняго возраста, т.-е. правительство беретъ дѣтскіе сады въ свое вѣдѣніе и отчасти содержаніе (см. ниже).

II—въ низшихъ начальныхъ училищахъ съ пятилѣтнимъ курсомъ въ деревняхъ и четырехлѣтнимъ въ городахъ.

III—въ дополнительныхъ начальныхъ училищахъ, IV—на высшихъ начальныхъ училищахъ и, наконецъ, V—въ профессіональныхъ начальныхъ училищахъ.

Въ програму низшихъ училищъ входятъ: Законъ Божій, мораль, чтеніе, письмо, счетъ, румыновѣдѣніе, географія, природовѣдѣніе, черченіе, пѣніе (ученики должны пѣть въ церкви), гимнастика, ручной трудъ для мальчиковъ, рукодѣлія для дѣвочекъ. При каждой школѣ долженъ быть садъ.

Въ высшихъ начальныхъ училищахъ преподается, между прочимъ: счетоводство, основы алгебры и геометріи, физика и естествовѣдѣніе въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, промышленности и гигіенѣ, геометрическое и орнаментальное черченіе, моделировка, ручной трудъ, начатки практическаго права.

Въ каждомъ округѣ должна быть профессіональная начальная школа, мужская и женская, съ курсомъ такимъ, какъ и въ низшей, но прино-

ровленнымъ къ тѣмъ занятіямъ, которымъ обучаетъ школа. Это особенно должно наблюдаться относительно ручного труда. Въ курсъ такой школы могутъ быть вводимы предметы, необходимые при изученіи даннаго занятія. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что вниманіе къ нуждамъ профессіональнаго образованія—одна изъ выдающихся чертъ этого закона.

Издержки на обыкновенныя учебныя пособія, на содержаніе учителей всякаго рода (т.-е. и профессіональныхъ) правительство беретъ на себя, прочіе падаютъ на округи и общины.

Въ курсъ учительскихъ школъ всѣхъ разрядовъ входятъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ заведеніяхъ предметовъ, гигіена и французскій яз. (румынскій принадлежитъ къ числу романскихъ); въ мужскихъ—практика государственнаго, административнаго и военнаго права, кромѣ того, военныя науки для желающихъ, такъ что учитель, записавшійся при поступленіи въ военную службу, получаетъ по окончаніи курса школы и по выдержаніи особаго испытанія соотвѣтствующій военный чинъ; въ женскихъ — домашнее хозяйство и рукодѣлія. Въ мужскихъ учительскихъ институтахъ—здѣсь мы пользуемся нашей терминологіей—нѣмецкій языкъ; въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—медицина, ручной трудъ, сельское хозяйство и скотоводство, практически и теоретически.

Учителя, имѣющіе соотвѣтствующія свидѣтельства, освобождаются отъ военной службы. Обязательны ежегодные учительскіе по округамъ съѣзды. Съѣзды продолжаются не менѣе 10 дней. Въ смѣшанныхъ школахъ учителемъ можетъ быть только мужчина. Вторыми учителями въ такихъ школахъ могутъ быть только сестры, жены и дочери главнаго. Наименьшая плата нештатному учителю 656 фр., штатному 1.080. Жалованье повышается по пятилѣтіямъ.

Уже изъ того немногаго, что здѣсь приведено, видно, что законодатели руководствовались примѣромъ образованнѣйшихъ странъ Европы.

Женское образованіе въ Румыніи.

Румынское правительство содержитъ три среднеучебныхъ заведенія для образованія женщинъ, и притомъ эти заведенія спеціальнаго характера, именно, учительскія семинаріи въ Букурештѣ, Яссахъ и Крайовѣ. Эти три казенныхъ заведенія не удовлетворяютъ стремленію румынскихъ дѣвушекъ къ образованію. Многія изъ окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ сдаютъ послѣ особой подготовки, на что требуется не менѣе двухъ лѣтъ, испытанія зрѣлости и поступаютъ въ букурештскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, большею частью на словесное отдѣленіе. Но кромѣ того существуютъ особые, содержимые частными лицами, дѣвичьи лицеи, готовящіе прямо къ испытаніямъ зрѣлости. Эти лицеи усердно посѣщаются, и многія изъ лицеистокъ, не довольствуясь аттестатомъ зрѣлости, продолжаютъ образованіе въ университетѣ. Профессора довольны ихъ прилежаніемъ и поведеніемъ. По новому школьному закону женщины, имѣющіе университетскій дипломъ, предпочитаются мужчинамъ-университантамъ при опредѣленіи на преподавательскія мѣста въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Двѣ женщины-врача служатъ въ настоящее

время въ букурештскихъ казенныхъ больницахъ и двѣ женщины занимаются частной адвокатской практикой. Говорятъ, что въ краснорѣчіи онѣ не уступаютъ адвокатамъ-мужчинамъ.

Расходы государства на нужды просвѣщенія на 1893-й годъ въ Россіи.

Изъ помѣщенной въ № 1-мъ «Правительственнаго Вѣстника» за настоящій годъ «Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1893 г.» видно, что изъ предполагаемой г. Министромъ Финансовъ общей суммы обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ поступленій въ 1.040.458.385 рублей, при таковой-же общей суммѣ расходовъ, на потребности, болѣе или менѣе имѣющія въ виду удовлетвореніе нуждъ народнаго просвѣщенія по различнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ назначены слѣдующія суммы:

	Назначеніе по росписи 1893 года.	Расходы въ 1892 году.
3. *Вѣдомство Святѣйшаго Синода* (общій бюджетъ расходовъ 11.887.004).		
38 ст. Усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній	1.837.260	1.737.260
6. *Военное Министерство* (общій бюджетъ 232.937.030).		
52. Учебная и техническая части	7.388.217	7.264.753
7. *Морское Министерство* (общій бюджетъ 49.892.803).		
75. Учебная часть	570.359	558.815
8. *Министерство Финансовъ* (общій бюджетъ 122.572.579).		
92. Учебная часть	155.632	178.303
9. *Министерство Государственныхъ Имуществъ* (общій бюджетъ 25.458.305).		
107. Учебныя и образцовыя заведенія по лѣсной, сельско-хозяйственной и горной частямъ.	1.089.485	1.078.180
10. *Министерство Внутреннихъ Дѣлъ* (общій бюджетъ 82.352.659).		
115. Учебная часть	82.864	82.864
11. *Министерство Народнаго Просвѣщенія*.		
127. Центральная администрація	285.455	265.577
128. Управленіе учебными округами . . .	560.984	560.855
129. Университеты	3.636.152	3.521.579
130. Гимназіи, прогимназіи, реальныя и промышленныя училища и другія среднія учебныя заведенія	8.315.310	8.262.679
131. Уѣздныя, городскія, приходскія, начальныя и народныя училища	3.911.084	3.879.250

132. Учительскіе институты, семинаріи и школы	1.241.122	1.239.348
133. Особыя учебныя заведенія	1.356.745	1.308.026
134. Пособія по ученой и учебной частямъ, приготовленіе профессоровъ и учителей .	1.695.357	1.668.061
135. Расходы строительные	564.815	459.240
136. Расходы разнаго рода.	844.410	704.649
Итого по Министерству Нар. Просвѣщенія	22.411.434	21.869.264
12. *Министерство Путей Сообщенія* (общій бюджетъ 70.800.814).		
139. Учебная часть	154.117	154.117
13. *Министерство Юстиціи* (общій бюджетъ 25 310.830).		
150. Императорское училище правовѣдѣнія.	228.541	226.141
Общая сумма расходовъ на учебныя цѣли по всѣмъ министерствамъ. .	33.917.909	33.249.697

Болѣе противъ росписи 1892 г. на 648.212.

По отдѣльнымъ вѣдомствамъ почти вездѣ расходы на цѣли учебныя увеличены: по духовному вѣдомству на 100.000 р., по военному на 123.464 р., по морскому на 12.534, по Мин. Госуд. Имуществъ на 11.305, по Мин. Юстиціи (на училище Правовѣдѣнія) на 2.400 р., по Мин. Н. Просв. на 542.217 р.; уменьшены расходы на учебную часть лишь по вѣдомству Мин. Финансовъ, но и то всего на 22.671 р.

Въ вышеприведенной таблицѣ расходовъ по вѣдомствамъ не всѣ, однако, суммы, помѣщенныя въ ней, могутъ быть отнесены къ суммамъ расходовъ на цѣли собственно учебныя, даже и въ томъ случаѣ, если причислять сюда расходы, напр., по постройкѣ зданій и содержанію администраціи; такъ, напр., по военному вѣдомству въ число расходовъ на «ученую и *техническую* части» входитъ довольно значительная сумма на часть именно техническую. Съ другой стороны, многіе расходы, имѣющіе чисто учебное назначеніе, не введены въ суммы расходовъ по учебной части. Такъ, напр., по Мин. Финансовъ, въ статьѣ 95 «пособія разнымъ вѣдомствамъ 5.567.315 р.», вѣроятно, заключается пособіе и вѣдомству Учрежденіямъ Императрицы Маріи, простирающееся до 3 милл. рублей, по Мин. Юстиціи, въ ст. 149 «межевая часть 1.597.797 р.» надо искать расходовъ на содержаніе Константиновскаго межеваго института въ Москвѣ и землемѣрныхъ училищъ—Псковскаго, Пензенскаго, Курскаго, Уфимскаго и Тифлисскаго и т. п.

Какъ извѣстно, многія учрежденія у насъ располагаютъ для учебныхъ цѣлей собственными спеціальными средствами, какъ, напр., учрежденія Воспитательнаго дома, различныя благотворительныя учрежденія, низшія техническія учебныя заведенія Мин. Путей Сообщенія, учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, содержимыя главнымъ образомъ на такъ-называемый свѣчной доходъ и т. п. Расходы земствъ и городовъ на учебныя цѣли простираются до 7 милл. Включая въ сумму расходовъ на нужды просвѣщенія также плату за обученіе, можно, приблизительно, предположить, что общая

сумма расходовъ на таковыя нужды въ Россіи, при населеніи въ 113 милл., будетъ доходить почти до 70 милл. рублей ежегодно.

Собственно государство у насъ менѣе всего тратитъ на народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ; такъ, напр., Министер. Нар. Просв. на высшія и среднія учебныя заведенія, на которыя и безъ того затрачивается не мало денегъ другими вѣдомствами (отъ 6 до 7 милл. ежегодно), расходуетъ ежегодно 11.952.294 р., а на низшее образованіе — городскія, уѣздныя и начальныя училища—3.911.084 р. (изъ коихъ значительная часть идетъ на содержаніе администраціи), а вмѣстѣ съ расходами на учительскіе институты и семинаріи (1.241.122 р.)—всего 5.152.206 р., т.-е. немного болѣе пятой части своего общаго бюджета, тогда какъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ расходъ на народное образованіе превышаетъ, въ иныхъ—довольно значительно, половину бюджета Мин. Н. Пр. Такимъ образомъ, Россія можетъ быть по преимуществу названа страною высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на казенный счетъ, хотя о просвѣщеніи страны судятъ не по количеству университетовъ и гимназій, а по количеству именно народныхъ школъ. Чтобы имѣть надлежащее число народныхъ школъ, вмѣсто существующихъ нынѣ 25.000 народныхъ школъ, включая сюда также всякія инородческія школы, необходимо затрачивать на это дѣло не менѣе 80 милл. рублей.

Въ «всеподданнѣйшемъ докладѣ» г. Министра Финансовъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ силу естественнаго роста государственныхъ потребностей, финансовое управленіе поставлено въ необходимость изыскивать средства для ихъ удовлетворенія въ мѣру дѣйствительной надобности. Въ этомъ отношеніи сдержанность имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серьезными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны. Управляющій Министерствомъ Финансовъ позволяетъ себѣ высказать, что въ нашемъ отечествѣ, изобилующемъ разнообразными естественными богатствами, но еще не достигшемъ въ желаемой степени пользованія этими богатствами для возвышенія своего благосостоянія, финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности въ удовлетвореніи назрѣвающихъ потребностей, но, напротивъ, должно поставить своею задачею разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны. Такая политика можетъ дать наилучшіе результаты и въ отношеніи финансоваго хозяйства, возвышая, вмѣстѣ съ народнымъ благосостояніемъ, платежныя силы населенія и умножая источники государственныхъ доходовъ» («Правит. Вѣстн.», 1893, № 1, стр. 2).

Остается только пожелать, чтобы въ область такой разумной финансовой политики было включено и народное образованіе, потребность въ которомъ можно считать вполнѣ назрѣвшею, которое лучше всего можетъ содѣйствовать также и экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны и которое, между тѣмъ, остается наименѣе удовлетвореннымъ въ своихъ настоятельнѣйшихъ нуждахъ. Нынѣ, по словамъ, г. Министра, «единственно къ царской власти обращаются также надежды и упованія народа во всѣхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и когда такія бѣдствія принимаютъ значительные размѣры, вся тяжесть борьбы съ ними, при слабомъ

развитіи въ населеніи самопомощи, неизбѣжно ложится на правительство, а въ финансовомъ отношеніи—на казну». Естественно, что возлагать всю тяготу заботъ и расходовъ въ дѣлѣ развитія также и народнаго образованія на правительство и государственную казну было-бы неосновательно; поэтому, съ своей стороны, и общество, какъ-бы слабо ни было развито въ немъ понятіе о самопомощи, въ лицѣ такихъ организованныхъ учрежденій, каково, напр., земство, а равно и частная иниціатива и благотворительность въ области народнаго просвѣщенія должны сосредоточить свои усилія, главнымъ образомъ, на увеличеніи количества народныхъ школъ. **К. М.**

Хроника народнаго образованія.

Въ настоящее время церковно-приходскія школы и школы грамотности, состоящія въ вѣдѣніи духовенства, вызываютъ значительный интересъ къ себѣ въ обществѣ. Нѣтъ надобности выяснять, насколько естественъ и понятенъ этотъ интересъ. Къ сожалѣнію, удовлетвореніе этого интереса общества нынѣ довольно затруднительно. Въ общей печати до сихъ поръ появляются лишь отрывочныя извѣстія о церковно-приходскихъ школахъ, по которымъ трудно составить понятіе объ этомъ типѣ народно-образовательныхъ учрежденій. Къ тому-же извѣстія эти почти всегда неблагопріятнаго свойства и могутъ подать поводъ къ обвиненію въ тенденціозномъ выборѣ ихъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ можно получить изъ источника, свободнаго отъ возможности указаннаго обвиненія,—отчетовъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и донесеній членовъ этихъ совѣтовъ о результатахъ ревизіи церковно-приходскихъ школъ. Къ сожалѣнію, названные документы, будучи помѣщаемы въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», остаются совершенно неизвѣстными обществу, такъ какъ названныя изданія имѣютъ лишь ограниченный и спеціальный кругъ читателей. Вотъ почему мы считаемъ небезполезнымъ знакомить нашихъ читателей время отъ времени съ положеніемъ въ разныхъ мѣстностяхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, состоящихъ въ вѣдѣніи духовенства, пользуясь для того указанными выше источниками—отчетами епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и отчетами по ревизіи церковно-приходскихъ школъ членовъ означенныхъ совѣтовъ.

На первый разъ мы воспользуемся «Отчетомъ по ревизіи церковно-приходскихъ школъ члена Ставропольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Владиміра Фіалкина», приложеннымъ къ 21-му № «Ставропольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1892 г. Выборъ этого документа обусловленъ нѣсколькими соображеніями. Во-1-хъ, ставропольская епархія, обнимающая Ставропольскую губернію и Кубанскую область, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Россіи. Приходы имѣютъ по нѣсколько, часто до десятка тысячъ прихожанъ, представляющихъ весьма зажиточное населеніе. Доходы духовенства на столько громадны, что члены причтовъ, по общепринятому выраженію, «живутъ, какъ помѣщики». Церкви также имѣютъ значительные доходы. Большинство церквей имѣетъ значительные участки земли, иногда въ нѣсколько сотъ десятинъ. Все, такимъ образомъ, благопріятствуетъ тому, чтобы въ ставропольской епархіи церковно-приходскія школы были обставлены въ ма-

теріальномъ отношеніи если не богато, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ удовлетворительно. Во-2-хъ, ни въ Ставропольской губерніи, ни въ Кубанской области нѣтъ земскихъ учрежденій, и существующія здѣсь школы, состоящія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, созданы исключительно самимъ населеніемъ. Этотъ фактъ въ связи съ тѣмъ, что вознагражденіе учащимъ въ этихъ школахъ, уплачиваемое мѣстными сельскими обществами, значительно выше, нежели въ большинствѣ внутреннихъ губерній, а также съ тѣмъ, что большинство этихъ школъ имѣетъ прекрасныя собственныя зданія, стоимостью въ 6—8—10 тыс. рублей, выстроенныя на средства тѣхъ-же сельскихъ обществъ, и имѣетъ достаточныя спеціальныя средства, дающія возможность не терпѣть недостатка въ пособіяхъ,—этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ, что мѣстное населеніе отнюдь не враждебно просвѣщенію, а, напротивъ, цѣнитъ его и стремится къ нему. Такимъ образомъ, здѣсь имѣется на лицо и второе необходимое условіе для процвѣтанія церковно-приходскихъ школъ. Наконецъ, въ-3-хъ, лично зная автора «Отчета», г. Фіалкина, за горячаго сторонника церковно-приходской школы и человѣка вполнѣ добросовѣстнаго, мы имѣемъ полное основаніе считать рисуемую «Отчетомъ» картину вполнѣ соотвѣтствующею дѣйствительности.

Чтобы быть какъ можно ближе къ «Отчету», мы будемъ говорить, главнымъ образомъ, его подлинными словами и вообще ограничимся исключительно свѣдѣніями, заключающимися въ «Отчетѣ». Мы позволимъ себѣ только данныя, приводимыя въ «Отчетѣ» по школамъ, сгруппировать по предметамъ, дабы положеніе вещей выступило болѣе рельефно.

Въ «Отчетѣ» дано описаніе 31 школы; но мы выпустимъ свѣдѣнія объ одной частной школѣ (въ с. Армавирѣ) и о 4 школахъ, находящихся въ г. Екатеринодарѣ, какъ обставленныхъ значительно иными условіями, нежели остальныя школы, находящіяся въ станицахъ. Такимъ образомъ, мы воспользуемся свѣдѣніями «Отчета», касающимися 26 школъ, находящихся въ Кубанской области. Школы эти занесены въ «Отчетъ» безъ всякаго выбора: онѣ просто лежали подрядъ на пути ревизора.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ самому обозрѣнію положенія церковно-приходскихъ школъ въ ставропольской епархіи на основаніи «Отчета».

Школьныя помѣщенія, классная обстановка, пособія. Число учащихся. Барсуковская школа «до послѣднихъ дней помѣщалась въ квартирѣ псаломщика, теперь переведена въ церковную сторожку, при которой имѣется маленькая ($2^{1}/_{2}$ к. саж.), но свѣтленькая и чистая комната. Школьная обстановка крайне бѣдная; въ библіотекѣ нѣтъ ни священныхъ картинъ, ни пособій по ариѳметикѣ, ни методикъ. Въ началѣ учебнаго года въ означенной школѣ грамоты было до 40 учениковъ, теперь только 25, да и этимъ крайне тѣсно, въ особенности во время уроковъ чистописанія» (стр. 1).

Николаевская школа помѣщается «въ темной, грязной, сырой, закопченой, низкой и тѣсной ($1^{1}/_{2}$ к. саж.) церковной сторожкѣ. Все украшеніе ея составляютъ русская печь, постель для сторожа, два простыхъ стола и погребецъ для книгъ. Обучается въ ней въ настоящее время 9 человѣкъ» (стр. 3).

Убѣженская школа помѣщается «въ маленькой (2 к. саж.), грязной и

темной сторожкѣ. Школьную обстановку составляютъ два простыхъ стола и полуразвалившійся шкафъ для книгъ». Учащихся 16 (стр. 4).

Кабанская школа «помѣщается въ церковной сторожкѣ; классная комната грязная и не бѣленая. Обстановку школы составляютъ двѣ парты и классная доска. Библіотека смѣшана съ церковной и въ крайнемъ безпорядкѣ; учебниковъ весьма недостаточно, учебныхъ пособій и методикъ совсѣмъ нѣтъ» (стр. 6).

Кавказская школа «помѣщается въ церковной сторожкѣ, занимая прилично-покрашенную и свѣтлую комнату. Школьную обстановку составляютъ три простыхъ стола со скамьями и шкафъ для книгъ. Библіотека также скудна». Учащихся 25 (стр. 9).

Романовская школа «помѣщается въ церковной сторожкѣ. Занимаетъ она довольно просторную комнату; только комната эта крайне грязно содержится... Библіотека весьма скудна: нѣтъ ни книгъ для чтенія, ни начатковъ, ни букваря Ильминскаго, ни часослововъ, ни псалтирей, ни евангелій» (стр. 11).

Казанская школа помѣщается «въ церковной сторожкѣ и занимаетъ довольно приличную, но слишкомъ маленькую (человѣкъ на 25) камнату... Школьная обстановка крайне бѣдна: ее составляютъ 6 партъ и библіотечный шкафъ. Библіотека хорошо обставлена со стороны пособій для учителя: въ ней имѣются методики Вѣтвеницкаго, Пѣвцова, Тихомирова, Солонины, Пуцыковича, Евтушевскаго и Гольденберга; со стороны-же учебниковъ—плоха: имѣются лишь буквари Тихомирова (рваные), «Приходская школа» Ермина и Волотовскаго и 6 часослововъ» (стр. 13).

Тифлисская школа помѣщается «въ наемной (за 60 р.) отъ церкви квартирѣ. Классная комната довольно просторная и чистая. Въ ней 15 двухмѣстныхъ партъ, доска и шкафъ. Библіотека *) относительно удовлетворительна: въ ней имѣются—буквари Тихомирова, азбуковники Случевскаго, славянскія евангелія, книжки Чельцова, разрѣзная азбука, кубическ. ящикъ. Учащихся въ школѣ до 30 человѣкъ» (стр. 14—15).

Ладожская школа «помѣщается въ сторожкѣ. Занимаетъ она довольно просторную комнату, но содержится въ небрежности и грязи. Учениковъ въ ней въ настоящее время 17, но было 30. Содержится школа частью на церковныя средства, а главнымъ образомъ на плату съ учащихся (по 1 р. въ годъ). Обставлена школа тоже худо: росписанія нѣтъ, каталогъ на клочкахъ, классный журналъ законченъ 24 сентября 1889 г. Какихъ-либо пособій и методикъ для учителя нѣтъ, да и учебники-то рваные» (стр. 16).

Усть-Лабинская школа помѣщается «въ отдѣльномъ отъ церковной сторожки зданіи, на которое употреблено при постройкѣ 3 тыс. рублей. Классная комната можетъ вмѣстить человѣкъ до 50, въ настоящее-же время ее посѣщаетъ только 30 дѣвочекъ. Обстановка школы прекрасная. Въ переднемъ углу стоитъ большая икона св. Кирилла и Меѳодія, вставленная въ кіотъ. На кіотѣ виситъ бѣлое, по краямъ вышитое, полотенце; предъ иконой постоянно теплится лампадка. По стѣнамъ школы развѣшаны священныя

*) Какъ ясно изъ текста, г. Фіалкинъ подъ «библіотекой» разумѣетъ вездѣ собраніе учебниковъ и пособій; что-же касается собственно библіотекъ въ болѣе точномъ смыслѣ слова, — въ смыслѣ собранія книгъ для чтенія, то г. Фіалкинъ отмѣчаетъ лишь при двухъ школахъ зачатки такихъ библіотекъ (см. дальше).

картины, портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича, карта Палестины и карта Россіи. Въ школѣ, кромѣ того, шкафъ, столъ и доски. Библіотека обставлена прекрасно какъ со стороны учебниковъ, такъ и со стороны методикъ. Въ школѣ имѣется классный журналъ, вѣдомость учащимся и каталогъ книгамъ» (стр. 17—18)*).

Воронежская школа «помѣщается въ сторожкѣ, гдѣ имѣется для того особая комната человѣкъ на 30. Комната эта могла-бы имѣть довольно приличный видъ, но теперь она можетъ похвалиться только непомѣрною грязью, пылью и паутиной. Въ настоящее время въ школѣ обучается 20 учениковъ. Школьная библіотека въ самомъ жалкомъ состояніи» (стр. 21).

Въ Васюринской школѣ «обучается 43 дѣвочки и 6 мальчиковъ. Помѣщается она въ церковной сторожкѣ и занимаетъ довольно обширную (человѣкъ на 60) и свѣтлую комнату... Парты для учащихся двухмѣстныя и довольно аккуратно сдѣланныя; къ одной изъ стѣнъ примыкаетъ прекрасно устроенная печь; потолокъ выкрашенъ масляной краской и т. п. Школа, кромѣ того, снабжена учебниками, пособіями и даже книгами для чтенія, хотя, впрочемъ, вполнѣ огранизованной библіотеку назвать еще нельзя» (стр. 22—23).

Старо-Корсунская школа «помѣщается въ церковной сторожкѣ и занимаетъ довольно обширную (человѣкъ на 50) комнату. Въ настоящее время въ ней обучается 28 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ. Обстановку школы составляютъ двухмѣстныя парты, классная доска, столъ и библіотечный шкафъ. Библіотека снабжена кое-какими учебниками, пособіями и даже книгами для чтенія, но далеко еще не организована какъ слѣдуетъ» (стр. 25).

Пашковская школа помѣщается въ квартирѣ мѣстнаго дьякона. Школьное помѣщеніе «представляетъ собою маленькую комнату (человѣкъ на 20), гдѣ съ начала учебнаго года помѣщается, однако, 30 человѣкъ» (стр. 28).

Новомышастовская школа «помѣщается, въ церковной сторожкѣ и занимаетъ небольшую (человѣкъ на 30), но свѣтлую комнату. Классная комната содержится въ чистотѣ». Учащихся 24 (стр. 33).

Марьянская школа «помѣщается въ прекрасномъ каменномъ зданіи, выстроенномъ обществомъ на арендныя суммы съ церковной земли въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи 17 окт. 1888 г. Зданіе это представляетъ изъ себя большую (человѣкъ на 80) классную комнату, квартиру съ кухней для учителя и большую прихожую для учащихся... Имѣетъ громадное дворовое помѣстье, весьма удобное для разведенія сада и огорода. Школьную обстановку составляютъ до 30 двухмѣстныхъ партъ, учительскій столъ, доска и счеты. Учащихся 50 человѣкъ» (стр. 38—39).

Елисаветинская школа помѣщается въ сторожкѣ. «Школьная обстановка, не исключая и библіотеки, крайне бѣдна». Учащихся 20 (стр. 41).

Новотиторовская школа помѣщается въ сторожкѣ и занимаетъ просторную (на 40 человѣкъ) комнату. «Въ началѣ года школу посѣщали 34 ученика, теперь же осталось 20 чел. Школьная обстановка и въ особенности библіо-

*) Г. Фіалкинъ оказался вынужденнымъ констатировать относительно Усть-Лабинской школы даже наличность класснаго журнала, вѣдомости учащихся и каталога книгамъ, такъ какъ въ большинствѣ другихъ школъ этихъ, казалось-бы, неизбѣжныхъ принадлежностей школы не оказалось.

тека выглядываютъ безбѣдно. Въ библіотекѣ имѣются въ достаточномъ количествѣ букварь Тихомирова, книжки Грушевскаго, Ермина и Волотовскаго, часословы, псалтири, евангелія, прописи Гербача, есть методики Тихомирова, Гольденберга, Лубенца, а также священныя картины, торговые и шведскіе счеты, разрѣзная азбука и т. п.» (стр. 42).

Динская школа помѣщается «въ довольно обширной (человѣкъ на 45) и свѣтлой комнатѣ при церковной сторожкѣ. Школьная обстановка выглядываетъ безбѣдно: ее составляютъ: 20 двухмѣстныхъ партъ, доска, шкафъ, учительскій столъ, икона съ лампадкой, таблицы молитвъ, портретъ Наслѣдника Цесаревича и пр. Библіотека также снабжена необходимыми учебниками и руководствами; недостаетъ лишь книгъ для чтенія. Въ настоящее время въ школѣ обучается 55 дѣвочекъ» (стр. 45).

Пластуновская школа помѣщается въ сторожкѣ; помѣщеніе на 50 чел. Учащихся 30 (стр. 47).

Платнировская школа помѣщается въ сторожкѣ. Обстановка и пособія удовлетворительны. Учащихся 60 (стр. 48—49).

Кореневская школа помѣщается въ сторожкѣ. «Внѣшній видъ школы приличенъ». «Въ началѣ года обучалась 40 учениковъ, теперь-же школу посѣщаютъ 20 учениковъ» (стр. 50).

Тихорѣцкая школа «помѣщается въ грязной и маленькой (человѣкъ на 30) комнаткѣ при церковной сторожкѣ. Школьная библіотека находится въ очень жалкомъ состояніи» (стр. 52).

Терновская школа «помѣщается въ церковной сторожкѣ и занимаетъ большую (человѣкъ на 60) комнату. Объ этой школѣ, кажется, не несправедливо будетъ сказать, что она существуетъ больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности... Школа прежде всего представляетъ сплошную грязь и пыль. Въ библіоткѣ нѣтъ ни порядка, ни каталога, ни описи школьнаго имущества; ученикамъ не достаетъ ручекъ, перьевъ, тетрадей, чернильницъ; классный журналъ велся лишь до Новаго года» (стр. 54). Учащихся 22 (стр. 55).

Архангельская школа «помѣщается въ особомъ зданіи, выстроенномъ на церковныя средства. Зданіе состоитъ изъ небольшой прихожей, классной комнаты человѣкъ на 50, двухъ комнатъ и комнаты для учителя. При школѣ имѣется громадный дворъ, на которомъ запаханъ огородъ и посажено сто корней фруктовыхъ деревьевъ. Въ классной комнатѣ всюду чистота и порядокъ: въ переднемъ углу икона, предъ ней теплится лампада, по стѣнамъ развѣшаны священныя картины, на окнахъ стоять банки съ цвѣтами; парты двухмѣстныя и по росту учащихся. Въ школѣ въ началѣ учебнаго года было 46 учениковъ, теперь же 32» (стр. 55—56).

Невинномысская школа помѣщается въ церковной сторожкѣ. Помѣщеніе на 40 чел. Учебники имѣются «въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ». «Въ началѣ учебнаго года въ школѣ обучалось 30 чел., теперь же только 23» (стр. 57).

Такова внѣшняя постановка школьнаго дѣла въ Ставропольской епархіи. Мы воздерживаемся отъ всякихъ выводовъ и замѣчаній, находя, что приведенный длинный рядъ цитатъ изъ «Отчета» достаточно краснорѣчиво говоритъ самъ по себѣ. Обратимся теперь къ внутренней сторонѣ дѣла.

Учащіе. Учащіе въ школахъ ставропольской епархіи дѣлятся на двѣ группы: на членовъ мѣстныхъ причтовъ—діаконовъ и псаломщиковъ—и на

свѣтскихъ учителей. Въ ставропольской епархіи вообще существуетъ стремленіе замѣстить учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ діаконами. Послѣднимъ, однако, это очень мало нравится, и они всячески избѣгаютъ занятій въ школахъ, предпочитая откупаться отъ этой повинности путемъ поставки за себя «наемщиковъ». Такъ, въ Кубанской школѣ работаетъ учительница нанятая мѣстнымъ діакономъ, который предпочитаетъ быть законоучителемъ въ двухъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, получая за то 180 р. въ годъ (стр. 6). Діаконъ кавказской столицы платитъ учительницѣ 300 р., а самъ «проводитъ большую часть времени» на собственномъ виноградникѣ (9). Такую-же сумму платить учительницѣ діаконъ ст. Архангельской (56). Діаконъ ст. Воронежской платитъ замѣняющему его учителю 16 р. въ мѣсяцъ (21). Діаконъ Новотиторовской станицы нанимаетъ учительницу за 350 р. въ годъ, а самъ «большую часть времени проводитъ на собственной мельницѣ» (43). Въ Пластуновской ст. діаконъ откупился отъ школы предоставленіемъ учителю-псаломщику діаконской части изъ братской кружки (47). Знакомясь съ отзывами автора «Отчета» о діаконахъ, самолично выполняющихъ учительскую повинность, приходится жалѣть, что они не послѣдовали примѣру своихъ перечисленныхъ товарищей и не наняли за себя учителей или учительницъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ діаконъ ст. Терновской, «несмотря на то, что только-что окончилъ курсъ въ семинаріи, ведетъ дѣло безъ должнаго вниманія и усердія... Самыя занятія, надо полагать, ведутся неисправно, такъ какъ, пріѣхавши въ школу въ 11 часовъ утра, я не засталъ въ ней о. діакона. Изъ разспросовъ выяснилось, что о. діаконъ, побывъ нѣсколько въ школѣ, заставилъ учениковъ дѣлать на доскахъ ариѳметическія вычисленія, а самъ куда-то отправился» (54). Вотъ діаконъ Убѣженской станицы, «получившій свое образованіе въ 3-мъ классѣ духовнаго училища и имѣющій отъ роду 58 лѣтъ», ведетъ школу такимъ образомъ, что изъ нея ученики «при первой же возможности» стараются перейти въ министерскую школу, и «нѣтъ никакого сомнѣнія, что они всѣ-бы давно разбѣжались, если-бы ихъ тамъ приняли» (5). Діаконъ ст. Казанской «до послѣдней степени манкировалъ своими обязанностями» (14). Діаконъ ст. Тифлисской «уже прослужилъ 35 лѣтъ въ санѣ діакона. Отсюда можно судить о его знаніяхъ и занятіяхъ. Убѣленный сѣдинами и разслабленный, онъ дѣлаетъ это черезъ силу и, конечно, какъ когда-то его учили» (15). Діаконъ ст. Ладожской, имѣющій около 50 лѣтъ, «по образованію изъ низшихъ классовъ духовнаго училища, а по прежней профессіи—регентъ архіерейскаго хора. Съ методиками онъ нисколько не знакомъ» (16). Діаконъ Васюринской ст. «еще не успѣлъ себѣ выработать необходимымъ для школьнаго дѣла навыковъ, какъ-то: послѣдовательности, такта и т. п.» (23). Діаконъ Старо-Корсунской станицы прослужилъ ранѣе 15 лѣтъ учителемъ въ министерской школѣ; «но, къ сожалѣнію, въ школѣ не замѣтно благихъ результатовъ его педагогической опытности» (26). Діаконъ Новомышистовской станицы «закончилъ свое образованіе въ духовномъ училищѣ»; педагогическая опытность его вытекаетъ изъ того, что онъ «нерѣдко посѣщаетъ министерскихъ учителей, отъ которыхъ уже успѣлъ позаимствовать нѣкоторые школьные пріемы» (37). Діаконъ Марьянской станицы, хотя окончилъ курсъ духовной семинаріи, ведетъ школьное дѣло такимъ образомъ, что епархіальный училищный совѣтъ оказался вынужденнымъ просить мѣстнаго архіерея «предоставить это діаконо-

учительское мѣсто болѣе усердному лицу» (40). Діаконъ Платнировской станицы занимается «съ усердіемъ», но лишь «отчасти понимаетъ школьное дѣло» (49). Лишь относительно очень немногихъ діаконовъ-учителей авторъ «Отчета» даетъ болѣе благопріятные отзывы: «занимается съ усердіемъ и понимаетъ школьное дѣло» (57, Невинномысская школа); «ведетъ школьное дѣло съ умѣніемъ и не безъ усердія» (51, Кореновская школа); успѣхи Динской школы приписываются «трудамъ, энергіи и опытности о. діакона, пробывшаго предварительно долгое время учителемъ министерской школы» (46); наконецъ, діаконъ, учительствующій въ Пашковской школѣ, закончившій свое образованіе въ духовномъ училищѣ и теперь уже имѣющій за 50 лѣтъ», «ведетъ обученіе такъ, какъ ему подскажетъ его здравый смыслъ и не безъ благихъ результатовъ»; послѣднее доказывается тѣмъ, что «изъ его школы по нѣсколько учениковъ поступаютъ въ министерскую школу и тамъ идутъ наравнѣ съ прочими» (28), т.-е. не бывшими ранѣе ни въ какой школѣ: похвала, какъ видимъ, весьма сомнительная.

Псаломщики состоятъ учителями въ 2-хъ изъ обозрѣваемыхъ нами школъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ дѣло удовлетворительно (1); другой признанъ неспособнымъ и рѣшено уволить его (48). Кромѣ того, одинъ псаломщикъ преподаетъ въ школѣ ариѳметику: «дѣлу своему преданъ, но еще не достаточно освоился съ методиками»; онъ самъ еще готовится къ сдачѣ учительскаго экзамена (23).

Свѣтскіе учителя преподаютъ въ 7 школахъ изъ 26, о которыхъ идетъ рѣчь. Изъ нихъ учительницъ 5, учителей 2. Учительницы преимущественно дочери членовъ причта; всѣ учительницы, за исключеніемъ одной, воспитанницы мѣстнаго женскаго епархіальнаго училища. Двѣ изъ учительницъ оказались настолько неудовлетворительны, что постановлено ихъ удалить; одна «весьма мало обращаетъ вниманія при изученіи звуковъ на звуковой анализъ словъ», «совсѣмъ не ведетъ въ школѣ объяснительнаго чтенія и придаетъ мало значенія катехизаціи» и наконецъ почти не рѣшаетъ задачъ (стр. 19); четвертая «занимается въ школѣ съ надлежащимъ усердіемъ, хотя нельзя сказать, чтобы занятія ея были успѣшны», и только пятая «въ достаточной мѣрѣ обладаетъ школьной практикой» и «принадлежитъ къ числу лицъ энергичныхъ и преданныхъ школьному дѣлу» (56). Изъ двухъ учителей—одного, сына мѣстнаго священника, уволеннаго изъ 6-го класса гимназіи, постановлено удалить (22), а другой, тоже сынъ мѣстнаго священника, съ свидѣтельствомъ на народнаго учителя, пока еще только «подаетъ надежды со временемъ быть хорошимъ учителемъ» (41).

Уже приведенныя свѣдѣнія о школьной обстановкѣ и учительскомъ персоналѣ даютъ понятіе о томъ, какого рода успѣховъ можно ожидать отъ подобныхъ школъ. И дѣйствительно, детальныя данныя, помѣщенныя въ «Отчетѣ» относительно каждой школы, даютъ картину малоутѣшительную. Мы, конечно, не ожидаемъ, чтобы ученики обозрѣваемыхъ школъ знали что-либо по географіи, исторіи или изъ области естествознанія, каковыя знанія въ извѣстномъ объемѣ пріобрѣтаются учениками земскихъ и министерскихъ школъ. Но каковы успѣхи учениковъ данныхъ школъ по элементарнымъ предметамъ: чтенію, письму, ариѳметикѣ и Закону Божію? Приведемъ *всѣ* отзывы автора «Отчета» по порядку обревизованныхъ имъ школъ.

Чтеніе. «Читаютъ дѣти порядочно» (1). «Чтеніе и письмо ведется по

букварю Тихомирова, но, очевидно, не такъ, какъ-бы должно. Доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что дѣти за два мѣсяца не познакомились еще, какъ слѣдуетъ, со всѣми звуками, а старшія за два года лишь прочитали букварь. Нѣкоторые изъ учениковъ читаютъ хорошо, но потому только, что затвердили букварь» (3). «При чтеніи больше обращается вниманія на механическую сторону, хотя дѣти читаютъ не особенно хорошо. Объяснительное чтеніе и логическій разборъ совсѣмъ почему-то не практикуются» (7). «Читаютъ недурно, въ особенности старшіе; но разъясняютъ плохо» (10). «Русское чтеніе идетъ еще не худо... Объяснительное чтеніе почти не ведется; разбора никакого не дѣлаютъ. По-славянски читаютъ очень плохо; знаковъ не соблюдаютъ» (12). «Читаютъ плоховато» (16). «Дѣти, особенно 2-го отд., читаютъ очень слабовато и, какъ замѣтно, совсѣмъ не пріучены останавливать своей мысли на читаемомъ» (18). «Читаютъ дѣти довольно сносно... Славянское чтеніе идетъ туго» (21). «Русское и славянское чтеніе не только въ 1, но и во 2 и 3-мъ отд. поставлено не болѣе, какъ удовлетворительно» (26). «Довольно не дурно читаютъ... Неумѣло ведется объяснительное чтеніе» (37). «Чтеніе... невозможное: одни читаютъ, не сливая звуковъ, другіе называютъ звуки при чтеніи «бы, «вы» или «бе», «ве» (39). «Первая группа читаетъ не безъ пониманія» (41). «Чтеніе не бойкое, но правильное» (43). «Прекрасно читаютъ какъ по русски, такъ и по славянски. По прочтеніи статьи дѣлаютъ связный разсказъ сначала устно, а затѣмъ и письменно» (45). «Школа поражаетъ оригинальностью своего типа: въ ней почти совершенно изгнанъ русскій языкъ, русское чтеніе. Въ первый годъ, тотчасъ-же по изученіи звуковъ, дѣтямъ дается въ руки славянская книжка Грушевскаго, которой они и пробавляются въ продолженіе всего года. Во второй годъ дѣти получаютъ «Начатки христіанскаго ученія» и штудируютъ ихъ по нѣсколько разъ отъ корки до корки». Отсюда—питомцы этой школы «совсѣмъ почти не умѣютъ говорить по русски» (47), да, безъ сомнѣнія, не научиваются и славянскому языку. «Русское и славянское чтеніе въ первомъ отдѣленіи хуже, чѣмъ въ другихъ школахъ, но въ старшемъ отдѣленіи читаютъ вполнѣ удовлетворительно» (49). «Русское и славянское чтеніе въ обѣихъ группахъ идетъ хорошо» (51). «Русское и славянское чтеніе идутъ недурно» (53). «Русское и славянское чтеніе въ первомъ отдѣленіи плоховато, а во второмъ слишкомъ монотонно» (54). «Читаютъ свободно, не раздѣляя звуковъ» (56). «Читаютъ свободно» (57).

Письмо. «Пишутъ очень плохо, какъ въ каллиграфическомъ, такъ и въ орѳографическомъ отношеніи. Кромѣ того, письменныя работы крайне небрежны, частью потому, что тетради самодѣльныя, а частью по причинѣ неряшливости дѣтей» (2). «Диктовку пишутъ плохо во всѣхъ отношеніяхъ» (3). «Письмо идетъ успѣшно какъ въ каллиграфическомъ отношеніи, такъ и въ орѳографическомъ» (7). «Диктанты пишутъ плохо: дѣлаютъ грубыя звуковыя ошибки (напримѣръ: вмѣсто «весна» пишутъ «висна», «висма» и т. п.). Со стороны каллиграфіи пишутъ хорошо» (10). «Прошли 20 звуковъ, но писать ихъ не умѣютъ» (15). «Пишутъ совсѣмъ невозможно. Такъ, напр., дѣти не могутъ писать правильно своихъ именъ: Ѳома пишетъ себя «Хома», Демьянъ—«Дмиеянъ» и проч.» (16). «Письмо идетъ худо» (21). «Пишутъ дѣти въ каллиграфическомъ отношеніи сносно, но въ грамматическомъ очень плохо, такъ какъ нерѣдко въ одномъ словѣ дѣлаютъ по 2 звуковыхъ ошибки» (26).

«Письмо плохое» (37). «Письмо въ первой группѣ невозможное: пишутъ грязно, безъ элементовъ, безъ нажимовъ, безъ волосныхъ, безъ всякой нужды не доводятъ до строкъ и переводятъ ихъ и прочее» (39). «Страдаетъ письмо, диктовка» (44). «Пишутъ всѣ по одной строчкѣ и прекрасно какъ въ каллиграфическомъ, такъ и орѳографическомъ отношеніи» (45). «Диктанты пишутъ плоховато, но со стороны каллиграфіи у всѣхъ учениковъ письмо очень недурное» (49). «Хорошо письмо въ каллиграфическомъ отношеніи, но диктанты изобилуютъ звуковыми ошибками» (51). «Письмо какъ въ каллиграфическомъ, такъ и въ орѳографическомъ отношеніи плоховато» (53). «Письмо очень худо какъ въ каллиграфическомъ, такъ и въ особенности въ орѳографическомъ отношеніи. Дѣти во второмъ отдѣленіи, напр., пишутъ «киша». «криша» вмѣсто «крыша» и т. п.» (54). «Относительно недурно пишутъ диктанты» (57).

Ариѳметика. «Изученіе ариѳметики ведется не безуспѣшно» (2). «Что касается ариѳметики, то она еще не начиналась» (4) *). «Считаютъ до ста и рѣшаютъ несложныя задачи» (5) **). «Ариѳметика изучается весьма разумно» (7). «Ариѳметика поставлена хуже другихъ предметовъ, хотя въ началѣ учительница заявила, что въ первомъ отдѣленіи она прошла до милліона. Оказалось, что они идутъ впередъ, не зная, что называется, азовъ. Такъ, дѣти не могли дѣлать разложенія такихъ чиселъ, какъ 18, 24, 27 и т. п.; не имѣютъ яснаго представленія о составѣ чиселъ изъ десятковъ и единицъ, а отсюда медленно производятъ въ умѣ операціи съ числами» (11). «Ариѳметика въ зачаточномъ состояніи: дѣти совсѣмъ почти незнакомы съ разложеніемъ чиселъ и составомъ ихъ изъ десятковъ и единицъ» (12). «Умѣютъ считать и писать цыфры до 20, но совсѣмъ почти незнакомы съ составомъ этой величины. Никто изъ нихъ не могъ отвѣтить, напр., на вопросъ: изъ какихъ 2, 3 и т. д. равныхъ частей состоитъ 18; на сколько 18 больше 11 и т. п.» (15). «Обученіе ариѳметикѣ ведется успѣшно и методично» (19). «По ариѳметикѣ дѣти совсѣмъ не имѣютъ никакой подготовки, если не считать знаніемъ устный счетъ: 1, 2, 3...» (21) ***). «По ариѳметикѣ дѣти соображаютъ плоховато, къ тому-же и не имѣютъ практическаго навыка рѣшать задачи» (26). «Соображаютъ кое-что по ариѳметикѣ» (37) ****). «Дѣти не отвѣчаютъ на такіе вопросы, какъ: «изъ сколькихъ единицъ состоитъ 19», «изъ какихъ двухъ равныхъ частей состоитъ 16» и т. п.» (39—40). «По ариѳметикѣ первая группа знаетъ цыфры до 100, понимаетъ составъ чиселъ, хотя разложеніе чиселъ дѣлаютъ плохо» (41). «По ариѳметикѣ въ первомъ отдѣленіи дѣти знакомы съ цыфрами до 100, но разложеніе чиселъ въ умѣ дѣлаютъ не свободно. Въ старшемъ отдѣленіи... страдаетъ въ особенности ариѳметика. По ариѳметикѣ, между прочимъ, еще не пройдено объ умноженіи и дѣленіи простыхъ чиселъ, а также и именованныя числа» (43—44). «По ариѳметикѣ (во 2-мъ отд.) дѣти основательно ознакомились съ четырьмя дѣйствіями на простыя числа и, частью, на именованныя; кромѣ того пріобрѣли навыкъ быстро въ умѣ рѣшать

*) Школа существуетъ 4 года.
**) Школа существуетъ 3-й годъ.
***) Школа существуетъ 4-й годъ.
****) Школа существуетъ пять лѣтъ.

задачи и дѣлать довольно сложныя вычисленія» (45—46). «По ариѳметикѣ въ среднемъ отдѣленіи не могутъ дать отвѣта на вопросъ: «чѣмъ 19 больше 11» и т. п., въ старшемъ—плохо соображаютъ въ умѣ и т. д.» (47). «Ариѳметика въ первомъ отдѣленіи туго подвигается впередъ; въ особенности ученики плохо дѣлаютъ разложеніе чиселъ; но въ старшемъ отдѣленіи дѣти соображаютъ хорошо и имѣютъ нѣкоторый навыкъ рѣшать задачи» (49). «По ариѳметикѣ въ первой группѣ плоховато дѣлаютъ разложеніе чиселъ, но за-то дѣти второй группы прекрасно соображаютъ въ умѣ, разумно усвоили себѣ четыре дѣйствія съ простыми числами, знаютъ мѣры времени, длины и т. п.» (51). «По ариѳметикѣ соображаютъ туго» (53). «По ариѳметикѣ подготовка еще хуже. Дѣти перваго отдѣленія нисколько незнакомы съ разложеніемъ и составомъ чиселъ; они не отвѣчали, напр., на вопросы: «чѣмъ 17 болѣе 11», «что останется отъ 17, если отнимемъ 8», а 5 учениковъ изъ числа спрошенныхъ не могли даже написать число 19. Дѣти второго отдѣленія не могли отвѣтить на вопросъ: «изъ какихъ равныхъ частей состоитъ число 27», «во сколько разъ 8 менѣе 21-го», «сколько получится отъ умноженія 21 на 10, на 100 и т. п.» (54—55). «По ариѳметикѣ прекрасно дѣлаютъ разложеніе чиселъ, знакомы съ выраженіями: «на сколько» и «во сколько разъ больше или меньше» и т. д.» (56).

Законъ Божій. Законъ Божій является главнымъ предметомъ церковно-приходскихъ школъ, изученію котораго удѣляется всего больше времени и труда. Поэтому успѣхи по Закону Божію пріобрѣтаютъ особенный интересъ. Посмотримъ, каковы отзывы въ этомъ отношеніи автора «Отчета». «По Закону Божію съ дѣтьми пройдено о свойствахъ Божіихъ, Троичности Лицъ, о крестномъ знаменіи, о твореніи міра видимаго и невидимаго, а также изучены общеупотребительныя молитвы. Преподаваніе Закона Божія идетъ методично» (1). «По Закону Божію дѣти знаютъ молитвы и символъ вѣры, но безъ толкованія; знаютъ кое-что и изъ Св. Исторіи, но безъ надлежащаго пониманія» (3). «Всѣ дѣти знаютъ общеупотребительныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди Господни, Св. Исторію ветхаго завѣта и двунадесятые праздники» (6). «По Закону Божію пройдены молитвы, символъ вѣры, заповѣди Господни и блаженства. Молитвы изучаются со словъ. Знаютъ ихъ дѣти твердо, могутъ переводить и отчасти объяснять. Но священную исторію еще не проходили не только въ 1-мъ отд., но и во 2-мъ» (10). «Кромѣ молитвъ, дѣти ничего не знаютъ, да и молитвы произносятъ неправильно» (12). «Изъ Закона Божія дѣти знаютъ только общеупотребительныя молитвы, но о крестномъ знаменіи понятіе имѣютъ самое смутное. Не знаютъ они также ни символа вѣры, ни заповѣдей Господнихъ» (15). «По Закону Божію дѣти знаютъ символъ вѣры и молитвы, но не имѣютъ понятія о перстосложеніи, не знаютъ о сотвореніи міра, не знаютъ также и заповѣдей, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ учатся 3 и 4 года» (16). «Успѣхи по Закону Божію оставляютъ желать еще очень многаго. Такъ, не всѣ дѣти, даже во 2 отд., знаютъ символъ вѣры, заповѣди Господни и порядокъ міротворенія. Кромѣ того, дѣти 1-го отд. не имѣютъ никакого представленія о св. исторіи, тогда какъ по программѣ они должны изучать ветхій и новый завѣтъ» (18). Въ одной школѣ вся программа преподаванія Закона Божія «ограничивается молитвами Св. Духу, Пресвятой Троицѣ, молитвой Господней, Символомъ Вѣры и заповѣдями Господними» (21). Въ другой школѣ, существующей 2-й годъ,

«дѣтьми съ пониманіемъ изучены начальныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди Господни» (23). «Подготовка дѣтей по Закону Божію весьма слабая. Такъ, въ 1-мъ отд. знаютъ только нѣсколько начальныхъ молитвъ, во 2 и 3 отд. не знаютъ молитвы предъ ученіемъ, не всѣ дѣти знаютъ утреннія молитвы и даже символъ вѣры и заповѣди Господни, а нѣкоторыя если и читаютъ ихъ, то, во-1-хъ, извращаютъ славянскій текстъ и, во-2-хъ, читаютъ его безъ надлежащаго пониманія. По св. исторіи ветхаго завѣта во 2 отд. дѣтьми изучается только еще объ Авраамѣ, въ 3 отд. «Входъ Господень во Іерусалимъ», причемъ и въ предѣлахъ пройденнаго они не обнаруживаютъ удовлетворительныхъ знаній» (26). «По Закону Божію дѣти имѣютъ совсѣмъ слабую подготовку. Такъ, въ обоихъ отдѣленіяхъ ученики совсѣмъ не имѣютъ понятія о сотвореніи міра, не знаютъ о священной исторіи, хотя нѣкоторыя изъ дѣтей сидятъ въ школѣ по три года, почти совсѣмъ не знаютъ общеупотребительныхъ молитвъ, заповѣдей Господнихъ и символа вѣры, а если нѣкоторые ученики и начинаютъ все это читать на память, то до неузнаваемости коверкаютъ текстъ молитвы и тѣмъ самымъ показываютъ, что это результатъ до-школьнаго ихъ знакомства съ молитвами» (36—37). «Дѣти не только первой, но и второй группы не знаютъ, какъ слѣдуетъ, ни обычныхъ молитвъ, ни символа вѣры; о священной исторіи имѣютъ самое смутное представленіе, считая, напр., Сима, Сифа, Хама—дѣтьми Исаака и т. п.» (39). «Дѣти не только твердо знаютъ общеупотребительныя молитвы, а также символъ вѣры, но и дѣлаютъ доступныя для нихъ объясненія; кромѣ того, они имѣютъ правильныя понятія о крестномъ знаменіи, о твореніи міра, о нѣкоторыхъ двунадесятыхъ праздникахъ и пр.» (41). «Дѣти перваго отдѣленія не твердо знаютъ общеупотребительныя молитвы, совсѣмъ не знаютъ символа вѣры, заповѣдей Господнихъ и св. исторіи ветхаго и новаго завѣта, что по программѣ требуется пройти именно съ первымъ отдѣленіемъ. Дѣти 2-го отдѣленія не знаютъ о твореніи міра, не всѣ знаютъ символъ вѣры и заповѣди Господни и, наконецъ, совсѣмъ не учили о богослуженіи» (43). «Дѣти твердо знаютъ общеупотребительныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди Господни, имѣютъ понятіе о крестномъ знаменіи, о твореніи міра, знакомы съ св. исторіей ветхаго и новаго завѣта и т. п.» (45). «По Закону Божію ни въ 1 мъ, ни во 2-мъ отдѣленіяхъ дѣти не имѣютъ почти никакой подготовки» (47). «Хуже всего подготовка по Закону Божію: большинство дѣтей не знаютъ общеупотребительныхъ молитвъ и совсѣмъ почти не знаютъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣта» (49). «По Закону Божію съ дѣтьми пройдены лишь общеупотребительныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди Господни. Но и въ этой области знанія ихъ не очень тверды» (51). «По Закону Божію, что весьма бываетъ рѣдко, подготовка дѣтей даже очень хороша. Такъ, дѣти прекрасно знаютъ всѣ общеупотребительныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди Господни, имѣютъ ясное представленіе о двунадесятыхъ праздникахъ, даютъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты по св. исторіи ветхаго и новаго завѣта и проч.» (53). «По Закону Божію дѣти перваго отдѣленія ровно ничего не знаютъ; во 2-мъ отд. не знаютъ символа вѣры, заповѣди Господни, св. исторіи ветхаго и новаго завѣта и богослуженія» (54). «По Закону Божію дѣти, кромѣ молитвъ, знаютъ и св. исторію» (56). «По Закону Божію большинство дѣтей не могли объяснить значенія перстосложенія и крестнаго знаменія, не отвѣтили на вопросъ, когда и что сотворено Богомъ, многіе не

знаютъ самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ; священная исторія въ 1-мъ отдѣленіи не проходилась» (57).

Отношеніе населенія къ школѣ. Приведенныя свѣдѣнія объ успѣхахъ обозрѣваемыхъ школъ по всѣмъ предметамъ *и особенно по Закону Божію* заранѣе рѣшаютъ вопросъ объ отношеніи населенія къ этимъ школамъ. И дѣйствительно, это отношеніе достаточно ярко выражается въ сообщаемыхъ «Отчетомъ» и приведенныхъ выше фактахъ: ничтожномъ числѣ учащихся въ большинствѣ обозрѣваемыхъ школъ, посѣщеніи школъ значительно меньшимъ числомъ учащихся сравнительно съ тѣмъ, какое можетъ быть принято по размѣрамъ помѣщенія, громаднѣйшемъ уменьшеніи числа учащихся въ теченіи учебнаго года, доходящемъ до 50% общаго числа принятыхъ въ школы, готовности и остальныхъ оставить школу, если-бы сосѣднія министерскія школы не были переполнены и не отказывали въ пріемѣ, и, наконецъ, равнодушіи станичныхъ обществъ къ матеріальной обстановкѣ данныхъ школъ, вынужденныхъ въ большинствѣ случаевъ ютиться въ грязныхъ и тѣсныхъ сторожкахъ. Авторъ «Отчета» приводитъ и еще нѣкоторыя данныя того-же характера. Такъ, относительно Барсуковской школы читаемъ въ «Отчетѣ»: «На мое предложеніе расширить церковную сторожку или-же испросить у общества средствъ на постройку отдѣльнаго зданія, о. завѣдующій сообщилъ, что онъ неоднократно обращался за рѣшеніемъ этого вопроса къ обществу. Но общество не сочувственно относится къ этой школѣ, такъ какъ въ ней совсѣмъ почти не обучаются дѣти казаковъ; общество вооружается даже противъ того, что школа переведена въ церковную сторожку» (2). «Народъ, по заявленію причта, будто-бы относится къ школѣ не сочувственно, хотя дѣтей отдаютъ съ охотой. Общество, напр., отказалось зимой давать топливо, чрезъ что пришлось прекращать ученіе на цѣлый мѣсяцъ» (13). «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казаки ст. Пашковской постановили приговоръ объ отпускѣ на постройку церковно-приходской школы лѣса и 1.100 руб. денегъ, о наймѣ учителю-діакону помощника за 250 р. и снабженіи школы прислугою, приговоръ этотъ пашковцы, однако, и не думаютъ приводить въ исполненіе (29), что и не удивительно, такъ какъ предъ глазами у нихъ опытъ такого рода школы, относительно которой «Отчетъ» могъ сообщить только слѣдующую двусмысленную похвалу: «изъ школы по нѣсколько учениковъ поступаютъ въ министерскую школу и тамъ идутъ наравнѣ съ прочими» (никогда не учившимися). Точно также нѣсколько лѣтъ тому назадъ казаки Ново-Мышастовской станицы постановили отдать подъ церковную школу бывшій молитвенный домъ, а теперь «не нынче-завтра они продадутъ молитвенный домъ въ другое село, для чего уже пріискиваютъ себѣ покупателей» (37). Тѣмъ не менѣе «Отчетъ» категорически утверждаетъ, что «простой народъ нашъ школьное дѣло мыслитъ не иначе, какъ сосредоточеннымъ въ рукахъ духовенства» (50).

Отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ духовенства. Съ тенденціей, выраженной въ только-что цитированныхъ словахъ, любопытно сопоставить отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ самого приходскаго духовенства, въ рукахъ котораго авторъ «Отчета» желалъ-бы видѣть «сосредоточеннымъ» школьное дѣло. Изъ того, что сообщено выше о діаконахъ-учителяхъ, характеръ отношеній этихъ членовъ причта къ школѣ дѣлается внѣ всякихъ сомнѣній. Отношеніе священниковъ наглядно видно изъ успѣ-

ховъ школъ по Закону Божію, который, по правиламъ, долженъ преподаваться священниками, но въ большинствѣ случаевъ преподается діаконами, желающими, свѣтскими учителями и добровольцами изъ семействъ причтовъ, а иной разъ и никѣмъ не преподается. «Отчетъ» содержитъ много и другихъ указаній по данному предмету. Такъ, о. наблюдатель Барсуковской школы «въ нынѣшнемъ учебномъ году еще не былъ въ этой школѣ» (1). Относительно Николаевской школы констатируется «небрежное отношеніе къ школѣ причта» (3). О. наблюдатель Убѣженской школы «въ нынѣшнемъ учебномъ году школу еще не посѣщалъ» (4), за постановку дѣла въ этой школѣ объявлено «неодобреніе всему причту» (5). Причтъ Кубанской церкви пришлось просить «съ большей заботой относиться къ школѣ, чѣмъ какъ относился онъ до сего времени» (7). Въ Кавказской школѣ священникъ думаетъ заняться Закономъ Божіимъ только «послѣ Пасхи» (10). О. завѣдующій Романовской школой «не имѣетъ къ ней никакого отношенія» (12). О. наблюдатель Казанской школы «уже 2-й годъ въ школѣ не бываетъ», а завѣдующаго этою школою и совсѣмъ нѣтъ, хотя въ приходѣ 2 священника (13); діакону-учителю этой школы выражено «порицаніе» (14). О. наблюдатель Ладожской школы также «2-й годъ не посѣщаетъ школы» (16), а о. завѣдующаго пришлось просить «обратить болѣе серьезное вниманіе на церковно-приходскую школу» (17). Относительно Воронежской школы констатируется «крайне холодное отношеніе причта» къ ней «или, вѣрнѣе, отсутствіе съ его стороны всякаго отношенія», за что причту и выражено «неодобреніе» (22). Относительно Васюринской школы читаемъ: «Достойно замѣчанія въ особенности то обстоятельство, что *едва-ли не единственная школа, гдѣ весь причтъ принимаетъ непосредственное участіе въ школѣ, не считая школу «діаконской затѣей»* (24). Діакону-учителю Старо-Корсунской школы выражено «неодобреніе» за веденіе дѣла «безъ всякаго усердія» (27—28). Завѣдующій Пашковской школой мѣстный священникъ не далъ «никакихъ данныхъ заключать о томъ, чтобы онъ оказывалъ ей какое-либо содѣйствіе» (28), и ему выражено «неодобреніе» за то, что онъ «сознательно тормазитъ» пріобрѣтеніе болѣе удобнаго помѣщенія для школы (30). Завѣдующаго и законоучителя Новомышастовской школы, мѣстнаго священника, пришлось «уволить отъ возложенныхъ на него по школѣ обязанностей» въ виду «крайне ограниченной и даже безтолковой подготовки учениковъ по Закону Божію» (38). Діакону-учителю Марьянской школы объявлено «неодобреніе» «за крайне небрежное отношеніе къ школѣ» (40). Для Елизаветинской школы общество, по убѣжденію священника, готово было запасти строительный матеріалъ, но «объ этомъ узналъ діаконъ и сейчасъ-же постарался разбить добрыя намѣренія общества» (42). О. завѣдующему Платнировской школой объявлено «неодобреніе» «за плохую подготовку дѣтей по Закону Божію» (50). Священникъ ст. Кореновской «заявилъ, что онъ преподаетъ Законъ Божій въ министерской школѣ, а къ церковно-приходской школѣ не имѣетъ никакого отношенія. Такого мнѣнія, впрочемъ, держатся почти всѣ священники, состоящіе законоучителями въ министерскихъ школахъ» (51). «Изъ двухъ священниковъ Тартовской станицы ни одинъ не считаетъ себя завѣдующимъ этой школы и не считаетъ нужнымъ посѣщать ее» (54), вслѣдствіе чего имъ сдѣланъ строгій выговоръ» (55). О. наблюдатель Архангельской школы «въ нынѣшнемъ году школу еще не посѣщалъ» (56). То же отмѣчено отно-

сительно о. наблюдателя Невинномысской школы (57), законоучителю которой, мѣстному священнику, выражено «неодобреніе за худую подготовку дѣтей по Закону Божію и вообще за равнодушное отношеніе къ школѣ» (58).

Въ такихъ чертахъ рисуется по даннымъ «Отчета» положеніе церковноприходской школы въ ставропольской епархіи.

Я. Абрамовъ.

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

Годовое засѣданіе 28 января 1893 года.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель доложилъ Собранію объ утратѣ Московскимъ Комитетомъ грамотности трехъ видныхъ дѣятелей по народному образованію—членовъ Комитета: П. В. Залѣсскаго, И. Ю. Некрасова и М. В. Овчинникова. Собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ. Затѣмъ, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, секретарь доложилъ Собранію отчетъ о дѣятельности Московскаго Комитета грамотности за 1892 годъ.

За отчетный годъ въ Комитетѣ грамотности состояло 2 почетныхъ и 330 дѣйствительныхъ членовъ. Изъ всего числа членовъ—280 живутъ въ Москвѣ, а остальные—внѣ Москвы.

Всѣхъ засѣданій въ истекшемъ году было 6. На нихъ прочитаны были слѣдующіе доклады: 1) С. Г. Смирновымъ—«О результатахъ занятій 2-го миссіонерскаго съѣзда въ Москвѣ по вопросу объ участіи народныхъ школъ въ борьбѣ съ сектантствомъ». 2) И. Н. Сахаровымъ — «О книжкахъ юридическаго содержанія, рекомендованныхъ библіотечной коммиссіей для внесенія во временный каталогъ книгъ для разсылки въ сельскія библіотеки». 3) И. И. Петрункевичемъ—«О дѣятельности Коммиссіи комитета грамотности по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая». 4) В. Е. Ермиловымъ—«Идеи А. Коменскаго о народныхъ школахъ и народномъ образованіи». 5) П. М. Шестаковымъ—«30-ти-лѣтняя народная педагогическая дѣятельность Х. Д. Алчевской». 6) В. Г. Гебелемъ—«Русское книжное дѣло за послѣднія 5 лѣтъ». 7) С. Г. Смирновымъ—«Къ вопросу о борьбѣ лубочныхъ и интеллигентныхъ издателей».

Практическая дѣятельность Комитета сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ. Вотъ краткій очеркъ дѣятельности этихъ послѣднихъ.

Библіотечная коммиссія дѣятельно занималась разсмотрѣніемъ книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, и одобрила докладъ технической группы по вопросу о книгахъ техническаго и медицинскаго содержанія для народнаго чтенія. Кромѣ того, она составила 1-й выпускъ «Ежегодника», — первый опытъ обзора народной литературы за 1891 г.

Коммиссія по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ прежде всего озаботилась установленіемъ сношеній съ воскресными школами, московскими и иногородными. Въ настоящее время въ общеніе съ коммиссіей вступили воскресныя школы Москвы, Петербурга, Харькова, Н.-Новгорода, Пензы, Тирасполя, Екатеринославля, Ставрополя-Кавказскаго, Тамбова, Тифлиса, Одессы, Риги, Екатеринодара, Уржума, Казани и Вышняго-Волочка.

Одновременно съ разработкой вопроса объ обученіи грамотѣ взрослыхъ коммиссія, при посредствѣ спеціальной группы, вырабатывала планъ и подбирала матеріалъ для книги, предназначенной для классного чтенія въ воскресныхъ школахъ. Такъ-называемая организаціонная группа коммиссіи составила планъ годовой отчетности по воскреснымъ школамъ. При всѣхъ московскихъ воскресныхъ школахъ коммиссія устроила библіотеки для домашняго чтенія учащихся. Для ознакомленія общества съ дѣломъ воскресныхъ, вечернихъ и другихъ подобныхъ школъ она, въ засѣданіи своемъ отъ 7 мая, постановила обратиться къ лицамъ и учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія, съ спеціальнымъ циркуляромъ, который былъ разосланъ въ сентябрѣ 1892 г. Въ ознаменованіе 30-ти-лѣтней народно-педагогической дѣятельности Х. Д. Алчевской, коммиссія открыла воскресную школу въ Москвѣ при фабрикѣ Прохорова. Въ концѣ прошлаго учебнаго года до свѣдѣнія коммиссіи дошло, что въ г. Уржумѣ (Вятск. губ.) частная воскресная школа нуждается въ матеріальной поддержкѣ. По просьбѣ коммиссіи, почетный членъ Комитета грамотности, Х. Д. Алчевская, выслала ей 100 рублей. Бюро коммиссіи отправило въ эту школу, а также и въ воскресную школу Ставрополя-Кавказскаго, книги для домашняго чтенія учащихся.

Редакціонная коммиссія. Какъ матеріалъ для изданія, въ коммиссію поступило отъ разныхъ лицъ 5 трудовъ. Выполнено въ отчетномъ году 2 изданія: 1) избранныя стихотворенія А. В. Кольцова, съ краткой біографической замѣткой и портретомъ, около 3-хъ печатныхъ листовъ, въ количествѣ 6.000 экз., цѣна 5 коп. 2) «Совѣсть убила», разсказъ С. А. Шмидтъ, около 2-хъ печатныхъ листовъ, въ количествѣ 1.000 экз., цѣна 3 коп. Изданное въ прошломъ году житіе св. Θеодосія Печерскаго А. М. Сливицкаго распоряженіемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ допущено къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ.

Касательно вопроса о распространеніи изданій Комитета коммиссія располагаетъ слѣдующими свѣдѣніями. Число всѣхъ изданій Комитета къ январю текущаго года достигло 18-ти названій: изъ нихъ слѣдующія 8 разошлись вполнѣ: 1) Сказка Три копѣечки; 2) Подвиги русскихъ. Переходъ черезъ Дунай; 3) О землѣ и свѣтилахъ небесныхъ; 4) Старецъ Иринархъ; 5) Крестъ патріарха Филарета; 6) Амуръ и Уссурійскій край; 7) Житіе св. Θеодосія Печерскаго (изд. повторено); 8) Подвиги русскихъ. Походъ на Хиву. О 4 книжкахъ, изданныхъ черезъ посредство магазина «Начальная Школа», къ 15 января означеннаго года имѣются такія свѣдѣнія: 1) «Избранныя сочиненія Лермонтова», изъ 6.000 экз. осталось нераспроданными 1.980 экз. 2) «Житіе св. Θеодосія Печерскаго» изъ 10.000 экз. осталось нераспроданными 7.968 экз. 3) «Александръ II Царь-Освободитель», изъ 6.000 экз.— 4.574 экз. 4) «Суворовъ», изъ 10.000 экз.—9.018 экз. Первыя двѣ книжки вышли осенью 1891 г., двѣ остальныя весной 1892 г. О положеніи остальныхъ изданій свѣдѣній собрать не удалось. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ продажѣ имѣются слѣдующія изданія Комитета: 1) «Избранныя сочиненія Лермонтова» съ рисунками, изд. 1891 г., ц. 15 коп., 2) «Житіе св. Θеодосія Печерскаго», 1891 г., ц. 10 коп.; 3) «Александръ II Царь-Освободитель» съ рисунками, 1892 г., ц. 10 коп.; 4) «А. В. Суворовъ» съ рисунками, 1892 г., ц. 5 коп.; 5) «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», Лермонтова, 1892 г., ц. 1½ коп.; 6) «Житіе Тихона Задонскаго» 1892 г., ц. 1½ коп.; 7) «Из-

бранныя стихотворенія А. В. Кольцова», 1893 г. ц. 6 коп.; 8) «Совѣсть убила», разсказъ, 1893 г., ц. 3 коп.; 9) «Сказка о царевнѣ лягушкѣ»— ц. 5 коп.; 10) «Полный народный пѣсенникъ» 1885 г., ц. 50 коп. (35 руб. 100 экз.).

Въ прошлогоднемъ своемъ отчетѣ редакціонная коммиссія заявила о намѣреніи выработать систематическую программу издательской дѣятельности, для чего вошла въ сношенія съ группами библіотечной коммиссіи по разнымъ отдѣламъ книгъ. Въ отчетномъ году редакціонная коммиссія получила отзывы отъ двухъ группъ — по отдѣлу религіозно-нравственныхъ книгъ и по отдѣлу естественно-историческаго чтенія. Съ представленіемъ соображеній отъ остальныхъ группъ, выработка систематическаго плана изданій будетъ закончена и представлена Комитету.

Въ истекшемъ году Совѣтомъ Комитета, по представленію библіотечной коммиссіи, было послано книгъ въ сельскія и школьныя библіотеки—41 библіотека (прошлый годъ 32) или 2.467 экз. на сумму 509 руб. 22 коп. (книги 365 руб. 28 коп., переплеты 143 руб. 94 коп.), причемъ посылки распредѣлялись такъ: 2—въ общественныя библіотеки (Дербентъ и Вязьма), 2—въ воскресныя школы и 37—въ народныя школы различныхъ наименованій, по губерніямъ: въ Тверскую 5, въ Костромскую и Виленскую по 4, Нижегородскую и Смоленскую по 3, Рязанскую, Минскую, Воронежскую, Симбирскую, Тульскую и Владимірскую по 2 библіотеки и въ остальныя по одной. Цѣнностью разосланныя библіотеки были отъ *5 руб. 47 коп.* до *36 руб. 14 коп.*; по отдѣламъ книги распредѣлялись такъ: 40% всей стоимости библіотеки составляли книги литературнаго отдѣла, 22,3% религіознаго, 17,2% историческаго, 16,3% географ., 4% сельскохозяйственнаго и 2% медицинскаго.

Въ концѣ отчетнаго года Комитетъ грамотности имѣлъ случай удостовѣриться въ сочувствіи, съ которымъ общество относится къ его дѣятельности на пользу поддержанія грамотности въ народѣ посредствомъ безплатнаго снабженія книгами сельскихъ и училищныхъ библіотекъ.

Многіе московскіе представители науки и литературы, по иниціативѣ члена Комитета Д. И. Тихомирова, согласились прочесть рядъ публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ предназначается на устройство народныхъ сельскихъ библіотекъ. Отмѣчая этотъ отрадный фактъ живого сочувствія общества скромной дѣятельности Комитета грамотности, послѣдній приноситъ искреннюю благодарность Д. И. Тихомирову, какъ иниціатору дѣла, всѣмъ профессорамъ и литераторамъ, согласившимся читать публичныя лекціи, администраціи Историческаго Музея, уступившей безплатно залу для чтенія лекцій, и редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» за безплатную публикацію объявленій о лекціяхъ. До сихъ поръ состоялось уже 4 лекціи: 1) П. Д. Боборыкинъ прочелъ лекцію подъ заглавіемъ: «Страхъ смерти». Сборъ отъ нея 450 руб., согласно волѣ автора, распредѣленъ между Комитетомъ грамотности—250 руб. и Нижегородскимъ обществомъ начальнаго образованія, куда препровождено 200 руб. на предметъ устройства сельскихъ библіотекъ; 2) гр. Л. А. Комаровскій прочелъ лекцію подъ заглавіемъ «Европа и Россія»; 3) А. И. Чупровъ прочелъ лекцію подъ заглавіемъ «Знаніе и народное богатство»; 4) П. Н. Милюковъ прочелъ лекцію подъ заглавіемъ «Разложеніе славянофильства». Сборъ съ этихъ трехъ лекцій (съ первой—150 руб.,

со второй—460 руб. и съ третьей—163 руб.) переданъ въ распоряженіе Московскаго Комитета грамотности на дѣло устройства сельскихъ библіотекъ.

Обозрѣвая дѣятельность Комитета въ истекшемъ году, нельзя не сознаться, что эта дѣятельность все болѣе и болѣе расширялась и, вмѣстѣ, пріобрѣтала себѣ несомнѣнное и прочное сочувствіе Общества.

Въ настоящемъ засѣданіи дѣйствительнымъ членомъ Комитета И. И. Петрункевичемъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности продовольственной коммиссіи за послѣдній періодъ ея существованія. Эта коммиссія уже представила Комитету два отчета: первый — по истеченіи 2 мѣсяцевъ ея дѣятельности (8 февраля 1892 г.), а второй — по истеченіи пяти мѣсяцевъ (28 апрѣля 1892 г.), когда дальнѣйшаго развитія ея дѣятельности въ большихъ размѣрахъ уже нельзя было ожидать, такъ какъ всѣ суммы, находившіяся въ ея распоряженіи, были уже распредѣлены, школьныя столовыя правильно функціонировали и черезъ два мѣсяца должны были прекратить свою дѣятельность въ виду наступленія времени сбора урожая 1892 г. Тѣмъ не менѣе и въ маѣ мѣсяцѣ коммиссія продолжала свою дѣятельность, такъ какъ, съ одной стороны, въ ея распоряженіе поступили новыя пожертвованія, а съ другой — поступили и просьбы о помощи учащимся не только изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бѣдствіе было общеизвѣстно, но и изъ такихъ, гдѣ оно обнаружилось только весной, какъ, напр., изъ Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ было оказано пособіе на устройство школьныхъ столовыхъ при Никольской школѣ Моршанскаго уѣзда, Пятницкой школѣ Лебедянскаго уѣзда, затѣмъ—при одной школѣ Борисоглѣбскаго уѣзда и при нѣсколькихъ школахъ въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Такимъ образомъ, на пожертвованія, поступившія въ распоряженіе Комитета грамотности, было оказано пособіе продовольствіемъ около 2.500 учащихся дѣтей, на что истрачено 11.804 руб. 84 коп., или около 4 руб. 72 коп. на одного учащагося; если-же къ вышеуказанной суммѣ прибавить разные накладные расходы (почтовые, типографскіе, канцелярскіе, храненіе хлѣба), то всѣ расходы на продовольствіе $2^1/_2$ тысячъ учащихся достигаютъ 11.990 руб. 96 коп., или около 4 руб. 80 коп. на человѣка вообще, около 95 коп. въ мѣсяцъ. Такой расходъ на продовольствіе каждаго учащагося можно признать весьма умѣреннымъ, особенно въ виду дороговизны продуктовъ питанія въ прошломъ 1892 году.

Въ отчетѣ, доложенномъ коммиссіей Комитету 28 апрѣля, съ большою подробностью относительно каждой школы показано время открытія столовой, число продовольствовавшихся въ ней дѣтей, составъ пищи, указано лицо, завѣдывавшее столовой, стоимость продовольствія и т. д. Никакихъ новыхъ данныхъ по этимъ вопросамъ со времени послѣдняго отчета въ коммиссію не поступало, а потому и нѣтъ надобности возвращаться къ нимъ. Большая часть столовыхъ просуществовала до новаго урожая, т.-е. до половины іюля мѣсяца, какъ и предполагала коммиссія, но нѣкоторыя столовыя, какъ, напр., въ Петровскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, закрылись нѣсколько раньше, а именно въ маѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе того, что учащіеся перестали посѣщать ихъ. Такихъ столовыхъ, однако, немного. Образовавшіеся вслѣдствіе болѣе ранняго закрытія столовыхъ остатки отъ высланныхъ распорядителямъ денегъ—частью возвращены въ Комитетъ, частью-же распорядители испрашиваютъ разрѣшенія Комитета на продолженіе дѣятельности столовыхъ и

въ настоящую зиму (1892—1893 г.), такъ какъ неурожай повторился во многихъ мѣстахъ. Большинство распорядителей, представляя свои послѣдніе отчеты и выражая Комитету признательность свою, продовольствовавшихся дѣтей и ихъ родителей, сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что заболѣваній среди учащихся дѣтей почти не было, что дѣти имѣли, благодаря достаточному питанію, цвѣтущій видъ и что школы посѣщались не только зимой, но и весной весьма исправно, а нѣкоторыя такъ, какъ никогда раньше.

Денежный отчетъ коммиссіи по приходу и расходу суммъ, поступившихъ въ ея распоряженіе, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Приходъ.

1. Собрано членами Комитета по талоннымъ книжкамъ.		2.056 р. 35 к.
2. Пожертвовано разными лицами черезъ членовъ Комитета:		
а) деньгами	7.474 р. 31 к.	
б) хлѣбомъ.	875 » 24 »	
		8.349 » 55 »
3. Пожертвовано редакціей «Рус. Вѣд.» изъ денегъ, вырученныхъ за «Сборникъ въ пользу голодающихъ» .		600 » — »
4. Пожертвовано редакціей изданія «Книга о книгахъ» .		500 » — »
5. Пожертвовано черезъ редакцію «Русскихъ Вѣд.» . .		875 » 60 »
6. Пожертвовано черезъ редакцію «Русской Мысли» . .		26 » 69 »
7. Пожертвовано черезъ Комитетъ Великой Княгини Елизаветы Федоровны		50 » — »
8. Выручено отъ продажи изданій:		
а) «Лепта Бѣлинскаго». . . .	107 р. — к.	
б) «Соч. В. Я. Стоюнина» . .	133 » 75 »	
в) «Изъ эпохи великихъ реформъ».	6 » 20 »	
г) «Педагогическіе музеи». . .	8 » 60 »	
		245 » 55 »
9. Выручено отъ продажи пожерт. вещей		1 » — »
10. Переданы г. мировымъ судьей, пожертв. на судѣ. . .		2 » 50 »
Всего		12.717 р. 24 к.

Расходъ.

1. Израсходовано на продовольствіе учащихся въ школьныхъ столовыхъ:		
а) деньгами	11.040 р. 20 к.	
б) хлѣбомъ	764 » 64 »	
		11.804 р. 84 к.
2. Канцелярскіе расходы:		
а) счетныя книги и проч. . . .	5 р. 50 к.	
б) переписка бумагъ	10 » — »	
		15 » 50 »

3. Почтовые и телеграфные расходы	54 р. 87 к.
4. Типографскіе расходы	85 » 35 »
5. Храненіе хлѣба на желѣзной дорогѣ	30 » 40 »
Всего	11.990 р. 96 к.
Остатокъ, переданный въ распоряженіе Комитета	726 » 28 »
Итого	12.713 р. 24 к.

Опытъ прошлаго года показалъ, что требованія жизни постепенно расширяютъ задачи Комитета грамотности и что послѣдній можетъ исполнять ихъ не безъ успѣха, если только члены Комитета проникнутся сознаніемъ важности такихъ задачъ и готовностью служить имъ. Намѣреніе Комитета въ этомъ направленіи встрѣтило большое сочувствіе и поддержку среди русскаго общества, что и выразилось въ той суммѣ пожертвованій, которую Комитетъ получилъ въ теченіе столь непродолжительнаго времени.

Полномочія коммиссіи, избранной 3 декабря 1891 г. на опредѣленный срокъ, истекли 1 сентября 1892 г. и дѣятельность ея прекратилась, хотя условія, вызвавшія ее къ жизни, далеко не перестали существовать. Если районъ бѣдствій, вызванныхъ неурожаемъ 1891 г., съузился, то бѣдствія населенія въ губерніяхъ, гдѣ неурожай повторился и въ 1892 г., стали еще болѣе интенсивны и ужасны, а помощь населенію и учащимся требуется еще болѣе настоятельно.

Взявъ на себя заботу о продовольствіи учащихся въ прошломъ году, Комитетъ не можетъ остаться бездѣятельнымъ и въ текущую зиму.

Докладъ г. Петрункевича вызвалъ горячія пренія среди присутствующихъ, послѣ которыхъ Собраніе *единогласно* постановило образовать продовольственную коммиссію снова и на этотъ годъ и такимъ образомъ продолжить дѣло продовольствія учащихся въ мѣстностяхъ, наиболѣе въ этомъ нуждающихся въ настоящемъ году. Въ составъ коммиссіи избрано 10 членовъ.

Далѣе въ засѣданіи была разсмотрѣна приходо - расходная смѣта на 1893 годъ, причемъ на безплатную разсылку библіотекъ въ этомъ году ассигновано 2.000 руб., т.-е. въ 4 раза больше, чѣмъ въ 1892 году.

Изъ другихъ вопросовъ, внесенныхъ на разсмотрѣніе настоящаго засѣданія, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе два вопроса, внесенные на обсужденіе г. предсѣдателемъ: 1) вопросъ о количествѣ учащихся дѣвочекъ въ народныхъ школахъ и 2) о распредѣленіи занятій въ народной школѣ. Вопросы эти внесены по слѣдующему поводу. На послѣднемъ годовомъ засѣданіи Имп. Моск. Общества Сельскаго Хозяйства, предсѣдатель, князь Щербатовъ, заявилъ, что онъ, будучи предводителемъ дворянства въ Рузскомъ уѣздѣ, Московской губ., и предсѣдательствуя въ мѣстномъ училищномъ совѣтѣ, постоянно наблюдалъ, что число учащихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ представляетъ собою слишкомъ ничтожный процентъ по отношенію ко всему числу учащихся дѣтей. Явленіе это, конечно, присуще не одному только Рузскому уѣзду, оно наблюдается въ большинствѣ нашихъ народныхъ школъ. Комитетъ грамотности, по мнѣнію князя Щербатова, выполнилъ-бы одну изъ священныхъ своихъ обязанностей, если-бы задался цѣлью всесторонне изучить это явленіе и изыскалъ рядъ

мѣръ, при помощи которыхъ можно-бы вліять на увеличеніе числа обучающихся дѣвочекъ.

Вопросъ о распредѣленіи занятій въ народныхъ школахъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что распредѣленіе учениковъ на три группы при одномъ учителѣ много вредитъ успѣшному прохожденію курса въ начальной школѣ и даже вліяетъ на число оканчивающихъ курсъ; при этомъ страдательной группой всегда является средняя группа: учитель занимается или съ младшей группой, которую надо скорѣе обучить читать, или со старшей, которую надо приготовить къ экзамену, средняя-же группа въ большинствѣ случаевъ остается не у дѣлъ. Въ томъ-же Рузскомъ уѣздѣ былъ сдѣланъ такой опытъ: ученики принимались и выпускались черезъ годъ, такъ что въ училищѣ было только двѣ группы. Опытъ этотъ далъ хорошіе результаты: не только повысился уровень познаній учениковъ, но и увеличился % оканчивающихъ курсъ. Обсужденіе этихъ вопросовъ, благодаря ихъ сложности, отложено до одного изъ слѣдующихъ собраній, при чемъ было выражено желаніе образовать особую коммиссію, которая всесторонне изучила-бы столь важные для нашей школы вопросы.

Въ концѣ засѣданія собраніе, по предложенію г. предсѣдателя, избрало въ члены Комитета по § 16-му, т.-е. безъ обязательства дѣлать членскій взносъ, слѣдующихъ лицъ: Чупрова, гр. Комаровскаго, Боборыкина и Милюкова, какъ оказавшихъ Комитету значительную услугу своими публичными лекціями.

Н. Т—въ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 8-го декабря 1892 г.

Матеріалъ для характеристики общественныхъ нравовъ.

Было время, и не особенно далекое, когда, какъ говорятъ, въ засѣданіяхъ Комитета не всегда собирался въ полномъ составѣ даже и его Совѣтъ. Старики Комитета,—а въ то блаженное время своей молодости (Комитету теперь всего 30 лѣтъ) онъ состоялъ по преимуществу изъ старичковъ,—собравшись въ лицѣ 5—10 человѣкъ, вершили несложныя дѣла его чрезвычайно патріархально. Да и дѣлъ въ Комитетѣ было мало; денегъ—тоже. Поговорятъ, поговорятъ, бывало, старички о своемъ житьишкѣ, протянутъ, приличія ради, какъ-нибудь время до 9—10 часовъ, да и на покой къ своимъ пенатамъ... Все было тихо, спокойно, но за-то и благородно... Но вотъ наступаютъ другія времена, на арену общественной дѣятельности выступаютъ люди съ другими нравами. Дѣятельность Комитета, говоря относительно, оживаетъ, старики, одинъ за другимъ, поработавъ на свой пай, уступаютъ мѣсто другимъ: является борьба партій, мнѣній, а порою разгораются и страсти. Въ послѣднее время многолюдство засѣданій Комитета приняло уже характеръ обычнаго явленія. Оставалось-бы, конечно, только радоваться этому, если-бы такое оживленіе являлось результатомъ возбужденія интереса общества къ дѣятельности Комитета. Къ сожалѣнію, однако, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, это не такъ. Случился въ Комитетѣ инцидентъ небывалый, и если-бы воспрянули изъ гроба прежніе «отцы» Комитета, то только уко-

ризненно и печально покачали-бы головами, глядя на своихъ замѣстителей «дѣтей», а нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и позлорадствовали-бы, посравнивъ тишь да гладь, да Божью благодать прежнихъ временъ съ тѣми шумомъ и гамомъ, какіе стояли въ этомъ засѣданіи собранія. Не знаемъ, можетъ быть, потому, что мы принадлежимъ къ поколѣнію «дѣтей», но думается, что внѣшнее неблагоприличіе, царящее уже не въ одномъ этомъ засѣданіи, предпочтительнѣе тишины и спокойствія прежнихъ временъ: за послѣдними скрывались запустѣніе, бездѣятельность, за теперешними неблагоприличіями — жизнь, борьба мнѣній и взглядовъ. Неблагоприличіе — только та естественная накипь, которая по законамъ природы должна получаться тамъ, гдѣ происходитъ борьба. Хотѣлось-бы, конечно, чтобы этой накипи не было. Вызываетъ она досадное, непріятное чувство чего-то лишняго, ненужнаго, помѣхи тамъ, гдѣ хотѣлось-бы видѣть только дружную, плодотворную работу всѣхъ. Но что подѣлаешь, когда люди, принимающіе участіе въ этой работѣ, обладаютъ кровью, нервами. вкусами, симпатіями и антипатіями, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что ставитъ ихъ въ невозможность оставаться только ходячими идеями, но заставляетъ въ борьбѣ за нихъ пускать въ ходъ всего себя, не только голову, но и сердце. Полная объективность для человѣка недостижима.

Комитетъ грамотности — частное общественное учрежденіе. Комитетъ не сулитъ въ будущемъ никому изъ своихъ членовъ никакихъ благъ земныхъ ни въ образѣ чиновъ, денегъ, ни даже въ видѣ возможности выдвинуться какъ общественному дѣятелю — для этого Комитетъ слишкомъ скромное учрежденіе. Тѣмъ не менѣе, было-бы большою наивностью думать, что общество привлекаетъ въ свою среду только тѣми цѣлями, какія оно преслѣдуетъ. За какихъ-нибудь 6 послѣднихъ лѣтъ число членовъ Комитета возрасло съ 105 до 368 человѣкъ. Гдѣ многолюдство, тамъ и разнообразіе не только взглядовъ и направленій, но и вкусовъ и побужденій. Учрежденіе не можетъ взять на себя отвѣтственности за поведеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, руководящихся побужденіями, ничего общаго съ цѣлями Комитета неимѣющими. Все, что онъ могъ-бы сдѣлать въ томъ случаѣ, когда подобные господа начинаютъ проявлять себя болѣе активно, это, если-бы позволялъ его уставъ, удалить ихъ изъ своей среды.

Поводомъ къ инциденту послужило то обстоятельство, что Совѣтъ, въ лицѣ предсѣдателя, разсылая членамъ Комитета отчетъ за 1891 г., обратился съ просьбою сдѣлать свои замѣчанія на этотъ отчетъ — указать, что, по мнѣнію лицъ, получившихъ отчетъ, въ той или иной части дѣятельности Комитета и его коммиссій дѣлалось не съ достаточной энергіей и умѣньемъ и какъ-бы должно дѣлаться. Надо замѣтить, что отчетъ этотъ въ свое время докладывался общему собранію и вмѣстѣ съ протоколомъ ревизіонной коммиссіи, удостовѣряющимъ правильность отчета, былъ утвержденъ общимъ собраніемъ. Совѣтъ, предлагая членамъ Комитета сдѣлать свои замѣчанія на отчетъ, имѣлъ, конечно, въ виду самыя благія цѣли — услышать отъ членовъ такія указанія на дѣятельность Общества, которыя дали-бы возможность имѣть ихъ въ виду въ будущей дѣятельности Комитета. Фактъ такого обращенія Совѣта несомнѣнно говоритъ за его готовность выслушать критику своей дѣятельности.

И вотъ, въ результатѣ такого предложенія Совѣта является обширнѣйшій манускриптъ, поданный въ Совѣтъ гг. Воленсомъ, Гамзагурди, А. Василье-

вымъ и Шелковскимъ, въ которомъ они, кромѣ спокойной и простой критики дѣятельности Совѣта, помѣщаютъ обвиненія въ прямой недобросовѣстности, нечестности и эксплуатаціи средствъ Комитета со стороны главнымъ образомъ одного изъ членовъ Совѣта—А. М. Калмыковой. Совѣтъ и въ частности А. М. Калмыкова сочли нужнымъ, хотя записка и не предназначалась ея авторами для чтенія въ общемъ собраніи, познакомить собраніе съ тою ея частью, которая заключаетъ въ себѣ такія позорящія обвиненія, причемъ г-жа Калмыкова дала свои объясненія по этому поводу. Теперь мы объясненія А. М. Калмыковой можемъ подтвердить рядомъ документальныхъ справокъ. Обвиненіе въ недобросовѣстности и эксплуатаціи средствъ Комитета касается трехъ различныхъ функцій дѣятельности Общества: безплатной разсылки книгъ Комитетомъ, коммиссіонной дѣятельности его по исполненію денежныхъ заказовъ изъ провинціи и распродажи изданій Комитета. По первому пункту обвинители хотятъ доказать, что со времени открытія членомъ Совѣта А. М. Калмыковой книжнаго склада народныхъ изданій закупки Комитетомъ книгъ для разсылки производятся съ значительно меньшей уступкой, чѣмъ производились ранѣе, т.-е., что А. М. Калмыкова беретъ получаемую разницу въ уступкѣ въ свою пользу, въ прямой ущербъ, конечно, интересамъ Комитета. Свое обвиненіе авторы записки основываютъ на томъ обстоятельствѣ, что въ 1890 г., какъ это видно по отчету, нѣкоторыя книги пріобрѣтались Комитетомъ съ уступкою въ 37½, 75 и даже 80 процентовъ, тогда какъ въ 1891 г. уступка колебалась всего между 15 и 30 процентами. Мы уже не говоримъ, что для доказательства вліянія склада г-жи Калмыковой на пониженіе процента уступки надо было указать на то, что въ 1890 г. книги пріобрѣтались изъ другихъ рукъ, чѣмъ 1891 г., и покупались непремѣнно въ складѣ А. М. Калмыковой. Свѣдѣній, гдѣ пріобрѣтались книги, отчетъ не даетъ, и потому обвиненіе А. М. Калмыковой остается висящимъ въ воздухѣ. Предположимъ однако, что эти свѣдѣнія добыты обвинителями изъ какихъ-либо другихъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ. Человѣку, хотя сколько-нибудь безпристрастно относящемуся къ фактамъ, безъ предвзятаго намѣренія обвинить во что-бы то ни стало, приходитъ на мысль совершенно естественно вопросъ: какія-же это книги могли пріобрѣтаться въ 1890 г. съ такою громадною уступкою, какъ 75 и 80 процентовъ? Несомнѣнно одно, что уступка въ такихъ размѣрахъ не можетъ быть признана нормальной. Всякій хоть сколько-нибудь знакомый съ условіями издательства и торговли книгами (а г. Воленсъ — человѣкъ довольно компетентный въ этихъ дѣлахъ) скажетъ вамъ, что за такую цѣну могутъ пріобрѣтаться только отбросы книжнаго рынка — «залежалый товаръ». Правда, не всегда залежалость книги говоритъ за ея непригодность: спросъ, въ особенности на книжномъ рынкѣ, дѣло чрезвычайно капризное и зависитъ очень часто отъ такихъ причинъ, которыя съ достоинствами книги ничего общаго не имѣютъ. Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе этихъ «отбросовъ» можетъ быть иной разъ даже поставлено въ заслугу члену Совѣта, завѣдывающему покупкою и разсылкою книгъ. Но разъ такія книги отбросы, то пріобрѣтеніе ихъ — дѣло совершенной случайности: ихъ надо искать въ спеціальныхъ мѣстахъ для отбросовъ, и все-же только очень рѣдко натыкаться на что-нибудь пригодное для цѣлей разсылки. Отсутствіе подобныхъ пріобрѣтеній никоимъ образомъ нельзя поставить по этимъ при-

чинамъ въ чью-либо вину, а тѣмъ болѣе строить на немъ тяжкое обвиненіе въ недобросовѣстности безупречнаго до сихъ поръ общественнаго дѣятеля. Уступку, съ которой пріобрѣтались книги въ 1891 г. (15—30 процентовъ), надо признать очень значительной уступкой на книги, не потерявшія своей цѣны на книжномъ рынкѣ, причемъ 30% есть дѣйствительно тотъ предѣлъ уступки, которымъ, и то только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можно пользоваться при условіи пріобрѣтенія книгъ и непосредственно отъ издателей, что, какъ мы увидимъ ниже, и дѣлалось въ большинствѣ случаевъ. Этихъ однихъ доводовъ было-бы совершенно достаточно, чтобы видѣть, до какой степени основанія обвиненія стоятъ ниже всякой критики, но въ запасѣ имѣются доказательства еще болѣе убѣдительныя. Авторы записки, намѣренно или нѣтъ — не знаемъ, упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что складъ А. М. Калмыковой открылся не въ 1891 г., а въ февралѣ 1890 г., и что нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы Совѣтъ, въ лицѣ «торговой фирмы А. М. Калмыковой», задавшись цѣлью эксплуатировать средства Комитета, не занялся-бы этимъ выгоднымъ торговымъ предпріятіемъ сейчасъ-же послѣ открытія склада, а отложилъ-бы его на цѣлый годъ? И дѣйствительно, по справкамъ въ оправдательныхъ документахъ по покупкѣ книгъ въ 1890 г. оказывается, что уже и въ этомъ году книги, между прочимъ, пріобрѣтались и въ складѣ г-жи Калмыковой. Что всего интереснѣе, такъ это то, что именно тѣ книги, на которыя получена такая значительная уступка въ 75 и 80 процентовъ, частью пріобрѣтены черезъ посредство этого склада. Такимъ образомъ, авторамъ записки необходимо было взять для сравненія съ 1891 г. не 1890 г., а, напр., 1889 г., когда книжнаго склада г-жи Калмыковой еще не существовало, и сравнить выгодность пріобрѣтеній, дѣлавшихся въ 1891 г. черезъ книжный складъ А. М. Калмыковой, съ пріобрѣтеніями въ 1889 г. изъ другихъ магазиновъ. Исправляемъ ошибку г. Воленса и K° и по документамъ сравниваемъ пріобрѣтенія этихъ двухъ лѣтъ. Вотъ результаты этого сравненія.

Изъ общаго бюджета на пріобрѣтеніе книгъ для безплатной разсылки въ 1889 г.—1.945 р. 23 к.—пріобрѣтено черезъ посредство различныхъ магазиновъ *не ихъ изданій* на 724 р. 96 к., что составитъ болѣе 37% общаго бюджета. Книги на эту сумму пріобрѣтены съ среднею уступкою въ 15,2%. Въ 1891 г. въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой пріобрѣтено книгъ *не ея изданій* на 842 р. 27 к., что составляетъ менѣе 31,5% общаго бюджета этого года (2.674 р. 73 к.). Средній процентъ уступки съ номинальной цѣны—18,9. Такимъ образомъ, изъ сравненія этихъ годовъ оказывается, что въ послѣдній изъ нихъ въ складѣ г-жи Калмыковой пріобрѣтено книгъ *не ея изданій* *) относительно *менѣе*, чѣмъ тѣхъ-же изданій въ 1889 г. изъ другихъ магазиновъ, и притомъ съ значительно *большей* выгодой для Комитета. Остальныя книги въ оба года пріобрѣтались непосредственно у ихъ издателей съ уступкою отъ 20 до 30 процентовъ. Если-бы мы захотѣли заглянуть въ болѣе давнія времена и сравнить 1891 г., напр., съ 1886 г., то разницу въ пользу выгодности пріобрѣтеній 1891 г. получили-бы еще большую. Въ 1886 г., по справкамъ изъ документовъ, по-

*) Другихъ, впрочемъ, почти никакихъ и не пріобрѣталось, кромѣ изданій самого Комитета, находящихся на складѣ у г-жи Калмыковой.

купка книгъ доведена была до простоты удивительной. Завѣдывающій никакими мыслями и заботами объ удешевленіи покупки не задавался, а по просту, безъ лишней затѣи направлялъ всѣ свои заказы только въ два магазина: Глазунова и Фену, гдѣ и пріобрѣтено на 85,4% всего бюджета книгъ *не ихъ изданій*, и только на остальные 14,6% бюджета куплены книги изъ первыхъ рукъ, т.-е. изданія тѣхъ-же гг. Глазунова и Фену, причемъ средній процентъ уступки на первыя изъ нихъ всего 10,78 и даже собственныя изданія этихъ фирмъ пріобрѣтались со среднею уступкою всего въ 15,6%. Вотъ, что говорятъ безпристрастныя цыфры. Обвиненіе по второму пункту состоитъ въ томъ, что со времени открытія книжнаго склада А. М. Калмыковой исполненіе денежныхъ заказовъ Комитета, которое, какъ предполагается, исполняетъ складъ г-жи Калмыковой, уменьшается. Обвиненія подтверждаютъ выписками изъ отчетовъ, по которымъ значится, что въ 1878 г. исполнено такихъ порученій на 282 р. 7 к., въ 1888 г. на 134 р. 51 к., въ 1889 г.—на 225 р. 39 к., въ 1890 г.—на 410 р. 49 к. и въ послѣдній 1891 г. на 150 р. 13 к. Цыфры эти фигурируютъ въ качествѣ единственнаго доказательства обвиненія. Какимъ образомъ книжный магазинъ, которому поручается исполненіе заказовъ, можетъ вліять на уменьшеніе числа заказовъ — тайна эта извѣстна только гг. Воленсу и К°. Другое дѣло, если-бы они могли доказать, что многіе изъ заказовъ, поступившихъ въ Комитетъ, не были исполнены, но такого факта доказать нельзя по той простой причинѣ, что *всѣ* заказы, поступавшіе когда-либо въ Комитетъ, исполнялись. Правда, постоянный исполнитель такихъ заказовъ, въ данномъ случаѣ А. М. Калмыкова, могъ оказывать косвенное вліяніе на уменьшеніе случаевъ обращенія къ посредству Комитета провинціальныхъ заказчиковъ. Вліяніе это могло сказаться въ томъ случаѣ, когда магазинъ дѣлалъ на заказы или слишкомъ незначительную уступку, что отвадило покупателя отъ обращенія къ посредничеству Комитета, или-же, наоборотъ, уступка была на столько значительной, что заказчикъ, которому по счету, прилагаемому къ посылаемымъ книгамъ, видно, какой магазинъ исполнялъ его заказъ, могъ найти при слѣдующемъ заказѣ совершенно излишнимъ содѣйствіе Комитета и сталъ обращаться непосредственно въ складъ А. М. Калмыковой. По нашему мнѣнію, никакихъ другихъ средствъ вліянія на уменьшеніе заказовъ книгъ, дѣлаемыхъ Комитету со стороны магазина, исполняющаго эти заказы, не можетъ быть. Какая-же изъ двухъ вышеуказанныхъ причинъ могла имѣть мѣсто со времени исполненія заказовъ А. М. Калмыковой? Выше мы видѣли, что средній процентъ уступки, дѣлавшійся магазиномъ г-жи Калмыковой на книги, покупаемыя Комитетомъ для цѣлей безплатной разсылки, больше (18,9%) уступки всѣхъ другихъ магазиновъ (15,2%). Въ такихъ-же условіяхъ относительно размѣра уступки до открытія склада г-жи Калмыковой стояло и коммиссіонное дѣло Комитета, и потому, если существованіе магазина г-жи Калмыковой могло вліять на уменьшеніе заказовъ, то благодаря только значительности уступки. Заказчикъ могъ найти излишнимъ посредничество Комитета и сталъ обращаться съ своими требованіями прямо въ магазинъ г-жи Калмыковой. Происходило-ли дѣло такъ и въ дѣйствительности, сказать, конечно, трудно, тѣмъ болѣе, что на основаніи тѣхъ цыфръ, на которыя опираются обвинители, никому, находящемуся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, не придетъ на мысль

говорить объ уменьшенiи этой функцiи дѣятельности Комитета, ибо всякiй видитъ, что въ первый годъ дѣятельности склада г-жи Калмыковой (1890 г.) сумма стоимости исполненныхъ заказовъ дошла до такой величины, до какой не доходила ни въ одинъ изъ предшествующихъ лѣтъ, а соотвѣтственная цыфра 1891 г., если и понизилась, то во всякомъ случаѣ не на столько, какъ, напр., въ 1888 г. Кромѣ того, на пониженiе денежныхъ заказовъ 1891 г. могъ, да, вѣроятно, и повлiялъ голодъ и деревенское безснежье этого года.

Наконецъ, третiй и послѣднiй пунктъ обвиненiя касается того обстоятельства, что со времени открытiя склада г-жи Калмыковой (какъ видите — все прiурочивается къ этому факту), количество распродаваемыхъ Комитетомъ книгъ своего изданiя уменьшилось. До 1890 г. складомъ изданiй Комитета служилъ магазинъ г. Стасюлевича. Со времени открытiя магазина А. М. Калмыковой у Комитета существуютъ два склада его изданiй—прежнiй у г. Стасюлевича и новый у г-жи Калмыковой. Влiянiе А. М. Калмыковой на размѣръ сбыта комитетскихъ изданiй, само собою разумѣется, могло распространяться только въ предѣлахъ продажи этихъ изданiй изъ ея склада. Предположимъ, что А. М. Калмыкова, преслѣдуя своею торговлею народными изданiями цѣли личной наживы и не находя съ этой точки зрѣнiя выгоднымъ для себя дѣломъ продажу комитетскихъ изданiй, не продавала ихъ совсѣмъ въ своемъ магазинѣ *). Очевидно, что такое, болѣе чѣмъ странное отношенiе къ дѣлу, которое ей никто насильно не навязывалъ и отъ котораго она вольна была во всякую минуту отказаться, ни съ какой стороны не могло повлiять на размѣры операцiй съ изданiями Комитета въ старомъ складѣ г. Стасюлевича. Эти соображенiя указываютъ несомнѣнно, что на уменьшенiе количества распродаваемыхъ изданiй Комитета, если-бы таковое было, влiяли причины, не имѣвшiя никакой связи съ дѣятельностью склада А. М. Калмыковой, ибо по самой логикѣ вещей ясно, что, во-первыхъ, два склада больше одного и, во-вторыхъ,—два склада не могутъ при одинаковыхъ условiяхъ продать менѣе того количества, какое продавалось однимъ складомъ.

Можете-же судить теперь, насколько будутъ убѣдительны доводы, которые приводятся въ доказательство той мысли, что дважды два не четыре, а стеариновая свѣчка. Гг. Воленсъ, Гамзагурди, А. Васильевъ и Шелковскiй строятъ свое доказательство на сравненiи ряда цыфръ числа распродаваемыхъ изданiй Комитета въ послѣдовательный рядъ лѣтъ до и во время существованiя склада г-жи Калмыковой.

Цыфры эти слѣдующiя:

Въ 1885 г. продано изданiй Комитета		102.475 экз.
» 1886 » » » »		62.000 » **)
» 1887 » » » »		40.478 »

*) Предположенiе это, которое у г. Воленса и K° фигурируетъ въ качествѣ одного изъ обвинительныхъ пунктовъ, противорѣчитъ другому совершенно голословному обвиненiю этихъ господъ, въ которомъ они утверждаютъ, что г-жа Калмыкова брала въ свою пользу всѣ 35% съ номинальной цѣны комитетскихъ книгъ, изъ которыхъ, по условiю, она должна была уступать 30% покупателямъ.

**) Не имѣя подъ руками отчета о дѣятельности Комитета въ 1886 г., приводимъ эту цыфру по памяти, въ круглой цыфрѣ тысячъ.

Въ 1888 г. продано изданій Комитета	47.420	экз.
» 1889 » » » »	27.597	»
» 1890 » » » »	44.467	»
» 1891 » » » »	36.193	»

Если-бы мы задались цѣлью доказать мысль, совершенно обратную той, которую думаютъ доказать эти господа, и при этомъ были-бы мало разборчивы въ выборѣ средствъ доказательства, то несомнѣнно эти же цыфры могли-бы фигурировать, и, пожалуй, еще съ большимъ правомъ, чѣмъ тамъ, и у насъ. «Складъ А. М. Калмыковой,—сказали-бы мы тогда, — оказалъ существенную услугу въ сбытѣ изданій Комитета, ибо мы видимъ изъ отчета, что въ годъ, предшествующій открытію этого склада, 1889-й, изданій Комитета распродается всего 27.597 экз., со времени-же открытія склада (февраль 1890 г.) цыфра распроданныхъ книгъ сразу подымается до 44.467. Правда, 1891 г. даетъ опять пониженіе этой цифры до 36.193 экз., но кто-же не знаетъ, что 1891 г. былъ критическимъ годомъ для всѣхъ дѣлъ, разсчитанныхъ на потребности сельской народной школы?» Чѣмъ, позволяемъ себѣ спросить, эти разсужденія хуже разсужденій гг. Воленса, Гамзагурди и К°? Сами по себѣ, безъ сравненія съ тѣми, онѣ, конечно, тоже очень плохи, ибо каждый изъ насъ хорошо понимаетъ, что на сбытъ книгъ вліяетъ совокупность одновременно дѣйствующихъ причинъ, результатомъ которыхъ въ данномъ случаѣ и является этотъ рядъ цыфръ. Каждый изъ насъ понимаетъ, что, уловивъ какое-либо изъ тѣхъ многочисленныхъ иксовъ, которые могли вліять на результатъ, видѣть въ немъ единственную причину этого результата, значитъ грѣшить противъ самыхъ элементарныхъ требованій логики... Но, вотъ, г. Воленсъ и К° не понимаютъ этого... Или, быть можетъ, не въ ихъ цѣляхъ понимать?

Да простятъ насъ наши читатели за тѣ подробности, въ которыя мы сочли нужнымъ войти. Но что подѣлаешь, когда другихъ средствъ показать всю неправильность обвиненія у насъ не было. Въ утѣшеніе автору этой хроники остается та мысль, что, представляя читателю ея картину этихъ пререканій во всемъ ея непригляднομъ видѣ, онъ даетъ не только простой отчетъ происходившаго въ засѣданіи Комитета, но рисуетъ этими мелочами характеристику нравовъ вообще, а въ частности и комитетскихъ. Необходимо нужно пролить какъ можно болѣе яркій свѣтъ на всю эту исторію. Авторы всѣхъ этихъ обвиненій начитались, надо думать, много о Панамѣ и, соблазненные обличительной ролью депутата Деляге, задумали разыграть Панаму на почвѣ Комитета. Къ счастью, вся эта шумиха такъ несостоятельна, цѣли обвинителей до такой степени ярко выступаютъ сквозь всѣ щели и многочисленныя прорѣхи ихъ обвиненій; лицо, главнымъ образомъ задѣваемое ими, пользуется такимъ заслуженнымъ почетнымъ именемъ, какъ общественный дѣятель, что немного усилій требовалось, чтобы отдать должную дань справедливости обвинителямъ, которымъ не спалось спокойно до тѣхъ поръ, пока они не попытались, къ счастью неудачно, обвалять въ грязи имя честнаго и хорошаго человѣка.

Собраніе громаднымъ большинствомъ присутствующихъ, послѣ прочтенія вышеуказанныхъ пунктовъ обвиненія и объясненій на нихъ со стороны А. М. Калмыковой, выразило ей свое довѣріе и раздался цѣлый рядъ рѣчей, одна другой рѣзче, въ порицаніи гг. Воленса, Гамзагурди, А. Васильева и Шел-

ковскаго. По настоянію Совѣта и А. М. Калмыковой—передать разборъ записки особо избранной коммиссіи съ цѣлью отнять всякій поводъ къ разговору о томъ, что обвиненіе хотятъ замять, была избрана коммиссія изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Макерова, Свѣшникова, Д. Селиванова, Медвѣдева и Мякотина. На вакантныя мѣста товарища предсѣдателя и секретаря избранными оказались гг. Варгунинъ и Панкратьевъ. Конецъ засѣданія былъ посвященъ чтенію доклада В. П. Острогорскаго о присужденіи золотой медали П. В. Э. О. имени Погосскаго г. Мамину-Сибиряку за его разсказъ «Зимовье на Студеной». Собраніе единодушно согласилось съ мнѣніемъ докладчика и Совѣта.

Отчетъ коммиссіи С.-Петербургскаго Комитета грамотности по оказанію помощи народнымъ школамъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ сообщить общему собранію Комитета грамотности, что сумма заприходованныхъ коммиссіей доходовъ въ настоящее время уже достигла 11.984 р. 91 к. Съ каждымъ мѣсяцемъ сумма прихода все увеличивалась.

Къ засѣданію 10 ноября 1892 г. на приходѣ было.....	2.839 р. 74 к.
Съ 10 ноября по 8 декабря поступило...............	1.137 » 47 »
Съ 8 декабря по 11 января »	3.057 » 96 »
Съ 11 января по 9 февраля »	4.949 » 74 »
	11.984 р. 91 к.

Крупныя цыфры прихода за два послѣдніе мѣсяца обусловливаются, главнымъ образомъ, слѣдующими крупными пожертвованіями, о которыхъ еще не было доведено до свѣдѣнія общаго собранія:

1.400 р.—переданными *М. Н. Стоюниною* отъ остатковъ, собранныхъ ею въ прошломъ году и направленныхъ въ Оренбургскую губ. суммъ;

1.100 р.—пожертвованными *И. М. Сибиряковымъ;*

1.056 р.—пожертвованными *Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитомъ* и служащими въ Обществѣ пароходства и торговли;

1.455 р.—ассигнованными пасторомъ англо-американской конгрегаціи въ С.-Петербургѣ *А. Фрэнсисомъ*, по ходатайству коммиссіи, на школы Ефремовскаго у. Тульской губ.;

300 р.—полученными отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Спбургской судебной палаты;

150 р.—отъ С. А. Зиновьевой;

по *100 р.*: отъ Н. Н. Каретникова, Л. Д. Шварсалона, гг. Алчевскихъ, гг. Разумовскихъ и бр. Елисѣевыхъ;

по *50 р.*: отъ Томаса Торнтона изъ Лондона, Е. Ф. Гарднера, А. Н. Плещеева и И. В. Рукавишникова;

81 р. 33 к. отъ Е. П. Рѣпиной, въ два взноса;

30 р. отъ Е. И. Коптевой;

25 р. отъ кн. А. Д. Тенишевой;

по *15 р.* отъ О. В. Дмитріевой и К. А. Раухфуса;

20 р. отъ Н. Н. Быстровой, въ два взноса;

по *10 р.*: отъ В. П. Тарновской, О. К. Нечаевой, гг. Евдокимовыхъ, А. Г. Достоевской, П. С. Стасовой, Л. В. Иванова и г. Полетаева;

8 р. отъ А. В. Арцимовичъ;

по *6 р.*: отъ А. Ф. Дубовской и С. А. Вердтъ;

по *5 р.*: отъ А. П. Философовой, И. Г. Жуковскаго, К. К. Бауера, О. П. Зеленковой, Е. В. Протопоповой, А. И. Воейкова, В. Е. Введенскаго, В. В. Ольдерогге, И. А. Цандера.

Отъ неизвѣстныхъ лицъ получено: изъ Вильны—*6 р.*, изъ Боровичскаго уѣзда—*1 р.*, изъ кв. № 5, д. № 20, по Саперному пер.—*0.35 к.* и черезъ Д. Д. Протопопова *16 р. 65 к.* (въ два раза), Л. П. изъ Ташкента—*3 р.*

Отъ разныхъ лицъ: гг. Геннинга—5 р. 45 к., Попятиной — 50 к., св. Ермолова—3 р., Свѣшникова—9 р. 05 к., курьера Михайлова—1 р., Рейтлингера—1 р. 68 к., Измайлова—1 р. 68 к., Воеводской—2 р., Фесенка—3 р., Фохта—12 р., Кости Станюковича—1 р., Васильева—3 р., Протопоповой—1 р., Куломзиныхъ—2 р. и по подписному листу 10 ноября 1892 г.—*8 р.*, а всего *53 р. 86 к.*;

ежемѣсячные взносы членовъ коммиссій и другихъ лицъ—*66 р.*;

сборъ по квитанціоннымъ книжкамъ *232 р. 38 к.*; часть этого сбора, а кромѣ того сумма *84 р. 41 к.*, поступили благодаря содѣйствію Н. Г. Гарина и Н. М. Ядринцева;

отъ сбора среди учительницъ начальныхъ школъ г. С.-Петербурга, черезъ О. Х. Павловичъ—*51 р. 21 к.*;

отъ сбора въ гимназіи Я. Г. Гуревича—*56 р.*;

отъ сбора въ гимназіи М. Н. Стоюниной—*53 р. 22 к.*;

отъ сбора на новый годъ среди служащихъ въ главномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—*70 р.*

отъ сбора на домашнемъ спектаклѣ, черезъ Я. Г. Гуревича—*31 р. 60 к.*;

отъ служащихъ въ Бакинскомъ техническомъ Комитетѣ—*7 р.*;

отъ концерта, устроеннаго 3 февраля 1893 г. въ залѣ гимназіи М. Н. Стоюниной, черезъ Н. К. Лозинскую—*251 р. 80 к.*;

кромѣ того, заприходовано остатковъ по отчетности коммиссіи за прошлый сезонъ—*540 р.*

Изъ вышепоказанной суммы прихода 11.984 р. 91 к. на пособіе школамъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, ассигновано коммиссіей *8.810 р.*; кромѣ того, на единовременное пособіе *40 р.* и посланы авансы двумъ лицамъ, ассигновки которымъ будутъ сдѣланы коммиссіей въ слѣдующія засѣданія. Къ слѣдующему засѣданію Комитетъ грамотности секретарь коммиссіи предполагаетъ представить подробный отчетъ о положеніи школъ, которымъ помогаетъ коммиссія, я-же, съ своей стороны, могу теперь только перечислить тѣхъ лицъ, которымъ высылаются ежемѣсячныя пособія:

1) Н. В. Чехову—*150 р.* въ мѣсяцъ, на школы Богородицкаго уѣзда.

2) Е. М. Гревсъ—*30 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ с. Лутовиново, Бирюченскаго уѣзда.

3) Л. Н. Бобрищевой-Пушкиной—*60 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ с. Плоскомъ, Новосильскаго уѣзда.

4) Н. Ф. Цвиленеву—*70 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ с. Злобино-Варголъ, Елецкаго уѣзда.

5) В. Г. Черткову—*100 р.* въ мѣсяцъ, на школы Острогожскаго уѣзда.

6) Д. Д. Струнину—*50 р.* въ мѣсяцъ, на школу с. Данилова, Епифанскаго уѣзда.

7) С. Ф. Ветютневой — *195 р.* въ мѣсяцъ, на школы Ефремовскаго уѣзда, изъ суммъ, ассигнованныхъ пасторомъ Фрэнсисомъ.

8) Ю. Б. Филатовой—*60 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ с. Сосково, Кромскаго уѣзда.

9) М. Н. Михайловой — *90 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ д. Хитрое, Елецкаго уѣзда.

10) В. М. Науткиной—*135 р.* въ мѣсяцъ, на школы Чистопольскаго и др. уѣздовъ Казанской губерніи.

11) А. О. Аникиной—*50 р.* въ мѣсяцъ, на школу въ д. Пѣтухово, Курганскаго округа.

12) М. В. Орестову—*120 р* въ мѣсяцъ, на школы Ишимскаго округа.

13) И. П. Бѣлоконскому—*110 р.* въ мѣсяцъ, на школы Кромскаго и Мценскаго уѣздовъ.

14) А. В. Гизетти—*60 р.* въ мѣсяцъ, на школы Волчанскаго уѣзда.

15) М. И. Разумовской—*200 р.* въ мѣсяцъ, на школы Чистопольскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, мѣсячная выдача по ассигновкамъ коммиссіи составляетъ въ настоящее время сумму въ *1.480 р.* Въ послѣдующіе мѣсяцы сумма эта несомнѣнно будетъ возрастать, такъ какъ съ каждымъ мѣсяцемъ дѣятельность коммиссіи расширяется.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить увѣренность, что и поступленія пожертвованій въ коммиссію не оскудѣютъ и что *всѣ* члены Комитета грамотности будутъ, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать коммиссіи какъ собираніемъ пожертвованій, такъ и указаніемъ извѣстныхъ имъ школъ, нуждающихся въ помощи. Казначей коммиссіи **М. Лозинскій.**

9-го января 1893 г.

Отчетъ Сызранской воскресной женской школы за 1891—1892 годъ. (Первый годъ ея существованія).

14-го сентября 1891 г., съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ, открыта въ г. Сызрани, преподавательницею Сызранской женской гимназіи воскресная женская школа, помѣщающаяся въ III-мъ приходскомъ училищѣ. Матеріальныя средства школы въ моментъ ея открытія были самыя скромныя: они состояли изъ пожертвованій частныхъ лицъ деньгами и предметами. Изъ книгъ, пожертвованныхъ Х. Д. Алчевской и пріобрѣтенныхъ учредительницей школы, составилась библіотека въ 300 т. кн. Всѣхъ ученицъ, записавшихся въ школу при открытіи ея, было 90; являлись и еще желающія записаться, но имъ было отказано въ пріемѣ,—отчасти по недостаточности педагогическаго персонала школы, отчасти вслѣдствіе опасенія не справиться съ новымъ дѣломъ при бо̀льшемъ количествѣ ученицъ. Учащіяся были раздѣлены на 3 группы: 1 группа—взрослыхъ безграмотныхъ, въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ, въ которой было 22 уч., 2 группа—малолѣтнихъ безграмотныхъ, въ которой было 42 уч., возр. отъ 10 до 13 лѣтъ, 3 группа—грамотныхъ и полуграмотныхъ, въ которой было до 35 уч., въ возрастѣ отъ

12 до 16 лѣтъ. Въ началѣ учебнаго года группа малолѣтнихъ безграмотныхъ, для большей успѣшности занятій, была подраздѣлена, въ свою очередь, на 2 группы, по 21 уч. въ каждой. Всѣхъ преподающихъ въ школѣ было 14 чел. Занятія между учителями и учительницами распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Закономъ Божіимъ въ гр. грамотныхъ и полуграмотныхъ занимался законоучитель о. В. Д. Касаткинъ, въ гр. малол.—законоучитель М. А. Остроумовъ; чтеніемъ въ груп. взрослыхъ занимался учитель В. Л. Поляковъ, въ младшей груп. чтеніемъ занималась учит. А. И. Преображенская и учитель П. П. Архангельскій. Затѣмъ, въ половинѣ года, за отказомъ П. П. Архангельскаго, занятія были поручены учит. А. И. Рождественской. Объяснительнымъ чтеніемъ въ груп. грамотныхъ занималась преподавательница А. С. Дряхлова, ариѳметикой—въ младшей груп. учит. Е. И. Преображенская и уч. А. В. Прокофьевъ, ариѳметикой въ груп. взрослыхъ безграмотныхъ и въ груп. грамотныхъ занимался учит. К. Т. Почекуевъ. Письму въ младшей группѣ обучали учит. А. И. Преображенская и учитель И. Ѳ. Мордвинкинъ, затѣмъ. за болѣзнью его, учит. А. В. Рождественская. Въ группѣ взрослыхъ безграмотныхъ и грамотныхъ письмомъ занималась пр. А. С. Дряхлова. Въ гр. полуграмотныхъ занималась учительница Л. И. Фастрицкая. Предметы занятій въ школѣ были тѣ-же, что и въ начальныхъ народныхъ училищахъ: Законъ Божій, чтеніе, письмо и ариѳметика. Ученицы обучались также хоровому пѣнію, и въ началѣ года ученическимъ хоромъ руководилъ учит. П. П. Архангельскій, а затѣмъ, за его отказомъ, регентъ соборнаго хора Г. К. Опредѣленновъ. Запасной учительницей состояла надзирательница женской гимназіи М. И. Книзе. Почетной попечительницей школы состояла вдова коллежскаго совѣтника Л. А. Реутовская. Занятіямъ въ школѣ предшествовала выдача книгъ ученицамъ на домъ изъ библіотеки (отъ 11 до 12 ч.). Занятія въ школѣ, такимъ образомъ, начинались съ 12 часовъ утра и продолжались до 4 час. пополудни; отъ 4 до 5 ч. происходили уроки пѣнія. Всѣхъ учебныхъ воскресеній было 34. Въ теченіе учебнаго года ученицы, по возможности, аккуратно посѣщали школу, т.-е. въ школѣ всегда бывало не менѣе 60—70 уч.; бывали воскресенья, когда въ школѣ отсутствовало не болѣе 10-ти чел. Не смотря на неблагопріятныя домашнія обстоятельства, охота ученицъ къ занятіямъ въ теченіе учебнаго года не ослабѣвала, напротивъ—росла и укрѣплялась. Многія ученицы, въ нынѣшнюю холодную зиму, плохо одѣтыя, въ кофточкахъ, безъ теплой обуви, приходили въ школу очень издалека. На Рождествѣ, 3-го января, была устроена, на частныя пожертвованія, для ученицъ недорогая ёлка, причемъ было и чтеніе съ туманными картинами. Надо было видѣть радость бѣдныхъ дѣвочекъ, да и взрослыхъ ученицъ, никогда не видавшихъ туманныхъ картинъ! Ихъ восторгу не было конца... Каждая ученица получила на ёлкѣ книжку на память. Многія изъ ученицъ разсказывали, что онѣ хранятъ не только полученную книгу, но даже и конфекты съ ёлки. Вообще этотъ первый праздникъ нашей школы оставилъ самое пріятное и прекрасное воспоминаніе не только среди ученицъ, но и среди насъ, учащихъ. Здѣсь, на этомъ праздникѣ, мы живѣе почувствовали ту крѣпкую нравственную связь, которая возникала и соединяла насъ съ ученицами... Въ 22-ое воскресенье былъ пройденъ весь алфавитъ и бывшія безграмотныя приступили къ чтенію. 19-го апрѣля 1892 г. Сызранскую воскресную школу

посѣтилъ г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, былъ на урокахъ во всѣхъ отдѣленіяхъ и группахъ, спрашивалъ самъ ученицъ по Закону Божію и ариѳметикѣ, заставлялъ читать ученицъ, которыя поступили въ школу безграмотными; въ группѣ грамотныхъ были предложены вопросы изъ историческихъ статей, которыя были читаны въ теченіе года. Ученицы отвѣчали такъ, что заслужили похвалу и одобреніе. Г. попечитель спрашивалъ, когда открыта школа, и сказалъ, что успѣхи и результаты, достигнутые школой, весьма значительны. Затѣмъ г. попечитель выразилъ благодарность всѣмъ участвующимъ въ занятіяхъ школы.

Завѣдывающая школой **А. С. Дряхлова.**

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь,

Яковъ Григорьевичъ!

Такъ какъ многіе иногородные педагоги обращаются въ «Отдѣлъ Коменскаго» съ выраженіемъ желанія принять участіе въ общемъ трудѣ по переводу сочиненій Коменскаго съ латинскаго или съ чешскаго на русскій языкъ, причемъ спрашиваютъ о томъ, *что именно уже переведено или еще переводится*, то я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою припечатать въ вашемъ столь распространенномъ журналѣ прилагаемый списокъ сочиненій, въ видѣ справки для лицъ, которыя пожелаютъ остановить свое вниманіе на сочиненіяхъ, еще не нашедшихъ переводчика среди членовъ Отдѣла. О сдѣланномъ ими выборѣ такія лица, вѣроятно, не откажутъ сообщить Отдѣлу къ свѣдѣнію.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренней преданности,

вашъ покорнѣйшій слуга *Л. Моздалевскій.*

Сочиненія Я. А. Коменскаго.

А. Переведенныя и переводимыя съ латинскаго на русскій языкъ:

1) Didactica magna—А. Д. Щепинскаго.
2) Schola materni gremii (съ нѣмец. ориг.)—М. Н. Воскресенской.
3) De ingeniorum cultura—Л. Н. Модзалевскаго.
4) Leges bene ordinatae scholae—П. Ф. Каптерева.

Б. Находящіяся въ переводѣ съ латинскаго или съ чешскаго оригинала:

1) Unum necessarium—В. А. Воскресенскій.
2) E scholasticis labyrinthis exitus—М. Н. Воскресенская.
3) Scholae vernaculae delineatio—В. Д. Сиповскій.
4) Prodromus pansophiae—И. А. Шляпкинъ.
5) Methodus linguarum novissima—Н. А. Ястребовъ.
6) Fortius redivivus s. de pellenda scholis ignavia—Я. Г. Гуревичъ.
7) Scholae pansophicae delineatio—Н. С. Карцевъ и В. С. Мирошниковъ.
8) De vera nomenclatura rerum—А. И. Гольденбергъ.
9) De ingenio colendi primario instrumento libri—Л. Н. Модзалевскій.
10) Praecepta morum in usum juventuti collecta—П. И. Греве.
11) Labyrint swěta—А. Л. Петровъ (подъ редакціей).
12) Біографія Коменскаго—Н. А. Ястребовъ.

8-го февр. 1893 г.

Протоколы перваго общаго учредительнаго собранія и засѣданій Правленія С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Протоколъ перваго общаго учредительнаго собранія С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи, происходившаго въ залахъ Петровскаго коммерческаго училища 17-го января 1893 года, въ 2 ч. дня.

Предсѣдательствовалъ И. Ѳ. Рашевскій, бюро собранія составляли: Я. Г. Гуревичъ, Я. Д. Смирновъ, В. Г. Яроцкій и Ѳ. С. Матвѣевъ. Членовъ, участвовавшихъ въ собраніи, было 204 и внесено 1.781 руб. 50 коп. *).

Засѣданіе открыто было молебствіемъ, совершеннымъ протоіереемъ Образцовымъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всѣмъ членамъ Царствующаго Дома. Послѣ сего предсѣдатель объявилъ засѣданіе открытымъ и предложилъ выразить благодарность иниціатору дѣла Ѳ. С. Матвѣеву, что и было исполнено всѣми присутствовавшими. Затѣмъ Ѳ. С. Матвѣевъ поблагодарилъ Собраніе за участіе къ дѣлу взаимопомощи. І. Д. Смирновъ предложилъ поблагодарить И. Ѳ. Рашевскаго, постоянно оказывавшаго содѣйствіе членамъ-учредителямъ и предоставлявшаго помѣщеніе для собраній Общества.

Послѣ этого предложено приступить къ выборамъ, которые послѣ непродолжительныхъ преній были произведены по способу, предложенному учредителями. Выборы въ члены Правленія, въ кандидаты къ нимъ и ревизіонную коммиссію дали слѣдующіе результаты, объявленные Я. Г. Гуревичемъ, которому прежній предсѣдатель И. Ф. Рашевскій передалъ свои полномочія, оставляя засѣданіе.

Въ члены Правленія избраны:

1) Ѳ. С. Матвѣевъ (174 гол.), 2) И. Ѳ. Рашевскій (153 гол.), 3) Яроцкій (147 гол.), 4) І. Д. Смирновъ (139 гол.), 5) Я. Г. Гуревичъ (137 гол.), 6) Е. П. Рѣпина (134 гол.), 7) А. М. Васильевъ (113 гол.), 8) Вѣтвѣницкій (106 гол.), 9) Скалонъ (90 гол.), 10) Папкова (90 гол.), 11) Арепьевъ (87 гол.), 12) Моревъ (83 гол.).

Въ кандидаты членовъ Правленія: 1) Руссетъ (75 гол.), 2) Романовскій (70 гол.), 3) Розе (69 гол.), 4) Блумбергъ (65 гол.), 5) Михельсонъ (58 гол.) и 6) З. Б. Вулихъ (56 гол.).

---

*) Пожертвовано 1.000 руб. г. Михельсономъ и 200 руб. г. Гуревичемъ (остальное—членскіе взносы), за что жертвователямъ была выражена общая благодарность.

Въ члены ревизіонной коммиссіи: 1) баронъ Гердъ (44 гол.), 2) Артемьевъ (36 гол.), 3) Корневъ (32 гол.) и въ кандидаты къ нимъ Вальденбергъ (22 гол.).

За предсѣдателя собранія Я. Гуревичъ.

В. Яроцкій.	И. Розе.
Ѳ. Матвѣевъ.	Т. Дулетова.
Н. Коломейцовъ.	Синицына.
И. Петровскій.	Л. Моралева.
П. Лованова.	А. Стацевичъ.
А. Киселевъ.	Г. Нонкъ.
О. Павловичъ.	В. Ганъ.
П. Шляпкинъ.	С. Агриколянскій.
Рѣпина.	Гедстремъ.
О. Бостремъ.	Моревъ.
Л. Ускова.	С. Григорьевъ.
Бевалоевъ.	Алексѣй Соколовъ.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданія Правленія С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

20-го января 1893 года.

Присутствовали: исполнявшій обязанности предсѣдателя Правленія Я. Г. Гуревичъ.

Члены Правленія: Н. Ѳ. Арепьевъ, А. М. Васильевъ, П. И. Вѣтвѣницкій, Ѳ. С. Матвѣевъ, Е. П. Рѣпина, И. В. Руссетъ, Н. Н. Скалонъ, І. Д. Смирновъ, В. Г. Яроцкій.

Кандидатъ Правленія М. Г. Романовскій.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Засѣданіе открылось выборами: предсѣдателя Правленія, товарища предсѣдателя, казначея и секретаря.	Избраны: Предсѣдателемъ Правленія И. Ѳ. Рашевскій, товарищемъ предсѣдателя Я. Г. Гуревичъ, казначеемъ І. Д. Смирновъ, секретаремъ Ѳ. С. Матвѣевъ.
Выслушано было заявленіе Ѳ. С. Матвѣева о томъ, что О. А. Папкова, за недостаткомъ времени, не можетъ принять на себя обязанности члена Правленія.	Постановлено: Просить перваго кандидата И. В. Руссета принять на себя обязанности члена Правленія.
Членомъ Правленія Я. Д. Смирновымъ намѣченъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся организаціи и дѣятельности Правленія. По ознакомленіи членовъ Правленія съ этими вопросами, оказалось, что подробное	

обсужденіе многихъ изъ нихъ требуетъ продолжительнаго времени, отдѣльныхъ справокъ и изысканія цѣлесообразныхъ пріемовъ, а потому опредѣлено остановиться въ настоящемъ засѣданіи только на нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ вопросовъ и подвергнуть ихъ обсужденію и рѣшенію, остальные-же — внести въ будущія засѣданія Правленія—для обсужденія въ послѣдовательной постепенности. Такимъ образомъ, рѣшены слѣдующіе вопросы:

а) Вопросъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются на практикѣ для желающихъ поступить въ число членовъ Общества.

Постановлено: Для большаго удобства сбора членскихъ взносовъ принять слѣдующія мѣры: а) объявить въ газетахъ адреса членовъ Правленія, при посредствѣ которыхъ можно записаться въ члены Общества; б) озаботиться заготовленіемъ квитанціонныхъ книжекъ и раздать ихъ какъ членамъ Правленія, такъ и кандидатамъ.

b) Вопросъ о необходимости установленія 2-хъ печатей Общества и напечатанія бланокъ съ наименованіемъ Общества.

Постановлено: Заказать двѣ печати и бланки разнаго формата.

с) Вопросъ о приглашеніи въ засѣданія Правленія гг. кандидатовъ для содѣйствія общему дѣлу.

Постановлено: Гг. кандидатовъ приглашать на засѣданія и просить ихъ принять участіе въ дѣятельности Правленія.

Секретарь Ѳ. Матвѣевъ.

29-го января 1893 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Правленія И. Ѳ. Рашевскій.

Члены Правленія: Я. Г. Гуревичъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, А. М. Васильевъ, П. И. Вѣтвѣницкій, Ѳ. С. Матвѣевъ, Е. П. Рѣпина, И. В. Руссетъ, І. Д. Смирновъ, Н. Н. Скалонъ, В. Г. Яроцкій.

Кандидатъ Правленія М. Г. Романовскій.

СЛУШАЛИ:

Казначеемъ заявлено было о необходимости открыть текущій счетъ въ какомъ-либо изъ банковъ.

ПОСТАНОВИЛИ:

Постановлено: Войти въ сношеніе съ Волжско-Камскимъ банкомъ, открыть въ немъ текущій счетъ на имя С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи, причемъ всѣ операціи по вкладамъ и по те-

кущему счету предоставить вести казначею Общества, Іасону Дмитріевичу Смирнову, за подписью его, казначея, и члена Правленія Өедора Семеновича Матвѣева. Всѣ расходы, сопряженные съ открытіемъ текущаго счета, утвердить.

Заявлено было о необходимости пріобрѣтенія книгъ для веденія дѣлъ Правленія.

Постановлено: Пріобрѣсти слѣдующія книги: алфавитную, книгу для протоколовъ, приходо-расходную книгу, квитанціонную и книгу для единовременныхъ взносовъ и пожертвованій и иныхъ поступленій.

Въ виду того, что имѣющіяся уже на рукахъ у членовъ Правленія квитанціонныя книжки представляютъ на практикѣ большія неудобства, такъ какъ въ нихъ нельзя обозначить ежемѣсячныхъ взносовъ, на усмотрѣніе Правленія представленъ былъ Ө. С. Матвѣевымъ новый образецъ квитанціонной книжки, наиболѣе соотвѣтствующей цѣлямъ Общества.

Постановлено: Напечатать квитанціонныя книжки предложеннаго образца.

Возбужденъ былъ вопросъ: можно-ли выдавать членамъ Общества квитанціонныя книжки для сбора членскихъ взносовъ?

Постановлено: Раздать квитанціонныя книжки для сбора членскихъ взносовъ не только членамъ Правленія и кандидатамъ, но и членамъ Общества, уполномоченнымъ на сіе Правленіемъ, согласно § 13 устава.

Заявлено о расходахъ, произведенныхъ по открытію 1-го общаго собранія въ размѣрѣ 20 рублей.

Постановлено: Утвердить таковые расходы.

Секретарь Ө. Матвѣевъ.

8-го февраля 1893 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Правленія И. Ө. Рашевскій.

Члены Правленія: Я. Г. Гуревичъ, П. И. Вѣтвѣницкій, А. М. Васильевъ, Н. Ө. Арепьевъ, Ө. С. Матвѣевъ, І. Д. Смирновъ, И. В. Руссетъ, Е. П. Рѣпина, Д. Д. Моревъ.

Кандидатъ Правленія Н. О. Розе.

СЛУШАЛИ.

И. В. Руссетомъ заявлено было, что, по наведеннымъ имъ справкамъ, нѣкоторые магазины соглашаются членамъ нашего Общества дѣлать скидки

ПОСТАНОВИЛИ:

Постановлено: Просить И. В. Руссета войти въ сношеніе съ магазинами, желающими дѣлать уступки членамъ Общества съ своихъ това-

отъ 5% до 50% съ установленной цѣны товаровъ.

Заявлено было о неудобствѣ собирать членскіе взносы по мѣсяцамъ съ лицъ, занимающихся частной педагогической дѣятельностью.

Въ виду того, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ еще до сихъ поръ неизвѣстно объ открытіи нашего Общества, было высказано, что разсылка циркуляра съ приложеніемъ экземпляра устава по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ представляется мѣрой весьма полезной.

Обсуждался вопросъ о помѣщеніи основного капитала въ болѣе выгодныя государственныя %% бумаги.

Былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ концерта въ пользу Общества. При этомъ было высказано, что нельзя задаваться устройствомъ большого концерта въ Дворянскомъ Собраніи, потому что время для такихъ большихъ вечеровъ неблагопріятно, а остановиться на устройствѣ небольшого литературно-музыкальнаго вечера. Для окончательнаго обсужденія этого вопроса избрана коммиссія изъ трехъ лицъ—А. М. Васильева, Я. Г. Гуревича и И. В. Руссета.

ровъ, и выяснить, при какихъ условіяхъ будетъ производиться эта скидка.

Постановило: Съ лицъ, занимающихся частной педагогической дѣятельностью, при поступленіи ихъ въ члены Общества, требовать полнаго членскаго взноса въ видѣ единовременнаго взноса.

Постановлено: Составить списокъ всѣхъ учебныхъ заведеній города Петербурга, напечатать циркуляръ съ указаніемъ адресовъ членовъ Правленія и разослать по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ съ приложеніемъ экземпляра устава.

Постановлено: Пріобрѣсти бумаги 5% желѣзнодорожной ренты.

Постановлено: Просить коммиссію къ слѣдующему засѣданію представить свои соображенія по устройству концерта.

Секретарь Ѳ. Матвѣевъ.

17-го февраля 1893 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Правленія И. Ѳ. Рашевскій.

Члены Правленія: Я. Г. Гуревичъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, А. М. Васильевъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, Е. П. Рѣпина, И. В. Руссетъ, І. Д. Смирновъ, Н. Н. Скалонъ.

Кандидаты Правленія: К. М. Блумбергъ, Н. О. Розе, М. Г. Романовскій.

СЛУШАЛИ:

Обсуждался вопросъ о необходимости назначенія и опредѣленія времени и мѣста чрезвычайнаго собранія. Предметы занятій 2-го Общаго Собранія намѣчены слѣдующіе:

ПОСТАНОВИЛИ:

Постановлено: Назначить 2-е Общее Собраніе на 7-е сего марта, въ часъ дня, въ помѣщеніи Петровскаго училища.

О днѣ, мѣстѣ и вопросахъ, подле-

а) Избраніе Предсѣдателя сего собранія изъ числа явившихся членовъ Общества (§ 35).

б) Перебаллотировка членовъ ревизіонной коммиссіи.

в) Избраніе почетныхъ членовъ Общества.

г) Разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты расходовъ на 1893 годъ и заявленіе о состояніи капиталовъ Общества къ 1-му сего марта (§§ 36, 6, 7).

д) Опредѣленіе на 1893 годъ примѣрнаго размѣра разнаго рода пособій (§§ 18, 19, 36).

е) Общій отчетъ о дѣятельности Правленія за первые полтора мѣсяца существованія Общества и заявленія о предположеніяхъ и мѣрахъ Правленія, могущихъ содѣйствовать достиженію основной цѣли Общества (§ 36).

Къ повѣсткамъ гг. членамъ Общества предложено І. Д. Смирновымъ добавить еще слѣдующее дополненіе:

На основаніи § 33 Устава, чтобы Общее Собраніе состоялось, требуется присутствіе половины находящихся въ С.-Петербургѣ членовъ. Но такъ какъ Правленію относительно многихъ членовъ неизвѣстно, проживаютъ-ли они въ настоящее время въ С.-Петербургѣ, или нѣтъ, то Предсѣдатель покорнѣйше проситъ тѣхъ гг. членовъ, которые хотя и проживаютъ здѣсь, а въ собраніе пожаловать не могутъ, увѣдомить о томъ его, Предсѣдателя, до полудня того-же числа. Затѣмъ, лица, которыя не явятся въ Собраніе и означенныхъ заявленій не пришлютъ, будутъ считаться не находящимися въ С.-Петербургѣ, и Собраніе состоится какъ окончательное.

Было высказано желаніе, чтобы всѣ постановленія Правленія печатались въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ.

Коммиссія по устройству литера-

жащихъ обсужденію во 2-мъ Общемъ Собраніи, довести до свѣдѣнія С.-Петербургскаго градоначальника, согласно § 32.

О томъ-же извѣстить членовъ Общества повѣстками.

Постановлено: Дополненіе напечатать въ повѣсткахъ. Напечатать также списокъ членовъ Общества по 1-е марта 1893 г. Списокъ этотъ приложить къ повѣсткамъ.

Напечатать къ 7-му сего марта: а) адресы магазиновъ, изъявившихъ готовность сдѣлать уступки гг. членамъ Общества; б) чековыя книжки для магазиновъ, дѣлающихъ уступки при покупкѣ изъ этихъ магазиновъ.

Постановлено: Всѣ протоколы засѣданій Правленія печатать въ журналѣ «Русская Школа».

Постановлено: Принять это пред-

турно-музыкальнаго вечера, предложила: съ билетовъ членамъ Общества дѣлать скидки 25°/o.

Возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ «Бюро», въ которомъ-бы могли записываться лица, ищущія преподавателей или преподавательницъ для занятія съ ихъ дѣтьми по предметамъ начальнаго и средняго образованія. Причемъ выяснилось, что было-бы цѣлесообразно основать таковое бюро при Петровскомъ училищѣ; завести книгу для записей и организовать дежурства гг. членовъ Правленія по воскреснымъ днямъ, отъ 2—4 ч.

Обсуждался вопросъ о размѣрѣ пособій на 1893 г. нуждающимся членамъ Общества.

Правленіе обсуждало вопросъ о размѣрѣ суммы, потребной на расходы по дѣламъ Общества на 1893 г.

ложеніе и устроить литературно-музыкальный вечеръ 14-го сего марта.

Постановлено: Напечатать въ газетахъ слѣдующее заявленіе:

Правленіе Педагогическаго Общества взаимной помощи симъ извѣщаетъ, что еженедѣльно, по воскреснымъ днямъ, отъ 2—4 ч. пополудни, одинъ изъ членовъ Правленія будетъ принимать въ канцеляріи Петровскаго училища (Фонтанка, д. 62) лицъ, желающихъ получить какія-либо разъясненія по дѣламъ Общества. Здѣсь-же даются указанія относительно преподавателей и преподавательницъ, имѣющихъ свободное время для занятій по предметамъ начальнаго и средняго образованія.

Постановлено: Предложить Общему Собранію: постоянныхъ пособій въ этомъ году не выдавать; единовременныя-же выдавать не свыше 50 рублей.

Постановлено: Испросить въ Общемъ Собраніи 120 р. на единовременные расходы по учрежденію и открытію дѣйствій Общества и 80 рублей на текущіе расходы Правленія на 1893 годъ.

Секретарь Ѳ. Матвѣевъ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

М. Ф.
БЕНДИНСКОЕ VII КЛАССНОЕ
Коммерческое Училище

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ СВѢТѢ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ-САМОУЧИТЕЛЬ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ 6 ЯЗЫКОВЪ

французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, шведскаго и (для иностранцевъ) русскаго,

подъ редакціей О. МАКСИМОВОЙ, подъ названіемъ:

УЧИТЕЛЬ-ЛИНГВИСТЪ,

выходящій въ видѣ ДВУХЪ курсовъ, издается по слѣдующей программѣ:

КУРСЪ I—для дѣтей и взрослыхъ — начинающихъ изученіе (русскихъ и иностранцевъ).

Въ практическомъ отношеніи курсъ этотъ вполнѣ замѣняетъ какъ всѣ существующіе учебники, такъ и разговорные уроки, такъ какъ, отвѣчая на задаваемые въ журналѣ вопросы, ученику приходится разсуждать о прочитанномъ, и поэтому невольно употреблять слова и выраженія, которыми данный фактъ выраженъ въ разсказѣ, не замѣчая въ этой бесѣдѣ преднамѣренности вопросовъ. Для самостоятельныхъ работъ, дано все необходимое: примѣчанія, слова, произношеніе ихъ, вопросы и для провѣрки работы «Ключъ». Отвѣты на вопросы подписчиковъ и пр.

Цѣна за первый (1890) годъ съ пер. (6 №№ оба курса вмѣстѣ). 2 р.

Цѣна за второй (1891) годъ съ перес. (12 №№) . . . . 4 р.

Цѣна за третій (1893) годъ съ перес. (12 №№) . . . . 4 р.

КУРСЪ II—для нѣсколько знающихъ языкъ, для усовершенствованія.

По каждому языку даются романы, разсказы, повѣсти, стихотворенія и пр. съ переводомъ всего затруднительнаго и необходимыми примѣчаніями.

На языкахъ, наиболѣе употребительныхъ въ коммерческихъ сношеніяхъ, даются образцы писемъ, телеграммъ, дѣловыхъ бумагъ, счетовъ и пр. съ переводомъ на русскій. Военные діалоги. Статьи по методикѣ языкознанія. Новости лингвистики. Рецензіи. Отвѣты на вопросы подписчиковъ и пр.

Въ тоже время курсъ II-й можетъ служить и какъ чисто литературный журналъ для интереснаго чтенія на этихъ языкахъ.

Цѣна за первый (1890) годъ съ пер. (6 №№ оба курса вмѣстѣ). 2 р.

Цѣна за второй (1891) годъ съ перес. (6 №№). . . . . 2 р.

Цѣна за третій (1893) годъ съ перес. (12 №№) . . . . 4 р.

Цѣль журнала—пріучить путемъ практики къ самостоятельному чтенію книгъ на этихъ языкахъ, къ разговорной рѣчѣ и употребленію ихъ грамматики.

Громадный успѣхъ перваго же года, заставившій выпустить въ самое непродолжительное время ТРИ ИЗДАНІЯ (готовится 4-е—стереотипное), доказалъ на дѣлѣ, насколько цѣлесообразны задачи журнала и ихъ выполненіе. Всѣ три года журнала представляютъ полный практическій самоучитель этихъ языковъ и служатъ одинъ продолженіемъ другого.

Красивый переплетъ для каждаго тома 1 р. съ пересылкою.

Редакція и главная контора: С.-Петербургъ. Невскій, 108.

Отдѣленіе конторы: Москва, Срѣтенка, домъ Шагаева.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПИСЕМЪ: Главная контора журн. „Учитель-Лингвистъ“.

С.-Петербургъ, Невскій, № 108.

1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

НА

ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

выходящую въ Казани ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и проч.

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концерты, музыкальные вечера и проч.

Ежедневное обозрѣніе текущей международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Народное образованіе и педагогика.

Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлію дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами.

Справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, Н. Г. Гаринъ, А. С. Гацискій, В. А. Гольцевъ, И. М. Гвоздевъ, проф. Ѳ. Г. Дормидонтовъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, Н. Я. Капустина, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, проф. Ѳ. Г. Мищенко, А. Д. Мысовская, проф. Е. А. Нефедьевъ, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, проф. В. Л. Орловъ, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, М. И. Поповъ (Анд. Любый), Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Е. Н. Чириковъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Н. Ѳ. Юшковъ, Н. Н. Ѳирсовъ, и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для ИНОГОРОДНИХЪ, съ пересылкой: на годъ—9 руб., на полгода—5 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 75 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб. Допускается слѣдующая разсрочка платы: при подпискѣ вносятся 5 руб., къ 1 мая—4 руб. Для священниковъ, народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

Гг. иногородные подписчики требованіе на газету и высылку денегъ благоволятъ адресовать слѣдующимъ образомъ: *Казань, редакціи «Волжскаго Вѣстника»*.

Редакторъ-Издатель Н. Рейнгардъ.

3—3.

„ИЗВѢСТІЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ».

«Извѣстія», издаваемыя подъ редакціей Совѣта Общества, выходятъ выпусками отъ четырехъ до шести въ годъ, изъ которыхъ къ концу года составляется томъ не менѣе 20-ти листовъ. «Извѣстія» раздѣляются на два отдѣла:

1) Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются научныя и педагогическія статьи изъ области физико-математическихъ наукъ, читанныя въ засѣданіяхъ Общества.

2) Второй отдѣлъ содержитъ: а) Лѣтопись Физико-математическаго Общества (протоколы засѣданій, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества, годичные отчеты, списки книгъ и періодич. изд., поступившихъ въ библіотеку Общества и т. п. б) Библіогр. отзывы и замѣтки о вновь появляющихся въ России и заграницею соч. по физико-математическимъ наукамъ. Научныя новости. в) Задачи и вопросы, предлагаемые для рѣшенія, и рѣшенія ихъ.

Въ «Извѣстіяхъ» могутъ быть съ разрѣшенія Совѣта помѣщаемы объявленія библіогр. и другія, имѣющія отношеніе къ физико-математич. наукамъ. Члены Физико-математическаго Общества пожизненные, а равно и уплатившіе установленный членскій взносъ за предъидущій годъ, получаютъ Извѣстія безплатно.

Для постороннихъ лицъ подписная цѣна на «ИЗВѢСТІЯ» въ годъ 3 р. (съ доставкою и пересылкою).

Подписка принимается предсѣдателемъ Физико-математическаго Общества проф. **А. В. Васильевымъ** и секретаремъ Общества **М. С. Сегелемъ** (Университетъ), а также въ Казани книжными магазинами **А. А. Дубровина** и **Н. Я. Башмакова**, въ С.-Петербургѣ у **А. С. Суворина**, **М. М. Стасюлевича**, **К. Л. Риккера** и **Н. П. Карбасникова**.

Первую серію «Извѣстій» составляютъ восемь томовъ собранія протоколовъ засѣданій секціи физико-математическихъ наукъ «Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ». 1—1.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіэны и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1893 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекшемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.).

1—3

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

УЧЕБНИКЪ АРИѲМЕТИКИ

С. И. ШОХОРЪ-ТРОЦКАГО,

съ прилож. дополнительныхъ статей. **Изд. 2-ое, значительно исправленное** и **заново-обработанное**. Стр. 8 ненум.+199 in VIII°. Спб. 1892. Цѣна 65 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **одобренъ** *въ качествѣ* **учебнаго руководства** *при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.*

Скады изданій Шохоръ-Троцкаго: 1) въ Москвѣ у Карцева (Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной), въ Спб.—у Панафидина (внутри Гостинаго двора, № 27).

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

пятый томъ «ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ», издаваемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣева. Цѣна 2 руб. (складъ при типографіи М. М. Стасюлевича. Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28).

СОДЕРЖАНІЕ:

Е. Н. Щепкинъ. Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами средняго образованія вообще. — **С. В. Рождественскій.** Царь В. И. Шуйскій и боярство. — **Н. П. Любовичъ.** Новый французскій трудъ по исторіи Пруссіи.—**М. М. Ковалевскій.** Зарожденіе республиканской партіи во Франціи.—**Е. Ф. Шмурло.** Русская исторія на Московской географической выставкѣ 1892 г.—**П. Г. Виноградовъ.** Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ.—Историческая хроника. Критика: **П. Н. Ардашевъ.** Новое пособіе по исторіи французской революціи.—**О. П. Герасимовъ.** Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ. — **Н. И. Карѣевъ.** Новая постановка матеріальной исторіи. —**С. Л. Пташицкій.** Перечень польскихъ историческихъ книгъ за 1891—1892 годы. Перечень историческихъ статей въ общихъ журналахъ за 1891 годъ. — **В. И. Модестовъ.** Н. М. Благовѣщенскій. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Историч. Общества въ октябрѣ 1892 г.

Имѣются въ продажѣ первые четыре тома «Историч. Обозрѣнія».